

5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes

5th INTERNATIONAL CONGRESS OF ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

Kazakhstan, Turkistan, 11–14 October, 2022

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-59-1

Eurasian steppe civilization: *human and the historical and cultural environment*

ISBN 978-601-7106-59-1

9 786017 106591

official website of the Margulan Institute of Archaeology:
<https://archaeolog.kz/>

official website of the Khoja Ahmed Yasawi International
Kazakh-Turkish University:
<https://ayu.edu.kz>

official website of the A.Kh. Khalikov Institute
of Archaeology:
<http://archtat.ru>

official website of the International Institute
for Central Asian Studies:
<https://www.unesco-icas.org>

V

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Татарстан Республикасы Ғылым академиясының А.Х. Халиков атындағы Археология институты
Орталық Азиялық зерттеулер халықаралық институты
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Түркістан облысының әкімдігі
Қазан федералдық университеті
Ресей Ғылым академиясының Археология институты (РҒА АИ)
РҒА Сібір бөлімінің Археология және этнография институты
РҒА Ұлы Петр атындағы Антропология және этнография музейі (Кунсткамера)
РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты
РҒА Сібір бөлімінің Моңғолтану, буддология және тибетология институты
РҒА ҚБ Қиыр шығыс халықтарының тарих, археология және этнография институты
Алтай мемлекеттік университеті
Ұлттық археологиялық институты мен музейі (Болгария)

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта

Еуразия даласы археологиясы
V халықаралық конгресінің материалдары

(Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.)

5-том

Алматы – Түркістан
2022

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4
Е 89

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің
бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН OR11465466 жобасы аясында
басылып шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор

А. Оңғар, тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры

Жауапты редакторлар:

Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі
А.Ғ. Ситдиқов, тарих ғылымдарының докторы, ТР ҒА корреспондент мүшесі
Д.А. Воякин, тарих ғылымдарының кандидаты

Рецензенттер:

М.Е. Елеуов, тарих ғылымдарының докторы, профессор
Т.В. Савельева, тарих ғылымдарының докторы

Редакциялық алқа:

Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты; И.В. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты,
философия докторы (PhD); Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ә.М. Манапова,
тарих ғылымдарының кандидаты; Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты;
Т.Н. Лошакова; Д.А. Байтілеу, тарих ғылымдарының кандидаты; Е.Ш. Ақымбек, философия
докторы (PhD); Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD);
А.Қ. Айтқали, философия докторы (PhD)

Е 89 **Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта.** Еуразия даласы
археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.).
5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 5 том. 288 б.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-59-1

Конгресс материалдарының ұсынылған басылымына Еуразия даласы тарихы мен
археологиясының әртүрлі аспектілерін қамтитын мақалалар енген. Мәселен, археологиялық
зерттеулер тарихы, тұрғындардың діні мен дүниетанымы, өнер мен сәулет, пәнаралық
зерттеулер, мәдени мұра ескерткіштерін қорғау мәселелері.

Жинақ тарихшылардың, археологтардың, музей қызметкерлерінің және студенттердің
кең аудиториясы үшін қызықты болады.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-59-1

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Международный институт центральноазиатских исследований
Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави
Акима́т Туркестанской области
Казанский федеральный университет
Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН)
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДО РАН
Алтайский государственный университет
Национальный археологический институт и музей (Болгария)

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда

материалы V международного конгресса
археологии евразийских степей

(г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.)

Том 5

Алматы – Туркестан
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 89

Сборник издан в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор

А. Онгар, кандидат исторических наук,
генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана

Ответственные редакторы:

Б.А. Байтанаев, доктор исторических наук, академик НАН РК
А.Г. Ситдиков, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ
Д.А. Воякин, кандидат исторических наук

Рецензенты:

М.Е. Елеуов, доктор исторических наук, профессор
Т.В. Савельева, доктор исторических наук

Редакционная коллегия:

Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук, И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD), Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; А.М. Манапова, кандидат
исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова,
Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD); Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук;
Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD);
А.К. Айткали, доктор философии (PhD)

Е 89 **Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда.**
Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан,
11 – 14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
2022. Т. 5. 288 с.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-59-1

Представленное издание материалов Конгресса содержит статьи, отражающие
различные аспекты истории и археологии Евразийских степей. Среди них – вопросы истории
археологических исследований, религии и мировоззрения населения, искусства и архитектуры,
междисциплинарных изысканий, охраны памятников культурного наследия.

Сборник будет интересен для широкой аудитории историков, археологов, работников
музеев, студентов.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-59-1

УДК 902/904
ББК 63.4

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Committee of Science
Margulan Institute of Archaeology
A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
International Institute for Central Asian Studies
Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
Akimat of Turkistan region
Kazan Federal University
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS)
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the RAS
Institute for the History of Material Culture of the RAS
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the RAS
Altai State University
National Archaeological Institute and Museum (Bulgaria)

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment

Proceedings of the 5th International Congress
of Archaeology of the Eurasian Steppes

(Turkistan, 11–14 October, 2022)

Volume 5

Almaty – Turkistan
2022

UDC 902/904
LBC 63.4
E 89

The collection is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project is OR11465466

Recommended for press by the Scientific Council of the Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief

A. Onggar, Candidate of Historical Sciences,
Director General of the Margulan Institute of Archaeology

Executive editors

B. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
A. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
D. Voyakin, Candidate of Historical Sciences

Reviewers:

M. Eleuov, Doctor of Historical Sciences, Professor
T. Savelieva, Doctor of Historical Sciences

Editorial board:

T. Mamirov, Candidate of Historical Sciences; I. Mertz, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); G. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; A. Manapova, Candidate of Historical Sciences; G. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T. Loshakova, D. Baitileu, Candidate of Historical Sciences; Ye. Akymbek, Doctor of Philosophy (PhD); Zh. Utubayev, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); A. Aitkali, Doctor of Philosophy (PhD)

E 89 **Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment.** Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 5. 288 p.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-59-1

The presented edition of the Congress materials contains articles reflecting various aspects of the history and archaeology of the Eurasian steppes. Among them are the issues of the history of archaeological research, religion and worldview of the population, art and architecture, interdisciplinary research, protection of cultural heritage monuments.

The collection will be of interest to a wide audience of historians, archaeologists, museum workers, and students.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-59-1

UDC 902/904
LBC 63.4

Ш. М. Мустафаев

Шаин Меджидоглы Мустафаев,
Институт востоковедения им. акад. З.М. Буниятова НАН Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан, mustafayevsm@gmail.com

Образ Ходжа Ахмеда Ясави в средневековой турецкой агиографической литературе

Аннотация. Своим происхождением и развитием так называемая народная суфийская литература в турецкой среде Анатолии и Балкан во многом обязана влиянию суфийских традиций и тарикатов Центральной Азии. Особое место среди них занимает тарикат *ясавиййа*, связанный с именем Ходжа Ахмеда Ясави. Образ этого «туркестанского старца» достаточно широко представлен в средневековой турецкой народной литературе агиографического характера. В различных житиях святых, называемых в турецкой традиции «менакиб-наме» или «велаэт-наме», отражены взгляды не только представителей различных суфийских братств, но и широких слоев турецкого населения османского ареала на процесс распространения «сокровенного знания», т. е. суфийских идей и представлений. И одно из центральных мест в «пантеоне» средневекового турецкого суфизма занимает Ходжа Ахмед Ясави. В статье вкратце описываются основные черты образа этого «туркестанского старца», характерные для средневековой турецкой агиографической литературы.

Ключевые слова: турецкая агиографическая литература, Ходжа Ахмед Ясави, житие, Хаджи Бекташ Вели, Туркестан

Шаин Меджидоглы Мустафаев,
Азербайжан ҰҒА акад. З.М. Буниятов атындағы Шығыстану институты
Баку қ., Азербайжан

Ортағасырлық түрік агиографиялық әдебиеттегі Қожа Ахмет Ясауи бейнесі

Аннотация. Анатолия мен Балкан түрік ортасында халықтық сопылық әдебиет өзінің пайда болуы мен дамуында Орталық Азияның сопылық дәстүрі мен тарикатының әсеріне көп жағдайда міндетті. Олардың арасынан Қожа Ахмет Иассауи атымен байланысты иассауи тарикаты ерекше орын алады. Осы «түркістандық ақсақалдың» бейнесі агиографиялық сипаттағы ортағасырлық түрік әдебиетінде жеткілікті дәрежеде кең таралған. Түрік дәстүрлерінде «менакиб-наме» немесе «уалаят-наме» деп аталатын әулиелердің өмірінде әртүрлі сопылық бауырластардың өкілдерінің ғана емес, сонымен қатар «аса қадірлі білім» яғни сопылық идеялар мен түсініктердің таралу процесінің османдық ареалдағы түріктік тұрғындардың көзқарастары да көрініс тапқан. Ортағасырлық түріктік суфизмі «пантеонының» орталық орындарының бірін Қожа Ахмет Ясауи алады. Мақалада ортағасырлық түрік агиографиялық әдебиетіне тән осы «түркістандық ақсақалдың» бейнесінің негізгі ерекшелігі қысқаша сипатталады.

Түйін сөздер: түрік агиографиялық әдебиеті, Қожа Ахмет Ясауи, өмір, Қажы Бекташ Уәли, Түркістан

Shahin Mustafayev,Institute of Oriental Studies named after academician Z.M. Buniyatov,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan**The Image of Khoja Ahmad Yasawi in Medieval Turkish Hagiographic Literature**

Abstract. The origin and development of the so-called folk Sufi literature in the Turkish milieu of Anatolia and the Balkans owes much to the influence of the Sufi traditions and orders of Central Asia. *Yasawiyya*, associated with the name of Khoja Ahmed Yasawi, occupies a special place among them. The image of this “Turkistan elder” is quite widely represented in the medieval Turkish folk literature of a hagiographic nature. The various lives of the saints, called in the Turkish tradition “Menakib-name” or “Velayet-name”, reflect the views of not only representatives of various Sufi brotherhoods, but also of broad sections of the Turkish population on the process of spreading of the “secret knowledge”, i. e. Sufi ideas, in the Ottoman area. And one of the central places in the “pantheon” of medieval Turkish Sufism is occupied by Khoja Ahmed Yasawi. The article briefly describes the main features of the image of this “Turkistan elder” characteristic of medieval Turkish hagiographic literature.

Keywords: Turkish hagiographic literature, Khoja Ahmed Yasawi, biographies of the saints, Haji BektashVeli, Turkistan

На заре становления так называемой «национальной школы» в турецкой литературе и историографии основатель этого направления Мехмед Фуад Кёпрюлю сетовал на то, что одним из негативных последствий поверхностной «вестернизации» или «европеизации» в Османской империи в XIX в., в эпоху так называемого Танзимата, т. е. периода активных модернизационных реформ, явилось забвение средневековой турецкой народной литературы. Последняя отличается живостью языка и непритязательностью стиля, но вместе с тем отражает всю глубину эмоциональной и духовной жизни простых людей и их верований. Эта литература была тесно переплетена с суфийскими идеями и сюжетами, в основном, заимствованными из более совершенной персидской литературы, однако пустила крепкие корни в местной турецкой среде, ибо по форме и содержанию была связана также с древнетюркским духовным наследием. Именно поэтому возникшая и создаваемая в гуще простого народа, она нашла столь широкое распространение и была популярна в массах турецкого населения Анатолии и Балкан. Между тем, «европеизированная» османская элита эпохи Танзимата, предпочитавшая образ жизни «а-ля франка» и высокомерно пренебрегавшая всем традиционно турецким в угоду новым западным веяниям, не интересовалась древними истоками народной культуры, оцениваемой ею как признак цивилизационной отсталости. С другой стороны, не в последнюю очередь под влиянием европейского востоковедения у части турецкой интеллигенции танзиматского периода не выработалось целостного взгляда на тюркские народы и тюркскую культуру как некоего единства, восходящего к общим корням. Наоборот, все эти народы и племена рассматривались как несвязанные или малосвязанные между собой этнические группы, живущие самостоятельной локальной жизнью. М.Ф. Кёпрюлю призывал к полной перемене всей парадигмы в мировоззрении турецкой интеллигенции и формированию новой тюркологической концепции на базе признания исторической общности тюркской культуры на обширных пространствах Евразии. Эта целостная концепция должна была охватить, в том числе, и т. н. «общетюркскую историю» и «общетюркскую литературу». Будучи в основном талантливым литературоведом, сам М.Ф. Кёпрюлю внес выдающийся вклад в разработку многих концептуальных вопросов литературы ряда тюркских народов. Он обосновывал свой взгляд на единство древней доисламской и средневековой мусульманской тюркской литературы рядом доводов и писал, к примеру, что «бессмысленно

начинать исследование эпохи Ашик-паши без знания Навои». Или, по его утверждению, «источником такого течения у западных тюрков как народная суфийская литература, является влияние восточных тюрков и непосредственно творчество Ахмеда Ясави» [Köprülü 1976: 3–4].

Исходя из этих концептуальных посылов, М.Ф. Кёпрюлю еще в очень молодом возрасте написал один из главных научных трудов в своей жизни – монографию «Первые суфии в тюркской литературе», опубликованную еще в 1919 г. Эта работа до сегодняшнего дня не потеряла своей научной актуальности и в обязательном порядке входит в библиографию любого исследования, посвященного проблемам истории суфизма и суфийской литературы в Турции и Центральной Азии. Следует отметить, что та часть труда турецкого автора, которая посвящена биографии Ахмеда Ясави, основана в значительной мере на житии «туркестанского старца» под названием «Джавахир ал-абрар мин амвадж ал-бихар», принадлежащем перу шейха тариката *ясавиййа* Хазини. Автор этого труда жил в XVI в. и был выходцем из Средней Азии, Мавераннахра. Позже он переехал в Стамбул, где провел остаток своей жизни. Будучи последователем или мюридом тариката *ясавиййа*, он написал наиболее подробное сочинение агиографического характера о жизни и «чудесах» Ходжа Ахмеда Ясави, а также об учении, суфийской практике и ритуалах, принятых в тарикате *ясавиййа*. Свой труд Хазини создал с намерением преподнести его османскому султану Мураду III (1574–1595) [Azamat 1993: 432].

Несомненно, одной из важных причин широкой популярности течения *ясавиййи* и ее основателя Ходжа Ахмеда Ясави в среде анатолийских турок была особая роль тариката или ордена *бекташиййа* в истории Османской империи и в жизни турецкого общества. Орден *бекташиййа*, как известно, считался духовным покровителем янычарского корпуса, в течение многих столетий составлявшего костяк военной мощи империи и пользовавшегося особыми привилегиями со стороны султанов. Престиж этого духовного братства был высок как среди военно-бюрократической элиты, так и среди простого люда. Вместе с тем основатель этого ордена Хаджи Бекташ Вели, как указывается в османских исторических хрониках и агиографической литературе, являлся выходцем из Хорасана и духовным последователем «туркестанского старца» Ходжа Ахмеда Ясави, хотя между временем их жизни существует разница почти в сотню лет. И, соответственно, *бекташиййа* считалось анатолийским или османским ответвлением тариката *ясавиййа*. Это поверие было широко распространено в анатолийском обществе. Так, один из самых информированных и образованных османских историков конца XVI в. Мустафа Аали-эфенди сообщал, что род Хаджи Бекташа восходил к шиитскому имаму Муса ал-Казиму. Его отец Сейид Мухаммед прибыл в Нишапур, где женился на женщине из знатной семьи, и от этого брака и родился Хаджи Бекташ. Мальчик стал мюридом одного из известных халифов Ахмеда Ясави шейха Локмана Паренде, прошел у него цикл обучения всем этапам суфийского знания и, наконец, получил от своего наставника духовное посвящение. После этого якобы сам Ходжа Ахмед Ясави поручил ему миссию духовной проповеди в Малой Азии и назначил ему местом служения местность Сулуджакарахёюк в районе Кыршехира в Центральной Анатолии. Таков вкратце рассказ Мустафы Аали-эфенди о происхождении и прибытии Хаджи Бекташа Вели в Анатолию [Korkmaz 2001: 328].

Каковы бы ни были реальные или мнимые отношения между Ходжа Ахмедом Ясави и Хаджи Бекташем, – а в научной литературе есть утверждения о том, что последний был не столько последователем *ясавиййи*, сколько принадлежал к ордену *хейдариййа* [Karamustafa 2017: 138], – в общественном сознании средневекового турецкого общества Анатолии и Балкан, особенно в среде многочисленных народных суфийских братств, образ популярного «святого» (*вели*) Хаджи Бекташа представлялся в качестве связующего звена между суфийскими традициями османского

мира и Центральной Азии, символизирующего именем Ходжа Ахмеда Ясави [Ваş 2017: 171–173]. Общая идея вкратце заключалась в том, что Хаджи Бекташ был главой т. н. «хорасанских мужей» (*Хорасан эрендери*), т. е. святых суфийских подвижников, принесших «сокровенное знание» в Анатолию. Сами же «хорасанские мужи» получили это знание у «туркестанского старца» Ходжа Ахмеда Ясави. Таким образом, Ходжа Ахмед приобретал некий ореол святости как первоисточник, через своего последователя Хаджи Бекташа просветивший в суфийском духе широкие массы турецкого населения в т. н. западно-тюркском ареале.

Символическим и зримым свидетельством духовного «сюзеренитета» Ходжа Ахмеда Ясави над суфийскими братствами Анатолии являлось священное дерево, произраставшее во дворе обители Хаджи Бекташа Вели. В одной из притч говорится о том, что мюриды ясавийского шейха, видя особое благоволение своего наставника к «хорасанцу» Хаджи Бекташу, с трудом скрывали свою ревность к последнему. Естественно, это не осталось вне внимания «туркестанского старца», который хорошо понимал всю силу внутреннего духовного озарения и «чудодейственных» способностей Хаджи Бекташа и потому благословил его на подвижническую деятельность по наставлению на праведный путь населения Анатолии. Когда Хаджи Бекташ, получивший посвящение от Ходжа Ахмеда Ясави, двинулся в путь из Туркестана на запад, один из мюридов ясавийского шейха якобы вытащил из пылающего посередине обители костра горящее полено и со всей силы бросил его в сторону Рума (Анатолии), рассчитывая на то, что кто-либо из анатолийских дервишей поймает его и тем самым будет извещен о благой вести. Действительно, некий суфий по имени Хак Ахмед Султан, халиф Эмира Джем Султана из Коньи, поймал это полено, и все суфийское братство в Анатолии узнало о миссии Хаджи Бекташа. Это полено было ветвью тутового дерева. Оно было посажено во дворе обители Хаджи Бекташа и выросло в огромное дерево, верхушка которого, тем не менее, оставалась обгорелой [Manakib-i Hacı Bektaş-ı Veli 1958: 16–17]. Так, это дерево, присланное из ставки Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане как некое мифологическое древо жизни, расцвело пышным цветом на земле Анатолии и стало символом духовной связи между тюрками Центральной Азии и Малой Азии.

В османских житиях («менакиб-наме» или «велаёт-наме») святость Ходжа Ахмеда Ясави подчеркивается также его непосредственной духовной связью с самим пророком Мухаммедом. Прежде всего утверждается происхождение этого старца из рода халифа Али ибн Аби-Талиба, двоюродного брата пророка и мужа его дочери Фатимы. Но что не менее важно, пророк якобы при жизни не только предсказал рождение Ахмеда, но и поручил одному из своих сподвижников (*асхабов*) шейху Арслану воспитание мальчика. Причем и это событие описывается в житии в свойственной агиографической литературе мистической манере. Во время одной из священных войн, когда события развивались не очень удачно для мусульман, сподвижники пророка Мухаммеда, оставшиеся без провианта и испытывавшие голод, пришли к нему с просьбой о еде. После обращения последнего с молитвой к всевышнему к нему был ниспослан архангел Гавриил (Джибрил) с сосудом, наполненным произрастающими в Раю финиками. Однако один из фиников упал на землю, после чего архангел Гавриил якобы глаголил, что этот финик предназначался для одного из членов мусульманской общины (уммы) по имени Ахмед Ясави. И тогда пророк Мухаммед предложил своим сподвижникам исполнить волю Всевышнего, извещенную устами его архангела. Шейх Арслан Баба взял на себя эту священную миссию. Пророк известил его о том как и где найти Ахмеда и поручил ему заботу о нем, включавшую в себя воспитание и обучение последнего. После этого Арслан Баба направился в Сайрам или Яси в Туркестане и до конца жизни наставлял и обучал Ахмеда «божественным истинам» веры пророка Мухаммеда [Köprülü 1976: 28–29].

Турецкая агиографическая литература приписывает Ходжа Ахмеду Ясави, как указывалось выше, и духовную преемственность через халифа Али и его потомков – имамов, к самому пророку Мухаммеду. Так, согласно жития Хаджи Бекташа Вели, «туркестанский старец» владел такими атрибутами духовной власти в суфийской традиции как венец (*тадж*), халат или рубище (*хирка*), лампада (*чераг*), скатерть (*софра*), знамя (*алем*) и молитвенный коврик (*седжаде*), которые якобы были ниспосланы всевышним самому пророку Мухаммеду. От пророка они последовательно передавались халифу Али, и далее по наследственной линии его потомкам – имаму Хасану, имаму Хусейну, имаму, Зейналабидину, имаму Мухаммеду ал-Багиру, имаму Джафару ас-Садику, имаму Муса ал-Казиму и, наконец, имаму Али ар-Риза. И от последнего якобы эти священные предметы перешли в руки Ходжа Ахмеда Ясави [Manakib-i Hacı Bektaş-ı Veli 1958: 15]. Таким образом, «туркестанский старец» возводился в общественном сознании турецких народных масс Османской империи в самый высокий религиозный ранг, приравниваясь к «ахл-и бейту», т. е. он принадлежал к семейству пророка Мухаммеда и был сейидом и также оказывался прямым духовным преемником пророка.

Вот как описывает турецкая агиографическая литература образ Ходжа Ахмеда Ясави, как он сложился в сознании народа и последователей шейха в Анатолии: «Глава 99 тысяч туркестанских старцев Ахмед Ясави происходит из рода Мухаммеда Ханефи и является сейидом. Он получил благословение от восьмого имама Али ибн Муса ал-Казима. Он прибыл в страну Туркестан и поселился в городе Яси. По этой причине его стали называть главой 99 тысяч туркестанских старцев. Был он сведущим человеком, и никто не мог вступать с ним в дискуссию. Был он знатоком и сокровенных (*батин*) знаний. Он отличался столь набожным аскетизмом, что ни минуты не отрывался от молитвы. Все продукты, поступавшие в виде подаяния, готовились для бедняков, и ими кормили всех посетителей [обители]. Сам он мастерил ложки и деревянные сумы для дервишей (*кешкюль*). Был у него один вол. [Ходжа] клал на его спину седельную сумку, [которую загружал своими поделками] и посылал этого вола на рынок. Все знали цену этим вещам, а потому брали что им нужно и клали деньги в эту седельную сумку. Если же находились такие, кто уклонялся от платы, то вол не отставал от этого человека, пока не заплатит. Ставшие свидетелями этой картины люди догадывались, что этот человек не хотел платить за взятую вещь, брали у него причитавшиеся деньги и клали в седельную сумку. После возвращения вола в обитель (*текке*), шейх вынимал деньги из седельной сумки и тратил их на все необходимое. Чудес шейх совершил множество, так что не перечислить и не описать все» [Manakib-i Hacı Bektaş-ı Veli 1958: 14].

Однако, согласно турецкой агиографической литературе, Ходжа Ахмед Ясави обладал не только духовной, но и реальной военной и политической властью. По-видимому, изначальная неразобщенность светской и духовной власти в традиционном исламе формировала представления и народных масс, в сознании которых религиозный лидер, занимавшийся распространением веры пророка Мухаммеда среди язычников, имел не только духовный авторитет, но и мог распоряжаться административными и военными ресурсами. Таковым изображается и образ Ходжа Ахмеда Ясави в различных «менакиб-наме» или «велайет-наме», созданных в анатолийской народной и суфийской среде в средние века. Так, согласно житию Хаджи Бекташа Вели, Ахмед Ясави был правителем страны Хорасан, количество его мюридов-последователей достигало 99 тысяч человек, и он имел в своем распоряжении около 100 тысяч вооруженных воинов. Опираясь на свое воинство и уступив настойчивым желанием мусульман Хорасана и Туркестана, изнывавших от враждебных действий т. н. «язычников Бадахшана», Ходжа Ахмед якобы вел войны во имя обращения последних в ислам. После долгих лет борьбы и при непосредственном участии и

содействии Хаджи Бекташа бадахшанцы в конце концов приняли ислам [Manakib-i Hacı Bektaş-ı Veli 1958: 10–13].

Пожалуй, большинство известных исторических персонажей в т. н. западнотюркском ареале в исторических источниках и агиографической литературе так или иначе связываются с признанным духовным наставником – «туркестанским старцем». К примеру, в труде знаменитого османского географа и путешественника XVII в. Эвлии Челеби многие известные деятели, условно выражаясь, «турецкого» и «азербайджанского» суфизма описываются как последователи Ходжа Ахмеда Ясави. Среди них называются имена не раз упомянутого выше Хаджи Бекташа Вели, Сары Салтука, распространившего ислам на Балканах, Абдал Мусы и Хороз Деде, прибывших в Малую Азию из Хорасана вместе с Хаджи Бекташем, выходцы из Азербайджана Авшар Баба (родом из Ниязабада в Ширване) и Гейикли Баба (родом из города Хой в Южном Азербайджане) и других [Kırkıl 2016: 355–360]. То, что даже в середине XVII в. в народной турецкой среде была жива память о «туркестанском старце» и он продолжал почитаться как святой подвижник, является весьма знаменательным показателем. Безусловно, в целом, духовный авторитет Ходжа Ахмеда Ясеви в средние века способствовал тому, что суфийские идеи и традиции, связанные с его именем, достаточно быстро укоренились и распространились не только в Центральной Азии, но и во всей общетюркской среде, включая и Азербайджан, Анатолию, Балканы.

ЛИТЕРАТУРА

- Azamat, Nihat.* Cevâhirü'l-ibrâr // Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansikloidesi. Cilt 7. Ankara: TDV, 1993. S. 432.
- Baş, Eyüp.* Ahmed Yesevi'nin Bektaşılık, Alevilik üzerindeki etkileri ve Osmanlı dini hayatındaki izleri // Hoca Amet Yesevi. Seçmemakaleler. Ankara: 2017. Ss. 161-190.
- Karamustafa, Ahmet.* Yesevilik, Melametilik, Kalenderilik, Vefailik ve Anadolu tasavvufunun kökenleri sorunu // HocaAmetYesevi. Seçmemakaleler. Ankara: 2017. Ss. 125-150.
- Kırkıl, Emin.* Evliya Çelebi'ye göre Diyar-ı Rum'daki Yesevi halifeleri // Geçmişten geleceğe Hoca Ahmed Yesevi Uluslararası sempozyumu. I Cilt. 26-28 Eylül 2016. İstanbul/Türkiye. İstanbul: 2016. Ss. 354-367.
- Korkmaz, Seyfullah.* Ahmed Yesevi ve Hacı Bektaş Veli. Aralarındaki bağlar, fikirleri, tesirleri ve Türk İslam Edebiyatına katkıları // Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Sayı 11, 2001. Ss. 325-355.
- Köprülü, Fuad.* Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. (Yayımlayan O.Köprülü). 3'ncü basım. Ankara: TTK Basımevi, 1976.
- Manakib-i Hacı Bektaş-ı Veli "Vilayet-name". Hazırlayan Abdülbaki Gölpınarlı. İstanbul: İnkılap Kitabevi, 1958.

М. А. Карлыбаев

Максет Абдибаевич Карлыбаев,
Каракалпакский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан,
г. Нукус, Каракалпакстан, Узбекистан; makset@gmail.com

К истории ислама в Хорезме и Южном Приаралье

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы истории распространения ислама в регионе низовьев Амударьи/Южного Приаралья, исторически называемого Хорезмом. Самые ранние данные о распространении свидетельствуют о VIII в., примерно об этом периоде говорят и археологические и другие данные, когда происходит смена погребальных традиций. Из истории известно, что выходцы из данного региона становились известными знатоками мусульманского богословия – целая плеяда богословов с именем Кердери – это уроженцы или потомки уроженцев региона Кердер на севере Хорезма. Архитектурные памятники Наринжан, Султан-Увайс, Мазлумхан-Сүлу и др. свидетельствуют о распространении культа зиярат, а такие имена, как Нажмиддин Кубра, Сулайман Мүсеви и др. – о влиянии суфизма на культуру местных народов. Регион изначально являлся полиэтничным, а религия и местные культы выполняли консолидирующую роль.

Ключевые слова: Хорезм, Каракалпакстан, Приаралье, ислам, религия, культ, Хивинское ханство

Максет Абдибаевич Карлыбаев,
Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясы Қарақалпақ бөлімінің
Қарақалпақ гуманитарлық ғылымдар институты,
Нүкіс қ., Қарақалпақстан, Өзбекстан

Хорезмдегі және Оңтүстік Арал өңіріндегі ислам тарихына

Аннотация. Мақалада тарихта Хорезм деп аталатын Амударияның төменгі ағысы/Оңтүстік Арал өңіріндегі ислам дінінің таралу тарихы мәселелері қозғалады. Таралуы туралы ең ерте деректер VIII ғ. кәуәландырса, жерлеу дәстүрлерінің өзгеруі орын алған кезде археологиялық және басқа да деректер шамамен осы кезең туралы айтады. Тарихтан белгілі, бұл аймақтың тумалары мұсылман дінтанушының танымал білгірлері болды Кердері есімімен дінтанушылардың тұтас бір плеядасы Хорезмнің солтүстігіндегі Кердер аймағының жергілікті тұрғындары немесе ұрпақтары болған. Наринжан, Султан-Увайс, Мазлумхан-Сүлу және т. б. архитектура ескерткіштері зиярат культінің кең тарағанын, ал Нажмиддин Кубра, Сулайман Мүсеви және т. б. есімдері жергілікті халықтардың мәдениетіне сопылықтың тигізген әсерін айғақтайды. Аймақ бастапқыда полиэтникалық болды, ал дін мен жергілікті культтер біріктіруші рөл атқарды.

Түйін сөздер: Хорезм, Қарақалпақстан, Арал өңірі, ислам, дін, культ, Хиуа хандығы

Makset Karlibaev,
Karakalpak Research Institute of the Humanities of Karakalpak branch
of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Nukus, Uzbekistan

To the history of Islam in Khorezm and Southern Aral Sea

Abstract. The article touches upon the issues of the history of the spread of Islam in the region of the lower reaches of the Amu Darya/Southern Aral Sea, historically called Khorezm. The earliest data on distribution testify

to the 8th century, and archaeological and other data also speak about this period, when there is a change in burial traditions. It is known from history that people from this region became famous experts in Muslim theology – a whole pleiades of theologians with the name Kerderi are in fact natives, or descendants of natives of the Kerder region – in the north of Khorezm. The architectural monuments of Narinzhan, Sultan-Uvais, Mazlumkhan-Sulu and others testify to the spread of the ziyarat cult, and such names as Nazhmiddin Kubra, Sulaiman Musevi and others testify to the influence of Sufism on the culture of local peoples. The region was originally polyethnic, and religion and local cults performed a consolidating role.

Keywords: Khorezm, Karakalpakstan, Aral Sea Area, Islam, Religion, Cult, Khiva Khanate

Религия в культуре любого народа остается одним из главных маркеров его культурных или этнических кодов. Религии могут сменять друг друга, однако занятое ими пространство в культуре сохраняется в виде памятников материальной или нематериальной культуры. Это касается всех народов Центральной Азии, ставшей колыбелью нескольких религий.

Распространение ислама в Мавераннахре (территория которого охватывал большую часть нынешней Центральной Азии), судя по исследованиям ученых, приходится на конец VII – нач. VIII в. В 712 г. завершается завоевание арабами Хорезма и начинается новая веха в истории культуры наших народов – эра исламской культуры. Новый язык, новые ритуалы едва ли могли вытеснить сразу прежние. Например, известно, что хорезмский язык оставался в обращении вплоть до начала XIII в. Об этом свидетельствует хорезмский автор сочинения по фикху, который приводит произносимые на суде у казия арабские формулы-клятвы для свидетелей в переводе на хорезмский язык. Казиям вменяется, чтобы они произнесли этот перевод для свидетеля, чтобы он понимал его значение [Фрейман 1949: 63–88]. Следовательно, хорезмский язык еще оставался в обороте. Этот эпизод важен и в том смысле, что сохранение языка означает сохранение былых фольклорных сказаний, песенной традиции, иных составляющих культуры народа. Следовательно, процесс принятия новой религии – это долгий процесс, который в действительности еще не изучен в полной мере.

Несмотря на то, что сегодня мы видим его глубокое проникновение во все сферы жизни наших народов (в социальной, экономической, культурной, идеологической), первые прецеденты принятия ислама, к примеру, народами Южного Приаралья, пока не совсем прояснены в силу недостаточности соответствующих источников.

В этом случае более надежными источниками становятся археологические данные, которые могут беспристрастно свидетельствовать о смене погребального обряда, согласно религиозным предписаниям. Тут важно помнить об одной актуальной проблеме, связанной с рядом концептуальных и методологических вопросов – об этнической идентификации погребенных. Например, если более или менее уверенно можно говорить о конфессиональной принадлежности по формам захоронения, трупоположению, утвари и т. д., то насколько в одинаковой мере эти «индикаторы» могут служить в определении этнической идентификации покойных? И т. д.

Религия объединила многие разные этносы и играла консолидирующую роль.

Попытаемся бегло рассмотреть историю ислама на территории низовьев Амударьи и Южного Приаралья. Изучение религиозной жизни, а именно мусульманской погребальной обрядности региона, позволяет говорить о первых признаках распространения ислама со второй половины VIII в., когда происходит смена зороастрийских погребальных традиций мусульманскими (Ток-кала, Нукусский район, Миздахкан, Ходжейлийский район). К следующему веку все население низовьев Амударьи практикует мусульманские традиции захоронений, что говорит об исламизации если не всего населения, то как минимум основной его части [Амиров 2016: 90].

Дальнейшее продвижение ислама происходит уже не столько в связи с завоевательными походами арабов, сколько через политические, торгово-экономические и культурные отношения.

В период завоевания арабами Хорезма его приграничные степные просторы, а также низовья Амударьи заселяли кердерские племена. Если в низовьях Амударьи они строили города (Токкала, Хайван-кала, Багдат и др.), то плато Устюрт пользовалось ими сезонно как пастбищными территориями или как охотничьи угодьями [Ягодин 2008: 129].

Исламизация, как и в других регионах Мавераннахра, проходила на фоне политических противостояний. Например, в источниках имеются сведения об антиарабских выступлениях в Кердере в 728 г. (Табари и Белазури), что говорит о том, что тут проходили процессы исламизации кердерцев и о неоднозначном их отношении к новой религии, либо к новым политическим требованиям арабов. Эти и другие обстоятельства послужили, видимо, причиной прекращения завоевательных походов арабов на север [Амиров 2016: 91]. Между тем, на Плато не было постоянного населения, кердерцы, основная их часть, проживала в городах. Дальнейшее продвижение арабов вглубь степных кочевников, по мнению исследователя Ш. Амирова, связано с рядом экологических, экономических причин. Хорезмийцы, как известно, имели древние торгово-экономические связи как с кочевой периферией, так и с более дальними народами – хазарами и др. Изменение русла Амударьи в западном направлении – к восточному чинку Устюрта, привело к росту сельхозпродукции и, соответственно, к оживлению торговых взаимоотношений Устюрта с оседлым Хорезмом, на северных границах которого появляются крепости, торговые населенные пункты (Бограхан, Пулжай, Давлет-Герей и др.), оживляются караванные дороги. Тому способствовали и политико-миграционные процессы – огузские племена, вытесняемые другими более сильными соседями, заселяют территорию плато, выполняя посредническую роль в отношениях Хорезма с северными народами и странами. «Таким образом, на освоенном чинке, границе области ислама с кочевой степью происходят первые случаи вовлечения кочевников в ислам. Заселение Устюрта огузами, их участие в торговом и культурном обмене, происходившем в причинковой зоне, способствовало проникновению исламской идеологии в их среду, о чем свидетельствуют письменные источники IX–X вв. (сообщения Марвази о туркменах) и археологические данные» [Амиров 2016: 92].

Сложившаяся ситуация привела к исламизации других кочевых и полукочевых племен, печенегов в частности. Есть сведения, что часть печенегов, заселявшая территории к северу от Хорезма вплоть до Кавказа, приняла ислам [Карлыбаев 2008: 82]. Проживавшие на границах Хорезма кипчаки также были вовлечены в культурно-политическую жизнь Хорезма, что также повлияло на распространение религии Ислам в их среде (видимо, посредством торговцев, переселения духовных лидеров).

Кипчаки Южного Урала периодически (посезонно) кочевали на территорию плато Устюрт и естественным образом попадали под культурное влияние Хорезма. Под чинками Устюрта появляются хорезмийские торговые поселения, которые контактировали с кочевым населением Устюрта (огузами, печенегами, кипчаками). Почти во всех этих городищах археологи обнаруживают мусульманские могильники.

После монгольского завоевания во второй половине XIV в. у кипчаков Южного Урала археологи отмечают появление надмогильных сооружений в виде каменных оград вокруг могилы, что было связано с проникновением в их среду ислама. Хотя процесс исламизации кочевых огузов и кипчаков в приграничном с Хорезмом Устюрте, как утверждают археологи, начался намного раньше [Ягодин 1991: 176–177]. Конечно, нельзя говорить о полной исламизации кочевых племен в короткий промежуток времени. Часть кочевых племен (тех же огузов, кипчаков или печенегов) сохраняла свои древние верования, другие приняли христианство (например, печенеги, продвинувшиеся вглубь Европы).

Что касается городского населения, то у них исламизация шла более интенсивно. Здесь появляются свои религиозные авторитеты в лице суфийских шейхов, мусульманские школы, что привело к появлению известных в мусульманском мире богословов – Кердери. Включение региона Приаралья, в т. ч. Хорезма, в состав Золотой Орды стало еще одним толчком в укреплении исламизации, распространении и развитии ханафитского богословия на большом географическом ареале с разнородным этническим составом. Особую роль играли в этом процессе богословы. Ученые выделяют среди них Рашид-ад-дина Исма'ила ибн Махмуда ибн Мухаммада ал-Кардари, который в «771/1369–1370 году составил свое сочинение «Мафатих ул-акфал фи шарх ул-фара'ид ул-'усманийа» [Муминов 2015]. Нисба богослова «Кардари» указывает на его происхождение из региона Приаралья.

Еще один выходец из Приаралья Мухаммад ибн Шихаб ал-Кардари (VIII/XIV в.). Он был учеником золодоордынского факиха, также родом из Хорезма, Сайида Джалал ад-дина ибн Шамс ад-дина ал-Гурлани.

Мухаммад ибн Шихаб «стал воспитателем своего сына Хафиза ад-дин Мухаммад ибн Мухаммад ибн Шихаб ал-Хваразми ал-Кардари», который известен как Ибн ал-Баззази (ум. в 1424 г.). В свою очередь, Хафиз ад-дин ал-Кардари обучил (буквально «дал иджазу») другого известного богослова – Сирадж ад-дина ал-Хаджжи-Тархани, который сыграл весомую роль в распространении ханафитского мазхаба в Золотой Орде, в частности в Крыму и Поволжье [Муминов 2015: 229–230].

О месте и роли Мухаммада ибн Шихаб ал-Кардари в истории ислама ЦА, и не только, можно судить и по тому, как его ученики имели авторитет и в центре исламского мира – в Багдаде. Так, ученик Шамс ул-А'имма ал-Кардари – Захир ад-дин Мухаммад ибн 'Умар ан-Науджабади/Нушабади ал-Бухари (ум. в 1284 г.) преподавал в одном из багдадских медресе ал-Мустансирийа [Муминов 2015: 234]. В одном из медресе Халаба преподавал другой выходец из Кардара – Бадр ад-дин 'Абд ал-Гафур ибн Лукман ал-Кардари (ум. в 1166–1167 г.), который был учеником Абу-л Фадл ал-Кирмани. В том же халабском медресе «ал-Хаддадийа» преподавал Тадж ад-дин 'Абд ал-Гафур ибн Лукман ал-Кардари [Муминов 2015: 237].

А. Муминов приводит имена многих богословов из Центральной Азии, Хорезма, в т. ч. тех, которые сыграли заметную роль в развитии мусульманского фикха. В частности, в Каире преподавал Джабир ибн Мухаммад ал-Кати ал-Хваризми (ум. в 1340 г.) [Муминов 2015: 238].

Учителем Шамс ал-'Аимма ал-Кардари был Нур ад-дин Ахмад ибн Махмуд ибн Абу Бакр ас-Сабуни (ум. в 1184 г.), автор сочинения по основам мусульманского правоведения «ал-Бидайа фи усул ад-дин». Он похоронен на кладбище «Семи судей» в местечке Калабад (Бухара) [Муминов 2015: 312].

Профессор А. Муминов полагает, что один из видных представителей Кердери – богослов Хафиз ад-Дин Баззази (полное имя Хафиз ад-Дин Мухаммад б. Мухаммад б. Шихаб ал-Кардари ал-Баззази), прозванный в дальнейшем ал-Хорезми и ал-Ханафи, был одним из самых знаменитых юристов 1-й четверти XV в., автором нескольких больших работ по фикху. Кроме этого известно, что он был учеником одного из суфийских лидеров Кубравийа Хусайна Хорезми. Ал-Баззази ал-Кардари умер в Анатолии, куда прибыл через Крым и Сарай и «вскоре стал одним из самых авторитетных богословов Рума. Ал-Кардари ал-Баззази принимал активное участие в политической жизни и в Хаджи Тархане. <...> Его переселение было обусловлено походами Амира Тимура (1377–1405) против Хорезма и, возможно, разрушением Ургенча в 1388 г. <...> Деятельность Хафиз ад-Дина Баззази – еще одно свидетельство тесных связей между Хорезмом и степью, а также важной роли хорезмийской общины в Сарае» [Девин 1991: 54–55].

Как видно даже из этой беглой информации, средневековый Приаральский городок Кардар/Кердер вырастил не одно поколение мусульманских богословов в средневековье. Это еще раз показывает важную роль Хорезма в распространении и укреплении ислама не только в регионе Приаралья, но и далеко за его пределами. Более того, можно говорить о сложении местной школы богословия и юриспруденции, что, в свою очередь, свидетельствует о тех прочных позициях, которые ислам обрел в политической, экономической и социальной жизни местных народов.

О расцвете Ислама в регионе Приаралья можно судить также по сохранившимся по сей день памятникам исламской архитектуры разных веков, а также по результатам исследований археологов и архитекторов (это мечети и медресе с минаретом в Кяте, мавзолеи Наринжан-баба, Шамун-Наби, Мазлумхан-Сулу, Халифа Реджеб на Миздахкане, мусульманские некрополи, мечети на Крантау, мечети и школы в Девкескен-Вазире и др.).

Суфизм в регионе Центральной Азии превратился в самый популярный вид распространения ислама, в т. ч. и в Хорезме. Некоторые братства и их шейхи были известны еще в первой половине IX в. Например, самый известный из них Наринджан-баба (полное имя Мухаммад ибн Муса ибн Дауд Абу 'Абдаллах ан-Наринджани. Ум. в промежутке 922–933; либо 951–961 гг. [Бабаджанов 2013: 101]). О его деятельности известно очень мало. Арабский путешественник Ал-Мақдиси упоминает о «селении Наринджан» (قرية نارنجان/қарияту Наринджан), где среди достопримечательностей указывает могилу ан-Наринджани, «которая была очень известным местом посещения и почитания. А расположена она у подножья западной стены селения» [Бабаджанов 2013: 98; Хожаниёзов 2018: 14–16]. Мавзолеем Наринджан-баба издавна был предметом исследований разных ученых, в том числе архитекторов и археологов [Ходжаниязов, Юсупов 1999: 78–79].

Судя по его надгробной плите¹, ан-Наринджани учился в Бухаре, был имамом знаменитой хорезмской мечети «ал-Мансура», которую Якут помещает на берегу Амударьи [Материалы 1938: 415, 420, 430, 435]. Об особенностях его учения почти ничего не известно, хотя именно при его могиле его последователи построили ханаку, вход которой был украшен небольшой керамической плитой с именами донатора и строителя ('Али-джан сын Амира Мухаммада в 1320–1321 г.) [Бабаджанов 2013: 103]. Судя по тексту этой посвятельной надписи, речь шла о ханаке для громкого зикра.

Другой малоизвестный суфий Хорезма Сулайман Хаддади ал-Мусави (ум. 8 июля 1261 г.) принадлежал к суфийской ветви «джахрия» (т. е. из тех, кто практиковал громкий зикр). По информации Б.М. Бабаджанова, изучавшего вакфный документ на его ханака и агиографические данные, Шейх владел профессией кузнеца и потому его прозвище было ал-Хаддади (кузнец). Местом для ханака он избрал «возвышенность Миздахкан» (селение Ходжейли), где до этого была небольшая лачуга. Позже здесь была построена «подземная ханака» на средства Кутлук-Тимура ибн Наджм ад-дина (1314–1350?), тогдашнего правителя Хорезма, входившего в состав Золотой Орды². Речь идет о ханаке «Мазлум-хан Сулу» на городище Миздахкан. Это один из самых уникальных памятников в Центральной Азии. Он расположен на восточной окраине городища Миздахкан на глубине около 7 м, и только ее купол возвышается примерно на 3 м над земной поверхностью. До сих пор история этого памятника практически была неизвестна и его считали мавзолеем. По данным Б.М. Бабаджанова, существует оригинальный вакфный документ на это здание (1321 г., хранится в Музее-заповеднике г. Хивы). Это здание в документе названо «ханака» и построено для суфийских ритуалов (русум).

¹ Хранится в Государственном музее истории и культуры Республики Каракалпакстан (№ КП 7842 инв. 149).

² «الحدادي» (ал-Хаддади), или по источнику «آهنگرليک» (Ахангирлик) – букв. Кузнец или «Кузнечных дел (мастер)». Рийаз аз-закирин, л. 188а (информация Б.М. Бабаджанова).

Как полагает Б. Бабаджанов, строительство памятника в виде подземного склепа может быть связано с расположением суфийских подземных святынь (*чилля-хāна*). Этот обычай восходит к традициям братства Йасави. Согласно письменной (агиографической) традиции, эпоним этого братства Ходжа Ахмад Ясави (ум. предположительно в нач. XIII в.), достигнув 63-летнего возраста по Лунному календарю, будто бы сказал своим последователям, что он не хочет видеть белый свет больше, чем Пророк. Он добровольно проводил в затворничестве в полуподземном помещении, где предавался размышлениям (*таваджжух*). Возможно, что желание следовать вышеупомянутой традиции ханака на Миздахкане была построена в виде объемного склепа.

Хорезм стал колыбелью еще одного известного в исламском мире суфийского братства Кубравийа и второго поколения лидеров братства Йасавийа. Позже представители другого суфийского братства Накшбандийа-Муджаддийа также стали известными, а их лидеры (как упомянутый Халифа Нийаз-кули) приняли активное участие в распространении их учения [Devin 2016: 37–97].

Меньше известно по источникам об исламе и суфийских братствах в Хорезме на период XIII–XIV вв. в силу того, что край претерпел ряд нашествий войск Амира Темура (пять знаменитых походов) [Гулямов 1957: 173]. Правда, при Шейбанидах наблюдается оживление религиозной жизни и источники содержат ряд известий о местных богословах, особенно о суфиях, из которых самым знаменитым был кубравийский шейх Хусайн Хоразми [Девин 1991: 48–69]. Позже опустошительные походы Иранского правителя Надир-шаха на Хорезм (1741) и Мавераннахр (1742) серьезно подорвали экономику и привели к упадку религиозной жизни [Мунис 2010: 57–68].

С приходом династии Конгратов (фактически правили в 1763–1920 гг.; без подставных ханов правили с 1804 г.) к концу XVIII – началу XIX в. в Хивинском ханстве экономическая и религиозная жизнь оживляется. Хивинское ханство с самого начала своего образования было полиэтничным, включало в свою демографическую структуру не только оседлое, но и полукочевое и кочевое население. Хивинские медресе в это время пользовались большой популярностью среди населения ханства и его кочевой и полукочевой периферии наравне с бухарскими. Складывается впечатление, что в Бухару уезжали молодые богословы в основном в поисках учителей в суфийском братстве, а нормативные богословские и правовые науки изучали и получали звания знатоков ислама (ахунов и казиев) в хивинских медресе.

Первая половина XIX в. отмечена строительным бумом культовых сооружений, из которых половину составляли медресе (по крайней мере в Хиве) [Бабаджанов 2020: 48–51, 151–157]. Тогда же стали восстанавливаться мечети и святыни по всему Хорезму.

Общее число населения в этот период было непостоянным и составляло примерно 800 тыс. человек. Хотя в разных источниках приводятся разные сведения – от 294 тыс. до 900 тыс. Понятно, что мы имеем дело лишь с ориентировочными цифрами, которые могли быть предоставлены русским путешественникам местными чиновниками со стратегическим умыслом. Тем не менее, при отсутствии других данных эта статистика остается единственной, к которой мы можем апеллировать.

С 70-х годов XVIII в. началось усиление централизованной политики хивинских ханов. Они добивались укрепления своей власти различными способами и, в частности, уделяли большое внимание религиозно-идеологическому воздействию. Один из источников укрепления и «духовной легитимации» своей власти Конграты видели в поддержании культа святых, что выражалось, например, в ремонте святынь, в выделении средств (путем пожертвования вакфных имуществ) в пользу мазаров и т. п.

Именно на этот период приходится оживление культовых мест на возвышенности Миздахкан. Ремонтируется один из самых оригинальных памятников городища Миздахкан – подземная ханака Мазлум-хан Сулу (по мнению востоковеда Б. Бабаджанова – ханака Сулеймана Хаддади) в Ходжейли. Тогда же капитально отремонтирован другой мазар – Шамун-Наби. Это место было древним местом погребения и было признано святыней многими людьми, которые приходили сюда для почитания своих предков. Резко возрастает количество пожертвований в пользу мазаров. Так, известный из источников путешественник Риза-Кули объясняет, что такое вакф и пишет, что к моменту его посещения «земель каракалпаков» количество пожертвований было настолько велико, что в Хиве (центре ханства) заводили специальные тетради для учета количества пожертвований и регулировки [Риза-Кули-Мирза 2009: 482–485].

Здесь же был сооружен мазар Шамун-Наби, который стал крупнейшим и популярным культовым объектом. Хивинские ханы Элтузер (1802–1806) и Мухаммад-Рахим (1806–1825) организовали несколько походов «на земли каракалпаков», стараясь вывести их из подчинения казахских ханов. После завоевания ими каракалпаков оба хана и их последователи неоднократно посещали мазар Шамун-наби [Камалов 1968: 150], понимая, что только силой оружия вовлечь в орбиту своего влияния каракалпаков вряд ли удастся. Следовательно, «идеологическое вовлечение» тоже активно использовалось в полном соответствии с религиозно-этическими нормами того времени.

Этот район был древним местом массового погребения и привлекал многих паломников, которые приходили сюда для почитания своих предков. Сооруженный (или восстановленный) в XVIII–XIX вв. мавзолей Шамун-Наби стал одним из крупнейших культовых сооружений ханства. Надо сказать, что сохранившиеся рядом памятники исламской архитектуры (комплекс Миздахкан) свидетельствуют о глубоких корнях культа святых и предков.

Посещение старинных мазаров стало не только религиозным обрядом, но и частью «политического зийарата». То есть ханы понимали, что посещение почитаемых святынь имеет серьезное религиозно-идеологическое значение. Хивинские ханы не просто пытались «освятить» свой статус и авторитет, но параллельно усиливали значение этих мазаров. Так, Аллакули-хан совершил паломничество на кладбища Кабаклы ата и Хаким-ата на юго-восточном берегу Аральского моря [Камалов 1968: 151]. Такое «освящение» авторитетом власти привело к тому, что эти святыни стали центрами религиозной жизни живших там каракалпаков. Почти все мало-мальски значимые культовые места в Каракалпакстане овеяны легендами об их посещении хивинскими ханами или строительстве ими мазаров, благоустройстве округи и т. п.

В это же время появляются, а чаще возрождаются культы других святых мест. Например, построенный в первой половине XIX в. в горах Султануиздага мазар Султан Увайс баба постепенно стал крупнейшим культовым центром Хорезмского оазиса. Судя по его эпиграфике, в его развитие вкладывались не только ханы дома Конгратов, но и зажиточные персоны их ханства [Ўзбекистон 2015: 167–169].

Российские статистические данные того времени также свидетельствуют о том, что в XIX – начале XX в. мазаров на территории каракалпаков (напр. в Чимбайском участке Аму-Дарьинского отдела) было довольно много [НАУз л. 149]. Во главе мазара стоял «шейх/ших» – т. е. главный хранитель мазара, который, как правило, был попечителем вакфных имуществ. В его распоряжении находились несколько мулл, очевидно для чтения соответствующих аятов Корана во время ритуала зийарат. В определенные дни (обычно по четвергам) на мазары съезжались верующие, привозили с собой скот, лепешки жайман для пожертвований, совершали сложный обряд зийарата. Ни одно

семейное или общественное мероприятие не обходилось без участия духовных лиц. В случае тяжелой или затяжной болезни, когда исчезала надежда на помощь знахаря, больные, особенно женщины, обращались к духовным лицам, как правило, шли на мазар, дабы испросить помощи и благословения. Конечно, с точки зрения пуристического толкования ислама такие представления и вера в «помощь духов» были и остаются предметом жесткой критики некоторых богословов [Sartori и др. 2018: 16–29].

Интересны, правда, другие ремарки Риза-Кули, например, относительно распределения наследства, которое тоже представляет собой обычное для каракалпаков смешение правовых предписаний ислама и народных обычаев: *«Отец семейства делает другой раз при жизни духовное завещание, закрепляемое казиями, по Шарияту, и правительственным порядком. По завещанию этому жене приходится только кебин, дочерям [–] третья часть со всего имения, сыновьям же [–] все остальное, по равной части»* [Риза-Кули-Мирза 2009: 482].

Целый ряд медресе Хивы принимали сотнями студентов разных национальностей, среди которых особое место занимали студенты-каракалпаки [Sartori 2016: 98–134]. Правда, этот процесс связан не только с естественной «духовной тягой» к знаниям. В контексте новых политических реалий каракалпаки были вовлечены в бюрократическую (в т. ч. экономическую, налогово-фискальную) жизнь ханства, в оживившуюся региональную и международную торговлю. Регулирование этого процесса требовало наличия достаточно грамотного аппарата чиновников и правоведов (кадиев, факихов, шейх уль-исламов и др.). Поэтому основная часть окончивших медресе (иногда даже с начальным обучением) обычно занимали должности казиев (судей), их помощников или имамов мечетей, другие оставались при медресе, где занимали затем должности мударрисов (преподавателей). Часть из них начинала преподавать в собственных медресе среди каракалпаков, поднимая не просто грамотность населения, но и усиливая влияние нормативных исламских предписаний в среде каракалпаков [Sartori 2016: 98–134].

Согласно статистическим данным, количество мусульманских школ (мектебов) в одном только Чимбайском участке Амударьинского отдела в конце XIX в. (1899 г.) насчитывало более 600 [НАУз л. 167–172] и более 20 медресе [Карлыбаев 2002: 19–20]. Трудно перепроверить достоверность этих данных, но даже если принять минимальное количество учебных заведений в этой статистике, можно смело утверждать, что количество школ у каракалпаков возрастало. Думается, это было связано с увеличением количества выпускников медресе, которые были способны обучать, но не имели постоянной работы (мектебы и медресе открывались при мечетях). Причем, увеличилось число каракалпаков, обучавшихся не только в больших медресе Бухары и Хивы, но и в местных медресе.

Независимо от политических и географических влияний, видно, что на протяжении длительного времени ислам оставался духовной основой в жизни каракалпаков и других народов региона. Вхождение в состав Хивинского ханства усилило ислам в качестве правового, социального и экономического регулятора жизни народа и его политической элиты (султанов, биев). Духовная часть широко поддерживалась протагонистами ислама – ходжами, народными жырау, бахсы. Конечно, мы можем говорить о сложении местных форм бытования ислама у каракалпаков, серьезно связанного с культом святых (как и в большинстве мусульманских народов). Независимо от способов толкования (например, критического) эти культы и представления были формой духовной жизни народа, а ислам пустил глубокие корни в обычаи и массовое сознание, серьезно повлияв на фольклор, повседневную жизнь и общественную этику народа.

Выводы

Ислам в Хорезме и низовьях Амударьи в целом утвердился в качестве религии довольно рано – примерно с середины VIII в., очевидно, соседствуя с прежними религиями. Одновременно здесь появились именитые династии и признанные школы богословия и исламской юриспруденции. Исторические сведения об их биографиях довольно обрывочны, а в более поздние времена переосмысленные устной традицией в виде легенд, сказаний, сюжеты которых связаны с героями исламизации Хорезма.

На территории региона (Хорезмской области и современного Каракалпакстана Узбекистана) сохранилось большое количество памятников исламской архитектуры разных времен. Самая характерная их черта – широкий спектр функций (ритуальные, просветительские, социальные, площадки для зикра, в качестве мест для судебных разбирательств и др.). Они были в полном смысле общественными центрами, которые стали зримыми символами соединения религиозных и повседневных потребностей народа.

Рекомендации

- продолжить изучение религиозных памятников, сохранивших свою аутентичность и представляющих собой историко-архитектурное наследие народа и нуждающихся в государственной охране. Для этого рекомендуется внести в Список охраняемых объектов культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Амиров Ш.* Предпосылки распространения Ислама среди кочевников плато Устюрт // Археология Узбекистана в годы независимости: достижения и перспективы / Гл. ред. А.Э. Бердимуратов, отв. ред. М.М. Саидов. Самарканд, 2016. С. 90-93.
- Бабаджанов Б.М.* Ранний эпиграфический материал комплекса Наринджан-баба // Марказий Осиё тарихи замонавий медиевистика талқинида / Отв. ред. проф. Д. Алимова. Тошкент: Yangi nashr, 2013. С. 96-112.
- Бабаджанов Б.М.* Эпиграфика в архитектурном ландшафте Хивы. Мечети, погребальные комплексы, медресе, дворцы, ворота. Ч. 1. Введение, чтение текстов, комментированные переводы. Studies and texts on Central Asia 3. Veröffentlichungen zur Iranistik 85. Vien: Austrian Academy of Sciences Press, 2020. 268 с. (+436 с. Илл.).
- Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма. Ташкент: Изд-во АН УзССР. 1957. 315 с.
- Девин Де Вис.* Хусайн Хорезми: среднеазиатский суфий начала XV в. (перевод с англ.яз.) // Из истории суфизма / Под. ред. акад. М. Хайруллаева. Ташкент: Фан, 1991. С. 48-69.
- Камалов С.К.* Каракалпаки в XVIII–XIX вв. Ташкент: Фан, 1968. 328 с.
- Карлыбаев М.* Медресе в Каракалпакии в XIX – начале XX веков. Нукус: Билим, 2002. 84 с.
- Карлыбаев М.* Некоторые данные зарубежной историографии по истории каракалпаков (ч. 2) // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 2008. № 2 С. 80-85.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. Под редакцией В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. 700 с.
- Муминов А.* Ханафитский мазхаб в истории Центральной Азии. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2015. 400 с.
- Мунис.* Фирдавс ал-иқбол. (Воҳидов, Бекжонов таржимаси) / Отв. ред. Ш. Воҳидов. Тошкент: Янги аср авлоди, 2010. 518 с.
- НАУз Ф. И-1 оп. 13. Д. 780 лл. 141-150. Ведомость о состоянии главнейших мусульманских учреждений Сыр-Дарьинской области по Аму-Дарьинскому отделу. Мазары.
- НАУз ф. И-1, оп. 11. Д. 1725. Лл. 167-172. Сведения о современном количестве мусульманского духовенства, святых могил и школ в Аму-Дарьинском отделе.
- Риза-Кули-Мирза.* Краткий очерк Аму-Дарьинской области. СПб. 1875 // Исмаилов Э.Э. Персидские принцы из дома Каджаров в Российской империи. М.: Старая Басманная, 2009. С. 463-486.

- Ўзбекистон обидаларидаги битиклар: Қорақалпоғистон. Тошкент: Uzbekistan Today АА, 2015. 268 с.
- Фрейман А.А.* Хорезмийские глоссы в сочинении Кынйат ал-мунйа («Приобретение желанного...») хорезмийского законоведа XIII в. Наджм-ад-Дин Абу-р-Раджа Мухтар ибн-Махмуд аз-Захиди ал-Газмини // Советское востоковедение. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 63-88.
- Ходжаниязов Г.Х., Юсупов Н.Ю.* Наринджан – уникальный памятник средневековья // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 3. С. 78-80.
- Хожаниёзов Ф.* Наринжон қалъаси ва Наринжон бобо мажмуаси // Тамаддун нури. 2018. № 2. С. 14-17.
- Ягодин В.Н.* Приаральский микрорайон в VII – начале XIV вв. // Археология Приаралья / Отв. ред. проф. В.Н. Ягодин. Вып. VII. Ташкент: Фан, 2008. С. 125-143.
- Ягодин В.Н.* Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья / Отв. ред. проф. В.Н. Ягодин. Вып. V. Ташкент: Фан, 1991. С. 176-177.
- Devin DeWeese.* Mapping Khwārazmian Connections in the History of Sufi Traditions // Eurasian Studies. 2016. Vol. 14: issue 1–2. P. 37-97.
- Sartori P.* On Madrasas, Legitimation, and Islamic Revival in 19th Century Khorezm // Eurasian Studies. 2016. Vol. 14. Issue 1–2. P. 98-134.
- Sartori Paolo, Babadjanov Bakhtiyar.* Being Soviet Muslim, Modernist, and Fundamentalist in 1950s Central Asia // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Germany, Holland. 2018. No 3/62. P. 16-29.

**Н. Д. Овчаров,
М. Й. Станев**

Николай Димитров Овчаров,
Национальный археологический институт-Болгарская академия наук,
София, Болгария; aia_ira@abv.bg
Младен Йорданов Станев,
Всемирная ассоциация болгар – Assobulg,
Варна, Болгария; ml.stanev@abv.bg

Ранний болгарский шаманизм

Аннотация. В статье представлены результаты последних исследований о происхождении и сущности религии праболгар, которую исповедовали в Дунайской Болгарии в период язычества в VII–IX вв. Отчетливо намечаются три основных гипотезы: тенгризм, зороастризм и/или митраизм. Мы считаем, что речь идет о религии управляющей верхушки, тогда как в низших слоях населения были распространены народные верования, такие как тотемизм, магия, анимизм, культ солнца, вошедшие в основу практики шаманизма. Это можно наблюдать и в ряде памятников, найденных в точно датированной археологической среде и, прежде всего, в первых столицах Болгарии – Плиске и Преславе.

Ключевые слова: Дунайская Болгария, шаманизм, праболгары, рисунки-граффити, тенгризм, зороастризм, тюрки

Николай Димитров Овчаров,
Болгария Ғылым академиясы Ұлттық археология институты,
София қ., Болгария
Младен Йорданов Станев,
Assobulg - Болгарлардың бүкіләлемдік ассоциациясы,
Варна қ., Болгария

Ерте болгар шаманизмі

Аннотация. Мақалада VII–IX ғғ. пұтқа табыну кезеңінде Дунай Болгариясының праболгарлары құлшылық еткен діннің шығу тегі мен болмысы жайлы соңғы зерттеулердің нәтижелері көрсетілген. Үш негізгі гипотеза – тәңіршілдік, зороастризм және/немесе митраизм анық байқалады. Біздің ойымызша бұл жерде әңгіме билеуші топтың діні туралы болған, ол кезде тұрғындардың төменгі деңгейінде шаманизм тәжірибесіне енген тотемизм, магия, анимизм, күн культі секілді халықтық наным-сенімдер таралған. Мұны нақты мерзімделген археологиялық ортада табылған бірқатар ескерткіштерден, ең алдымен Болгарияның алғашқы астаналары – Плиск пен Преславтан байқауға болады.

Түйін сөздер: Дунайлық Болгария, шаманизм, праболгарлар, граффити-суреттер, тәңіршілдік, зороастризм, түркілер

Nikolay Dimitrov Ovcharov,
National Archaeological Institute at BAS, Sofia, Bulgaria
Mladen Yordanov Stanev,
Association of Bulgarians Around the World, Varna, Bulgaria

Early Bulgarian shamanism

Abstract. The article presents the results of the latest research on the origin and essence of the religion of the Proto-Bulgarians, practiced in Danube Bulgaria in the pagan period of the 7th–9th centuries. Three main hypotheses

can be clearly identified: Tengrism, Zoroastrianism and/or Mithraism. In any case, it was the religion of the ruling elite, while the common people had their folk beliefs, such as totemism, magic, animism, sun worship, underlying the practice of shamanism. This is perfectly evidenced in a number of monuments found in a precisely dated archaeological environment, especially in the earlier capitals of Pliska and Preslav.

Keywords: Danube Bulgaria, shamanism, Proto-Bulgarians, graffiti drawings, Tengrism, Zoroastrianism, Turkic people

Вопрос о характере языческой религии праболгар и по сей день вызывает оживленные споры. Дунайская Болгария основана ханом Аспарухом, третьим сыном хана Кубрата. Последний в VII в. создает „степную империю“, названную в византийских хрониках „Древней Великой Болгарией“. Она находилась в землях Северного Причерноморья и берегов Азовского моря. Наряду с праболгарскими племенами в нее входили также и кавказские аланы, восточные славяне и другие народы. В третьей четверти VII в. это государство распалось под ударами хазар. Отдельные племена рассыпались по разным регионам, а племя под предводительством хана Аспаруха направилось в сторону Балкан. Он сокрушает войска Константина IV Погоната и в 681 г. создает новое государство.

К настоящему моменту в болгарской историографии бытуют две основные гипотезы о происхождении праболгар. Первая – обосновывает мнение о тюркском (в более широком плане – алтайском) происхождении, а вторая – защищает идею о индо-иранском происхождении. Существует также и промежуточная гипотеза, согласно которой в своем раннем этногенезе праболгары являются совокупностью восточных и северных иранцев. В конце 60-х годов V в., в районе на севере от Кавказа, к ним присоединяются и тюркоязычные племена из так называемой огурской группы [Степанов 2017: 15-16].

Подобная ситуация наблюдается и в вопросе об исповедуемой праболгарами религии до принятия ими христианства в Болгарии в 865 г. Вновь можно наблюдать две основные гипотезы, условно названные тюркской и ирано/индо-иранской. Первая в основном опирается на фундаментальные исследования Жана-Поля Ру (Roux 1984) и на исследования ученых из бывшего СССР. Вторая – основана как на письменных античных раннесредневековых свидетельствах, так и на исследованиях сравнительного религиоведения и некоторых данных из фольклора. Здесь появляется констатированная украинским ученым Омеляном Прицаком проблема о том, что мифология древних тюркоязычных народов подчиняется закономерностям, присущим и индоевропейцам [Pritsak 1981: 73-86]. Это довольно затрудняет разграничение этих двух структурных концепций.

В последнее время начал возрождаться старый тезис, который можно назвать фракийским, т. е. то, что праболгарская религия является автохтонной. Его развивают в основном люди, которые расследуют эти вопросы, формально не являясь частью академического сообщества и скорее относятся к сфере дилетанства [Степанов 2017: 24].

С точки зрения конкретных культов, которые исповедовались в средневековой Болгарии в VII-IX вв., в болгарской историографии можно наметить три основных гипотезы: тенгризм, зороастризм и/или митраизм.

В защиту тенгризма выступают такие авторы, как В. Бешевлиев, Ст. Ваклинов, Ж. Аладжов, Р. Рашев, Д. Овчаров, Н. Овчаров, А. Стойнев, А. Калоянов и др. В полной мере эта концепция развита Димитром Овчаровым в серии его исследований. По его мнению, праболгарский верховный бог Тангра развивают „средне- и центрально-азиатскому всевидящему Тенгри-хану – верховному божеству, разпоряжающийся судьбами людей. Второе место занимает женское божество Умай и третий уровень занимает Йер-суб, священная земля-вода – собирательный образ культов, связанных с невидимыми духами, нашедших свое выражение в почитании гор, скал и рек. Четвертым уровнем

является культ предков, который непосредственно связан с подземным миром. Это одна и та же древнетюркская традиция“ [Овчаров 1997: 23-25; 2002: 97-99].

Как и в вопросе о происхождении праболгар, так и в вопросе о их религии, защитниками тезиса о тенгризме, как основного культа в Дунайской Болгарии, выступают ученые из бывшего СССР. Из многочисленных суждений приведу лишь точку зрения выдающегося тюрколога С.Г. Кляшторного: „Общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа, – эта общность в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования дунайских праболгар с их культом Тангра (Тенгри, Тенгри-хана)“ [Кляшторный 1984: 18-22].

Важным доказательством в этом направлении является единственная праболгарская надпись на греческом языке, в которой упоминается имя Тангра. Она находится на колонне праболгарского культового центра Мадара и расшифрована одним из крупнейших наших языковедов – акад. Веселином Бешевлиевым. Текст гласит: „Кана сюбиги Омуртаг от Бога властитель...был...и совершил жертвоприношение богу Тангра“ [Бешевлиев 1979: 111, № 17] (рис. 1).

Противники тезиса о тюркском происхождении праболгарской религии указывают на то, что это единственный отечественный непосредственный источник информации о боге Тангра. На самом деле это так, но существует еще один источник, который слабо использован в исследованиях. Речь

Рис. 1. Рельеф Мадарского всадника, вероятный образ бога Тангра

идет об опубликованной в 1886 г. османо-турецкой рукописи из коллекции Дица, которая хранится в Берлинской государственной библиотеке. В ней сохраняется текст средневекового арабского автора Рашида ад-Дина, который в основе своей использует исчезнувшую византийскую рукопись VII в. В нее входит ряд вопросов византийского императора Ираклия (610-641 гг.) к будущему арабскому халифу Муавию, из которых первый гласит: „Какие светые имена у славного Бога на всех языках?“ Халиф ему ответил на 13 языках и среди них: „В языке (пра)болгар [имя бога] Tangry (bulghar dilinge Tangry-dir)“ [http://bibliothek.bbaw.de/DAS_jpg/07-abh/1866/jpg-1000].

Гипотеза о зороастризме выдвинута еще в 30-е годы XX в. такими авторами, как А. Протич и Кр. Миятев, но в наши дни ее возражают молодые историки, такие как Тодор Чобанов. Он упорно ищет параллели с артефактами, присущими зороастризму в Сасанидской Персии и прежде всего в землях Восточного Кавказа (сегодня Азербайджан и северо-восточная часть Ирана). Речь идет, прежде всего, о нескольких раскрытых сохранившихся на территории Дунайской Болгарии основ языческого святилища (т. н. капища) VIII–IX вв. Т. Чобанов не согласен со старым тезисом о том, что праболгары заимствовали лишь внешний вид зороастрийских храмов. Он выдвигает точку зрения, что это учение глубоко проникло в среду праболгарской элиты. Весьма интересной является его идея о том, что в религии праболгар необходимо разделять „языческие культовые практики на элитарные, находящиеся под влиянием зороастризма, связанные с представительными архитектурными святилищами (капища), и массовые, связанные с другими местами культа и сооружениями, которые ближе к древним степным верованиям“ [Чобанов 2014: 83, 87]. Как разновидность теории зороастризма можно принять тезис о митраизме в праболгарской религии, который выдвигают в последнее время некоторые авторы [Алексиев-Хофарт 2009].

В последнее время теория зороастризма была серьезно скомпрометирована фривольным использованием „модных“ генетических методов. В них была сделана попытка доказать при помощи „популяционного метода генетического анализа, что современные болгары являются смесью исконных славянских групп, богатых локально абсорбированной EEF ДНК и праболгар, богатых кавказской ДНК и генетически связанных с носителями салтово-маяцкой культуры VII–X вв.“ Именно через Кавказ и Прикавказье проникал индо-иранский элемент и вслед за ним зороастрийская религия [Stamov, Chobanov 2019].

Это мнение было опровергнуто ведущими генетиками, которые пришли к заключению, что в исследовании применялись псевдонаучные подходы – использование ограниченного набора данных и навязывание недоказанных предположений как основание подмены отсутствующих проб другими. В подобном виде гипотезы Стамова и Чобанова „не несут в себе научную ценность и являются результатом или неопытности или пожелательного мышления“ [Димитров, Йорданов 2019].

Существует и промежуточное мнение, делающее ставку на симбиозе тюркских и иранских элементов в религиозном мире праболгар. Оно затронуто Николаем Овчаровым [Овчаров 1992], но было серьезно аргументировано одним из сторонников теории о тюркском происхождении – Рашо Рашевым. Ученый считает, что элита праболгарского общества исповедовала близкие к иранским культы, в то же самое время низшие слои общества были под влиянием разнообразных тюркских верований [Рашев 2008].

Один из последних исследователей праболгарской религии делает следующий вывод: „Несомненно одно: пересечение верований ираноговорящих народов в Средней Азии и тех, которые общаются на алтайских (тюркских - прим. авт.) языках, становится довольно серьезным, после того как тюрки ставят под свою доминацию значительную часть региона в конце 60-х годов

VI в. Таким образом, появляются синкретические формы в религиозных верованиях и ритуалах и, по сути, невозможно разграничить, что является единственно иранским и что – изначально тюркским“ [Степанов 2017: 47].

Из обширной монографии Цветелина Степанова можно сделать вывод, что на данном этапе ни одна из этих двух версий не является непоколебимой и необходимы новые исследования в этом направлении. Как говорил Плиний Старший: „Можно быть уверенным лишь в том, что ни в чем нельзя быть уверенным!“, вот почему в этом кратком докладе нам бы хотелось обратить особое внимание на несколько примеров из археологии, которые выглядят непоколебимыми в области носителя информации.

Речь идет о десяти изображениях „шаманов“ языческого периода (VII–IX вв.) из Дунайской Болгарии или, как ее называют в болгарской историографии, Первое болгарское царство. Ставлю в кавычки этот термин, потому что, как мы увидим ниже, существуют споры по применению (рис. 2).

Рис. 2. Современные тувинские шаманы

Прежде всего, необходимо отметить несколько отлично датированных рисунков-граффити языческого периода, высеченных на крепостных стенах первых болгарских столиц Плиске и Преславе. Большинство из них раскрыты и опубликованы Димитром Овчаровым [Овчаров 1982: 70-77]. На одном из граффити из Преслава у идентифицированного как шамана персонажа маска с рогами, он держит в руках колотушку с шариком, которой ударяли в бубен (рис. 3). Подробно нарисованная художником одежда идентифицирована как характерная для центрально-азиатских шаманов наряд с накидкой, которая символизирует хвост священной птицы „гаро“ (рис. 4). Д. Овчаров и его ученик Ж. Аладжов дали определение изображению как „великий, сильный шаман“ [Овчаров 1982: 72; Аладжов 1999: 27-28].

Рис. 3. Рисунок из Преслава, изображающий танцующую фигуру в маске животного и рогами

Недалеко от этого образа найден другой, представляющий человека с побритой головой и чубом, свисающим на его плечо. Вместо бубна в руках у него лук, а одежда определена как шаманская. Д. Овчаров и Ж. Аладжов определяют его как „маленький“ или „средний“ шаман и связывают с другим, высеченным изображением из древнеболгарского поселения в окрестностях г. Девня, Варненской области (рис. 5). Речь идет о модели юрты из камня с высеченной культовой сценой, которая определена как шаман с луком в руках и лошадью рядом с ним в момент священнодействия (камлание). „Великими“ шаманами с трехрогими коронами и лошадьми рядом с ними интерпретируются и еще несколько врезанных изображений с крепостных стен Плиски [Овчаров 1982: 73; Аладжов 1999: 27-28; Калоянов 1995 25] (рис. 6).

Существует еще один рисунок – из праболгарского поселения в окрестностях с. Горталово, Плевенской области. В скале высечены две фигуры. Одна из них стоит и предполагают, что это шаман, который держит в руках колотушку и бубен. Он священнодействует (камлает) над больным или мертвым человеком, но не исключено, что на

Рис. 4. Танцующий сибирский шаман XVII в. на гравюре нидерландца Николааса Витсена (1641–1717)

изображении представлен ритуал посвящения нового шамана, который вначале лежит, а потом встает на ноги [Овчаров 1981: 73-80] (рис. 7).

Исследователи связывают праболгарский шаманизм и с некоторыми другими археологическими памятниками. Бесспорно, одним из самых интересных является мраморная плитка, раскрытая в окрестностях древней крепости г. Шумена (рис. 8). На ней представлен шаман с трехрогой короной в вихре ритуального танца, который держит в руке жезл, а вокруг него изображены животные – помощники в обряде или предназначенные для жертвоприношения – собака, теленок, змеи [Овчаров 1978: 22].

Существует возможность того, что шаманские маски изображены на амулете из Преслава [Аладжов 1999: 23]. И если можно принять, что о них возможны и другие толкования, то совсем иначе стоит вопрос с черепицей, найденной в главном праболгарском культовом центре Мадара (рис. 9). На ней вырезана фигура человека с ритуально поднятыми вверх руками. Ясно видна остроконечная шапка и выпуклые женские груди. По поводу этого изображения существуют несколько гипотез, но все исследователи (В. Бешевлиев, Д. Овчаров, Р. Рашев, Ж. Аладжов и др.) единодушны в своих мнениях, что речь идет о шамане или шаманке [Аладжов 1999: 28].

Существует и ряд других памятников, которые некоторые авторы относят к праболгарскому шаманизму, но они в большей или меньшей степени дискуссионны. В настоящей работе важно ответить на вопрос – исповедовались ли вообще такие культы в средневековой Болгарии? Ответ на него является особенно важным на фоне общей двусмысленности касательно языческой религии, которую мы констатировали выше.

В этом направлении существует слишком мало письменных памятников. Так арабский автор X в. Аль-Масуди считает, что „болгары исповедовали веру магов“ и по мнению В. Бешевлиева речь идет именно о шаманах. В связи с этим, интересен один из ответов папы Николая I на вопросы болгарского князя Бориса-Михаила. В нем он отмечает, что в обычаи языческих болгар входили „заклинания, игры, песнопения и какие-то гадания“. Также существует мнение, что шаманов называли „колобрами“, исполняющими роль религиозных предводителей во время войны [Калоянов 1995: 25].

В своей монографии о языческих культах праболгар Ж. Аладжов обращает свое внимание на две стороны праболгарской религии. Первая – это тенгризм, культ управляющей элиты, которая переплетается с обожествлением владетеля-хана. Другая – это народные верования, такие как тотемизм, магия, анимизм, культ солнца, легшие в основу практики шаманизма [Аладжов 1999: 35-37]. Взгляды этого автора подвержены влиянию теории Жан-Поль Ру об имперском (государственном) и бытовом (семейном) уровне тюркской религии, которую позже заступают Л. Потапов и И. Чорухлу [Roux

Рис. 5. Модель юрты с “шаманской” сценой из праболгарского поселения в окрестностях г. Девня, Варненской области

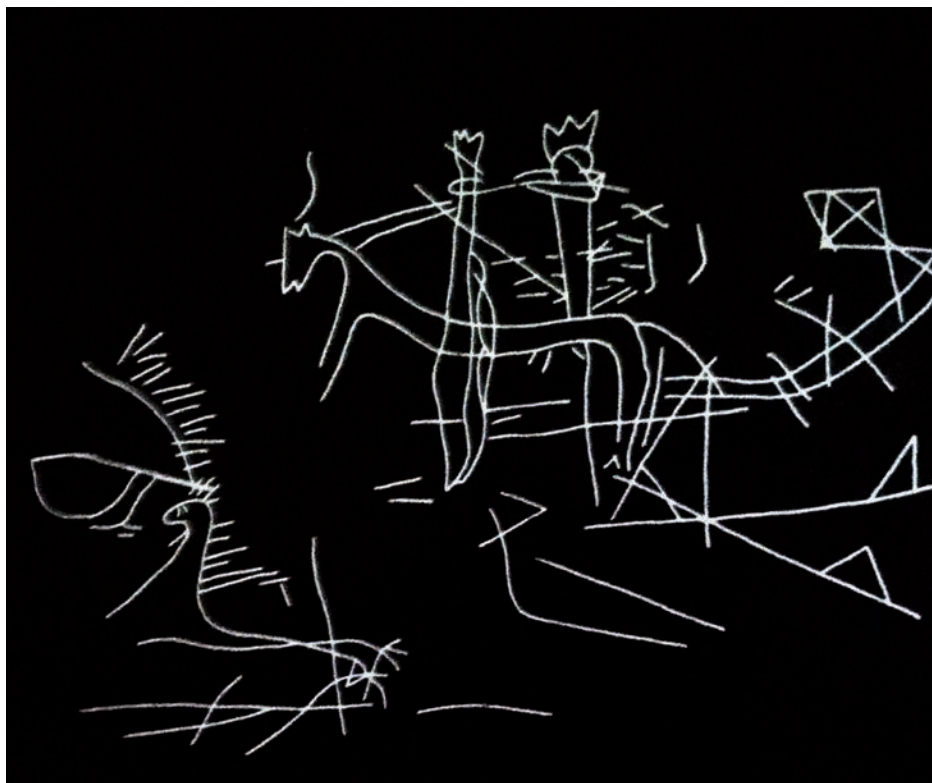

Рис. 6. “Шаманы” в трехрогих коронах и лошадьми, изображенные на рисунке времен первой болгарской столицы Плиска

Рис. 7. “Шаманская” сцена из праболгарского святилища в окрестностях с. Горталово, Плевенского района

1962: 21-33; Потапов 1991: 120-122; Çoruhlu 2001: 99].

В последнее время и в унисон с увлечением тезисом о проникновении иранских культов в среду праболгар, все больше усиливается тенденция уничтожения шаманства языческого периода в средневековой Болгарии. Ее главным носителем выступает музыковед Ружа Нейкова, которая вообще отрицает присутствие шаманов. Одним из основных ее аргументов является то, что у праболгар не встречается термин „кам“, обозначающий у тюрков человека со

сверхъестественными духовными функциями и лечебными умениями. Она утверждает, что у праболгар не существует термина „шаман“, и что он характерен не для тюрков, а для эвенков [Нейкова 2006]. Более умерен в своих высказываниях Цв. Степанов, который пишет, что на данном этапе отсутствуют „однозначные сведения“ [Степанов 2017: 45].

Вопрос о шаманизме является ключевым в изучении культуры тюркских народов еще со времен С.А. Токарева [Токарев 1964]. Уже известно, что не существует общепринятого определения шаманизма. Даже такой, на первый взгляд неоспоримый знак, как присвоение шаманам умения общения с духами, выглядит

для разных народов по-разному [Смоляк 1991: 6 сл.]. Что же касается вопроса о тюрках, то первые подобные проявления упоминаются в VI в., а понятие „кам“ используется после VII в. „Классический“ профессиональный шаман, который общается с духами и „путешествует“ в их мире, оформился едва в начале II тысячелетия [Сагаляев 1984: 8]. Отметим, что тогда в Болгарии уже несколько веков, как было принято христианство.

Давно уже было отмечено, что развитие шаманских культов среди тюркоязычных народов весьма разнородно и фигура жреца-шамана вообще не являются универсальной [Потапов 1978: 7]. В последнее время этот вопрос вновь начал обсуждаться и был разработан в интересном ключе В.В. Тишиным и С.С. Серегиним [Тишин, Серегин 2017: 76-96]. Оба ученых напоминают, что в древнетюркских рунических надписях речь идет не о шаманах, их деятельность ограничивалась на бытовом уровне, в то время как основные, сакральные функции исполнялись

племенными вождями [Васильев 1983].

Рис. 9. Мадарская черепица с изображениями

Рис. 8. Шуменская плитка

В письменных источниках VI–IX вв. существуют ряд терминов, обозначающих лиц со сверхъестественными способностями. Китайские источники, такие как „Суй-шу“ (636г.) и „Бейше“ (659 г.) дают сведения о том, что тюрки „веруют в волхвов“. Лю Мацой использует фразу „заклинательницы и заклинатели злых духов“. Китайские историки содержат также данные о неких „колдуньях“, обозначенных как „у-ши“ в „Цзю Тан-шу“ и в „Синь Тан-шу“. С другой стороны, в Азии в 568 г. византийский посол Зимарх в ставке западно-тюркского кагана встретил людей, „о которых уверяли, будто они имели способность гонять несчастья“, они плясали у костра, „звонили в колокол и ударяли в тимпан“, изгоняя „лукавых духов“, им „приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла“. Византийский автор VII в. Феофилакт Симоката пишет, что тюрки „выбирают своими священниками тех, кто по их мнению могут предсказывать будущее“ [Тишин, Серегин 2017: 78-80].

Очевидно, во времена основания болгарского государства в 681 г. среди тюркоязычных народов существовали лица, совершающие магические действия, такие как: заклинание

духов, предсказания, гадание, лечение и влияние на погоду. Однако трудно, почти невозможно определить существовала ли „тесная специализация“. Фактически естество этих, объясненных в рамках традиционных идей о шаманизме практик, не предполагают существование какой либо конкретной социальной прослойки [Inan 1986: 79].

В.В. Тишин и С.С. Серегин также считают, что письменные и археологические сведения не дают возможность разграничить отдельную прослойку людей, совершавших шаманские ритуалы. „Более вероятно, что культовые действия у рядовых номадов выполнялись не специальной группой людей—служителей культа, а главами родов или старейшинами, неоднократно упоминаемыми в письменных источниках“ [Тишин, Серегин 2017: 84].

Этот вывод полностью вписывается в известную картину религиозной жизни языческого периода Дунайской Болгарии. Для нас несомненным является тот факт, что упомянутые выше памятники свидетельствуют именно о таких „служителях культа“, без значения, называем ли мы их в наши времена шаманами или нет. При констатированном отсутствии подобных проявлений в античном периоде на Балканах [Калоянов 2003: 34-37]. Становится очевидным то, что необходимо направить свое внимание на праболгар. Естественно остается открытым вопрос, идет ли речь только о тюркских верованиях или о вмешательстве других средне-азиатских культур.

В этом смысле весьма важно осуществить углубленные исследования шаманизма в Центральной и Средней Азии и его возможные проявления в языческой культуре средневековой Болгарии. Оба автора настоящего доклада уже провели несколько экспедиций в Республике Монголия и Республике Бурятия РФ и намерены продолжить их и в будущем (рис. 10).

Рис. 10. Николай Овчаров принимает участие в шаманском ритуале в центре “Тангра” в окрестностях Улан-Удэ, Республика Бурятия, РФ

ЛИТЕРАТУРА

- Аладжов Ж.Т. Паметници на прабългарското езичество. София, 1999. Издателства УИ «Св. Климент Охридски», АИ «Проф. Марин Дринов», 71 с.
- Алексиев-Хофарт А.П. Митраизмът и древните българи (културен архетип). София, 2009. Издателство „Тангра ТанНакРа“, 352 с. 269 с.
- Бешевлиев, В.И. Първобългарски надписи, I. София, 1979. Издателство БАН, 269 с.
- Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 127 с.
- Димитрова Г.И., Йорданов ИВ. Теориите за произхода на българите и генетиката. // www.iskra.bg › teoriite-za-proizhoda-na-balgarite-i-genetikata, 2019.
- Калоянов А.Й. Българското шаманство. София, 1995. Издателство „Импресарско“, 214 с.
- Калоянов А.Й. Старобългарските шамани: религиозен опит и социални функции (VIII-XII в.). София: изд-во „Род“, 2003. 408 с.
- Кляшторный С.Г. Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София: изд-во БАН, 1984. С. 18-22.
- Нейкова Р.Г. Имало ли е шамани на Балканите // *Studia Thracica*. 2006. IX.
- Овчаров Д.С. По въпроса за шуменската плочка // Музеи и паметници на културата. 1978. 2. С. 20-28.
- Овчаров Д.С. К вопросу о шаманстве в средневековой Болгарии VIII–X веков // *Bulgarian Historical Review*. 1981. 3. С. 73-80.
- Овчаров Д.С. Прабългарската религия: произход и същност. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1997. 184 с.
- Овчаров Д.С. Въведение в прабългарската култура. София: Гуторанов и син, 2002. 151 с.
- Овчаров Н.Д. Съществувала ли е тюркската богиня Умай в прабългарския пантеон? // Мадара, III. Шумен, 1992. С. 186-194.
- Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 3-36.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 319 с.
- Рашев Р.С. Българската езическа култура VII–IX в. София: Класика и стил, 2008. 600 с.
- Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Централноазиатские влияния. Новосибирск: Наука, 1984. 319 с.
- Смоляк Я.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. М.: Наука, 1991. 286 с.
- Степанов Цв.Й. Религии в езическа България. (Историографски подходи, 1980–2015 г.). София: Парадигма, 2017. 258 с.
- Тишин В.В., Серегин Н.Н. К вопросу о существовании служителей культа у древних тюрков Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2017. 3. С. 76-96.
- Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Наука, 1964. 662 с.
- Чобанов Т.И. Езическите храмове на Дунавска България // Древните българи: Дискусията продължава. София: Тангра ТанНакРа, 2014. 152 с.
- İnan A. Tarihte ve Bugün Şamanizm: Materyaller ve Araştırmalar. 3. bk. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986.
- Pritsak, Om. The Origin of Rus'. Vol. 1. Cambridge, Mass., 1981.
- Roux, J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles (premier article). - *Revue del'histoire des religions*. 1962. T. 161. No. 1. С. 21-33.
- Roux J.-P. La religion des Turcs et des Mongols. Paris: Payot, 1984. 323 p.
- Stamov Sv., Chobanov T. Genetic evidence suggests relationship between contemporary Bulgarian population and Iron Age steppe dwellers from Pontic-Caspian steppe. URL: www.biorxiv.org › content, 2019.
- Çoruhlu Y. Göktürk Sanatında Dinî Nitelikli Heykeller ve Tasvirler // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 2000 / Yazı Kurulu: E. Gürsoy Naskali, H. Eren, K. Yetiş, O.F. Sertkaya, Z. Korkmaz. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2001. S. 95–146.

А. Е. Рогожинский

Алексей Евгеньевич Рогожинский,
Институт археологии им. А.Х. Марғулана,
г. Алматы, Казахстан; alexeyro@hotmail.com

Современный этап изучения наскального искусства в Казахстане и Средней Азии*

Аннотация. Современный этап изучения наскального искусства в регионе охватывает первые два десятилетия XXI в. и характеризуется качественными переменами в содержании научной деятельности до 2010 г. и позже. Первое десятилетие знаменуется широкой внутрирегиональной кооперацией и активным международным научным сотрудничеством в рамках серии проектов ЮНЕСКО, стимулировавших продвижение во всемирное наследие выдающихся памятников наскального искусства Центральной Азии. Важными результатами научной кооперации явились выработка нового подхода к изучению и сохранению памятников наскального искусства как палеокультурных (археологических) ландшафтов и разработка «Стандарта документации». Новейший период отличается отсутствием региональной координации исследований, дезинтеграцией задач изучения и сохранения памятников наскального искусства. В настоящее время исследования направлены преимущественно на выявление новых памятников и углубленное изучение отдельных аспектов феномена наскального искусства региона.

Ключевые слова: наскальное искусство, ЮНЕСКО, Центральная Азия, петроглифы, культурный ландшафт, документация

Алексей Евгеньевич Рогожинский,
Ә.Х. Марғулан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Қазақстан мен Орта Азиядағы жартас өнерін зерттеудің қазіргі кезеңі

Аннотация. Аймақтағы жартас өнерін зерттеудің заманауи кезеңі XXI ғ. алғашқы жиырма жылдығын қамтиды және 2010 жылға дейінгі және кейінгі ғылыми қызмет мазмұнындағы сапалы өзгерістермен сипатталады. Алғашқы онжылдықтағы жұмыстар Орталық Азиядағы жартас өнерінің белгілі ескерткіштерін Дүниежүзілік мұраға енгізуге бағытталған ЮНЕСКО-ның жобаларының шеңберінде ауқымды аймақ ішілік кооперациямен және белсенді халықаралық ғылыми ынтымақтастықпен ерекшеленеді. Ғылыми кооперацияның маңызды нәтижелері жартастағы өнер ескерткіштерін палеомәдени (археологиялық) ландшафтар ретінде зерттеу мен сақтаудың жаңа тәсілін тұжырымдау және «құжаттама стандартын» әзірлеу болды. Қазіргі заманғы кезең зерттеулердің аймақтық координациясының болмауымен, жартас өнері ескерткіштерін зерттеу және сақтау міндеттерінің толық жүзеге аспауымен ерекшеленеді. Қазіргі уақытта зерттеулер негізінен жаңа ескерткіштерді анықтауға және аймақтағы жартас өнері феноменінің кейбір аспектілерін терең зерттеуге бағытталған.

Түйін сөздер: жартас өнері, ЮНЕСКО, Орталық Азия, петроглифтер, мәдени ландшафт, құжаттама

© 2022 Рогожинский А.Е.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466 и в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1.Б597АА00002).

Alexey Rogozhinskiy,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

The present stage of rock art study in Kazakhstan and Central Asia

Abstract. The present stage of rock art study in the region covers the first two decades of the 21st century and is characterized by qualitative changes in the scientific activity content until 2010 and later. The first decade is marked by broad intra-regional and active international scientific cooperation within the framework of a series of UNESCO projects that stimulated the promotion of the outstanding Central Asian rock art sites into the world heritage. The important results of scientific cooperation were a new approach of the study and preservation of rock art sites as paleocultural (archaeological) landscapes and the development of the “Standard of Rock Art Documentation”. The modern period is characterized by absence of regional coordination of research, disintegration of tasks of studying and preserving rock art sites. At present, research focuses mainly at identifying new sites and advanced study of certain aspects of the regional rock art phenomenon.

Keywords: rock art, UNESCO, Central Asia, petroglyphs, cultural landscape, documentation

Введение

Первые два десятилетия нынешнего века отмечены существенными переменами в развитии археологии наскального искусства стран западной части Центральной Азии, в число которых входят бывшие республики СССР – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан (рис. 1). Качественные перемены и успехи в области изучения и сохранения

Рис. 1. Карта памятников наскального искусства Центральной Азии (Казахстан и Средняя Азия). UNESCO CARAD, 2010 г.

памятников наскального искусства региона, достигнутые в этот сравнительно короткий период, видятся весьма значимыми для истории науки и нуждаются в осмыслении, для того чтобы яснее виделась ближайшая перспектива, чтобы избежать движения вспять в практике продолжающихся исследований. Задача приобретает актуальность еще потому, что последний по времени специальный историографический анализ современного петроглифоведения в Казахстане сделан полтора десятилетия назад [Байтлеу 2007: 18–25], а недавние тематические обзоры за 2005–2014 гг. [Rozwadowski, Lymer 2012; Zheleznyakov, Devlet 2016] сумели донести до читателя лишь некоторые сведения о проводившихся в регионе исследованиях и обозначить небольшой круг знакомых их авторам проблем, поделившись с читателями своим видением перспектив. К сожалению, яркая мозаика историографических этюдов и разрозненных эпизодов научной хроники в упомянутых обзорах не воссоздает цельной панорамы динамично развивавшегося в тот период процесса изучения и сохранения наскального искусства в странах Центральной Азии. Это служит преградой для понимания современных тенденций в археологии наскального искусства региона, поэтому столь необходимо дать краткую характеристику основных достижений в предшествующие годы, прежде чем перейти к оценке содержания исследований в наши дни.

Инновационные проекты в 2000-х гг.

Первым инновационным проектом, реализованным в начале века на фоне многих других исследований, продолжавшихся в регионе на базе традиционной методологии советской науки о петроглифах, стал ЮНЕСКО-норвежско-казахстанский проект «Менеджмент, консервация и презентация петроглифов Тамгалы» в 2001–2006 гг. За короткий срок небольшому коллективу специалистов (археологов, геологов, биологов и консерваторов) удалось добиться важных практических результатов: 1) продолжить начатое еще в 1990-х гг. комплексное изучение археологического ландшафта с петроглифами Тамгалы; 2) создать комплект многофункциональной документации памятника, положенной в основу досье номинации и менеджмент-плана для включения Тамгалы в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, а также для учреждения государственного заповедника-музея «Тамгалы» в 2003 г.; 3) осуществить программу неотложных работ по сохранению и консервации петроглифов Тамгалы, минимизировавших антропогенную нагрузку на популярный объект туризма. В 2004 г. первый памятник наскального искусства Центральной Азии вошел в Список ЮНЕСКО – «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» [Rogozhinsky 2011].

Позитивный опыт Казахстана был поддержан ЮНЕСКО, и в 2003 г. из Тамгалы стартовал новый проект, развивавшийся до 2010 г. как программа научного сотрудничества специалистов стран Центральной Азии для разработки и реализации региональной стратегии изучения и сохранения памятников наскального искусства. Первоначально общей платформой научной кооперации выступала идея создания единой базы данных «Central Asian Rock Art Database – CARAD», аббревиатура которой вошла в неофициальное название проекта ЮНЕСКО и стала обозначать сложившуюся сеть регионального сотрудничества специалистов по наскальному искусству [Памятники наскального искусства 2004]. Основными участниками проекта CARAD в разные годы были археологи, консерваторы, геологи и биологи Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, а также России, Азербайджана и Норвегии.

В рамках проекта CARAD субрегиональными офисами ЮНЕСКО в Алматы и Ташкенте, а также МИЦАИ в Самарканде организовывались полевые семинары, экспертные встречи, тренинги по технологии документирования памятников наскального искусства и практической консервации. В ходе полевых семинаров проводилась оценка эффективности применявшихся

на памятниках наскального искусства материалов и методов консервации, разрабатывалась методика документирования, мониторинга, оказывалась научно-методическая помощь группам национальных специалистов и прямое содействие в подготовке базовой документации памятников: Сармишсай, Тамгалы и Чолпон-Ата, 2003–2005 гг.; Гобустан, 2007 г. В то же время проводились полевые исследования на памятниках – потенциальных объектах всемирного наследия: Ешкиолмес, Кулжабасы и Арпаозен в Казахстане (рис. 2); Чолпон-Ата и Суук-Дёбё в Кыргызстане; Сармишсай в Узбекистане; Сои Собаг в Таджикистане; Безegli-дере в Туркменистане. Общей задачей археологических исследований выдвигалась подготовка базовой документации памятников, выявление основных компонентов археологических ландшафтов с петроглифами и определение их границ для дальнейшей организации охраны на национальном уровне.

Соединение задач изучения и сохранения памятников наскального искусства придавало цельность содержанию проекта CARAD; это был прогрессивный подход, поскольку во всех странах региона огромное количество ландшафтов с петроглифами в настоящее время остается без эффективной охраны и управления, многие ценные петроглифы нуждаются в экстренных мерах консервации. В целом, реализация проекта CARAD имела большое значение: 1) аккумулировала позитивный опыт региональных и зарубежных экспертов, что позволило выработать и согласовать методологию документирования и консервации наскального искусства; 2) укрепляла профессиональное сотрудничество специалистов стран Центральной Азии; 3) повышала квалификацию исследователей. Ценным эффектом проекта CARAD явился также опыт координации

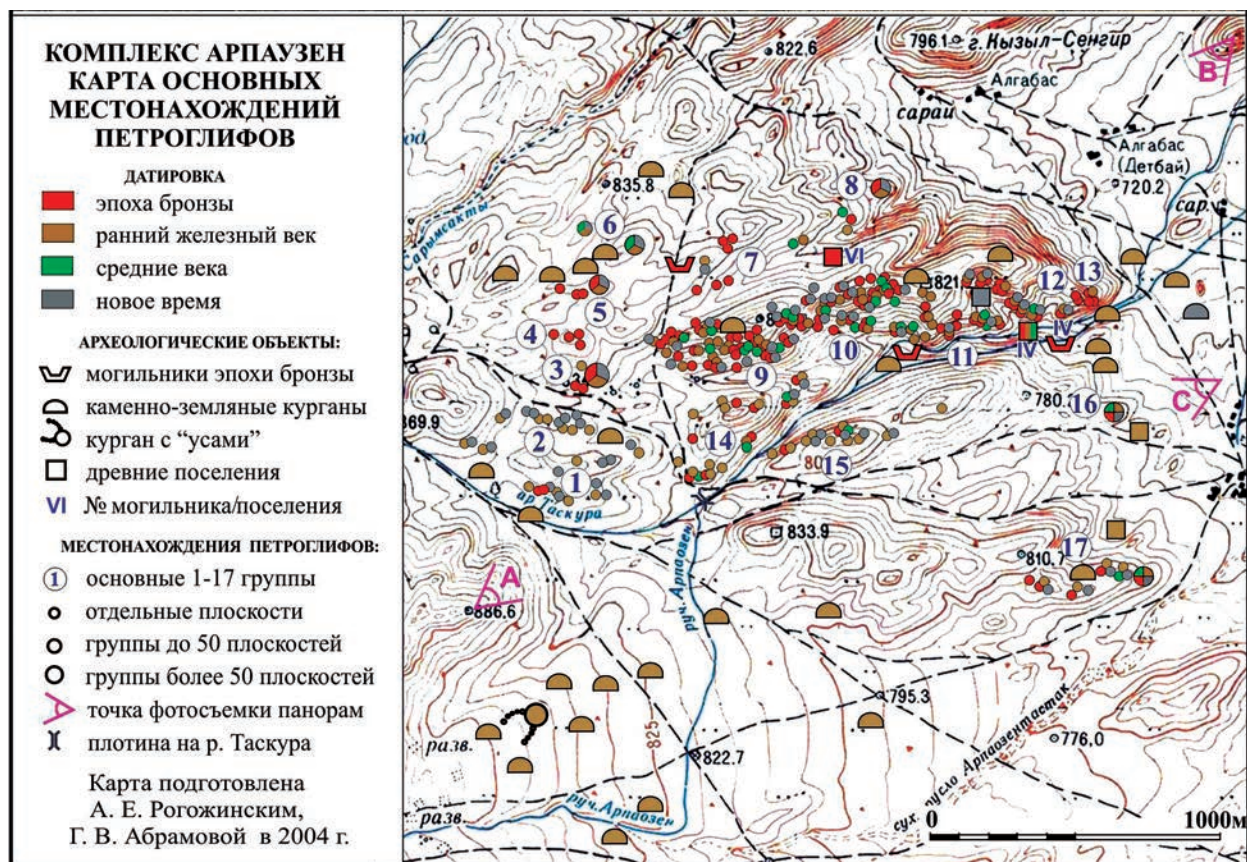

Рис. 2. Карта основных местонахождений петроглифов археологического ландшафта Арпаозен. 2004 г.

усилий национальных групп специалистов, направленных на изучение и сохранение выдающихся памятников наскального искусства региона. В условиях дезинтеграции научного пространства в связи с распадом СССР значение объединяющей роли ЮНЕСКО возрастало.

Нужно выделить два главных практических результата проекта CARAD: 1) внедрение нового подхода к изучению памятников наскального искусства как культурных ландшафтов; 2) разработка «Стандарта документации памятников наскального искусства Центральной Азии». Новизна подхода заключалась в том, что памятники наскального искусства рассматривались как археологические (палеокультурные) ландшафты, в которых рисунки на скалах наряду с другими материальными свидетельствами (стоянками, могильниками, остатками коммуникаций и др.) отражают характер удаленного во времени обитания людей и традиционного взаимодействия общества с природным окружением. Памятники наскального искусства изучаются и сохраняются не как отдельные скопления наскальных рисунков, а как комплексные памятники археологии со скоплениями наскальных изображений; физические границы таких комплексов, по меньшей мере, тождественны территории, вмещающей все сопряженные в ландшафте следы обитания и деятельности древних коллективов. Современный культурный контекст реликтовых ландшафтов часто формирует живая традиция создания новых и/или подновления древних рисунков, почитание мест их нахождения и т.д. Здесь нужно заметить, что в советский период (а отчасти и сейчас) изучение наскального искусства обычно ограничивалось временными рамками древних эпох и Средневековья, а художественные произведения XVIII–XIX вв., нередко сопровождаемые эпиграфикой, изучались факультативно или вовсе игнорировались. Теперь же благодаря новой концепции в археологии и этнологии Казахстана и Средней Азии намечилось признание факта сохранения в культуре современных народов региона традиционной наскальной изобразительной и тесно связанной с ней эпиграфической деятельности, изучение которых становится актуальным в наши дни.

В рамках проекта CARAD впервые был произведен учет известных памятников наскального искусства Казахстана и Средней Азии (рис. 1); эти данные представлены на картах отдельных стран и всего региона, что позволяет оперировать конкретными цифрами, типологическими, хронологическими и географическими характеристиками для определения историко-культурных ареалов наскального искусства Центральной Азии. Также впервые предложена общая типология ландшафтов наскального искусства, учитывающая известное многообразие памятников Центральной Азии [Рогожинский 2011; Rogozhinskii, Novozhenov 2018: 28–31]. Новый подход нашел отражение в определении целей документирования и в структуре «Стандарта документации»: документация памятника наскального искусства – это не только искусно выполненные копии, фотографии, 3D-проекции собственно поверхностей с наскальными рисунками, поскольку сами рисунки органично входят как значимый компонент в более или менее протяженные ландшафты, включающие другие памятники археологии; документирование и документация – это система методов и форм регистрации изменяющегося состояния объектов археологического ландшафта, включая его природные и культурные компоненты, в том числе наскальные изображения. Технологии документирования могут изменяться со временем, но сохраняются четыре базовых уровня структуры описания памятников: комплекс – локальный участок – изобразительная поверхность – изображение [Памятники наскального искусства 2004: 156–168].

Финальный этап проекта CARAD в 2008–2010 гг. – это первые шаги к подготовке будущей трансграничной серийной номинации «Наскальное искусство Центральной Азии» в Список ЮНЕСКО. Вместе с тем, это этап наиболее интенсивных полевых исследований в разных странах региона и важных теоретических дискуссий, результаты которых, к сожалению, остались не опубликованными или крайне скудно представлены в отдельных обзорных публикациях.

Подготовленные обширные материалы и базовая документация значимых памятников региона не нашли в тот период должного отражения даже в тематическом исследовании ИКОМОС «Наскальное искусство Центральной Азии», где научная редакция текстов на русском языке, содержащих характеристику памятников региона, выполнена А.Е. Рогожинским, а введение и заключение написаны Ж. Клоттом [Rock Art in Central Asia 2011].

Обсуждение концепции серийной номинации выявило большой круг нерешенных проблем, обусловленных недостаточной изученностью и неполнотой документального представления памятников региона, что обусловлено, в свою очередь, недостатками доминировавшей долгие десятилетия методологии советского петроглифоведения. На отсутствие необходимой документации и ограниченность проведенных в XX в. исследований двух известных памятников – Зараут-камар и Саймалыташ, рассматриваемых теперь как потенциальные объекты всемирного наследия, указывалось в специальном критическом обзоре [Rogozhinsky 2008]. В целом, состояние изученности наскального искусства Центральной Азии затрудняло решение ключевых вопросов: определение историко-географических и хронологических рамок культурного феномена; установление корректных датировок, культурной атрибуции и географических ареалов идентифицированных изобразительных традиций; выявление исторической преемственности и своеобразия локальных практик, связанных с созданием и использованием наскального искусства, и др. Итоги этой сложной и неоконченной дискуссии подведены в 2010 г. на совещании экспертов, ЮНЕСКО и ИКОМОС в Самарканде [Second UNESCO Sub-Regional Workshop 2010].

Современные тенденции

Несмотря на то что процесс подготовки трансграничной серийной номинации оказался незавершенным, прерванным, перспектива продвижения выдающихся памятников региона во всемирное наследие сохраняется и сегодня. Именно эта перспектива определяет общую тенденцию развития археологии наскального искусства в Казахстане и Средней Азии на современном этапе, хотя наряду с этим существуют независимые направления исследований.

1. Главными факторами, влияющими сегодня на содержание, масштабы и характер исследований, являются отсутствие региональной координации и целевых финансовых ресурсов для продолжения комплексных исследований и поддержания сбалансированной кооперации национальных научных коллективов. Ослабление региональной кооперации имеет следствием дезинтеграцию внешних и внутренних профессиональных связей национальных научных коллективов, нарушение преемственности методологии CARAD и возврат к устаревшим моделям исследований.

В 2018 г. по инициативе МИЦАИ организован Круглый стол «Петроглифы Центральной Азии: перспективы номинирования объектов наскального искусства Центральной Азии в Список всемирного наследия ЮНЕСКО» (14 июня 2018 г., Алматы, Казахстан), участниками которого одобрен «Алматинский план действий» для дальнейшей работы [Rogozhinskii Novozhenov 2018: 8–10]. В частности, план предполагает создание регионального Координационного совета по трансграничной серийной номинации с участием представителей уполномоченных органов государств региона и представителей научного сообщества от каждой страны; также признается роль МИЦАИ в качестве Секретариата серийной номинации.

Весомым вкладом МИЦАИ в реализацию плана действий явилось издание подготовленных участниками проекта CARAD материалов, не вошедших в тематическое исследование ИКОМОС (2011 г.), а также материалов дискуссии по концепции трансграничной серийной номинации [Ibid.].

2. К настоящему времени фактически утрачена столь важная для стран региона приоритетная связь археологических изысканий с задачами сохранения памятников наскального искусства. Выдающиеся ландшафты с петроглифами Ешкиолмес, Кулжабасы, Арпаозен, Сауыскандык (Казахстан), Сармишсай (Узбекистан) и Сои Сабаг (Таджикистан) остаются без эффективного менеджмента, хотя почти все вошли в национальные Предварительные списки ЮНЕСКО, и научно-техническая документация для постановки некоторых из них на государственную охрану подготовлена еще в 2004–2006 гг. К сожалению, только в Казахстане и Узбекистане остаются квалифицированные специалисты, обладающие опытом консервации наскальных рисунков.

3. Судя по учтенным научным публикациям за 2015–2020 гг., наиболее интенсивные исследования наскального искусства проводились в Казахстане и далее по убыванию – в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане; к сожалению, по Туркменистану информации нет. Всего издано более 50 научных статей, не менее 10 книг, включая два фотоальбома с большим количеством иллюстраций и минимумом текстов. Преобладают книги и статьи, которые посвящены изучению недавно открытых местонахождений наскальных рисунков [Sala, Deom 2019; Железняков 2019; Рогожинский 2016] или освещают результаты новых исследований уже хорошо известных памятников [Ташбаева 2019], но при этом содержат качественно обновленную и расширенную их документацию. Например, так выглядит книга М.М. Хужаназарова по Сармишсаю, в которой отражены, хотя и не в полной мере, результаты узбекско-норвежского сотрудничества в 2002–2006 гг. по изучению археологического ландшафта, документированию и консервации петроглифов на платформе «Стандарта» CARAD [Хужаназаров, 2018]. Весьма ценным исключением является монография В.А. Ранова (1924–2006) «Бегущие по скалам», подготовленная к изданию его коллегами в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикистана [Ранов 2016]. Это первая монография по наскальному искусству Таджикистана, в которую вошли материалы исследований В.А. Ранова на Памире в 1958, 1972 и 2001 гг.

Изучение памятников наскального искусства в Казахстане проводилось преимущественно местными специалистами за счет бюджета государственных программ, в то время как в Кыргызстане и Узбекистане заметную роль сыграли совместные исследования по международным проектам местных археологов и зарубежных коллег. Так, весьма плодотворными оказались работы в Узбекистане исследовательской группы под руководством А. Августиновой (Чехия) на юге страны [Augustinová, Stančo 2016], а также О.А. Кащей (Россия) в Западном Тянь-Шане [Kashchey and Nedashkovsky 2018; Кащей 2019]. Успешно продолжил поиск и документирование новых или малоизвестных ранее памятников на севере Кыргызстана бельгийский исследователь Люк Херманн [Hermann 2018; 2019]. Много новых памятников с петроглифами и наскальными росписями в горах Нурата обследовано узбекским археологом А.Н. Холматовым, который обобщил данные по этому региону в своей диссертации [Kholmatov 2019]. Все эти исследования не связаны одно с другими, различаются по методологии и масштабам, но существенно пополняют банк данных по наскальному искусству региона.

4. Современные исследователи наскального искусства региона используют разные научные подходы. С одной стороны, часть национальных специалистов продолжает в своих работах придерживаться парадигмы советского петроглифоведения, и это накладывает отпечаток на все этапы археологического исследования: выборочное документирование наскальных рисунков вне археологического окружения и ландшафта; семантическая интерпретация на основе древних мифологий и местной этнографии избранных серий рисунков, датировка которых и культурная принадлежность зачастую слабо обоснованы [Холматов 2018; Shvets 2018; Железняков 2019]. С другой стороны, публикации некоторых зарубежных археологов демонстрируют сходство с

методологией CARAD, и документальная продукция таких исследований не требует декодирования [Augustinova 2018; Sala, Deom 2019]. Правда, иногда определения датировок и чрезмерно удаленные в пространстве и времени аналогии, привлекаемые для атрибуции изучаемых петроглифов, вызывают сомнения или выглядят случайными, выдавая слабое знакомство зарубежных авторов с литературными источниками на языках народов региона и ключевыми памятниками Центральной Азии.

Некоторые виды базовой документации, рекомендованные «Стандартом» CARAD (карта археологического ландшафта, топографический план и индексированная панорама локального скопления петроглифов), всё чаще находят место в публикациях археологов Казахстана и Средней Азии (см. напр.: [Ранов 2016: рис. 15, 16]). Впрочем, такая документация мало применяется исследователями для детального анализа местонахождений петроглифов, как это продемонстрировано ранее на примере памятников Казахстана [Памятники наскального искусства 2004: 45–92], но такая возможность появляется. Заслуживают внимания аналитические исследования по отдельным памятникам, в которых авторы используют методы геоархеологического изучения ландшафтов с наскальными рисунками, дается пространственный анализ петроглифов в археологическом ландшафте; к сожалению, такие публикации единичны [Sala, Deom 2016; Augustinova 2018].

5. Особую категорию современных изданий по наскальному искусству составляют фотоальбомы, подготовленные по итогам краткосрочных научных проектов: они не содержат детального описания и анализа местонахождений, но зато в большом количестве в них представлены фотографии петроглифов и ландшафтов, генеральные планы комплексов и планы отдельных скоплений петроглифов, и др. В этом списке первое место занимает фотоальбом по петроглифам археологического ландшафта Саймалыташ в Ферганском хребте – крупнейшего высокогорного памятника наскального искусства Казахстана и Средней Азии. Издание является итогом работы в 2016 г. по проекту Министерства культуры, информации и туризма Кыргызстана небольшой группы кыргызских исследователей под руководством археолога А.Т. Сулаймановой. Альбом содержит около 300 прекрасных фотографий петроглифов, живописных пейзажей, ортофотопланы и детальные топографические планы двух главных скоплений – Саймалыташ I (зафиксировано 5486 камней с рисунками) и Саймалыташ II (300 камней), а также краткое изложение истории изучения памятника и общее описание наскальных рисунков. Заметим, что это наиболее полное издание петроглифов Саймалыташ за более чем вековую историю изучения памятника [Сулайманова и др. 2016].

Еще одно подобное издание посвящено петроглифам комплекса Кулжабасы, считающегося одним из крупнейших памятников наскального искусства Казахстана. Составители альбома попытались полнее представить многообразие изобразительного комплекса, включив в издание большую серию ранее не публиковавшихся петроглифов, но немалая часть фотографий, к сожалению, оказалась низкого качества [Saduakasuly et al. 2017].

6. Отличительной чертой казахстанской школы археологии наскального искусства, связанной с именем ее основателя А.Н. Марьяшева (1933–2018), остается комплексное изучение местонахождений, предполагающее археологические раскопки памятников, объединенных с петроглифами в ландшафте (Марьяшев и др. 2017). Продолжая эту традицию, в последние годы разными исследователями проводились раскопки могильников эпохи бронзы и античного периода на нескольких важных памятниках наскального искусства: в Сауыскандык (Южный Казахстан), Молдажар (Восточный Казахстан) и Аккайнар в Семиречье. Материалы раскопок в Сауыскандык включены в монографию, посвященную петроглифам этого крупного комплекса [Samashev et al.

2014: 279–299], но результаты раскопок андроновских могильников в Молдажар [Samashev 2018] и культуры Бегазы-Дандыбай в долине Аккайнар не опубликованы.

Опыт комплексных археологических исследований в Тамгалы убеждает, что наиболее эффективными для решения вопросов датировки и культурной атрибуции петроглифов являются раскопки стоянок возле скал с наскальными рисунками: здесь чаще удается обнаружить в стратиграфической последовательности строительные камни с петроглифами в контексте с репрезентативными артефактами и необходимыми для датирования органическими материалами (кости, уголь) [Rogozhinsky 2011: 167–176]. Так, в 2019 г. обнаружена большая серия наскальных росписей в долине Сарыбулак (Семиречье), репертуар которых (рис. 3) находит аналогии в орнаментации расписной керамики древнеземледельческих культур типа Анау (Туркменистан) и поселения Саразм в Таджикистане [Rogozhinskiy 2020]. При раскопках древних стоянок, расположенных рядом с наскальной живописью, найдены образцы расписной керамики, предварительно датирующейся поздним энеолитом – ранней бронзой.

В целом, наряду с другими методами культурной идентификации и датирования наскального искусства (стилистические, иконографические аналогии, изображения оружия, одежды и других реалий), систематическое исследование и раскопки стоянок и могильников вблизи петроглифов рассматривается сегодня как перспективное направление археологии наскального искусства Центральной Азии.

7. Еще одним направлением, активно развивающимся в последние годы в русле археологии наскального искусства Казахстана и Средней Азии, является систематическое изучение наскальных изображений знаков идентичности (тамга-петроглифы) и эпиграфики, которое открывает большие

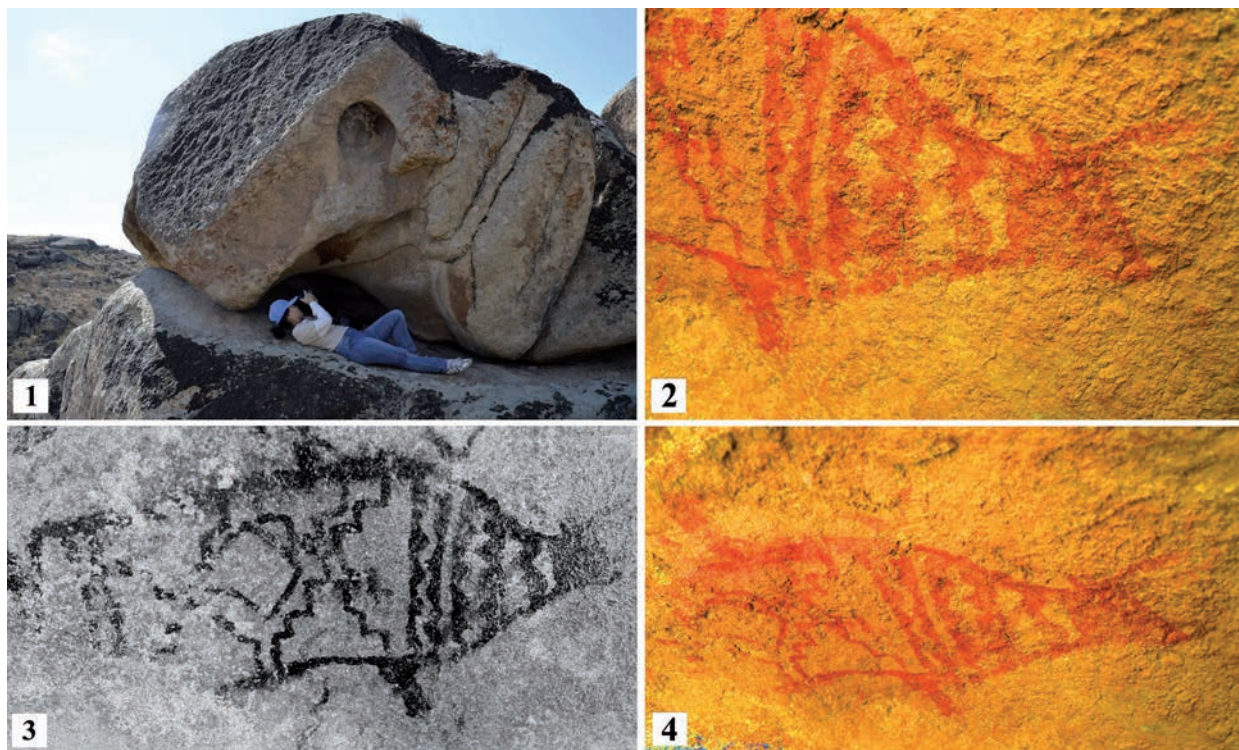

Рис. 3. Долина Сарыбулак, грот Шатыртас 14.
Изображение быка с декором на теле на своде грота – по: [Rogozhinskiy 2020]

перспективы для датировки и определения этнокультурной принадлежности сопровождающих серий петроглифов. Активное использование символических изображений в качестве маркеров коллективной и индивидуальной идентичности фиксируется по письменным, археологическим и этнографическим источникам со времени поздней бронзы до Нового времени включительно. Такая практика существовала в культуре многих или большинства пастушеских/кочевых и оседлых племен и народов иранского и тюрко-монгольского происхождения и рудиментарно сохраняется в настоящее время. Единичные тамгообразные рисунки, встречавшиеся вместе с фигуративными изображениями на скалах, эпизодически регистрировались археологами ранее, но систематический поиск и изучение начались недавно.

Наиболее активно изучение тамга-петроглифов развивается в Казахстане: если десять лет назад количество известных знаков не превышало 20-ти [Samashev et al. 2010], то сегодня банк данных включает более 1000 наскальных изображений античного периода и средневековья. Изучение тамга-петроглифов опирается на данные по этнографии казахов, кыргызов и других народов с привлечением архивных источников XVIII–XIX вв. Разрабатывается алгоритм поиска, методика документирования и анализа тамга-петроглифов, в которой большую роль играет картирование сходных типов знаков для определения ареалов расселения или миграций разных групп кочевников. Корреляция археологических данных с западными и восточными письменными источниками (включая сопутствующую тамга-петроглифам эпиграфику – древнетюркскую руническую, монгольскую, чагатаидскую и др.) позволяет решать проблемы датировки, этнокультурной атрибуции и самих памятников тамгопользования, и синхронных серий фигуративных наскальных рисунков [Древности Жетысу 2016: 161–174]. В целом, это новое направление исследований существенно увеличивает информативность ресурса и значимость изучения наскального искусства как важного источника по истории и культуре древних, средневековых и современных народов Центральной Азии.

Основные результаты целенаправленного изучения в Казахстане тамга-петроглифов разных исторических периодов представлены в серии статей [Rogozhinskiy, Yatsenko 2015; Rogozhinsky, Cheremisin 2019; Рогожинский 2019а]. Первое капитальное обобщение археологических источников по знакам идентичности (тамга/нишан) античного периода и раннего средневековья из западной части Центральной Азии недавно представлено в монографии, подготовленной коллективом исследователей из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана под руководством С.А. Яценко [Tamgas of Pre-Islamic Central Asia 2019].

Новые открытия и исследования

Как сказано выше, археологические поиски с разной интенсивностью продолжают практически на всей территории западной части Центральной Азии, и ежегодно происходят новые открытия больших и малых памятников наскального искусства. Точно так же не останавливается углубленное изучение уже известных памятников, поэтому даже беглый обзор новых открытий и исследований здесь затруднителен. Ограничимся несколькими примерами тех и других, которые реально отражают, как представляется, прогресс в изучении феномена наскального искусства региона как потенциального всемирного наследия.

Наскальная живопись

Долгие годы находки наскальных росписей в гротах и скальных навесах были редки в Казахстане и Средней Азии, и малочисленность сохранившихся памятников такого вида

расценивалась как региональная особенность. Однако в недавние годы количество новых открытий наскальной живописи в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане резко возросло, и это дает повод думать о несовершенстве методики поиска или недостаточной интенсивности таких исследований в прежние годы.

В 2019 г. три новых грота с росписями обнаружил на Восточном Памире археолог Б.С. Бобомуллоев в верховьях р. Мургаб, на высоте от 3560 до 3950 м над уровнем моря. Один из них расположен вблизи известного с 1958 г. грота Шахты и получил название Шахты II; изображения вертикальных линий и стреловидных фигур выполнены красной охрой; перед входом в грот найдены каменные отщепы. Росписи в двух других гротах также имеют геометрические очертания и выполнены похожим способом красной краской [Бобомуллоев 2019]. Археологи из Таджикистана продолжают изучение этих самых высокогорных в регионе памятников наскальной живописи совместно с российскими исследователями [Зоткина и др. 2022].

Большой кластер памятников наскального искусства (около 40 пунктов), в том числе с живописью, выявлен в последние годы в горах Нурата, отделяющих пустыню Кызылкум и долину р. Зеравшан в среднем течении (Узбекистан). Некоторые местонахождения обнаружены здесь еще во второй половине XX в., но активное изучение района разворачивается сейчас [Kholmatov 2019]. Один из интересных памятников – грот Кызкурган в долине Бекларсай: на стенах и своде грота имеются различные геометрические фигуры и орнаментальные мотивы, антропоморфные и одна зооморфная фигуры, выполненные краской красного, оранжевого и черного цвета; возраст древних росписей не установлен [Kholmatov 2018]. На стене грота, а также в некоторых других пунктах ущелья Бекларсай рядом с древними петроглифами встречаются молитвенные арабские надписи [Ibid.].

В Казахстане в 2018–2019 гг. наскальные росписи обнаружены в двух субрегионах – в Семиречье и левобережном Прииртышье. Не менее пяти скальных навесов с росписями красной краской выявлено в горах Калмаккрылган примерно в 160 км к югу от г. Павлодар. На сводах навесов различаются символические изображения в виде зигзагов, прямоугольников, скоплений точек, реже – зооморфных и антропоморфных фигур. Вблизи росписей найдены стоянки и могильники бронзового века, которые пока не исследованы. В Юго-Восточном Казахстане (Семиречье) в предгорье Джунгарского (Жетысуского) Алатау исследован скальный навес Енбек [Мерц, Антонов 2019]. Здесь выполненные красной краской изображения более разнообразны: горизонтальная линия зигзага, три концентрические окружности, соединенные линией две окружности («очкообразный» знак), возможно, повозка на двух колесах со спицами. По мнению исследователей, наскальные изображения навеса Енбек находят сюжетные аналогии в росписях грота Акбаур (Восточный Казахстан), в орнаментальных мотивах на каменных скульптурах и на стенках погребений культуры Чемурчек (Монголия) и датируются периодом ранней бронзы, конец III – начало II тыс. до н.э.

Еще одно важное открытие сделано в горах Киндыктас, в 220 км к западу от г. Алматы: в трех горных долинах Сарыбулак, Шатырколь и Тарлыган найдено около 30 скальных навесов и гротов с полихромными (красный и черный, красный и белый) и монокромными (красный, черный, светло-коричневый) росписями [Rogozhinskiy 2020]. Наиболее яркая и многочисленная группа памятников сосредоточена в ущелье Сарыбулак – 25 навесов и гротов с росписями, получивших условное наименование «Шатыртас» («каменный шатер»). Репертуар росписей разнообразный: различные символические фигуры, орнаментальные мотивы, антропоморфные и зооморфные изображения, предметы (сосуд?); только в гроте Шатыртас 1 встречаются изображения конных всадников, что

указывает на относительно поздний возраст этих росписей – вероятно, средневековые. В остальных случаях предполагается более ранняя датировка росписей. Специфичные типы орнаментальных фигур и полихромная гамма изображений находят соответствие в расписной керамике древнеземледельческих культур Средней Азии и Ближнего Востока. Особенно впечатляющие изображения украшают своды гротов Шатыртас 6 и 14: спиралевидная фигура змеи, солярный символ, а также контурная фигура быка с орнаментальным декором в стиле расписной керамики геоксюрского типа культуры Анау (рис. 3).

Своеобразные характеристики росписей Сарыбулак (цветовая гамма, набор сложных орнаментальных композиций) отличают их от всех других известных подобных памятников наскального искусства в Казахстане, но находят аналогии в Средней Азии (навес Сийпантас, Узбекистан) и Иране [Aali 2017]. Предполагается, что древнейшие росписи Сарыбулак создавались коллективами, мигрировавшими из ареала древнеземледельческих культур типа Анау и Саразм в период энеолита (Намазга II–III) и ранней бронзы (Намазга IV). Эта гипотеза подтверждается находками лепной расписной керамики в шурфах на трех стоянках Сарыбулак 1–3, расположенных рядом с наскальными рисунками. Заметим, что наскальные росписи в горах Киндыктас сосредоточены в районе самого крупного месторождения меди в Семиречье, где известны древние горные разработки.

Новые результаты исследований получены в 2018 г. на гроте Тесиктас в Центральном Казахстане, который был открыт еще в середине прошлого века. Детальное обследование грота помогло обнаружить еще несколько поверхностей с рисунками, сделанными красной краской: фигуры людей, сцены охоты лучников на быка, символические знаки и др. Репертуар и стиль этих рисунков позволяют предположить датировку памятника периодом ранней бронзы [Rogozhinskii, Novozhenov 2018: 78–79, 144].

Изучение петроглифов

Эвристические методы нечасто используются в археологии наскального искусства Центральной Азии, но два эксперимента, проведенные недавно при изучении петроглифов Казахстана, следует упомянуть.

Небольшое скопление петроглифов на реке Оленты, протекающей в степной зоне Казахстана, неоднократно обследовалось ранее [Mertz 2002: 21–23], но детально этот своеобразный памятник наскального искусства не изучался. Около 20 отдельных плоских глыб с глубоко прорезанными гравюрами лежат разрозненно на склоне высокой береговой террасы на правом берегу реки (рис. 4). Относительно поздние петроглифы здесь выполнены в стиле Сейма-Турбино и датируются эпохой развитой бронзы. Более древнюю и самую репрезентативную серию образуют отдельные петроглифы и небольшие композиции, состоящие из глубоко вырезанных в камне антропоморфных и зооморфных фигур крупных размеров (рис. 5). При документировании памятника в 2018 г. установлено, что эти петроглифы занимают поверхности одинаковой экспозиции и компактно расположены на небольшой площади [Rogozhinskii, Novozhenov 2018: 79, 145–146]. С помощью фотосъемки с воздуха удалось определить, что петроглифы хорошо видимы с удаленной на 20–30 м позиции на левом берегу реки, где находятся стоянки неолита и эпохи бронзы. При этом разрозненные фигуры и сцены на разных камнях визуальнo объединяются в более сложные смысловые комбинации, которые можно рассматривать как нарративы.

Сходный принцип организации галереи петроглифов, гомогенность которых подтверждается сходством техники и стиля исполнения, установлен с помощью эксперимента с бумажными

Рис. 4. Долина р. Оленты. Фотоплан местонахождения камней с петроглифами на склоне террасы – по: [Rogozhinskii, Novozhenov 2018]

лекалами на недавно открытом памятнике в долине Акколь (Чу-Илийские горы). Точные бумажные копии изображений, прикрепленные водой к петроглифам, позволили воспроизвести зрительные эффекты (рис. 6), когда поверхность рисунков еще не была покрыта «пустынным загаром» [Рогожинский 2016]. Крупные фигуры разных животных в зверином стиле (хищники – тигр, свернувшиеся пантеры, медведь и волки, а также горные козлы) занимают разные поверхности живописной скалы пирамидальной формы, но визуально воспринимаются с удаленного расстояния как строго упорядоченная сюжетная композиция. По многочисленным аналогиям, прежде всего, в пазырыкской культуре Алтая, в художественных изделиях из Тувы и Ордоса данная серия петроглифов датируется в Семиречье в пределах III – середины II в. до н.э. [Rogozhinskii, Yatsenko 2015]. Уникальную серию петроглифов сопровождают изображения знаков идентичности, которые соответствуют тамгам правящих кланов Хорезма и Кушанского царства поздней античности.

Недавно опубликованы новые материалы по наскальным изображениям знамен тюркской эпохи, найденным на территории Казахстана [Рогожинский 2019б]. Всего известно

Рис. 5. Оленты. Петроглифы древнейшей группы. Фото А.Е. Рогожинского, 2018 г.

15 местонахождений петроглифов, на которых представлено около 70 изображений знамен (рис. 7). Выявляется устойчивая связь таких петроглифов в изученных археологических ландшафтах со стационарными зимними стоянками средневековых кочевников, а также с доминирующими вершинами гор. Различаются три типа знаменных изображений, определяется датировка и этнополитическая принадлежность некоторых серий петроглифов. Определяется область наибольшей концентрации наскальных изображений со знаменами в Чу-Илийских горах, в Семиречье, как политическом центре западных тюрков, тюркешей и карлуков в тюркскую эпоху.

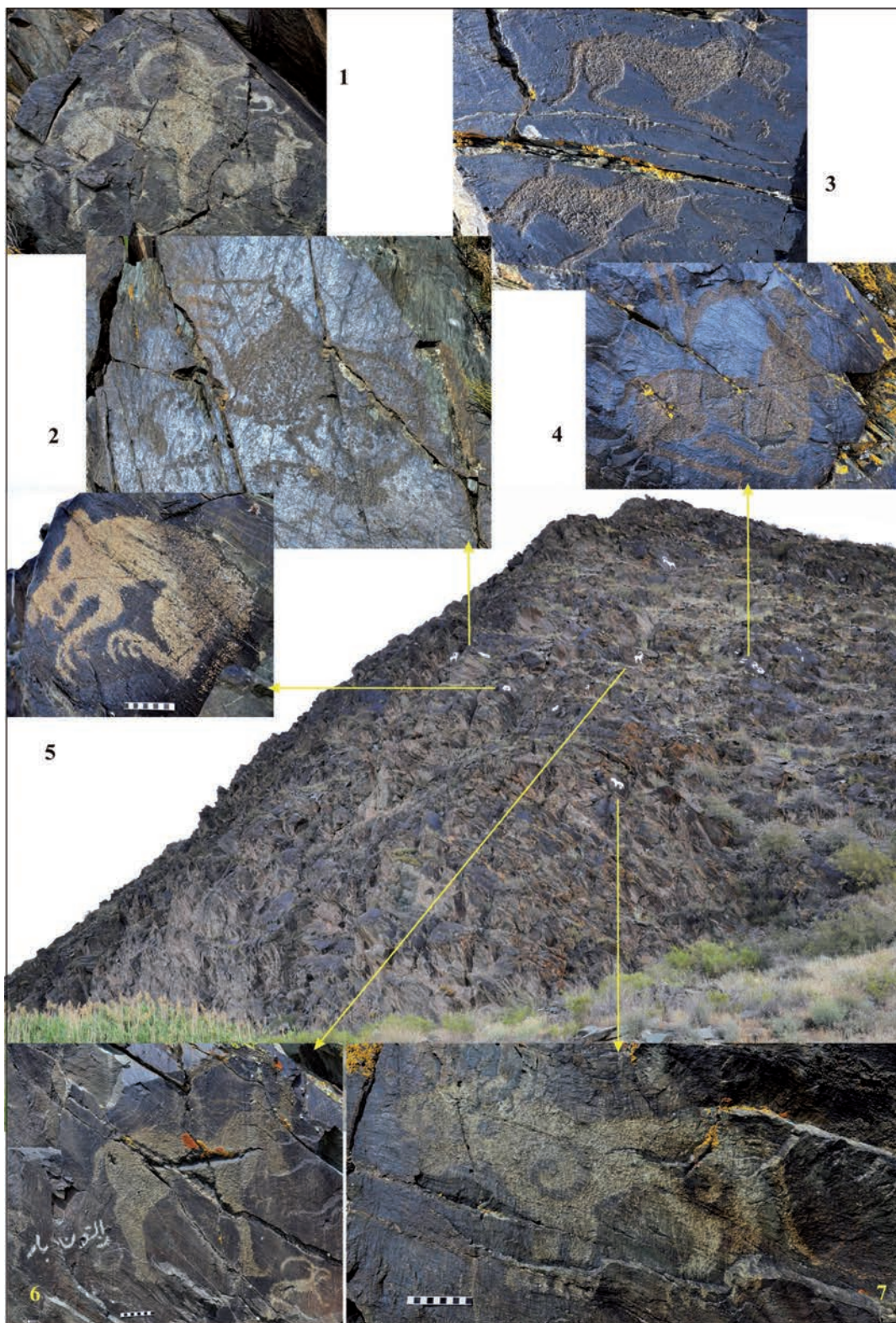

Рис. 6. Долина Акколь.
Эксперимент с микалентными лекалами петроглифов группы II – по: [Рогожинский 2016]

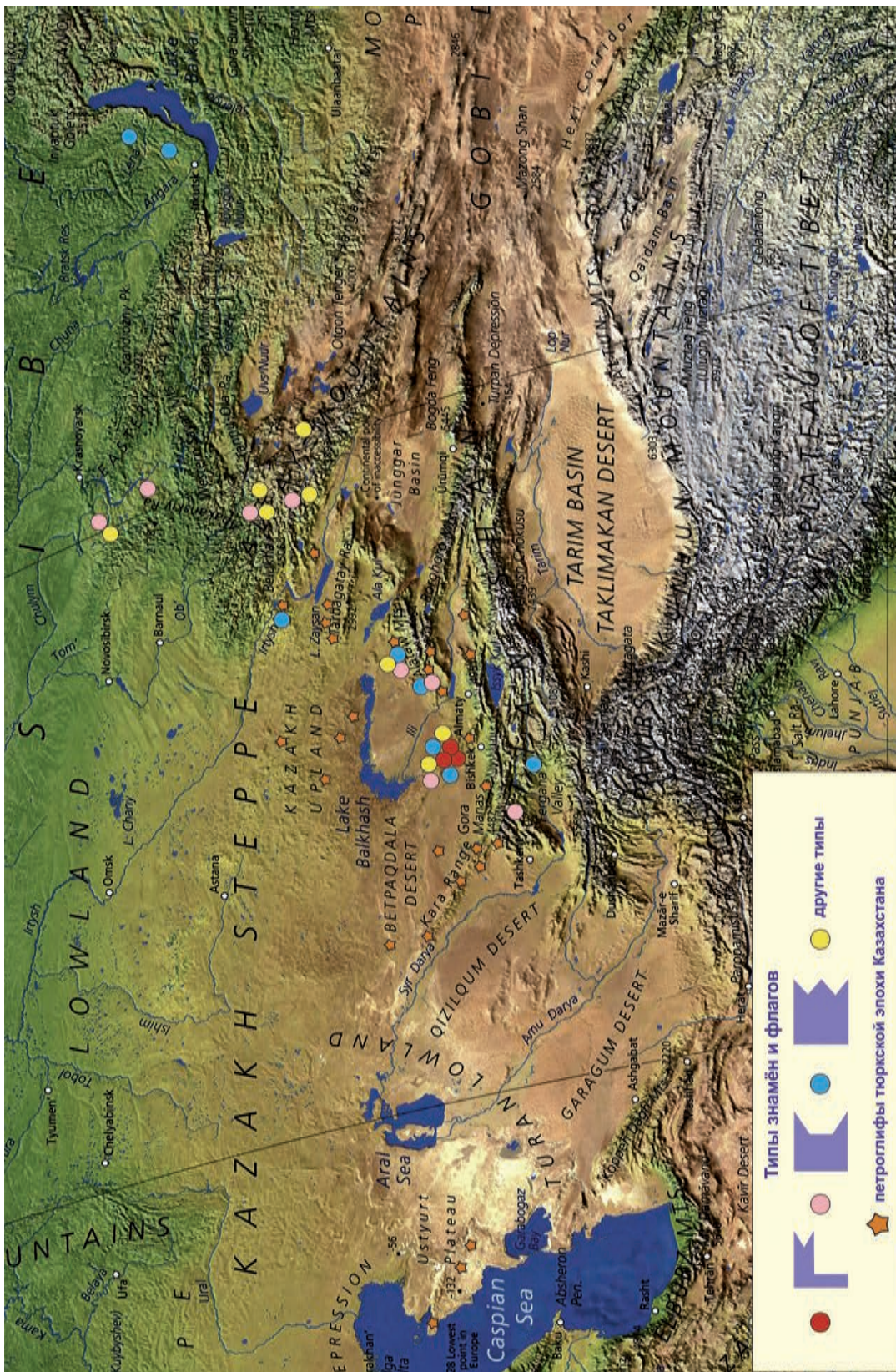

Рис. 7. Карта местонахождений наскальных изображений со знамёнами тюркского периода в Казахстане и Центральной Азии – по: [Рогожинский 2019б]

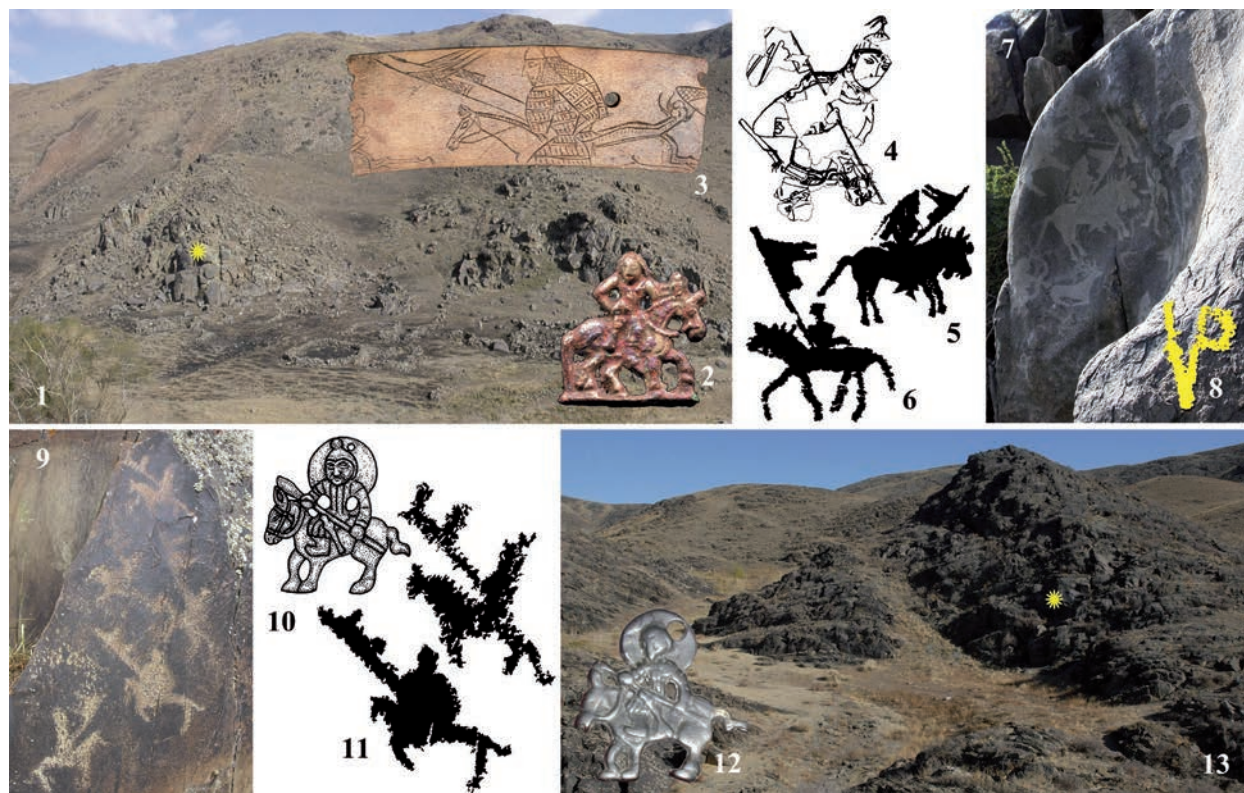

Рис. 8. Наскальные изображения всадников-знаменосцев (расположение отмечено звёздочкой) возле стоянок в Ойжайляу (1, 5, 7; 8 – тамга), Кулжабасы (6, 9, 11, 13) и аналогии – по: [Рогожинский 2019б]

Предполагается связь подобных символов-маркеров с местами кочевых ставок политической элиты кочевников Семиречья тюркской эпохи (рис. 8).

Наконец, как наиболее важный шаг в развитии археологии наскального искусства региона необходимо отметить серию новых работ В.А. Новоженова, в которых дается развернутая характеристика идентифицируемых сегодня изобразительных традиций в наскальном искусстве Казахстана с древнейших времен до современности [Новоженов 2015; Rogozhinskii, Novozhenov 2018: 78–101]. Дальнейшие изыскания в этом направлении составляют ближайшую перспективу исследований наскального искусства в Казахстане и Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Байтлеу Д.А.* История изучения петроглифов Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007. 27 с.
- Бобомуллоев Б.С.* Наскальные рисунки в Восточном Памире. URL: <http://avesta.tj/2019/10/22/novoe-otkrytie-tadzhikskih-uchenyh-naskalnye-risunki-v-vostochnom-pamire>
- Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: ТОО «Litera», 2016. 240 с.
- Железняков Б.А.* Образы птиц на скалах Жетысу: к постановке проблемы // Археология Казахстана. 2019. № 1 (3). С. 73-82.
- Зоткина Л.В., Бобомуллоев Б.С., Солодейников А.К., Аболонкова А.В., Шнайдер С.В., Сайфулоев Н.Н.* Новые данные о наскальном искусстве Восточного Памира // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2022. Т. 21. № 3. С. 60-72.

- Кащей О.А. Анализ состояния сохранности петроглифического комплекса Каракиясай и определение задач по его консервации и сохранению // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 129-133.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Древние поселения и могильники хребта Ешкиольмес // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 5. С. 91-110.
- Мерц И.В., Антонов М.А. Грот Енбек с наскальными росписями в окрестностях г. Талдыкоргана // Отан тарихы. 2019. № 2 (86). С. 200-214.
- Новоженков В.А. Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху бронзы // Российская археология. 2015. № 3. С. 20-36.
- Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы: тип. «Искандер», 2004. 177 с.
- Ранов В.А. Бегущие по скалам: Наскальные рисунки Памира. Душанбе: Дониш, 2016. 412 с.
- Рогожинский А.Е. Незадолго до Чжан Цяня: след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры // Алтай в кругу евразийских древностей / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 527-550.
- Рогожинский А.Е. Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, Средневековье и Новое время // Археология Казахстана. 2019а. № 3 (5). С. 99-121.
- Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Памяти Е.Г. Дэвлет. Труды САИПИ. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2019б. Вып. 12. С. 275-289.
- Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М., Дуйшаналиева А.Т. Археологический ландшафт Саймалуу-Таш. Книга альбом. Бишкек: «Улуу Тоолор», 2016. 304 с.
- Ташбаева К.И. К проблеме датировки битреугольного стиля в наскальном искусстве Центральной Азии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 213-214.
- Холматов А.Н. Проблемы культурной принадлежности и вопросы хронологии наскальных рисунков Нуратинского хребта // Археология Узбекистана. 2018. № 1 (16). С. 42-60.
- Хужаназаров М.М. Сармишай (наскальные изображения, научные исследования). Ташкент: Nurfayz nashriyoti, 2018. 175 с.
- Aali A. The Pictograms of Agh Dash. Zanjan North-Western Iran // Rock Art Research. 2017. Vol. 34, No. 1. P. 1-6.
- Augustinova A. Ibexes on black stones: new petroglyphs in Surkhandarya (South Uzbekistan) // Art of the Orient. Torun. 2018. Vol. 7. P. 83-96.
- Augustinová A., Stančo L. The petroglyphs of Pashkhurt valley in the Surkhan Darya Province (south Uzbekistan). Preliminary report // Studia Hercynia. 2016. No. 20/2. P. 122-138.
- Hermann L. Le site de Chiim-Tash dans la région de l'Ur-Maral (oblast de Talas) au Kirghizstan // INORA. 2018. No. 82. P. 11-16.
- Hermann L. L'art rupestre de la vallée de Kara-Too (oblast de Naryn) au Kirghizstan // INORA. 2019. No. 83. P. 14-24.
- Kashchey O., Nedashkovsky L. Images of carts on the petroglyphs of Karakiyasay // Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. México. 2018. Year VI. Special Edition. December. Article No. 46. P. 1-13.
- Kholmatov A.N. New rock paintings of Beklarsoy // Theoretical & Applied Science. 2018. No. 11 (67). P. 153-156.
- Kholmatov A.N. Technique-typology and historical analysis of the rock art sites of the Nurata Mountain range // Dissertation Abstract of the Doctor of Philosophy (PhD) on Historical Sciences. Samarkand, 2019. 50 p. (in Uzbek, Russian, English)
- Mertz V.K. Rock drawings in region Kereku-Bayan. Photo album. Pavlodar, 2002. 114 p. (in English, Kazakh, Russian)
- Rock Art in Central Asia. Thematic study. ICOMOS. (Ed. by Jean Clottes). Paris, ICOMOS publishers, 2011. 381 p. (in English and Russian).
- Rogozhinsky A.E. Petroglyph sites of Kazakhstan and western Central Asia as part of the archaeological landscape: new challenges // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2008. No 4 (36). P. 83-94.
- Rogozhinsky A.E. Petroglyphs within the Archaeological Landscape of Tamgaly. Almaty. 2011. 342 p. (in Russian, English)

- Rogozhinskiy A.E.* Shatyrtas: Discovery of Rock Paintings // Rock Art Chronicles of the Golden Steppe: from Karatau to Altai. In two volumes. Vol. 2 / Ed. by Esther Jacobson-Tepfer; Viktor Novozhenov. Collective monograph. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. P. 110-129.
- Rogozhinsky A.E., Cheremisin D.V.* The Tamga Signs of the Turkic Nomads in the Altai and Semirechye: Comparisons and Identifications // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2019. No 2(47). P. 48-59.
- Rogozhinskii A.E., Novozhenov V.A.* Central Asia Cultural Rock Art Landscapes: frequently asked questions (FAQ). Samarkand: IICAS. 2018. 252 p. (in English, Russian).
- Rogozhinskiy A.E., Yatsenko S.A.* The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners // The Silk Road. 2015. Vol. 13. P. 109-125.
- Rozwadowski A., Lymer K.* Rock art in Central Asia, History, recent developments and new directions // Rock Art Studies. News of the World IV / P. Bahn, N. Franklin and M. Strecker, eds. Oxbow: Oxford, 2012. P. 149–163.
- Sala R., Deom J.M.* Spatial analysis of the Kuljabasy archaeological complex // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: TOO «Litera», 2016. P. 12-19, 73-87.
- Sala R., Deom J.M.* The petroglyph site of Koktas // Rock Art of Zhetysu. Reserve-Museum «Tanbaly». Almaty: Zhambyl, 2019. P. 258-273.
- Second UNESCO Sub-Regional Workshop on Serial Nomination of Rock Art Sites in Central Asia // Bulletin of IICAS. Samarkand, 2010. Vol. 12. P. 74-78.
- Sadukasuly A., Zheleznyakov B., Hermann L.* The Rock Art of Kulzhabasy range. Photo album. Almaty: Zhambul. 2017 (in English, Russian)
- Samashev Z.* Petroglyphs of Tarbagatai. Shimaily. Astana, 2018. 250 p. (in English, Kazakh, Russian).
- Samashev Z., Bazylkhan N., Samashev S.* Ancient Turkic tamga-signs. Almaty: «ABDI Company», 2010. 168 p. (in English, Kazakh, Russian)
- Samashev Z., Murgabaev S., Eleuov M.* Sauyskandyk petroglyphs. Astana, 2014. 374 p. (in English, Kazakh and Russian).
- Shvets I.* About the Interpretation of “sun-ray head” Figures as being shamanic in the Rock Art of Central Asia // Art of Orient, 2018. Vol. 7, P. 98-104.
- Tamgas of Pre-Islamic Central Asia Samarkand: IICAS. 2019. 452 p. (in English, Russian)
- Zheleznyakov B., Devlet E.* Rock Art Studies, Management and Presentation in Central Asia (2010-2014) // Rock Art Studies. News of the world V (Eds. P. Bahn, N. Franklin, M. Strecker, E. Devlet). Oxford: Archaeopress, 2016. P. 115-126.

Г. Р. Каримова

Галина Рахимовна Каримова,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша,
г. Душанбе, Таджикистан; karimovagalina2501@gmail.com

О служителях культа древнего оседлого и кочевого населения (по письменным и археологическим материалам)*

Аннотация. По имеющимся данным определены отличия поклонений древним культам в среде оседлого населения с превазированием тенденций сложения храмовой практики и пантеона зороастрийских практик. И как показали исследования С.Г. Кляшторного мировоззрений тюркской среды кочевников, которые отражают распространение культа волка, легендарного культа пещеры, поклонение Умай (богине плодородия и покровительнице детей, символизирующей женское начало), кагану Неба (Тенгри) являются косвенным указанием на шаманские функции основателя правящего рода тюрков, которые являлись белыми шаманами, т. к. именно они могли камлать божествам и духам Верхнего мира, поэтому могут считаться служителями культов. Однако в силу особых культурно-исторических условий развития номадизма, формирование корпоративного жречества у кочевников не произошло, во всяком случае, с такими признаками, которые характерны для земледельческих обществ.

Ключевые слова: шаман, исполнитель культовых практик, жрец, священнослужитель, земледельцы, скотоводы, кочевники, Авеста, археологические материалы

Галина Рахимовна Каримова,
А. Дониш атындағы Тарих, археология және этнография институты,
Душанбе қ., Тәжікстан

Ежелгі отырықшы және көшпенді тұрғындардың табынушылары жайында (жазба және археологиялық материалдар негізінде)

Аннотация. Қолда бар деректер бойынша храмдық тәжірибе мен зороастрлық тәжірибе пантеонының қосылу үрдістерінің басымдылығымен отырықшы тұрғындар арасындағы ежелгі дінге табынудың айырмашылықтары айқындалды. С.Г. Кляшторныйдың зерттеулері көрсеткендей көшпелілердің түркі ортасы дүниетанымында қасқырға табыну, атақты үңгірге табыну, Ұмайға табыну (әйелдің бастауын бейнелейтін, балалардың қорғаушысы және құнарлылық құдайы), Аспан қағанына (Тәңір) табыну, ақ бақсылар болған түріктердің билеуші класының негізін қалаушының шамандық функцияларына жанама сілтеме болып табылады, олар Жоғарғы әлемнің рухы мен құдайына сиынуы мүмкін болды, сондықтан табынушылар деп есептеле алады. Алайда, номадизмнің дамуының ерекше мәдени-тарихи жағдайларына байланысты көшпенділерде жер өңдеуші қоғамы үшін тән белгілермен қауымдық абыздық қалыптаспады.

Түйін сөздер: бақсы, табынушылық тәжірибені орындаушы, абыз, дін қызметкері, жер өңдеуші, малшы, көшпенділер, Авеста, археологиялық материалдар

© 2022 Каримова Г.Р.

*Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных исследований НАНТ «История таджикского народа» - Археология Таджикистана от каменного века до позднего средневековья (ГРН 0121 ТЖ 1212).

Galina Karimova,

Institute of History, Archaeology and Ethnography A. Donish,
Dushanbe, Tajikistan

**About the clergy of the ancient settled and nomadic population
(based on written and archaeological materials)**

Abstract. According to the available data, the differences between the worship of ancient cults among the sedentary population with the predominance of trends in the addition of temple practice and the pantheon of Zoroastrian practices are determined. And as shown by S. Klyashtorny's research of the worldviews of the Turkic nomad environment, which reflect the spread of the cult of the wolf, the legendary cult of the cave, the worship of Umai (the goddess of fertility and patroness of children, symbolizing the feminine principle), the kagan of Heaven (Tengri) are an indirect indication of the shamanic functions of the founder of the ruling family of the Turks, who were white shamans, because it was they who could worship the deities and spirits of the Upper World, therefore they can be considered servants of cults. However, due to the special cultural and historical conditions of the development of nomadism, the formation of corporate priesthood among nomads did not occur, at least with such signs that are characteristic of agricultural societies.

Keywords: shaman, performer of cult practices, priest, priest, farmers, pastoralists, nomads, Avesta, archaeological materials

Рассматривая основные черты раннего периода древней истории, мы всегда стараемся понять своеобразный тип мышления людей того времени, объяснить, почему в эту эпоху развития человечества такую огромную роль играли религия, храмы, обряды, мифы, жречество. Почему именно жречеству доставалась львиная доля впервые создавшегося прибавочного продукта? Не вызывает сомнения, что жрецы ни в какие времена не забывали о собственных интересах и по большей части ставили их впереди интересов других верующих. Но следует учитывать также то, что верующими в те времена были все без малейшего исключения и, конечно, жрецы в том числе. Особо важная общественная роль, которую с самого начала стали играть профессиональные исполнители религиозных обрядов, объясняется, прежде всего, тем, что сами эти обряды рассматривались всем населением как важнейшее средство обеспечения благополучия общины.

Широко обсуждаемым вопросом, связанным с изучением профессиональной дифференциации социума, является выделение особой группы лиц, занимавшихся отправлением культовых практик. При рассмотрении данной проблемы исследователями используются различные термины – «шаманы», «муги», «жрецы», «колдуны», «священнослужители» и др. На наш взгляд, учитывая различие источниковой базы и не точность определения имеющихся материалов, наиболее корректным определением для древнейшего периода является понятие «служители культа», которое и будет использоваться нами далее.

Оговоримся сразу, что существует определённая грань понимания и использования данного термина для разных родоплеменных коллективов и групп – оседлых и кочевых. Очевидно важно сразу подчеркнуть, что разграничение на характеристики осёдлого и кочевого населения имеет несколько условный характер, в силу того, что население, проживающее на территории, где с древности проходили пути и трассы многочисленных миграционных, торговых и культурных путей и связей, не может иметь чётких определений времени возникновения в региональном социуме ведущей роли служителей культа. Смешанное ведение хозяйства также имеет фактор использования единой практики поклонения. Сложность также заключается в полном отсутствии письменных свидетельств функций, деятельности и места в исследуемом обществе на самых древнейших этапах. Примечательно, что в науке религиозные воззрения древнеземледельческого населения регионов,

являющихся очагами возникновения цивилизаций, культур, уникальных памятников, а также кочевников Центральной Азии неоднократно становились объектом исследований. Однако если для исследований кочевых культур Центральной Азии существует четкое определение в хронологическом и региональном срезе существования служителей культа в разрезе государственных образований, которые представлены основополагающими исследованиями именитых ученых с посвящениями конференций и симпозиумов проблемам изучения кочевников, то исследователи древнейших цивилизаций и культур оседло-земледельческого круга представлены в сильно разобщенном профильном ракурсе. Очевидно, в силу безапелляционного мнения существования таковых служб в структуре древнеземледельческих обществ. Однако чаще всего данный вопрос рассматривался в археологических материалах в специфике определения принадлежности статусных захоронений. В связи с этим попытаемся установить показательные определяющие черты и признаки, по которым возможно определить, в отдельных случаях дополнить и конкретизировать сделанные ранее выводы о служителях культа оседлых и кочевых групп по письменным и археологическим материалам. В связи с имеющейся ситуацией мы не будем останавливаться на историографии вопроса рассматриваемой проблемы не зороастрийских культов и жрецов, упоминаемых в Авесте, которые не были предметом специального исследования и рассматривались, как правило, в контексте преемственности традиций жречества (П. Тиме), специфики реформы Заратуштры (Дж. Дармштетер, М. Моле, Г. Ньюберг, М. Бойс) или представлений авестийского общества о добре и зле (С.К.М. Форрест) и которые составляют солидный список. Однако отметим, что в последнее десятилетие в науке наметилась тенденция, посвященная изучению места и роли жречества в системе авестийского общества, а также особенностям внутренней структуры жреческого сословия исследователями А.А. Семененко, И.А. Тоноян-Беляевым, Е.В. Балановской, О.П. Балановским, Я.В. Васильковым, В.В. Запорожченко, Л.С. Клейном, А.Г. Козинцевым, С.В. Кулланда, В.А. Новоженовым, А.С. Миксюк, А.А. Мамедовым и др., которые позволяют получить более детальное представление о жречестве в древности.

Применительно к древнеиранскому обществу доахеменидского периода имеется единственный письменный источник — священная книга зороастризма Авеста, датированная VI в. н.э. [Рак 1998: 62]. Существует условное разделение на «Старшую Авесту» и «Младшую Авесту». К «Старшей Авесте» относят Гаты (Ясна 28–34, 43–51, 53), составленные в метрической форме, сильно отличающиеся диалектом, авторство которых традиция приписывает пророку Заратуштре. По форме и содержанию наиболее информативны Гаты, определяемые как «Ясна семи глав» (Ясна 35–41). «Младшая Авеста» состоит из Яштов (хвалебные гимны, посвященные различным божествам), части Ясны (9–11, 57, 60–72), Висперада, содержащего молитвенные песнопения, и Видевдата, своеобразного свода законов и предписаний, направленных на защиту верующего от злых сил. Кроме того, существуют фрагменты в форме небольших сборников («Эхристастан», «Нирангистан» и др.), а также «Малая Авеста» (Хордэ Авеста), составленная для мирян и содержащая наиболее часто употребляемые в повседневной жизни тексты.

Установлено, что самые ранние представления о том, как выглядело жречество, дают Гаты. При этом важно отметить, что Гаты содержат мало информации об отправлении культа и людях, которые его практиковали. Однако важно отметить, что условное разделение Авесты на два пласта по времени (Гаты и Младшая Авеста) позволяет получить информацию о действиях во время культовых практик и сложения жречества в динамике. Отсюда и возможное понятие терминологического определения деятелей — сначала отправители культовых практик (служители культа), позднее жрецы и далее священнослужители.

В Авесте (раздел «Сословия») называются четыре социальные группы: жрец, воин, скотовод и ремесленник, что явствует о распределении обязанностей и существовании жреческих служб. В числе первых назван жрец. Ему предписано пять Рату: для семьи, рода, племени, страны и для Заратуштры [Авеста 1990: 158]. Обращают на себя внимание предписания по поводу умерших, в которых показаны выставления для всех членов общины (З, 9; 5, 10; 6, 44). Однако Геродот сообщает о том, что это требование вошло в силу лишь в парфянском царстве, ранее же выставляли только усопших магов [Геродот 1972: 140].

В обозначениях жрецов терминология Авесты и древнеперсидских надписей, а также античных историков, различна. Действительно, в Бехистунской надписи жрец-узурпатор, овладевший престолом Камбиса, назван магом (magus). Магами называли жрецов и все античные писатели. В Авесте же, напротив, жрецы никогда магами не называются. Преимущественным названием жрецов в Авесте является «атраван», т. е. «жрец огня» [Струве 1948: 29].

Л.А. Лелеков справедливо обращает внимание на привилегированное положение магов в зороастрийском обществе времени до Ахеменидов [Лелеков 1992: 153]. Так, в Авесте «Закон против дэвов» (Видевдат) предписывает ряд действий в отношении конкретных служб. К первой группе отнесены «еретики», т. к. именно их обвиняют в преступном в колдовстве (I, 13–14; VII, 4; VIII, 80; XVIII, 55) и знахарстве (XV, 15). Ко второй группе причислены колдуны. Они обвиняются в сборищах возле захоронений – дахм (VII, 54) с целью использовать эти захоронения для вредоносной магии; к третьей отнесены целители, которые определены по категориям деятельности: целитель, лечащий ножом, целитель, лечащий травами, и целитель, лечащий Священным Словом. И предписано: «<...> пусть выбран будет последний; ибо целитель, лечащий Священным Словом, есть лучший из целителей, лучше всех прогонит он болезнь из тела верующего» [Авеста, «Закон против дэвов 2008: 148]. К четвертой группе относились маги, которые сохранили отвергнутый Заратуштрой культ Хаомы и толковали «Ясны семи глав» как обозначение божеств с функциями покровителей стихий и т. д. [Авеста 1990: 447]. Следовательно, используя сведения Авесты, можно с уверенностью говорить о глобальной системе активно действующих людей до зороастризма. Также Авеста отражает сферы деятельности этой системы.

В древних исторических и географических источниках, как и в современных названиях отдельных населенных пунктов или памятников как Таджикистана, так и Средней Азии, до сих пор присутствует слово «муг»: Мугиён, Тепаи Муг, Калаи Муг, Мугтепа, Мугулон и другие. «Муг» в переводе с современного таджикского означает – маг, колдун, кудесник, волшебник. Это, скорее всего, отражает предназначенность или принадлежность к данной сфере культовой деятельности людей, проживавших в местах с подобным названием. А может быть отражает профессиональную значимость мугов для населения, раз уж им посвящены целые села и крепости.

Известно, что Заратуштра сам происходил из племени магов. Его собратья по наследственному сословию использовали заклинания и совершали все сопутствующие обрядовые действия, где привлекали силы богов (дэвов) различных природных явлений – ветра, воды, засухи и т. д., а также более могущественных дэвов небесных святил [Заратустра... 2006: 6–12]. Соответственно, маги подразделялись на белых и черных [Заратустра... 2006: 70–78]. Гата Ахунавайти (Ясна 28–34) подчеркивает достижение Заратуштрой центрального положения в земном мире. На эту роль его избрали небожители во главе с Маздой (Ясна 29), в экстатическом трансе ему были сообщены принципы и условия «этой жизни», т. е. первого земного существования, в котором действует оппозиция добра и зла (Ясна 30. 3–6).

Л.А. Лелеков обращает внимание на Ясн 31.8, которая свидетельствует, что Зороастр каким-то образом созерцал бога в момент сотворения Вохумана, т. е. в самом начале мира [Лелеков

1992: 98]. На наш взгляд, здесь впервые письменно зафиксировано применение дозораострийских практик как галлюциногенное парение шаманского духа. Этот контекст не исключает экстатического транса, так широко практикующегося в камланиях шаманов, как, впрочем, и в дальнейших практиках жреческих служениях. В то же время Зороастр – заатар, т. е. жрец хаомы, а не атраван – жрец кровавых жертвоприношений и не кави. Зороастр отвергал не сам напиток, а технологию его использования [Лелеков 1992: 111]. Зороастр чаще всего называл себя термином «мантран» (Ясна 32. 13, 50. 5), т. е. изрекатель действенных речей, пророк, «вещун», но отнюдь не просто поэт и не только духовный наставник. Уже в Гатах хорошо видна соотнесенность Зороастра с индоевропейской мифологией. Это и посредничество между небом и землей (Ясна 29, 34, 43–46), и глобальный контраст добра и зла (Ясна 30.3–6, 45.2), и пересечение границы двух миров по мосту Разделения (Ясна 46.9–11), и появление перед небесными силами в компании и от имени Души Скота, характерного символа общины, и мотивы шаманского откровения, и эсхатологическое сошествие огня в финале бытия (Ясна 31.3, 43.4. 47.6, 51.9), которые соединены в позднейшем каноне зороастризма – в «Авесте» [Лелеков 1992: 135] и отражает различные категории индоиранских ритуальных деятелей: риши, кави, атраванов и других ритуальных функционеров древности [Крюкова 2005: 168–180]. Здесь представлена вся система практик древности, которые воспринимаются как актуальные в деятельности жрецов авестийского периода. Пойдя на решительное размежевание шаманских действий и функций жрецов, проводится исполнение ряда реформаторских предписаний.

Реформы Заратуштры коснулись также и старых жреческих родов. При этом между последними и жрецами реформированной религии дело дошло до жестокой борьбы. Жреческое сословие разделилось на несколько классов. Главным занятием и самой важной обязанностью считалось чтение Авесты и поддержание священного огня. Другой класс руководил очищениями, третий – совершал жертвоприношения. Члены общества носили особые знаки отличия, соответствующие выполняемым функциям, например, жертвенную чашу, жезл для умерщвления нечистых животных и т. д. Только жрецы Западного Ирана назывались магами. Они также составляли замкнутую, наследственную корпорацию и занимали очень влиятельное положение. Они являлись не только учеными-теологами и мыслителями, но также и искусными дипломатами, и опытными государственными деятелями. Только им принадлежало право совершать жертвоприношения, выполнять предписания культа, исполнять хвалебные гимны, объяснять необычайные явления природы и толковать сны – искусство не просто выгодное, но и очень важное, способное оказать влияние на судьбы человечества [Якубов, Каримова 2021].

А.В. Запороженко на основе исследования и сравнения содержания гимнов Авесты и Ригведы выявляет такие особенности зороастрийского жречества, которые позволяют предположить его исходное происхождение с шаманским комплексом, и объясняет причины сохранения определенных шаманских традиций в зороастрийской практике, которые сохранились в их техническом багаже. «Более того, отличаясь необыкновенной устойчивостью, несмотря на все попытки их изжить, они регулярно возрождались и использовались даже в постсасанидское время» [Запороженко 2007: 195].

Магическая атрибутика служителей культа стала именно той сферой, где первобытная религиозная символика получила особое применение и распространение и по которой исследователи определяют её присутствие в различных культурах. Культовые предметы, окружавшие служителя, всегда имели своё особенное сакральное значение, что, в свою очередь, определяло их практическое предназначение, место и применение. Атрибутика служителей культа – это, прежде всего, знаковая система, развитие которой отображает процессы, путь служения, включая его идеологию и ритуальную практику.

Примечательно, что в «Младшей Авесте», в отличие от Гатов, появляется ряд новых терминов, отражающих существование неизменного списка из 8 жрецов, в число которых входит и упоминаемый ранее *zaotar* (Видевдат 5, 57–58; Видевдат 7, 17–18; Висперад 3, 1).

Таким образом, согласно письменным источникам получено представление о существовании и деятельности представителей культово-обрядовых практик и жрецов на ранних этапах жизнедеятельности населения Центральной Азии, которые не отражают деления на оседлые и кочевые культуры. Поскольку Авеста – памятник многослойный, состоящий из нескольких частей, древность которых определена разными историческими периодами, то она не дает полного представления о жречестве как о некоем сформировавшемся образовании. Напротив, с учетом хронологии Авесты в целом определены изменения, которые происходили в среде тех, кто занимался ритуальной деятельностью именно оседлого населения.

Обратимся к археологическому материалу Таджикистана как к территории, на которой с древности проповедовался зороастризм и, следовательно, были известны и все виды культовых практик населения. Оговоримся сразу, что вся научная литература виды культовых практик древности относит к шаманизму.

Однако важно подчеркнуть ценность археологических источников, по которым мы можем проследить наиболее ранние стадии формирования шаманской атрибутики, а также связать эти процессы с определенными хронологическими рамками древней истории Таджикистана. Официальное название дозороастрийской религии «шаманизм», как очень правильно заметил Л.Н. Гумилев, «весьма неудачное название», и автор полностью разделяет его точку зрения. В научной литературе давно ведется полемика по поводу определения религиозно-мистической системы верований, проявляющейся в материалах археологии и этнографии. Исследователи не согласны с использованием в науке термина «шаманизм» по отношению к исследуемым материалам [см. об этом: Запорожченко 2002]. Тем не менее, далее нами используются термины «шаман» и «шаманизм», поскольку они общепотребляемы для самих ранних этапов истории и наиболее полно характеризуют древние культовые практики ранней стадии сложений культовых практик.

Археологические свидетельства шаманизма широко распространены по всей территории Таджикистана. Как правило, это атрибуты, использовавшиеся в шаманской практике, а также материалы с самих мест служения культу. Можно говорить, как минимум о пяти группах таких археологических источников: наскальные изображения, изделия культового литья (топоры, посохи, зеркала, оружие), мелкая ритуальная скульптура, культовые изображения на керамике. Каждая из этих групп информативна своеобразно, но при этом все они образуют некое логическое единство, основанное на шаманском мировосприятии служения культу. Шаманизм представляет собой особую религиозно-мистическую систему верований. Ещё в древности шаманы приняли на себя роль посредника между двумя различными по своей природе мирами. В их функции входило лечение больных, т. е. считалось, что болезнь насыалась сверхъестественными существами, проводы души умершего в мир предков, исполнение желания бездетных родителей и, конечно, различные жертвоприношения, когда жертву необходимо было донести божествам и духам, т. е. все то, что требовало непосредственного контакта со священным иномиром и всё то, что в дальнейшем перешло в актив исполнения служителями культов, жрецами, священнослужителями [Каримова 2016].

Археологическая датировка этих источников позволяет определить возраст тех или иных шаманских образов. Наиболее ранними прошаманскими материалами исследователи выделяют изображения глаза как символа одушевленности [Окладников 1979: 43].

Признание за шаманом статуса посредника между людьми и духами, следовавшее за его посвящением, включало целый комплекс обрядов, который подтверждал приобретение им главного духа-помощника (часто именно духа-предка), и сопровождалось вручением ему первых шаманских атрибутов: погремушек, деревянных жезлов, бубна, колотушки и т. д. Шаман проходил следующие друг за другом ступени посвящения, приобретая новые знаки, подтверждающие силу его профессионализма, пройденные ступени шаманской иерархической лестницы. Сначала шаман получал мягкий головной убор. По мере возрастания его силы он обретал верхнее одеяние, обувь, железные «корону» и жезл, большой бубен, колотушку. Все эти атрибуты не только символизируют особую природу самого шамана, но и наполнены множеством сакральных смыслов, которые имели применение и в жреческой практике [Каримова 2016: 138–199; 2019а: 92–114]. Самый выразительный и информативный источник культовых практик и шаманских действий является разновременной пласт наскальных изображений [Каримова, Курбанов 2014: 78–99; Каримова 2016: 138–199; 2019б: 133–152; 2019а: 92–114].

А.-П. Франкфор, исследовавший наскальные рисунки Центральной Азии, подметил особенность изображений, в которых отражены два мира: мир шаманских верований и мир индоиранских образов и мотивов [Francfort 1998: 308–310].

А. Разводовский также пришёл к заключению, что наскальное искусство в Центральной Азии, зародившись в глубокой древности, существовало на протяжении тысячелетий и сохранило традицию, которая не прервалась и в эпоху Средневековья, фрагментарно сохранившись до сравнительно недавнего времени [Разводовский 2014: 59]. Им предлагается шкала сменяющихся традиций по хронологическому принципу. Среди известных символических традиций, с которыми было связано наскальное искусство, выделены официальные религии, а также менее устойчивые системы верований. В этом плане старейшей признана пастушеская индоиранская традиция, относящаяся к III–II тыс. до н.э. и связанная с первыми арийскими племенами или их прямыми предшественниками, которые затем заселили северо-западные области Индии и Иранское нагорье. Другая традиция связана с «ранними кочевниками», т. е. с т. н. саками из Центральной Азии, которые говорили на языке из иранской группы и были первыми настоящими номадами, освоившими верховую езду. На рубеже тысячелетий некоторые элементы наскального искусства, фиксирующиеся на юге Центральной Азии (главным образом в верховьях Инда), свидетельствуют о расширении влияния буддизма, таким образом, становясь частью идеологии Великого шелкового пути [Разводовский 2014: 59–60]. Исследователь предлагаемой поэтапно как бы обозначает разделение культово-религиозных практик. Вызывает несогласие с предложенной им формулировкой по поводу отсутствия в наскальном искусстве следов исламских памятников. Исследования показали, что ислам – одна из последних великих традиций в центрально-азиатском регионе, нашедших выражение в наскальном искусстве в связи с известными религиозными ограничениями по поводу изображений живых существ, которые широко представлены в виде поэтических или коранических эпиграфических надписей или эпитафий [Каримова 2019б: 92–114].

В свете приведённых исследований ясно выступает необходимость определения связанного с проблемой времени возникновения кочевничества. 1) Согласно одной из гипотез, специализированные пастушеские сообщества начали выделяться из земледельческих обществ в период около V – начала IV тыс. до н.э. на территории Северного Причерноморья. На протяжении IV–III тыс. до н.э. кочевые пастухи, занимаясь разведением крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей, стали расселяться в восточном направлении. К бронзовому веку (примерно 1900–1300 л. до н.э.) они полностью освоили евразийские степи и начали проникать на территорию Южной и Центральной Азии. В результате сложилась андроновская культурная общность. В I тыс.

до н.э. шло сложение новых конных кочевых общностей, таких, как скифы, саки и др. 2) Некоторые исследователи полагают, что кочевничество сложилось в ближневосточном регионе на периферии первых цивилизаций ещё в IV–III тыс. до н.э. 3) Ряд авторов утверждает, что переход к номадизму произошёл не ранее рубежа II–I тыс. до н.э. в евразийских степях. Период I тыс. до н.э. называется этапом «ранних кочевников». На его смену в начале нашей эры пришел развитый номадизм.

Эпоха протоурбанистических изменений или ранний этап расцвета древнеземледельческих культур соотносится с эпохой энеолита. Одним из уникальных подтверждений места, действия и развития культовых практик эпохи энеолита–бронзы является протогород Саразм в Пенджикентском районе Таджикистана. Памятник отражает культовую приверженность поклонения определенным протобожествам; показывает черты, по которым на примере определённых святилищ, культовых сооружений, храмовых и дворцово-храмовых комплексов убедительно отражаются ритуально-культовые практики. Уникальным, по сути, представляется найденное в Раскопе XI архитектурное сооружение, названное исследователями «Храм Огня» - место проведения культово-обрядовой практики, связанной с приношением животных в жертву огню в специально отведенном месте ритуала, связанного с поклонением священным животным, в данном случае быку – туру [Каримова 2020а: 119–136; 2020б: 36–48]. Выявленный некрополь, заключенный в круглую по форме каменную ограду, свидетельствует о культуре погребения захоронения жрицы и других представителей общества, погребённых в некрополе. На примере культуры погребения с заключением в ограду фиксируется факт, определяющий сакральность места погребения, присущий поклонению культу предков и разделяющий миры на – мир живых и мир мёртвых [Каримова 2020в: 81–99]. Таким образом, в Саразме на самом раннем периоде жизни населения в данном регионе определяются самые ранние проявления признаков сложения первобытной храмовой религии и сакральности культовых мест [Каримова 2020а: 119–136].

Следующая стадия жизни в Саразме отражает разнообразие сооружений, связанных с мировоззрением древних людей. Размещение культового алтаря огня в одном из помещений зернохранилища отождествимо с ритуальными практиками поклонения растительности, земле и её благам и, соответственно, правомерно определение данного сооружения как – Храм Земли [Каримова 2020а: 119–136; 2020б: 36–48]. К этому же времени относится сооружение, которое связывается исследователями с почитанием небесных святил [Исаков 1994: 95–96], т. е. отражает поклонение астролатрическим культам, в данном случае Солнцу, и фиксирует астральные солярные предпочтения культа, присущего для всех древнеземледельческих культур. Таким образом, следующий горизонт отражает динамику культово-ритуальных действий с включением новых атрибутов (дисковидный алтарь), разделением культовых служб (поклонение огню, солнцу, земле или её благам), сооружением специальных храмов (храм Земли, храм с пилястрами, храм Солнца, дворцово-храмовый комплекс), которые сопряжены с исполнением жреческих служб и практик [Каримова 2020а: 119–136; 2020б: 36–48].

Третий стратиграфический горизонт представлен самыми сложно распознаваемыми микрослоями и соответственно трудно подразделяемыми культово-религиозными практиками. Комплекс из помещений 1–4 определен как святилище семи божеств и семи творений, а тумбы в помещении предназначены для выставления символов или идолов, изображающих или эманерирующих прото божества [Каримова 2020а: 119–136; 2020б: 36–48]. Святилище фиксирует очередной ряд выделения саразмийского пантеона семи покровителей и защитников семи добрых творений: неба, воды, земли, огня, растений, скота (животных) и человека. Таким образом, следующий этап жизнедеятельности саразмийцев отразил пантеон адептов древних верований и прото религиозных воззрений, которые подчинены существующему укладу общества, социальному

статусу (вождество – патриархат), классам (правители, ремесленники, жрецы, земледельцы) и управлению, сформировавшимся божественным образам покровителей, сложению нового типа центра ритуальных служений (Святылище семи божеств), найденного культового помещения с налепом головы быка, при преобладающем значении поклонения огню [Каримова 2022: 41].

Итак, обожествление огня, ритуальная обрядность, культ предков, тотемные животные, священные напитки и, наконец, монументальные храмы представляют собой свидетельства бытовавших религиозных представлений древнего общества, которые обслуживали жрецы, исполняющие комплекс культовых практик, связанных с назначением храмов, и являются примером исторического феномена, возникшего во второй половине IV–III тыс. до н.э. Подводя итог данной части нашего исследования, можно с уверенностью констатировать: основу саразмийских верований и культов составляют близкородственные дозораострийские верования оседлых племен и народов Средней Азии. По-видимому, в Центральной Азии не существовало единой религии, но отмечаются верования отдельных конфедераций или возможно целых племен, которые имеют общие черты и локальные отличия, отражающие присутствие деятельности жрецов или исполнителей культовых служб в храмах, посвященных пантеону дозораострийских практик.

Примечательно, что религиозные воззрения номадов – кочевых народов, ассоциированные с изучением древних тюрков VI–VIII вв., не раз становились объектом исследований. Все основные результаты их изучения представлены в работе С.Г. Кляшторного, реконструировавшего религиозную систему древних тюрков, исходя непосредственно из данных памятников древнетюркской письменности [Кляшторный 1981: 117–138]. Тем не менее, одним из до сих пор не до конца решенных остается вопрос о служителях культа у древних кочевников. К сожалению, не известны исследования, связанные с письменными источниками о ранних этапах истории религии и служителях культа кочевников. Мы не ставим целью исследовать всю религиозную систему древних кочевников или пересмотреть какие-либо выдвинутые в историографии точки зрения, а лишь хотим попытаться проследить доживание и функционирование древнейших практик и религий оседлого населения в кочевой среде, ведь вполне очевидно, что все основные действия, связанные с культовыми практиками древности, возникли в древнеземледельческой среде и широко распространились или использовались кочевым населением. Такое использование продиктовано укладом жизни и ведением модели хозяйства. Осёдлость изначально базировалась на земледелии и скотоводстве, которые имели единое мировоззрение, единую духовную культуру. В дальнейшем скотоводство сподвигло глобальность кочевков, которое продиктовано необходимостью племени или народа. Такой же необходимостью было мотивировано продвижение или миграция племён в поисках рудных источников.

Археологические источники показывают, что через территорию Средней Азии в связи этим происходила ретрансляция степных влияний. Получен выразительный информативный набор предметов синкретического характера, имеющий широкие аналогии на Южном Урале и Юге Средней Азии, исходящий из территориального положения поселения. Речь идет о целой системе взаимосвязей, объединяющих степной и древнеземледельческий мир.

Наряду с инфильтрацией населения оседлой зоны картина усложнилась проникновением носителей культур ямно-афанасьевского мира с типичной степной моделью хозяйства [Аванесова 2012: 8–27]. В рамках указанной эпохи на этой территории фиксируется несколько хозяйственных укладов, различающихся преимущественной ориентацией на определенный вид экономики. Параллельное развитие нескольких экономических укладов и синтез двух и более культурных систем определяют специфику памятников Зарафшанской исторической области в эпоху палеометалла [Аванесова 2018: 12–16]. Регион, вовлечённый в процесс экспансии из-за рудных источников,

становится центром в межрегиональной системе торговли и обменов, культурно связанный как со степными племенами, так и центрами древнеземледельческих оседлых народов Средней Азии.

Культурную ситуацию первых контактов групп пастушеских, степных и земледельческих сообществ иллюстрируют материализованные факты памятников, характеризующих разновременные и разнокультурные группы пастушеских и земледельческих сообществ, эти события и действия имеют место в найденных в Саразме, Дашти Кози, Кангурттуте и др. памятниках Таджикистана.

Металлургия была ориентирована на обеспечение не только собственных нужд, но и на широкий обмен с отдельными металлонуждающимися регионами. Изменения в хозяйстве вызвали усиление межплеменных связей, а также явились, по-видимому, причиной изменений в социальной структуре оседлого общества. Известны примеры присутствия степных артефактов древнеявного типа в Саразме [Исаков 1991: рис. 10, 5, 7–9; 81, 1, 2а, б; Аванесова 2012; 2014: 3–33].

Результаты исследования погребальной культуры могильников бронзового века Таджикистана показали ожидаемый факт смешивания культовых погребальных практик. На ранней стадии погребальной культуры в могильниках отсутствуют следы использования огня – в 25% могил Вахшской культуры, катакомбный Бишкентский могильник I. Не отмечены следы возжиганий и в Саразмском некрополе эпохи энеолита. Но отмечены так же идентичные приемы возведения каменных оградок и развитие системы поминальных памятников. Но на материалах могильников развитого и позднего бронзового века отчетливо видны ритуалы с использованием огня. Погребальный обряд Бешкентской культуры характеризуется наличием во всех могилах своеобразных очажков, форма которых зависит от пола погребенных. В Раннетулхарских могилах на входе в катакомбу зафиксированы следы небольшого костра. Погребальная культура использования огня в могилах не имеет поминальных памятников на поверхности. По всей вероятности, в середине бронзового века под воздействием пришлых племен ритуальный огонь стал применяться в практике погребальных культур. А возведение кольцевых каменных оградок и выкладок в дальнейшем практикуются в культурах, которые раньше имели в активе только возжигание огня. Появляются могильники, заключенные в двойное кольцо оградок – каменных и выкладок из разведенных костров (курган 7-8 Тигровая Балка) [Каримова 2016].

Исследования оседло-земледельческих культур отразили практику использования круглых и квадратных алтарей. В Туркмении в Алтын-депе и Ялангач-депе найдены квадратные алтари, а в Илгылы-депе, Геоксюре 1, 5 (Чонг-депе) – круглые [Сарианиди 1965: 14]. Прямоугольные алтари известны в Мундигаке (Афганистан) и Пираке (Пакистан) [Casal 1961: pl. XVIII; Jarrige, Santoni 1979: fig. 15, pl. XVII]. В Мундигаке алтари подквадратной формы и располагались преимущественно в центре помещения. В Пираке алтари не имеют регламентированного расположения, их можно встретить в любой части помещения. Но ни на одном памятнике не встречались алтари разных форм - круглые и квадратные как в Саразме.

Для территории Таджикистана известен ещё один пример использования круглых и квадратных алтарей. Это традиция захоронения, отмеченная в Тулхарском могильнике, где в бронзовом веке женские захоронения сопровождалась (помимо инвентаря) круглым углублением-очажком, заполненным золой и угольками, размещенным у северной стенки. Мужские же захоронения – у восточной стенки, имеют углубление-очажок – прямоугольник, выложенный из удлиненных обломков плитняка, так же с золой и угольками. В парных же захоронениях имеют место оба очажка, с той же ориентацией расположения, как и в одиночных захоронениях [Мандельштам 1968: 8–46]. Данный факт отмечает использование очагов-алтарей как на поселении, так и в культуре погребения.

Отдельную картину представляют присутствующие в захоронениях антропоморфные фигурки. На территории Таджикистана их найдено не так уж много. Это кенотафное погребение 73 могильника Кангурттут - в южной части у стенки камеры лежала композиция из трех предметов, две фигурки, мужская, женская и детская [Виноградова 2004: 50–51, рис. 34]; кенотафное погребение 26 могильника Кангурттут с объемной статуэткой [Виноградова 2004: 45–46, рис. 35]. При раскопках поселения Кангурттут найдены терракотовые фигурки: одна антропоморфная женская фигурка; фигурка лошадки и две фигурки головок птиц и одна - барана [Виноградова 2004: 38–39, рис. 27]. Головка барана, фигурка лошади и головки птиц могли быть фрагментами наклепов на ритуальные сосуды, либо фрагментами небольших зооморфных сосудов. Поселение и могильник имеют несколько радиоуглеродных дат, которые укладываются в интервале между 1976/1756 и 1594/1291 гг. до н.э. [Виноградова 2004: 41]. В могильнике Тандырйул в кенотафном погребении 2 среди керамической посуды найдена глиняная скульптурка сидящего мужчины с вытянутыми вперед руками [Vinogradova, Lombardo 2002: fig. 5].

Тот факт, что антропоморфные фигурки размещаются не во всех кенотафных захоронениях, наводит на мысль о существовании определенного обряда или магического действия, связанного с помещением в пустую могилу фигурок как обращение к культу символа семьи (три фигурки в одном захоронении), к первопредку (мужские фигурки).

В струю представлений совершения культово-погребальных действий для нашей темы наибольший интерес представляет погребение 2, женское захоронение с богатым сопроводительным инвентарем, найденное на Раскопе 6 могильника Гелот (конец III – начало II тыс. до н.э.). У пяточной кости правой ноги женского погребения найдена мраморная антропоморфная фигурка. Это фигурка стоящего мужчины с округлой головой и широкими плечами. Руки прижаты к животу, кисти рук сложены в кулак и соприкасаются [Виноградова и др. 2010: 103–143]. Здесь в сопровождающем инвентаре имеется круглое плоское зеркало, положенное перед лицом по примеру захоронений сапаллинской культуры, фрагмент перегородчатой печати и скульптурка. По всей видимости, захоронение с таким сопровождающим материалом, который представляет обрядовые реликтовые предметы, имеющие отношение к ритуальной деятельности, характеризует его как погребение шаманки.

Могильник Кумсай маркирует продвижение земледельческих племен сапаллинской культуры эпохи поздней бронзы на территории Гиссарской долины Таджикистана. Материальная культура имеет смешанный характер. Во II тыс. до н.э. данный регион активно осваивался носителями оседло-земледельческой сапаллинской культуры, пришедшими сюда с юго-запада, с территории древней Бактрии, и племенами скотоводческой андроновской (федоровской) культуры, которые осваивали глубинные районы Средней Азии, мигрируя из степной зоны Евразии [Кутимов 2013: 75–90].

Взаимодействие разнородных групп населения находит яркое отражение в материалах памятников. Анализ таких комплексов дает представление о культурных контактах местных оседло-земледельческих племен с андроновскими племенами степной зоны Евразии. Различия или единообразие проводимых практик, регулируемых даже в отдалении от мест происхождения, свидетельствует о присутствии служителей культа или отправителей культовых практик при совершении ритуалов или обрядов в местах захоронений, на поселениях. Проблемным является создание единого классификационного материала по каждому периоду, ограниченному имеющимися памятниками, которые не позволяют сделать четкое определение деятельности шамана, служителя культа, исполнителя обрядовых или ритуальных действий, жреца или священнослужителя на различных этапах истории древнего периода.

Однако даже по имеющимся данным выглядят абсолютно убедительно отличия поклонениям древним культам в среде оседлого населения с превалированием тенденций сложения храмовой практики и пантеона зороастрийских практик. И как показали исследования С.Г. Кляшторным мировоззрений тюркской среды кочевников, которые отражают распространение культа волка, легендарного культа пещеры, поклонение Умай (богине плодородия и покровительнице детей, символизирующей женское начало), кагану Неба (Тенгри) [Тишин 2013: 102–119], они являются косвенным указанием на шаманские функции основателя правящего рода тюрков, которые являлись белыми шаманами, так как именно они могли камлать божествам и духам Верхнего мира [Потапов 1991: 274], поэтому могут считаться служителями культов.

Данный факт очень важен потому, что указывает на изначальное сочетание в каганской власти управленческой и сакральной функций, что вылилось в столкновение Чингисхана с шаманом Тэб Тэнгри [Потапов 1991: 274]. Следовательно, сакральные функции тюркских каганов имеют тройственную природу, сочетая в себе служение культу правящего рода, культу Верховного божества и колдовство, это так называемые черные шаманы [Потапов 1991: 85, 259, 274]. Именно они, в отличие от белых шаманов, плясали с бубнами у костра, общаясь с душами, занимались лекарством, принятием родов и т. д., т. е. практиками, актуальными для повседневного быта. Свидетели проведения ритуальных действий описывают, что тюрки «своими жрецами ставят тех, которые, по их мнению, могут дать им предсказание о будущем» [Феофилакт Симокатта 1957: 161]. Ибн ал-Факих описывал у тюрков-огузов гадания с камнями [Тишин 2013: 107].

Следовательно, очевидно, существование ряда терминов, обозначающих лиц с набором определённых функций, связывавшихся с необычными способностями в тюркоязычной среде уже в период VI–VIII вв. Важно, что, судя по всему, древнетюркские служители культов (шаманы?) совмещали в себе как сакральные, так и магические функции [Дашковский 2009: 65–71].

Особо необходимо отметить - исследователи неоднократно отмечали, что значение терминов, применяемых в тюркской – кочевой среде, имеет синкретическое, если не прямое смысловое, авестийское происхождение. Так, термин «ядачи» («яда») в языковом отношении имеет авестийские (yatu – волшебство), новоперсидские (yadu – ворожей) и таджикские (джоду – колдовство) истоки, что свидетельствует о раннем влиянии Ирана на тюрков эпохи раннего Средневековья [Малов 1947: 154]. Л.Н. Гумилев, опираясь на приведенные выше данные и материалы С.В. Малова, тем не менее, считает возможным говорить именно о ядачи, т. е. о колдунах, а не о шаманах [Гумилев 1967: 84; Малов 1947: 155].

К сходным выводам приходят и некоторые современные исследователи, отмечая, что центрально-азиатский ареал распространения термина «яда» и соответствующих верований «свидетельствует о слиянии зороастрийских реликтов с тем, что сейчас ученые собирательно называют шаманством» [Чвырь 2006: 161]. На существование у тюрков именно шаманов настаивают и другие исследователи, которые трактуют саму религию кочевников как шаманизм или, во всяком случае, рассматривают его в качестве основополагающего элемента [Потапов 1991: 123–126; Кляшторный 2003: 317–338; Кызласов 1990; Стеблева 2007: 20; Михайлов 1980: 131].

В то же время необходимо отметить, что во многом трудность атрибуции религиозной деятельности священнослужителей у тюрков связана с рядом причин и самой важной, на наш взгляд, является то, что религия номадов в тюркский период, как и в предшествующие эпохи, носила синкретичный характер. Это было обусловлено знакомством кочевников с различными религиозными системами соседних народов.

Своеобразную точку зрения относительно интерпретации служителей культа у тюркских племен высказал Т.С. Жамбалтаров. Исследователь обозначил данную социальную группу термином

бахсы, которые только часть своей деятельности отводили ритуалам, а в основном занимались прикладной магией, медицинской и ветеринарной практикой, кузнечным делом [Жумаганбетов 2003: 76–77].

Таким образом, в силу особых культурно-исторических условий развития номадизма формирование корпоративного жречества у кочевников не произошло, во всяком случае, с такими признаками, которые характерны для земледельческих обществ.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. Святылище ранних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник 2: сб. науч. статей / Отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 8-27.
- Аванесова Н.А. Металлические комбинированные проушные орудия Зеравшана // Вестник МИЦАИ. 2014. Вып. 19. С. 3-33.
- Аванесова Н.А. Горное дело и металлургия производства Зеравшана // Материалы Республиканской конференции «Марказий Осиё тарихи ва археологияси муаммолари». Ч. 1. Самарканд: Изд-во СамГУ, 2018. С. 12-17.
- Авеста. Избранные гимны. Пер. с авестийского и комментарии И.М. Стеблин-Каменского. Предисл. В.А. Лившица. Душанбе: «Адиб», 1990. 174 с.
- Авеста. Закон против дэвов (Видевдат) / Адаптированный перевод, исследование и комментарии Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, К.В. Абдуллаева. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2008. 300 с.
- Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: ИВ РАН, 2004. 299 с.
- Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Дж. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 году // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 34. Душанбе, 2010. С. 103-143.
- Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI–VIII вв. н.э.). М.: Наука, 1967. 298 с.
- Дашковский П.К. Служители культов у тюрков Центральной Азии в эпоху средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2009. Вып. 4/1 (64). С. 65–71
- Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права VI-XII вв. Алматы: Жети Жаргы, 2003. 432 с.
- Запорожченко А.В. Шаманские реминисценции в духовной культуре индоиранцев. Новосибирск: Изд. Новосибирский государственный педагогический университет, 2007. 194 с.
- Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. М.: Изд-во ЭКСМО, 2006. 496 с.
- Исаков А.И. Саразм. Душанбе: Дониш, 1991. 244 с.
- Исаков А.И. О работе Международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 25. Душанбе. 1994. С. 85-99.
- Каримова Г.Р. Таджикистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. I. Традиционные верования и шаманизм. Самарканд: МИЦАИ, 2016. С. 138-199.
- Каримова Г.Р. Аштский комплекс петроглифов (Аштский район) // Номинация Всемирного Наследия. Фергана-Сырдарьинский коридор Шелкового пути [Таджикистан] / Сост.: Г.Р. Каримова, Т.Г. Филимонова, Н.Т. Рахимов. Душанбе: Офсет-Империя, 2019а. С. 133-152.
- Каримова Г.Р. Религия в петроглифах Таджикистана // Муаррих. 2019б. № 1 (17). С. 92-114.
- Каримова Г.Р. Саразм: дериват межкультурных взаимодействий в энеолите – бронзовом веке // Саразми 5500 сола – сарогози таърихи тоҷикон / Отв. ред. Ш. Вохидов. Худжанд: изд-во Ношир, 2020а. С. 119-136.
- Каримова Г.Р. Дозороастрийский пантеон Саразма (семь божеств и семь творений) // Муаррих 2020б. № 3 (23). С. 36-48.
- Каримова Г.Р. К вопросу о культуре погребения населения древнего Саразма // Саразм: сб. статей науч.-практ. конф. «Саразм – начало земледельческой, ремесленной и градостроительной культуры таджиков», посвящ. 5500-летию Саразма (г. Душанбе, 20 декабря 2019 г.) / Отв. ред. Н.К. Убайдулло. Душанбе: Дониш, 2020в. Вып. I. С. 81-99.

- Каримова Г.Р.* Саразм – колыбель древнеземледельческой цивилизации в Таджикистане // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х т. / Отв. ред. З.М. Мадамиджонова. Душанбе: Дониш, 2021. Т. 1. С. 386-434.
- Каримова Г.Р.* Культовые сооружения Саразма эталон эволюции духовных координат дозораотризма // Саразм: гипотезы, исследования, проблемы. Антология статей. Душанбе: «Офтсет-Империя», 2022. С. 37-44.
- Каримова Г.Р., Курбанов Ш.Ф.* Наскальные изображения в саяе Хавзак // АРТ. Душанбе, 2014. Вып. 37. С.78-99.
- Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. М.: ГРВЛ, 1981. С. 117-138.
- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
- Крюкова В.Ю.* Зороастризм. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2005. 288 с.
- Кутимов Ю.Г.* Новые исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан) // Археологические вести. 2013. Вып. 19. С. 75-90.
- Кызласов Л.Р.* О шаманстве древних тюрков // СА. 1990. № 3. С. 261-264
- Лелеков Л.А.* Авеста в современной науке. М.: Гос. НИИ реставрации МКИТРФ, 1992. 362 с.
- Малов С.Е.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // СЭ. 1947. № 1. С. 152-155.
- Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Наука, 1968. 183 с. (МИА СССР, № 145).
- Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII век). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Окладников А.П.* Час прибытия: [Об атеистическом воспитании трудящихся] // Наука и религия. 1979. № 9. С. 41-43
- Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
- Разводовский А.* Наскальное искусство и шаманизм: феноменология, контекст и этика // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 57-71.
- Рак И. В.* Авеста // Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.: Журн. «Нева», «Летний Сад», 1998. С. 54-69.
- Сарианиди В.И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении / Отв. ред. М.Е. Массон. М.: Наука. 1965. 81 с.
- Стеблева И.В.* Жизнь и литература доисламских тюрков. Историко-культурный контекст древнетюркской литературы. // М.: «Восточная литература». 2007. 208 с.
- Струве В.В.* Родина зороастризма // Советское востоковедение / Отв. ред. академик В.В. Струве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. V. С. 5-34.
- Тишин В.В.* Некоторые заметки о служителях культов у древних тюрков VI–VIII вв. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. статей / Под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. VI. С. 102-119.
- Феофилакт Симокатта.* История / Вступ. статья Н.В. Пигулевской; перевод С.П. Кондратьева; примечания К.А. Осиповой. Отв. ред. Н.В. Пигулевская. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Серия: Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. 224 с.
- Чвырь Л.А.* Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв. Очерки народного ислама в Туркестане. М.: Восточная литература, 2006. 288 с.
- Якубов Ю.Я., Каримова Г.Р.* Зороастризм в древней истории таджиков // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х т. / Отв. ред. З.М. Мадамиджонова. Душанбе: Дониш, 2021. Т. 1. С. 752-805.
- Casal J.M.* Fouilles de Mundigak. Paris, 1961. Vol. 1. P. 260. Vol. 2. 140 figs. 445 planches (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. T. 17).
- Francfort H.-P.* Central Asian Petroglyphs: between Indo-Iranian and Shamanistic interpretations // The Archaeology of Rock-Art. Cambridge. 1998. P. 305-315.
- Jarrige J.-F., Santoni M.* Fouilles de Pirak. Diffusion de Boccard. 1979. Vol. 2. P. 326-333.
- Vinogradova N.M., Lombardo G.* Farming Sites of the Late Bronze and Early Iron Ages in Southern Tajikistan // East and West. 2002. Vol. 52. N. 1-4 (December). P. 71-126.

**Б. А. Байтанаев,
А. А. Горячев**

**Бауыржан Абишевич Байтанаев, bayтанаев@mail.ru,
Александр Анатольевич Горячев, aga.2805@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан**

Исследования археологического комплекса пещеры Туттыбулак-I в 2015–2022 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются результаты археологических исследований пещеры карстового происхождения Туттыбулак-I в ущелье Боралдай (Байдибекский р-н, Туркестанская обл.). Самые ранние артефакты, обнаруженные в перемешанных слоях пещеры, относятся к верхнему палеолиту. Судя по материалам, в древности, вплоть до периода финальной бронзы, она представляла собой временную стоянку охотников. Начиная с поздних этапов раннего железного века, пещера использовалась для выплавки крицы. Наиболее интенсивным периодом ее функционирования как металлургической мастерской стали караханидское (XI–XII вв.) и монгольское (XIII–XV вв.) время, когда здесь активно изготавливались орудия труда и изделия кузнечного ремесла. Пещера использовалась периодически для выплавки металла в течение всего позднего средневековья вплоть до рубежа XVII–XVIII в.

Ключевые слова: ущелье Боралдай, пещера Туттыбулак-I, археологический комплекс, палеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье, стоянка, мастерская, металлургия

**Бауыржан Әбішұлы Байтанаев,
Александр Анатольевич Горячев,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан**

Тұттыбұлақ I үңгірі археологиялық кешеніндегі 2015–2022 жж. зерттеулер

Аннотация. Мақалада Түркістан облысы, Бәйдібек ауданы Боралдай шатқалындағы карсты шығу текті Тұттыбұлақ-I үңгірінде жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижелері қарастырылады. Үңгірдің аралас қабаттарынан табылған ең көне жәдігерлер кейінгі палеолитке жатады. Материалдар көрсеткендей ежелгі уақыттан кейінгі қола дәуіріне дейін бұл жер аңшылардың уақытша тұрағы болған. Ерте темір дәуірінің кейінгі кезеңдерінен бастап үңгір қож темір балқытуға пайдаланылған. Үңгірдің металлургиялық шеберхана ретінде ең интенсивті қолданылған, еңбек құралдары мен ұсталық қолөнер бұйымдары белсенді жасалған уақыт қарахан (XI–XII ғғ.) және моңғол (XIII–XV ғғ.) кезеңдері. Үңгір бүкіл кейінгі ортағасырда XVII–XVIII ғғ. шегіне дейін металл балқыту үшін мерзім мерзіммен қолданылып тұрған.

Түйін сөздер: Боралдай шатқалы, Тұттыбұлақ-I үңгірі, археологиялық кешен, палеолит, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, ортағасыр, тұрақ, шеберхана, металлургия

© 2022 Байтанаев Б.А., Горячев А.А.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.

Bauyrzhan Baitanayev,
Alexander Goryachev,

Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Research of the archaeological complex of Tuttybulak-I cave in 2015–2022

Abstract. The article discusses the results of archaeological research of the karst cave Tuttybulak-I in the Boraldai gorge in Baidibek district of Turkistan region. The earliest artifacts found in the mixed layers of the cave belong to the Upper Paleolithic. Judging by the materials, in ancient times, up to the Final Bronze Age, it was a temporary stop of hunters. From the later stages of the Early Iron Age, the cave was used for smelting iron. The most intensive period of its functioning as a metallurgical workshop was the Karakhanid (11th–12th centuries) and Mongolian (13th–15th centuries) times when tools and forge products were actively manufactured here. The cave was used periodically for smelting metal during the late Middle Ages up to the boundary of the 17th–18th centuries.

Keywords: Boraldai gorge, cave Tuttybulak-I, archaeological complex, Paleolithic, Bronze Age, the Early Iron Age, Middle Ages, site, workshop, metal industry

Пещера Туттыбулак-I находится в верховьях ущелья Боралдай в левом боковом сае по берегу одноименного ручья в 8 км к востоку-северо-востоку от аула Теректы Байдибекского района Туркестанской области (рис. 1). Первые сведения о пещерах в долине ручья Туттыбулак (Туттыозен), собранные преимущественно по рассказам местных жителей, приведены П.И. Комаровым [Елеуов, Бахтыбаев 2011: 348]. В конце 60-х - начале 70-х гг. XX века памятник посетил Х.А. Алпысбаев, оценив его как перспективный объект с точки зрения обнаружения здесь палеолитических слоев. В 2004-2006 гг. первичные исследования данного микрорайона были проведены Б.А. Байтанаевым и Р.Х. Сулемановым, в ходе которых зафиксированы три пещеры с культурным слоем, заложен рекогносцировочный шурф в наиболее доступной из них пещере Туттыбулак-I. Выяснилось, что в средневековую эпоху она представляла собой металлургическую мастерскую [Байтанаев и др. 2015: 174-181].

С 2015 года авторами ведутся полномасштабные исследования не только пещеры Туттыбулак-I, но и всей долины реки Боралдай, материалы которых регулярно публиковались [Байтанаев и др. 2015; 2017а; 2017б; 2017в; 2017г; 2018; 2020а; 2020б; 2021]. По результатам этих исследований выяснены планиграфия и стратиграфия древних, раннесредневековых и позднесредневековых металлургических мастерских, выделены слои стоянок эпохи бронзы и раннего железного века, зафиксированы многочисленные артефакты, характеризующие материальную культуру древнего и средневекового наследия региона на его различных исторических этапах. С 2020 года к программе изучения материалов пещеры Туттыбулак-I присоединились исследовательские группы Национального музея Республики Казахстана (рук. Ж.К. Таймагамбетов) и Тюбингенского университета Федеративной Республики Германия (рук. Р. Йовита). К ранее обнаруженным авторами отщепам каменного века ими были добавлены выделенные артефакты верхнего палеолита среди перемешанных слоев пещеры. Полученные таким образом материалы позволяют нам представить пещеру как особенный многослойный археологический комплекс и отразить основные этапы функционирования памятника, за исключением наиболее раннего, исследования которого только начаты.

Пещера Туттыбулак-I карстового происхождения находится 300 м вглубь бокового ущелья в 15-20 м выше ручья Туттыбулак – левого притока реки Боралдай (рис. 2). Она представляет собой углубление в скалистой породе подовальной формы и ориентирована по оси юго-восток–северо-запад (40°). Вход в пещеру выглядит как слегка наклонная площадка размерами в длину 2 м, в ширину 7 м, высотой 4,7 м. Видимое пространство пещеры состоит из центрального зала (18 м) и

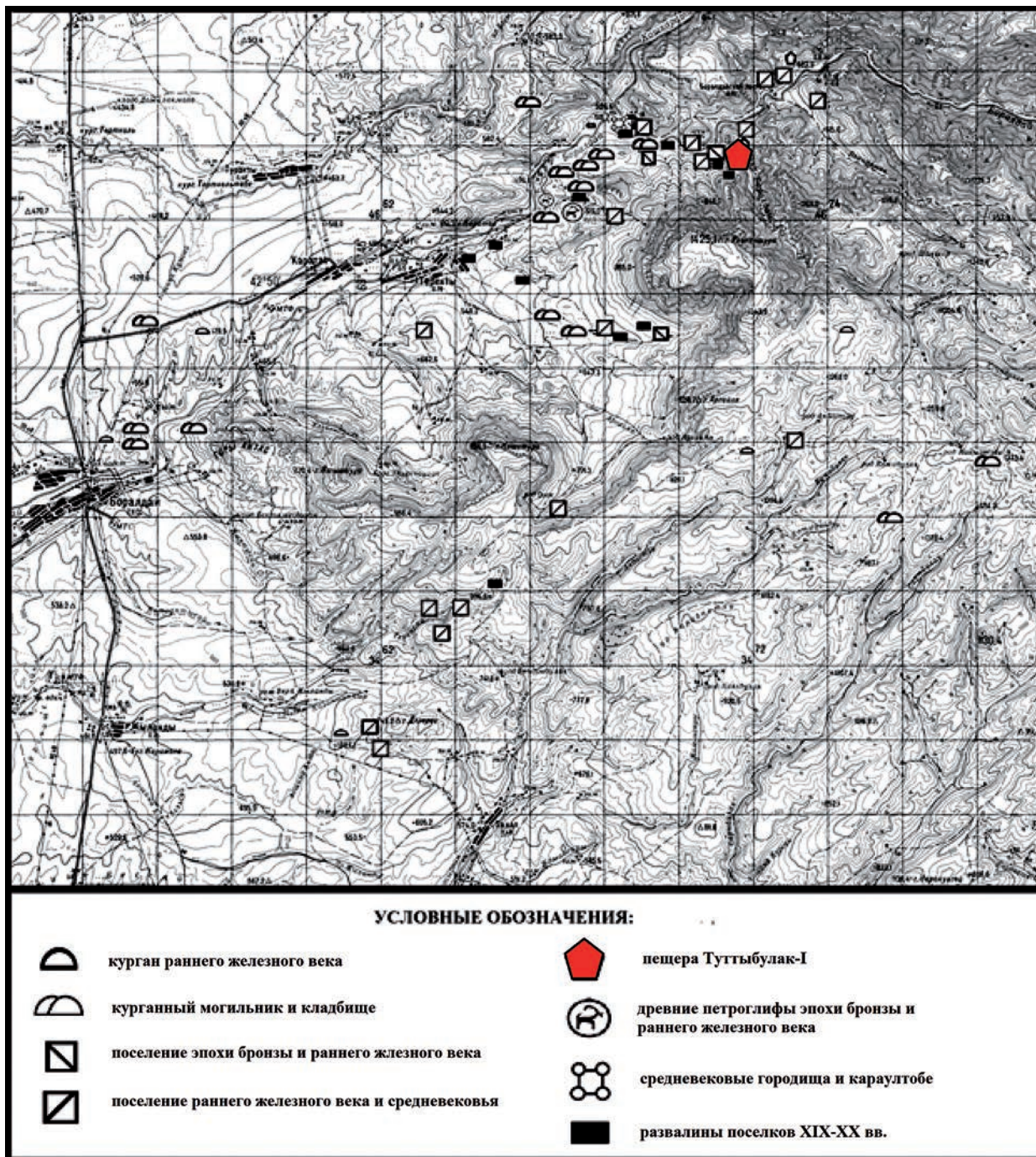

Рис. 1. Карта археологических памятников ущелья Боралдай с пещерой Туттыбулак-I

гота (10 м). Общая длина пещеры составляет 32 м, ширина: на входе 7 м, в центральной части зала – 10 м, у гота - 7,5 м, в конце плавно сужается до 3,5 м. Свод у входа высотой 6 м, в центральной части поднимается до 10 м, к готу опускается до 2 м.

1

2

3

Рис. 2. Пещера Туттыбулак-I:
1 - внешний вид пещеры,
фото;
2 - внутренний вид пещеры
до раскопок, фото;
3 - воздуховод естественного
происхождение в потолке
пещеры, фото

Потолки пещеры сильно закопчены. На стыке потолка с юго-западной стенкой имеются два воздуховода естественного происхождения. Через них пещера постепенно замыкается и заполняется грунтом и осколками скальных плит. Внутри пещеры изначально были обнаружены четыре очажные ямы округлой формы размерами от 1,5 до 3 м в диаметре, сохранившиеся, судя по материалу, от финального этапа использования пещеры. При зачистке они имели значительную глубину прокала и содержали фрагменты керамики позднего средневековья, обугленных костей и железорудный шлак. У северо-восточной стенки зала пещеры в результате отслоения и падения каменных плит сформировалась ровная площадка размерами примерно 7,5×3 м, где имеется культурный слой. В нем найдены фрагменты средневековой станковой керамики, каменные орудия труда. На поверхности пола и выходе из пещеры фиксировались многочисленные фрагменты керамики, судя по технологии производства - от эпохи бронзы и раннего железного века до развитого средневековья [Байтанаев и др. 2017б: 143–159]. В пещере также имелись многочисленные следы посещения ее современными скотоводами и охотниками (современные очажные ямки, битое стекло, стреляные гильзы и т. д.).

В результате исследований в настоящее время полностью изучено пространство центрального зала пещеры (~ 160 м²) на глубину от 1,5 м у входа и до 2,5 м в центральной и юго-восточной его стороне (рис. 3). Разница глубин связана с сильным накоплением осадочных пород в районе отверстий в потолке пещеры. В гротовой части изучен его правый (юго-западный) участок (~ 25 м²) на глубину до 1,5 м. Данные параметры раскопок зависели от мощности культурного слоя пещеры, содержащего материалы от бронзового века до позднего средневековья.

Основной проблемой культурно-хронологического определения культурных слоев пещеры Туттыбулак-I является то обстоятельство, что все они содержат разновременные и разнотипные артефакты, особенно на глубинах до 110 см. Связано это явление с тем, что объект использовался в средневековую эпоху для выплавки металла из руды методом «волчьих» ям [Байтанаев и др. 2017в: 150-151]. В результате значительная часть территории центрального зала регулярно перекапывалась, что приводило к перемещению каменного инвентаря, остеологического и керамического материала. В частности, один верхнепалеолитический отщеп был зафиксирован близ крайней к гроту ямы на глубине 50-70 см. На этом же уровне вдоль юго-западной стенки грота регулярно вместе встречаются керамика эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Также на глубинах, соответствующих древним периодам, отмечены фрагменты хумов и других изделий раннего и позднего средневековья.

Тем не менее, благодаря стратиграфическим разрезам, удалось выявить разные уровни этих очажных ям и по наибольшей концентрации материалов определенных исторических этапов выделить основные периоды функционирования пещеры Туттыбулак-I [Байтанаев и др. 2018: 272-287]. Общая стратиграфическая ситуация памятника выглядит следующим образом (рис. 4):

Верхний слой составляет светло-серая торфяная пыль, мощностью 15-25 см. Здесь фиксируются отдельные фрагменты камней и скальных блоков. Данный слой сосредоточен от входа в пещеру до ее центра и отсутствует в глубине пещеры.

Второй слой составляет светло-серая торфяная пыль, мощностью 10-15 см. Слой является верхней погребенной поверхностью пещеры. В нем отмечены верхние края плавильных ям позднего средневековья. В гроте слою соответствуют слоистые выбросы отзоленного грунта со щебнем и обугленными мелкими костями домашних животных. Данный уровень отмечен значительным количеством пятен прокала и фрагментов керамики раннего и позднего средневековья.

Третий слой представляет собой пеструю рыхлую супесь с примесью известняка, угля и щебня. Мощность слоя варьирует от 20 до 50 см и отмечается на глубине от 30 (у входа) до 80 см (в глубине) от современной дневной поверхности. Здесь он представляет собой заполнение в пространстве

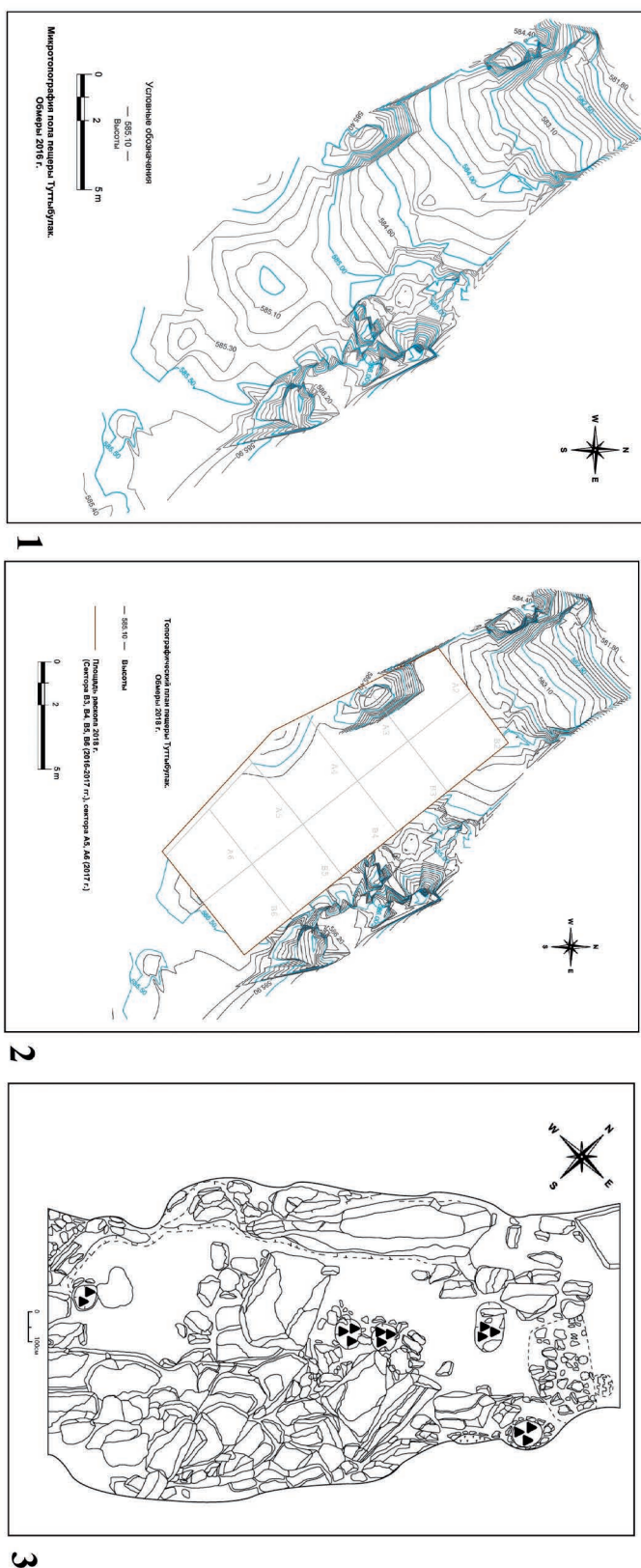

Рис. 3. Планы раскопов пещеры Туттыбулак-1: 1 – топоплан 2016 г. до раскопок; 2 – топоплан раскопа пещеры в 2018 г.; 3 – план раскопа пещеры 2019-2021 гг.

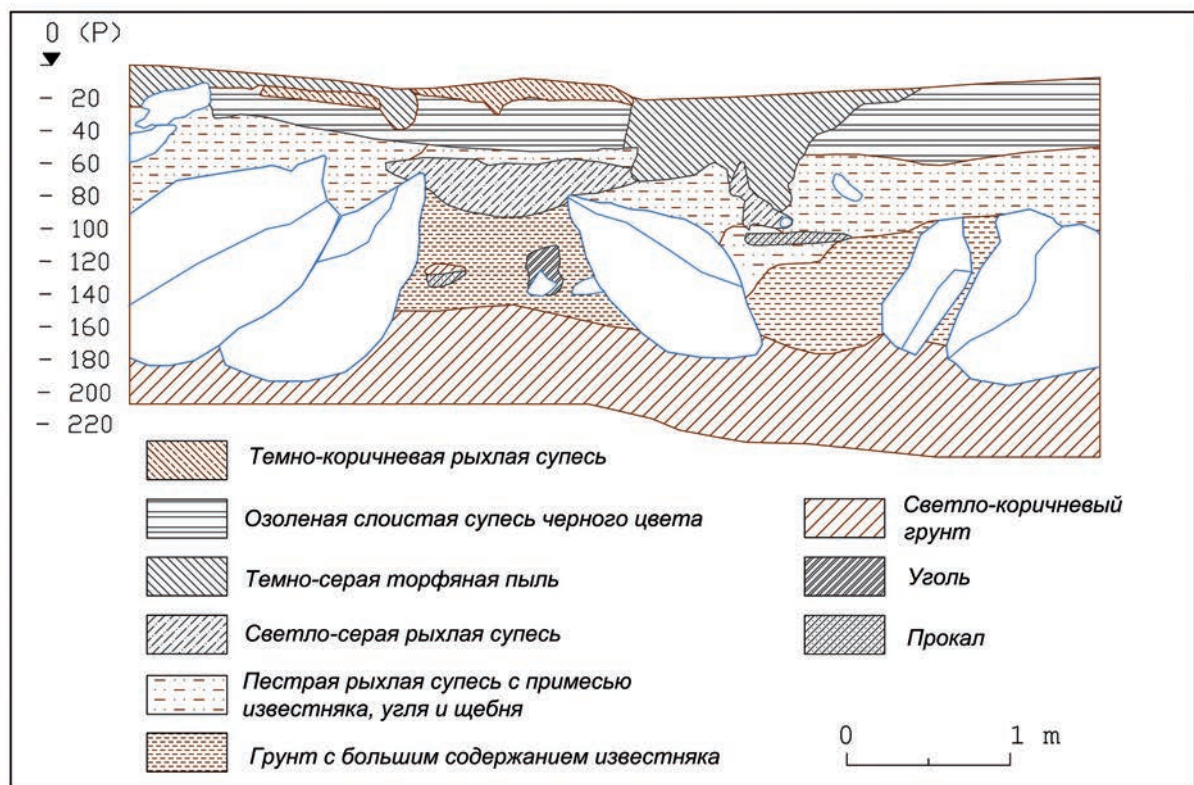

Рис. 4. Стратиграфический разрез раскопа пещеры между центральным залом и гротом пещеры (2018-2019 гг.)

между каменными конструкциями плавильных печей от раннего до позднего средневековья, в дальней части пещеры встречается на глубине 100-120 см. Он отличается большим количеством нор грызунов, пятен прокалов, вещевого, остеологического и керамического материала различных этапов средневекового периода и раннего железного века.

Четвертый слой – озолённая слоистая супесь черного цвета, мощностью 20-25 см, которая встречается обычно на глубинах от 25 до 60 см. Слой является более плотным по структуре и представляет собой отложения внутри использованных плавильных ям развитого и позднего средневековья, он встречается исключительно в дальней от входа части пещеры. Не содержит никаких археологических находок, но в нем чаще всего отмечаются плотные скопления известняка.

Пятый слой – светло-коричневая рыхлая супесь, мощностью от 15 до 40 см. Встречается на глубине 50-80 см только на тех участках ближе к входу, где отмечены подстилающие слои из плотного скопления угля и известняка. Мощность подстилающих слоев составляет от 5 до 10 см. Возможно, данный слой составляет заполнение ранее использованных плавильных ям раннего средневековья. В нем, помимо материалов раннего средневековья, регулярно встречается керамика раннего железного века.

Шестой слой составляет темно-коричневая рыхлая супесь, мощностью от 10 до 40 см. Он встречается на глубине от 80 до 120 см от дневной поверхности. На некоторых участках слой

перекрыт рухнувшими каменными блоками с потолка пещеры. На этом же уровне обнаруживается значительное количество артефактов раннего железного века и эпохи бронзы.

Седьмой слой представлен светло-коричневым супесчаным суглинком мощностью от 40 до 70 см и отмечен повсеместно с глубин от 110 до 180 см. Здесь практически не встречается иных материалов кроме мелких фрагментов костей животных и отдельных фрагментов керамики андроновского и позднебронзового этапов. Данный слой пещеры выделяется повышенной влажностью грунта. Его подстилающим слоем является материковый комковатый суглинок. В гроте он отмечен на глубинах 130-150 см, в дальней центральной части зала - на отметке 180-200 см. Однако у входа в пещеру при контрольном шурфе на глубину до 2,5 м материковый грунт не обнаружен.

Изучение более древних слоев памятника на данном этапе затруднительно в связи с большим накоплением крупных обломочных плит, перекрывающих часть материалов в центральной части зала и на выходе из пещеры. Однако наличие отщепов и скребков верхнего палеолита и неолита, зафиксированных здесь (рис. 5), позволяет предполагать посещение и использование пещеры первобытными людьми. Поскольку значительную серию материалов составляют фрагменты костей диких животных – медведей, оленей, козлов, мелких хищников, барсуков, птиц, грызунов

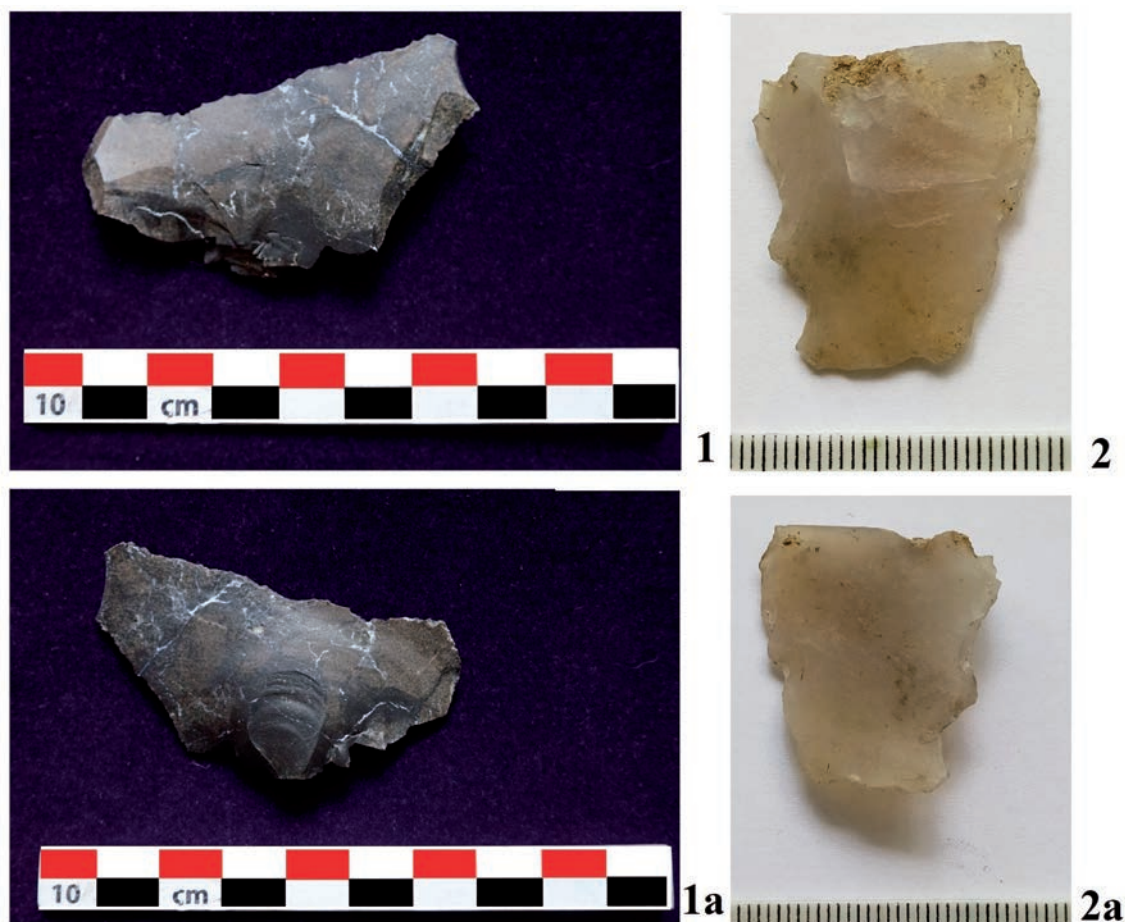

Рис. 5. Артефакты каменного века из перемешанных слоев пещеры Туттыбулак-1: 1 – верхнепалеолитический отщеп-скребок; 2 – отщеп неолитического времени

и т. д., можно считать, что на данном этапе она служила пристанищем для древнейших охотников микрорайона. Здесь же найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, некоторые из них расколотые и обгоревшие. Отдельные кости из разных горизонтов пещеры имеют следы обработки и применения в качестве инструментов - проколов, скребков, резаков, астрагалов-лощил.

Самые ранние материалы, полученные в ходе наших исследований, относятся к бронзовому веку и представлены в основном фрагментами керамики и каменными орудиями труда (рис. 6, 1–4). Среди последних в горизонтах с материалами бронзового века отмечены терочные камни и лощила треугольной и овальной форм. В качестве этих инструментов использовалась речная галька разных размеров. Рабочие стороны их, как правило, сильно заглажены и содержат следы регулярного применения.

Под плитами третьего яруса вдоль северо-восточной стенки пещеры у крупного каменного блока обнаружены фрагменты передней части нижней челюсти и черепа человека и отдельные кости скелета на глубине 120-150 см от поверхности. Рядом с фрагментами черепа найден бронзовый черешковый наконечник стрелы (рис. 6, 5). Бронзовое изделие литое, листовидной формы, с двусторонним ребром жесткости, размерами 5,5 см в длину, 1,3 см - диаметр черешка. Аналогичные наконечники стрел известны преимущественно в памятниках общности культур валиковой керамики позднебронзового времени на территории Центральной и Средней Азии [Аванесова 1991: рис. 8: 22,23].

Керамика эпохи бронзы обнаружена по всему периметру пещеры, как правило, в достаточно укромных местах под крупными каменными плитами на нижнем стратиграфическом горизонте (у входа в пещеру 100-120 см, в глубине центрального зала – 180-200 см). Ряд фрагментов зафиксирован в результате контрольного шурфа от входа к центру пещеры на глубине 250-300 см (рис. 6, 6-16). Она представлена горшковидными и баночными плоскодонными сосудами. Часть посуды орнаментирована налепными формованными валиками под венчиками и по тулову, косыми насечками и ногтевыми вдавлениями. По этим признакам данная керамика характерна для поселенческих материалов бегазы-саргаринской культуры позднебронзового и финального этапов на территории Жетысу, Южного и Центрального Казахстана [Байтанаев, 2011: 17, рис. 1.6; Марьяшев, Горячев 2017: рис. 5, 6; Маргулан и др. 1966: 204-257; Варфоломеев 1987: 60; Ломан 1987: 115-123; Бейсенов и др. 2014: рис. 80]. Характерно, что сосуды с валиком на переходе от шейки к тулову в долине реки Коксу (поселение Талапты-I) найдены в одном комплексе с костяными черешковыми наконечниками стрел листовидной формы, аналогичными бронзовому из пещеры Туттыбулак-I [Марьяшев, Горячев 1993: 15-17].

Основные материалы раннего железного века отмечены в слоях пещеры на глубине 80-110 см (60-100 см у входа). К этому же времени, вероятно, относились конструкции трех печей, в которых зафиксированы шлаки и крица (рис. 3, 3). В полном виде они не фиксируются из-за более поздних перекопов. Эти конструкции изначально представляли собой яму диаметром от 70-80 см до 1 м с толстыми глинобитными стенками (10-15 см). Основания этих печей обкладывались мелкими каменными плитками. В дальней части центрального зала зафиксировано ее соединение с каналом воздуховода. Конструкция его выглядела как каменная глыба известняка, соединявшаяся с юго-западной стенкой пещеры. В ней были пробиты каналы, сверху перекрытые каменными плитками и замазанные глиной. Канал был проложен вдоль всей юго-западной стенки с использованием рельефа крупных каменных блоков. Непосредственно от него к дальней печи воздуховод был устроен вдоль бокового края рухнувшей каменной плиты.

Помимо этого, к данному хронологическому горизонту относится и серия каменных инструментов, изготовленных из речного галечника (рис. 7, 1–3). Они представляют собой серию

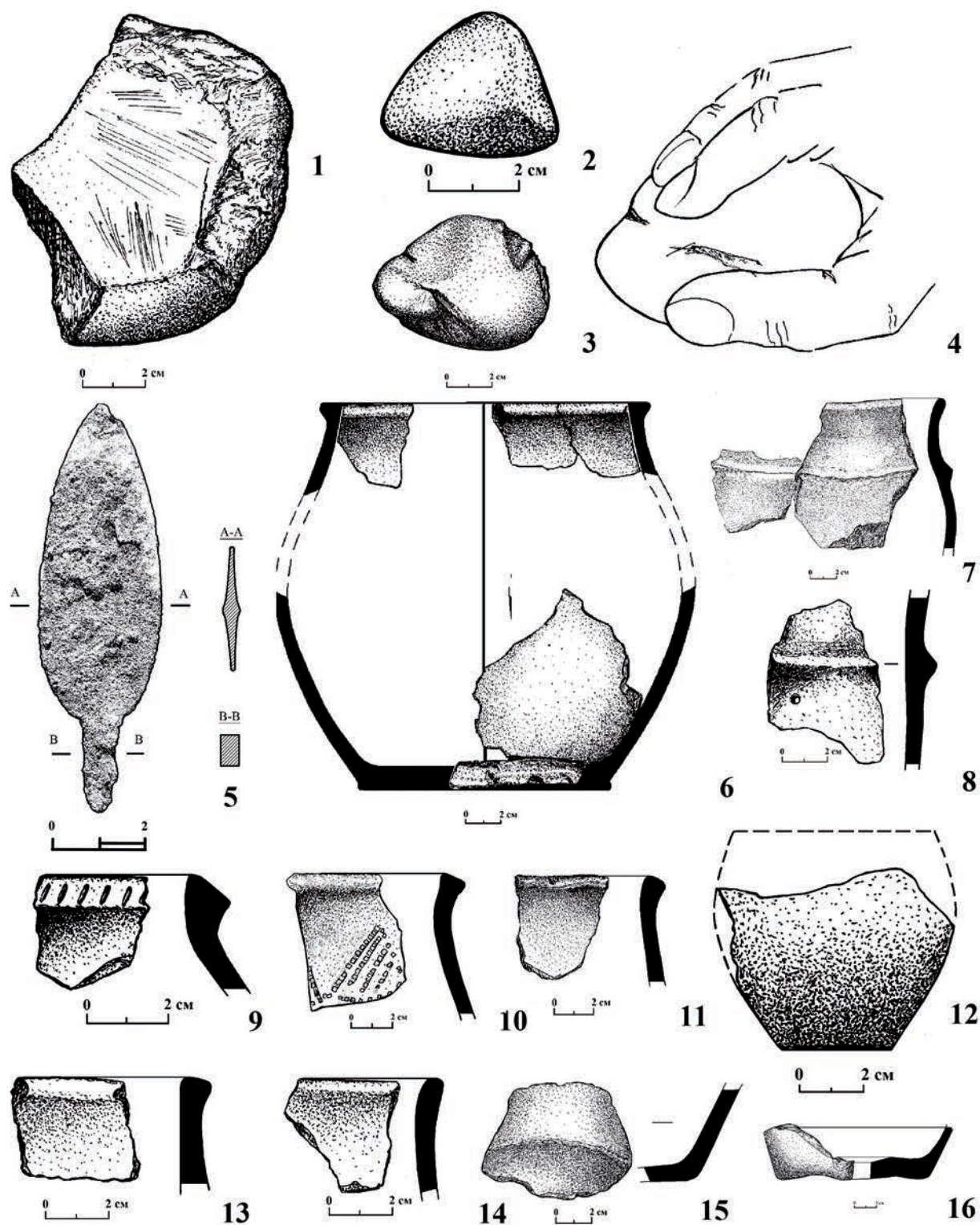

Рис. 6. Артефакты эпохи бронзы из пещеры Туттыбулак-I: 1-4 – камень; 5 – бронза; 7-16 – керамика

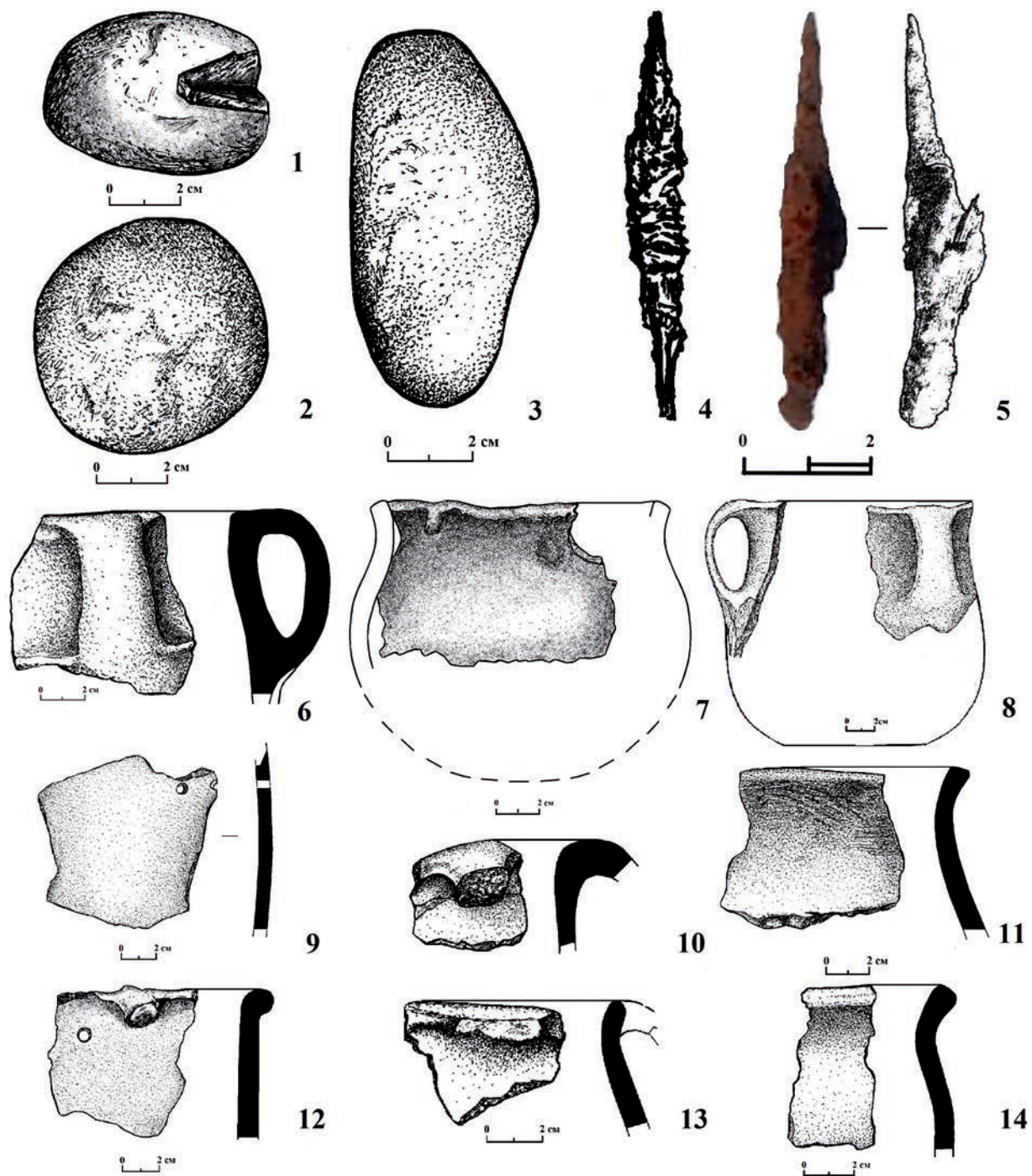

Рис. 7. Артефакты раннего железного века из пещеры Туттыбулак-I: 1-3 – камень;
4, 5 – железо; 6-14 – керамика

камней шаровидной, округло-овальной и треугольной форм, вероятно, использовавшихся как песты-молотки. Их рабочие края слегка уплощены и имеют следы сработанности.

В центральной части пещеры на глубине 100 см обнаружены два железных литых наконечника стрел (рис. 7, 4, 5). Оба изделия покрыты толстым слоем коррозии. Сохранились полностью только формы хвостовиков, а перья, предположительно, были трех- или четырехлопастные. Общая их длина равна 5–5,5 см, перьев 3–3,5 см, хвостовика 2 см. Для древних культур Южного Казахстана и Жетысу похожие по форме изделия датируются VI–V вв. до н.э. [Иванов 2017: 45].

Основная серия керамического материала раннего железного века зафиксирована в области конструкций печей на выходе из пещеры и в дальней части центрального зала. Посуда этого времени представлена фрагментами лепных плоскдонных и круглодонных горшков, чашек, кувшинов и мисок (рис. 7, 6-12). Значительную группу составляют венчики горшков и кувшинов с вертикальными налепными ручками. Близкие аналогии керамике раннего железного века пещеры Туттыбулак-I отмечены в материалах поселенческих и погребальных комплексов Южного Казахстана и Жетысу позднезасакского времени у северных склонов хребтов Каржантау, Иле Алатау и в долине реки Или [Акишев, Кушаев 1963: табл. XI; Горячев 2013: 325-341; Байпаков 2008: 74-79; Байтанаев 2011: 77-79; Горячев, Егорова 2015: 90-99].

С периода раннего средневековья пещера Туттыбулак-I кардинально перестраивается под металлургическое производство. С этой целью на входе в пещеру устраивается перегородка по центру в сторону северо-восточной стенки длиной 3,5 м, от которой сохранился фундамент конструкции и ямы диаметром 20-22 см под ее опорные столбы. Кладка фундамента перегородки состояла из трех рядов камней, скрепленных глинистым раствором. Цель ее создания, очевидно, заключалась в том, чтобы перенаправить поток воздуха, поступавшего в пещеру из узкого каньона ущелья, к юго-западной стенке пещеры, где вдоль крупной каменной глыбы с двух сторон были организованы воздухопроводы, подававшие его к печам (рис. 3, 3).

С внутренней стороны перегородки в 1 м вдоль северо-восточной стенки на глубине 50 см от современной поверхности зафиксированы полуразрушенные остатки небольшой печи тандырного типа диаметром и высотой около 80 см. Для ее устройства удачно использован рельеф стенки пещеры на данном участке. Остальная часть изготавливалась из глиняного раствора и отмечена рухнувшей почти в полном виде. Так как она значительно меньше металлургических печей и не соединена с системой воздухопроводов, мы предполагаем, что в ней готовилась пища для мастеров, занимавшихся выплавкой металла. Судя по материалу, обнаруженному среди разрушенной стенки печи и в заливке фундамента перегородки, оба сооружения были организованы в раннем средневековье [Байтанаев и др. 2020а: 11-24].

В центральной части северо-восточной стенки пещеры на верхней площадке каменных плит (7,5×3 м), в три яруса возвышавшихся над уровнем древней поверхности раннего средневековья на высоту около двух метров, вероятно, устроено место для сна и отдыха, работавших в пещере металлургов. Оно было преднамеренно выровнено каменными плитками и устлано слоем глины и песка мощностью до 30-40 см. Обнаруженный на площадке заклад из железных инструментов и изделий с монетой, датируемой VIII веком, дает основание считать, что обустройство площадки также произошло в раннем средневековье [Байтанаев и др. 2018: 283].

В обследованной за последние два сезона дальней гротовой части пещеры вдоль юго-западной стенки обнаружено невероятное количество костных останков мелкого и крупного рогатого скота, а также лошадей. Мощность их скопления от дневной поверхности составляет 70-80 см, иногда до 1 м. По совокупности всего остеологического материала эти находки представляют около 80% всех костных останков животных, найденных здесь. В 4 м вглубь грота от центрального зала

зафиксированы разрушенные остатки крупного хума без дна. Значительную часть слоев заполнения грота пещеры составили прослойки золы с остатками древесного угля и шлаков мощностью 50-60 см, а в некоторых случаях до 80 см. Таким образом, данный участок пещеры в средневековье использовали в основном как место для свалки бытовых отходов и продуктов хозяйственной и бытовой деятельности людей.

Все остальное пространство по центральной оси пещеры (17×6 м), вероятно, применялось для устройства металлургических печей. Они представляли собой крупные ямы диаметром от 1,5 до 3 м и глубиной до 1,5 м (рис. 4). Заполнение пещеры с глубины 40-50 см до 1 м составляют разрушенные остатки их надземных глинобитных стенок. Последние четыре сооружения позднего средневековья сохранились вплоть до наших дней и фиксировались как углубления в поверхности пола пещеры. Помимо многочисленных слоев золы с древесным углем и шлаками среди остатков печных ям встречаются фрагменты железных окалин, обгорелые кости животных и скопления известняка. В разных слоях пещеры, преимущественно верхних, найдены различной формы и размеров камни, которые притягиваются сильным магнитом и, вероятно, являлись исходным рудным материалом. Такой же материал нами обнаружен в пойме ручья Туттыбулак и на склонах соседних ущелий. Следует уточнить, что выплавлять в таких условиях можно только пористое железо (крицу). Железо, как материал готовый для производства, получали после более высокотемпературной переплавке крицы. Условия и особенности производства крицы в пещере Туттыбулак-I рассмотрены нами ранее [Байтанаев и др. 2017а: 150-151]. Следует отметить, что производство металла в условиях пещеры было гарантировано вне зависимости от погодных аномалий и атмосферных осадков в любое время года.

Вещевой и керамический материал средневековой эпохи представляет основную серию всех артефактов (более 80%) данного памятника. Здесь отмечены каменные и железные изделия и орудия труда, обработанные кости преимущественно домашних животных. Каменные артефакты составляют серию фрагментов литейных форм пряслиц и их заготовок, точильных и терочных инструментов треугольной, овальной и прямоугольной форм и группой камней шаровидной и округло-овальной форм, применявшихся как песты-молотки (рис. 8, 1, 2, 4-6, 8-12). Практически все они могли быть использованы или являлись изделием и результатом различных трудовых операций металлургического производства. В том числе и два керамических тигля необычных форм (рис. 8, 3, 7).

Существенной серией находок определены фрагменты костей животных, обнаруженных в разных слоях пещеры до глубины 80-85 см. Их характерной чертой являются следы обработки и применения в качестве инструментов – ручки составных инструментов, проколов, скребков, астрагалов-лощил, лопаток, а также просто обработанные кости домашних животных (рис. 8, 13-22, 24-26). Знаковым артефактом стала средневековая костяная пуговица с орнаментом диаметром 14 мм, высотой 8 мм (рис. 8, 23). Подобные изделия, как правило, выточены из кости в форме уплощенного конуса с отверстием по центру диаметром 7 мм. На изделии из пещеры Туттыбулак-1 имеется гравированный орнамент с «циркульными кружками». А.Н. Бернштам определил их как пуговицы и отнес к X-XII вв. по материалам семиреченских памятников [Бернштам 1950: 129, табл. LXXI]. Данная функциональная атрибуция костяных изделий подобного типа установлена Н.Ю. Вишневецкой [Вишневецкая 2001: 108]. Они хорошо известны в коллекциях памятников хазарского и золотоордынского периодов Восточной Европы. Похожие костяные пуговицы характерны для материалов городской культуры VIII-XII вв. на территории Южного Казахстана и Средней Азии [Смагулов 2011: 250]. Исследователи связывают их распространение как с византийским импортом, так и с развитием среднеазиатской традиции средневекового костюма [Флерова 2001: 103].

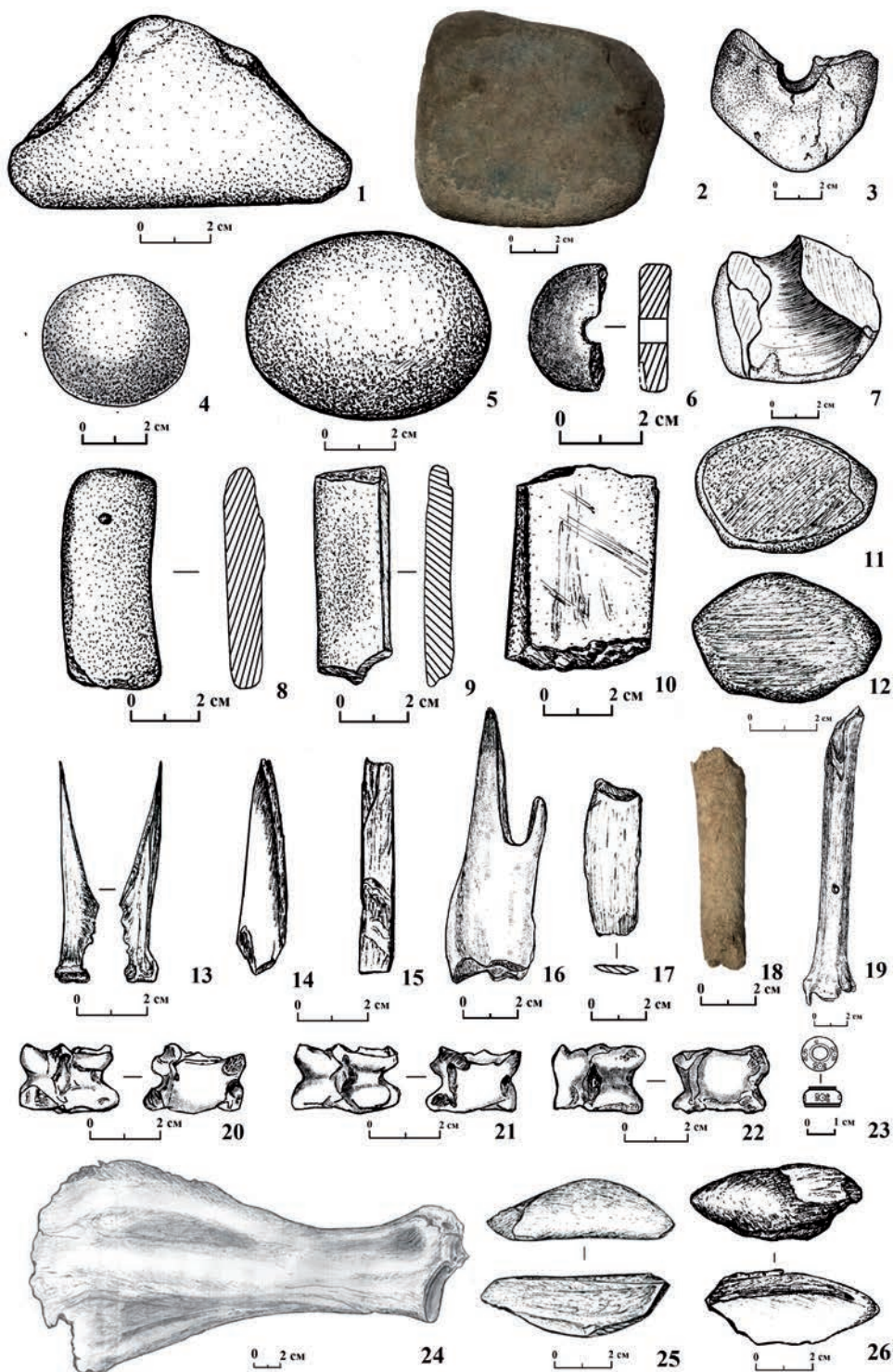

Рис. 8. Вещевой материал раннего средневековья из пещеры Туттыбулак-I:
 1, 2, 4-6, 8-12 – каменные орудия труда и изделия; 3, 7 – керамика;
 13-26 – костяные орудия труда и изделия

Одна из крупных коллекций материалов средневековой эпохи из пещеры Туттыбулак-I представлена металлическими (медь, бронза, железо) изделиями и орудиями труда, которая насчитывает 28 предметов (рис. 9). Они были зафиксированы как в составе двух закладов в центральной части зала и в дальнем гроте на глубине 50-70 см, так и в различных слоях в основном у юго-западной стенки пещеры. Среди них отмечены железные наконечники стрелы и дротика с ромбовидными перьями, две пластины – заготовки или фрагменты изделий, наконечники стрел, ножи, долота, клинья, гвозди, стержни как инструменты или их части, функциональное назначение которых нами рассмотрено. Все изделия кроме наконечников метательного оружия определены как инструменты либо производные кузнечного ремесла, бытовавшие от ранних этапов средневековья (IV-VI вв.) до монгольского времени (XIII-XIV вв.) [Байтанаев и др. 2020б: 462–487; Савельева и др. 1998: табл. 24-28; Байпаков и др. 2005: 19-24, 90].

Уточнить хронологию отдельных серий удастся благодаря закладам, где найдены четко датируемые монеты. Монета из центральной части зала пещеры (рис. 8, 4) является медным фельсом VIII в. правителей Чача [Шагалов, Кузнецов 2006: 210]. Следовательно, к этому времени относятся изделия из всей серии (рис. 9, 8, 9, 14–16). Наиболее информативен из них черешковый трехлопастный наконечник стрелы, тип которого известен на территории Центральной Азии еще с гуннского времени [Худяков, 1986: 31–33, 38]. В Южном Казахстане, Жетысу, Северном Тянь-Шане и Средней Азии такие наконечники стали распространенными в VIII-IX вв. [Илюшин 2010: 121-122; Худяков 2016: 106; Худяков и др.: 121-122]. В другом закладе был обнаружен медный «черный дирхем» монгольского периода середины–второй половины XIII века [Петров и др. 2014: 83, фото табл. 5]. Это позволяет отнести бытование предметов из данной группы (рис. 9, 1-3, 13, 17, 18) к этому же времени, хотя ряд изделий более характерен для караханидского этапа раннего средневековья (XI-XII вв.). В первую очередь, это небольшие ножи, известные в комплексах до монгольского времени на территории Илийской долины и в предгорьях Заилийского (Иле) Алатау [Горячев, Мотов 2018: 87, 113; Савельева и др. 1998: 141-142, табл. 1, 2].

Существенным образом коллекция металлических изделий пополнилась материалами полевого сезона 2022 г. В гротовой части у юго-западной стенки пещеры в различных слоях были найдены бронзовый колокольчик (рис. 9, 7), серия изделий и инструментов кузнечного ремесла. Среди них отмечены железные фрагменты ножа и наконечника стрелы, клиновидный инструмент и стамески, кольцо от ременной упряжи и сильно коррозированный ключ от сундука (рис. 9, 19–25). Судя по аналогиям из ранее найденных предметов в пещере, изделия - разновременные от караханидского и монгольского времени (XI-XIII вв.) до позднего средневековья (XVI-XVII вв.).

Средневековые керамические сосуды в материалах пещеры Туттыбулак-I составляют наиболее значительную серию этого вида находок (рис. 10). Они, как правило, представлены фрагментами разновременной столовой, кухонной и тарной посуды. Их обломки составляют различные части чашек, мисок, блюд, котлов, кувшинов, горшков, хумов и хумчи. Наиболее концентрировано они обнаруживаются на выходе из пещеры либо, наоборот, в глубине в гротовой ее части, куда осколки битой керамики складывали как мусор. Серия керамической посуды найдена при зачистке крупного каменного блока у юго-западной стенки на глубине от 50-80 см. В частности, обнаружены фрагменты горшковидного сосуда с ручками и двух водоносных сосудов, орнаментированных «брызгами» черного и сиреневого цвета (рис. 10, 1, 2, 4). Похожая посуда известна в материалах VIII-IX вв. каунчинской культуры Арысского бассейна [Байпаков, Подушкин 1989: 116-117].

Кухонная посуда характеризуется разнообразием форм деталей и размеров горшков, выполненных на гончарном круге (рис. 10, 3, 6, 8). Они отличаются широким горлом, раздутым туловом и составом глины, придававшим сосудам огнеупорность. Отмечен горшок с двумя

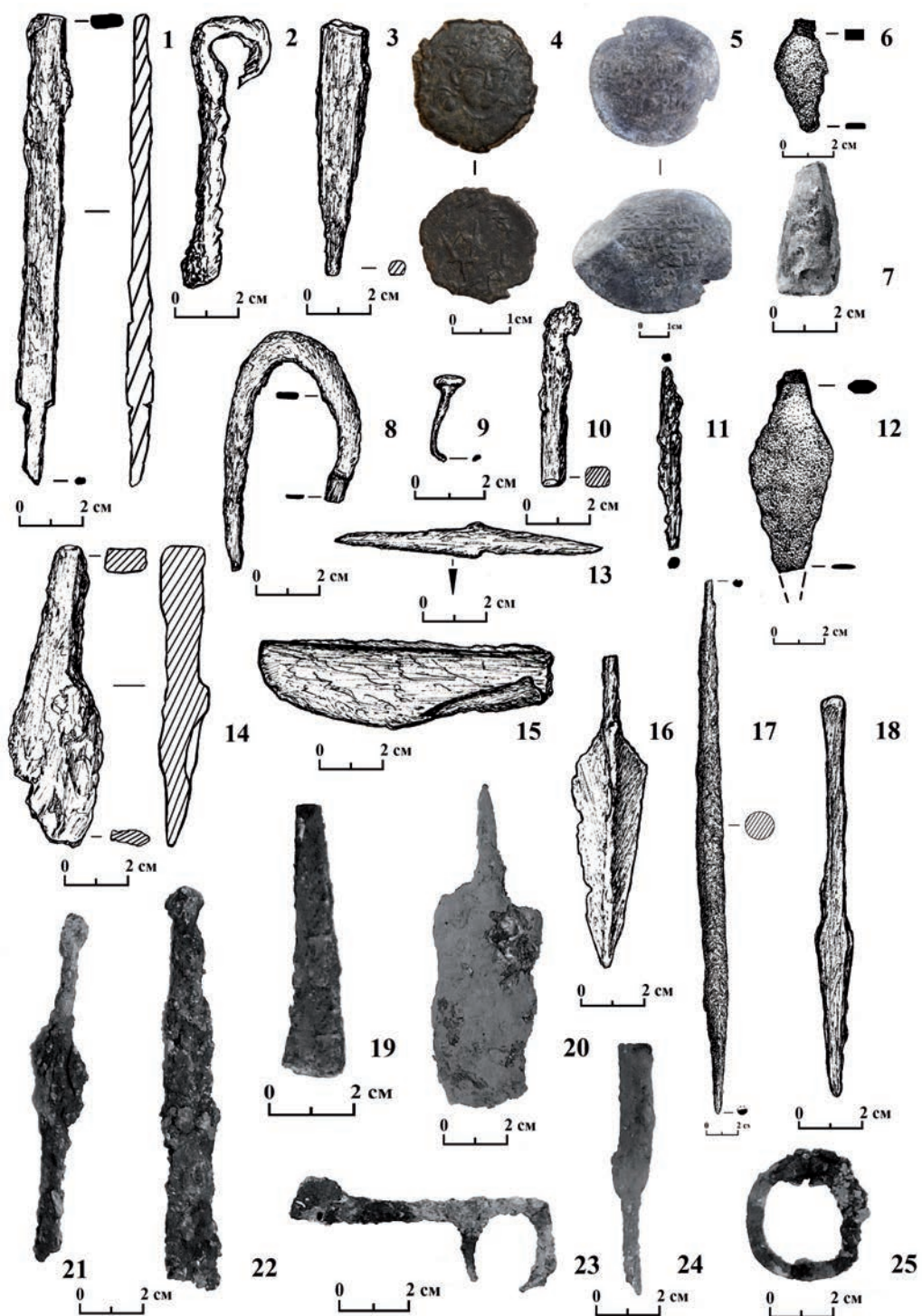

Рис. 9. Средневековые металлические изделия и инструменты из пещеры Туттыбулак-I:
1-3, 6, 8-25 – железо; 4, 5 – медь; 7 – бронза

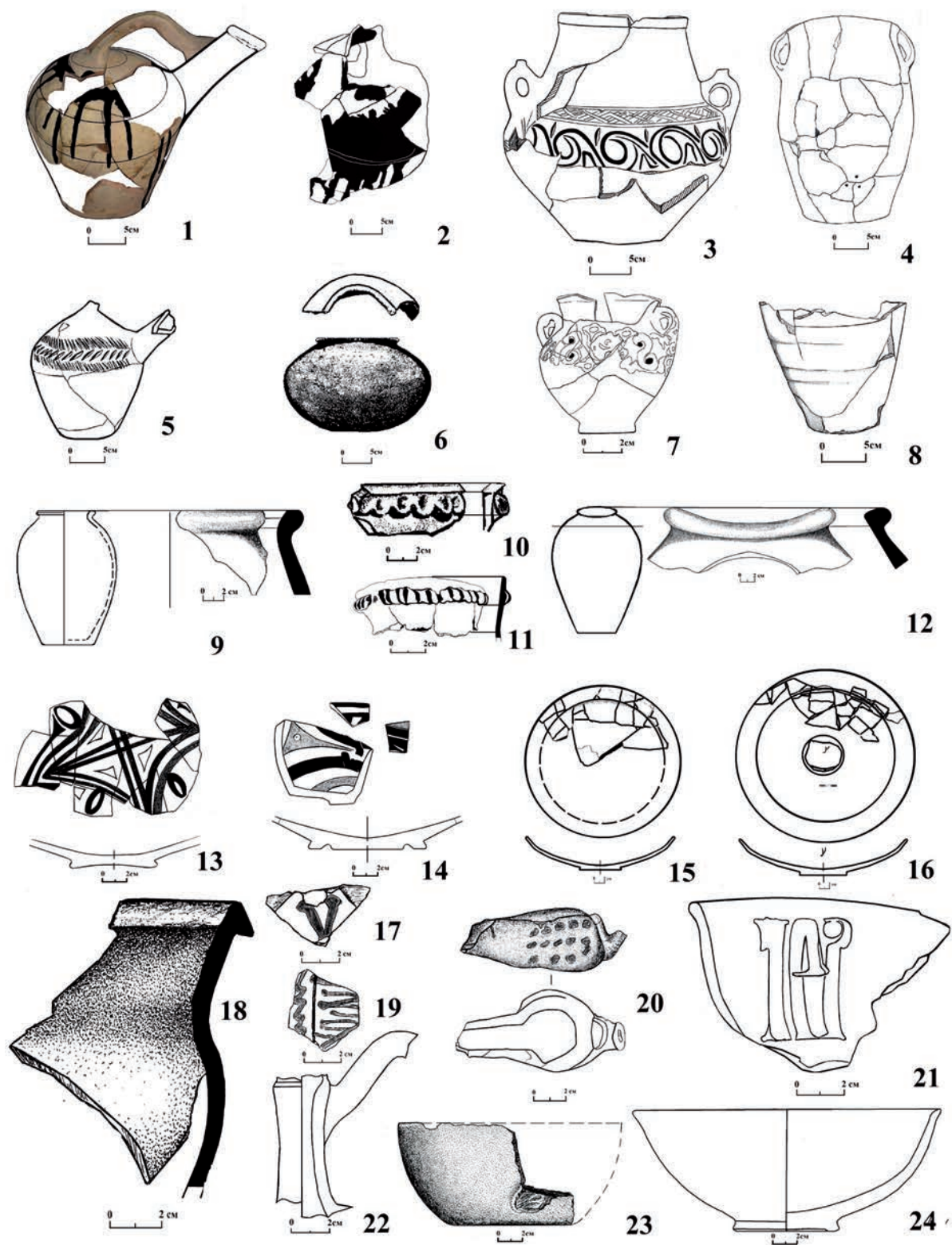

Рис. 10. Средневековая керамическая посуда из пещеры Туттыбулак-I

небольшими петлеобразными вертикальными ручками по горловине. Сосуд украшен завитковым крупнофигурным орнаментом по выступающей части тулова. Аналоги этим горшкам – в материалах Отрара, где они датированы X-XI вв. [Акишев и др. 1972: 103; рис. 58, 1-11].

Другой вид кухонной посуды составляют крупные «водоносные» кувшины, которые исследователи определяют как «кумган» [Акишев и др. 1972: 92; рис. 52, 3], а также небольшими их столовыми вариантами (рис. 10, 22). Похожие сосуды отмечены в материалах X-XII вв. городищ среднего течения Сырдарьи [Агеева, Пацевич 1958: рис. 107]. Известны они и в материалах среднеазиатских средневековых городищ X-XI вв. [Урманова 1953: 131, рис. 7, 6-9]. Глазурованная керамика в основном представляет столовую посуду. Здесь отмечены чаши и кружки с белофонной поливой и зеленой краской по глазури, серия блюд с растительно-геометрическим орнаментом зеленого цвета и белой поливой (рис. 10, 13-17, 19). Подобная посуда, как местного производства, так и импортная, относится к караханидскому времени (X-XIII вв.). Выделяется небольшая поливная ваза с грубым тестом и ярко-желтой, зелено-коричневой, местами черной поливой (рис. 10, 7). Аналогичные изделия имеются на средневековых городищах Средней Азии и Южного Казахстана [Смагулов, 2011: 387].

Крупная тарная посуда отмечена фрагментами стенок, венчиков хумов и хумчей. Крупные хумы имеют резко отогнутую наружу закраину горловины (рис. 10, 9, 12), что характерно для караханидского и раннемонгольского времени (XII-XIII вв.). К тому же периоду относится крупный котел с ручками, орнаментированный по плечу резными завитушками (рис. 10, 10, 11). Наиболее значительными датированными находками является водоносный кувшин, орнаментированный резьбой «ёлочка» (рис. 10, 5). Подобная посуда относится к монгольскому времени (XIII-XV вв.) [Байпаков, Подушкин 1989: 117].

Вся керамика выполнена на гончарном круге. Некоторые кувшины и горшки покрыты ангобом. Большая часть посуды была местного производства и относится к караханидскому времени (X-XIII вв.). Из этой группы изделий выделяется светильник-чираг с округлым туловом-резервуаром, с длинным носиком и петлевидной ручкой, обнаруженный на дне одной из металлургических ям в центральной части зала пещеры. Он покрыт зеленой поливой и украшен крупными черными отметинами-точками (рис. 10, 20). Данный тип чирагов известен в материалах городища Каратобе (Сауран) и датируется X-XII вв. [Смагулов 2011: 354-355, рис. 47-49; Байтанаев и др. 2017г: 95-101].

В верхних слоях пещеры на глубину до 40-45 см большая часть керамики представлена крупными формами посуды, характерной для позднего средневековья. С данными слоями по стратиграфии связаны последние четыре металлургические ямы-печи. Фрагменты блюд данного уровня часто глазурованы (рис. 10, 17, 19, 21). Судя по арабографичной орнаментации, схожей с материалами из пещеры Акмечеть, они относятся к монголо-тимуридскому периоду для данного региона [Акишев и др. 1987: 165, 167; Байтанаев 2011: 146, рис. 4, 15].

Подводя итоги исследованиям пещеры Туттыбулак-I за указанный период, следует отметить, что данный памятник представляет собой многослойный и разнотипный комплекс. Удобное расположение и легкая доступность пещеры привлекали людей с самых ранних исторических этапов. Но специфические природные условия, приведшие к повышенной влажности в ней, вряд ли позволяли использовать это место для жилья. Однако в определенные времена года (лето, зима) она вполне была пригодна как временная стоянка. Вероятно так это природное помещение использовалось первобытными охотниками и собирателями каменного века, по последним данным, с верхнего палеолита.

Исследованные культурные слои от эпохи бронзы до позднего средневековья позволяют нам предполагать, что и в периоды производящего хозяйства функции пещеры как временной стоянки

были основными. Таковой ситуация оставалась в бронзовом и раннем железном веке. Однако на поздних этапах последнего периода в связи с развитием в Южном Казахстане древней металлургии свойства пещеры в плане вентиляции воздуха были отмечены мастерами, занимавшимися производством кричного железа. В это же время близ пещеры формируются два поселка древних металлургов (300 и 500 м вниз по ущелью), что свидетельствует о процессе выделения ремесленного производства в самостоятельный вид хозяйственной деятельности.

Они отделяются от крупных поселений земледельцевв нижней части ущелья и перебазируются вверх по ущелью, в том числе и к пещере Туттыбулак-I, где имелись нужное сырье и условия для других видов хозяйства: скотоводства, садоводства и огородничества. Пещера начинает использоваться как мастерская по выплавке железа со второй половины I тысячелетия до н.э. В период раннего средневековья, начиная с IV–VI вв. по IX–X вв. формируется технология производства железа в условиях пещеры. С целью более эффективного ее использования вход в пещеру обустройства. Организуется целенаправленная подача воздуха в печи, происходит обустройство быта ремесленников, которые проводили в ней достаточно длительное время в процессе своей хозяйственной деятельности.

Наиболее активно как мастерская по выплавке металла она использовалась в караханидский период и монгольское время, поскольку большая часть артефактов пещеры относится именно к этим историческим этапам. Интенсивное изменение температурного режима внутри пещеры в это время порой приводило к разрушению отдельных участков ее потолка и стен, что зафиксировано перекрытием ряда объектов древнего и средневекового металлургического производства обрушившимися крупными скальными блоками и плитами. Тем не менее, она продолжала функционировать периодически как металлургическая мастерская вплоть до XVII в. После чего, вероятно, природные аномалии (сезонное затопление пещеры) и переход местного населения на другие формы хозяйства вернули пещере изначальную функцию как временной стоянки охотников вплоть до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: «Фан», 1991. 200 с.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 147-157.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 216 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1987. 256 с.
- Акишев К. А., Кушаев Г.А.* Саки и усунь долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1963. 310 с.
- Байпаков К.М.* Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: «Credo», 2008. 173 с.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1989. 169 с.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: «Credo», 2005. 188 с.
- Байтанаев Б.А.* Древности Бургулюка. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. 224 с.
- Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х.* Разведка археологических памятников в долине реки Боралдай в предгорьях Каратау и у северных склонов хребта Каржантау // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6(304). С. 174-181.
- Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Егорова Т.А., Ергешбаев А.А., Бейсенов Н.Б., Байтанаев Е.Б.* Топография и функциональное назначение пещер ущелья Боралдай // Духовная модернизация: национальная

- система образования и мировой опыт: м-лы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 80-летнему юбилею Южно-Казахстанского государственного педагогического института. Т. II. Шымкент: Изд-во ЮГУ, 2017а. С. 105-113.
- Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х.* Археологические исследования памятников раннего железного века в предгорьях Каратау и у северных склонов хребта Каржантау // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017б. № 1(311). С. 143-159.
- Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х., Ергешбаев А.А., Бейсенов Н.Б.* Новые памятники раннего железного века Южного Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017в. 340 с.
- Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х.* Средневековые светильники-чираги Сайрама // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017г. № 1(311). С. 95-101.
- Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Егорова Т.А., Ергешбаев А.А., Байтанаева А.Б., Байтанаев Е.Б.* Археологические исследования в пещере Туттыбулак в 2018 году // Археология Казахстана. 2018. № 1-2. С. 272-287.
- Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Егорова Т.А., Байтанаева А.Б., Байтанаев Е.Б., Чернов М.А.* Археологические исследования в ущелье Боралдай в 2019 году // Археология Казахстана. 2020а. № 1(7). С. 11-24.
- Байтанаев Б.А., Горячев, Чернов М.А.* Металлические изделия из археологических материалов поселения и пещеры Туттыбулак-1 в долине реки Боралдай // Маргулановские чтения—2020: м-лы междунар. научно-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (Алматы, 17–18 сентября 2020 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020б. Т. 2. С. 467-482.
- Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Галимжанов С.Э., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х., Егорова Т.А., Байтанаева А.Б., Байтанаев Е.Б., Чернов М.А.* Исследования археологического комплекса ущелья Боралдай в 2015–2021 гг. // Маргулановские чтения—2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х томах / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 2. С. 238-262.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е.* Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.
- Бернштам А.Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» // МИА. № 14, М.; Л.: АН СССР, 1950. 249 с.
- Варфоломеев В.В.* Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Сб. науч. тр. (межведомственный). Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. С. 56-68.
- Вишневецкая Н.Ю.* Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. – начало VIII в н.э.). М: Восточная литература, 2001. 175 с.
- Горячев А.А.* Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 348-370.
- Горячев А.А., Егорова Т.А.* Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (на юго-восточной окраине города Алматы) // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сб. науч. ст., посвящ. памяти Кималая Акишевича Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 90-99.
- Горячев А.А., Мотов Ю.А.* Археологический комплекс Бутақты-1. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.
- Елеуов М., Бахтыбаев М.М.* Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Туркестан: «Туран», 2011. 447 с.
- Иванов С.С.* Новые находки бронзовых наконечников стрел эпохи ранних кочевников на территории Кыргызстана // Известия НАН РК. Сер.обществ. и гум. наук. 2017. № 1(311). С. 38-58.
- Илюшин А.М.* Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. Серия история и археология. 2010. № 4-1(68). С. 120-133.

- Ломан В.Г.* Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Сб. науч. трудов (межведомственный) / Отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. С. 115-129.
- Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1966. 436 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5-19.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Вопросы изучения поселений эпохи бронзы Северного Приитальянья // <http://e-history.kz/ru/books/journal>, 2017. № 3 (дата обращения 02.07.2022).
- Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Казахстанское археологическое общество; ТОО «Археологическая экспертиза»; Хикари, 2014. 264 с.
- Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А.* Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. Алматы: Ғылым, 1998. 128 с.
- Смагулов Е.А.* Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 436 с.
- Урманова М.Х.* Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г. // Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1956. Вып. VIII. С. 127-143.
- Флерова В.Е.* Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела–Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С.* Железные наконечники стрел с Западного Памира // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 3: Археология и этнография. С. 104-110.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж.* Средневековые железные наконечники стрел из Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины Кыргызстана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 7: Археология и этнография. С. 120-128.
- Шагалов В.Д., Кузнецов А.В.* Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Изд-во «ФАН» АН РУз, 2006. 238 с.

**А. Г. Ситдиқов,
Е. Е. Воробьева,
Е. Н. Голубева**

Ситдиқов Айрат Габитович, sitdikov_a@mail.ru
Воробьева Елена Евгеньевна, veer47@mail.ru;
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ,
Казанский Федеральний университет, г. Казань, Россия
Голубева Екатерина Николаевна, kategol@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
г. Казань, Россия

Международная археологическая школа и её роль в сохранении и использовании археологического наследия Евразии

Аннотация. Сегодня во всем мире реализуется ряд интересных проектов, направленных на сохранение историко-культурного наследия. Анализ опыта реализации позволяет констатировать, что наибольшую популярность начинают приобретать в данном направлении археологические школы. Международная археологическая школа - это ежегодный научно-образовательный проект, который проводится с 2014 года на базе объекта Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО - Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Основная идея Школы – расширение и укрепление кадрового потенциала в сфере сохранения и изучения историко-культурного наследия. В статье рассматриваются основные направления, результаты деятельности и роль в сохранении историко-культурного наследия Международной археологической школы в Болгаре с момента ее открытия по настоящее время. Выделены особенности и обоснована перспективность проведения Международной археологической школы. На основе опыта проведения Международной археологической школы в Болгаре Республики Татарстан выделяются формы и методы популяризации и сохранения объектов историко-культурного наследия, педагогические и специальные научные технологии раскрытия информационного историко-культурного потенциала археологических памятников для молодежной аудитории (студентов, молодых ученых, волонтеров).

Ключевые слова: археологическая школа, научно-образовательный проект, Болгар, Республика Татарстан, сохранение историко-культурного наследия, просветительская деятельность, конференция

**Айрат Габитович Ситдиқов,
Елена Евгеньевна Воробьева,
Екатерина Николаевна Голубева,**
ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты,
Қазан федералды университеті
ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты,
Қазан қ., Ресей

Халықаралық археологиялық мектеп және оның Еуразия археологиялық мұрасын сақтау мен пайдаланудағы рөлі

Аннотация. Бүгінде бүкіл әлемде тарихи-мәдени мұраны сақтауға бағытталған бірқатар қызықты жобалар іске асырылуда. Олардың жүзеге асырылу тәжірибесін талдау бұл бағытта археологиялық мектептердің анағұрлым танымалдыққа ие бола бастағанын айтуға мүмкіндік береді. Халықаралық археологиялық мектеп

- бұл 2014 жылдан бері ЮНЕСКО-ның Бүкіләлемдік Мәдени мұра нысаны – Болгар мемлекеттік тарихи-сәулет музей-қорығы базасында өткізіліп келе жатқан жыл сайынғы ғылыми-білім беру жобасы. Мектептің негізгі идеясы – тарихи-мәдени мұраны сақтау және зерттеу саласындағы кадрлық әлеуетті кеңейту және нығайту. Мақалада Болгардағы Халықаралық археологиялық мектеп ашылған сәттен бастап қазіргі уақытқа дейінгі оның тарихи-мәдени мұрасын сақтаудағы рөлі мен қызметінің нәтижелері, негізгі бағыттары қарастырылады. Халықаралық археологиялық мектептің ерекшеліктері мен болашағы айқындалды. Татарстан Республикасы Болгардағы Халықаралық археологиялық мектепті өткізу тәжірибесінің негізінде тарихи-мәдени мұра нысандарын танымал ету және сақтау формалары мен әдістері, жастар аудиториясы (студенттер, жас ғалымдар, еріктілер) үшін археологиялық ескерткіштердің ақпараттық тарихи-мәдени әлеуетін ашудың педагогикалық және арнайы ғылыми технологиялары ерекшеленеді.

Түйін сөздер: археологиялық мектеп, ғылыми-білім беру жобасы, Болгар, Татарстан Республикасы, тарихи-мәдени мұраны сақтау, ағартушылық қызмет, конференция

**Airat Sitdikov,
Elena Vorobeva,**

Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan Federal University, Kazan, Russia

Ekaterina Golubeva,

Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia

The International Archaeological School and its role in the preservation and use of the archaeological heritage of Eurasia

Abstract. Today, a number of interesting projects aimed at preserving historical and cultural heritage are being implemented all over the world. An analysis of the experience of their implementation allows us to state that archaeological schools are beginning to gain the greatest popularity in this direction. The International Archaeological School is an annual scientific and educational project that has been held since 2014 on the basis of the UNESCO World Cultural Heritage Site - the Bulgarian State Historical and Architectural Museum-Reserve. The main idea of the School is to expand and strengthen human resources in the field of preservation and study of historical and cultural heritage. The article discusses the main directions, results of activities and the role in the preservation of the historical and cultural heritage of the International Archaeological School in Bolgar from the moment of its opening to the present. The features are highlighted and the prospects of holding an International Archaeological School are substantiated. Based on the experience of the International Archaeological School in Bolgar of the Republic of Tatarstan, the forms and methods of popularization and preservation of objects of history.

Keywords: archaeological school, scientific and educational project, Bolgar, Republic of Tatarstan, preservation of historical and cultural heritage, educational activities, conference

Российская Федерация обладает богатейшим историко-культурным наследием и его сохранение становится важнейшим условием, позволяющим обеспечить целостность и разнообразие культурного пространства страны, устойчивое развитие Российского государства в целом. В этой связи, одной из приоритетных целей государственной культурной политики в России, в соответствии со Стратегией на период до 2030 г., является сохранение историко-культурного наследия [Стратегия сохранения культуры 2016]. Указанная цель предполагает активную и последовательную деятельность в области мониторинга, сохранения и управления объектами, составляющими историко-культурное наследие страны. В соответствии с этим, одним из наиболее эффективных способов актуализации историко-культурного наследия являются практики, позволяющие осуществить диалог между человеком современности и прошлого на ценностно-смысловом уровне и адекватные при этом условиям постиндустриального общества. Несомненно, к таким практикам мы можем отнести деятельность археологических школ.

Археологические школы являются далеко не новым феноменом в современной образовательной деятельности. Их история берёт своё начало с 30-х гг. XX в. [Беляева 2021: 49].

Изначально целями проведения таких школ были:

- подготовка новых археологических кадров для страны разного уровня квалификации;
- общение и совместная деятельность молодежи и научной интеллигенции;
- самореализация молодыми людьми своих собственных потребностей в творческой деятельности, возможность утвердиться в среде сверстников, младших и взрослых, другими словами, самоутвердиться в обществе, возможность проявить и развить свои собственные способности и таланты;
- использование заинтересованных физически здоровых людей в сельских археологических экспедициях [Беляева 2021: 49].

С 2000-х годов и по настоящее время археологические школы в России получили новый виток развития. Он связан как с государственной поддержкой историко-педагогических инициатив в сфере археологии, так и с осознанием необходимости расширения знаний молодёжи в сфере памятниковедения и охраны историко-культурного наследия. Повысился общественный интерес к археологическим школам со стороны их потенциальных организаторов (преподаватели, работники музея, практикующие археологи и т. д.) [Беляева 2021: 49-50]. Не стала исключением и Республика Татарстан.

В августе 2014 года при поддержке Кабинета министров Республики Татарстан, Республиканского фонда «Возрождение» и Академии наук Республики Татарстан состоялась I Международная полевая археологическая школа (в дальнейшем название было сокращено до «Международная археологическая школа»). Именно в 2014 году по результатам работы I Международной археологической школы [Ситдииков и др. 2014, 2015; Айтуганова и др. 2016] было принято решение о ежегодном проведении научно-образовательного проекта для молодых исследователей.

Программа работы Школы нацелена на внедрение в практику настоящих и будущих археологических исследований новейших научных методик, комплексную реализацию междисциплинарного подхода к изучению археологических памятников и сохранению культурного наследия, разработку современных методов презентации и актуализации археологического наследия. Международная археологическая Школа в Болгаре способствует формированию сходных форм и методов популяризации объектов историко-культурного наследия, истории, реставрации и музейного дела; педагогических и специальных научных технологий, раскрытию информационного историко-культурного потенциала археологических объектов для молодежной аудитории; обеспечению доступа обучающейся молодежи к актуальной научной информации и археологической научно-исследовательской деятельности; успешной социализации молодёжи.

Достижение вышесказанного осуществляется посредством решения таких задач как:

- обеспечение доступа обучающейся молодежи к актуальной научной информации и археологической научно-исследовательской деятельности;
- популяризация археологии, истории, реставрации и музейного дела;
- подготовка новых научных кадров;
- развитие прикладных навыков самообслуживания участников экспедиционного коллектива в полевых условиях;
- формирование привычки к созидательному труду, правильному режиму и здоровому образу жизни;
- успешная социализация молодёжи.

Площадкой для проведения Школы не без основания был выбран Болгарский государственный историко-архитектурный музей заповедник. В ходе реализации проекта «Культурное наследие:

древний город Болгар и остров-град Свияжск» Болгар стал одним из крупнейших центров по изучению и сохранению культурного наследия, получив статус Объекта всемирного наследия ЮНЕСКО. В 2014–2015 гг. на территории Болгарского заповедника были построены и торжественно открыты научно-практический комплекс «Средневековое ремесло города Болгара» и здание Школы, оснащенные всем необходимым оборудованием для проведения как теоретических, так и экспериментально-практических курсов Школы (рис. 1).

Рис. 1. Здание Международной археологической школы

В частности, Международная археологическая школа в г. Болгар имеет три экспериментальные площадки – площадка для экспериментального изучения истории черной металлообработки, площадка для экспериментального изучения истории цветной металлообработки; площадка для экспериментального изучения древней керамики (рис. 2). Они позволяют на практике реализовать полученные знания. Все эксперименты проводятся под чутким руководством и наставлением специалистов. В рамках Школы слушатели имеют возможность решить конкретные задачи, которые они ставят в своей научной деятельности. Например, в 2017 г. слушатели секции «Металлообработка раннего железного века и средневековья» Р.В. Давыдов и И.С. Половников смогли экспериментально подтвердить предположения о технике изготовления серебряных серег из могильника гунно-сарматского времени Дялян (Горный Алтай). Основные результаты и положения данного эксперимента нашли отражение в совместном докладе Р.В. Давыдова и И.С. Половникова на Итоговой конференции.

Рис. 2. Экспериментальные площадки и лаборатория Школы: 1 – площадка для экспериментального изучения истории черной металлообработки; 2 – площадка для экспериментального изучения истории цветной металлообработки; 3 – площадка для экспериментального изучения древней керамики; 4 – археоботаническая лаборатория

В самом здании Школы располагаются учебные классы и лаборатория (рис. 2), подготовленная для проведения археоботанических исследований, а также реализации практических занятий по реставрационным направлениям. Учебные классы палеоантропологии и археозоологии располагают специально подобранными обучающими коллекциями палеоантропологического и археозоологического материала, позволяющими наиболее полно познакомить слушателей с изучаемыми направлениями.

Все это позволяет использовать достаточно широкий спектр форм и методов популяризации и сохранения археологического наследия в рамках Школы, а именно: проведение как лекционных, так и практических занятий ведущими археологами мира; проведение экскурсии по археологическим объектам, экспозициям и специализированным выставкам Болгарского музея-заповедника. Специальные научные технологии включают в себя обучение участников Школы использования новейших полевых, камеральных и кабинетных методов археологического исследования объектов историко-культурного наследия.

Значимость данных технологий заключается в том, что участники школ во время процесса обучения понимают всю многогранность, а значит и историческую, общественную значимость сохранения историко-культурного наследия.

При использовании данных форм и методов важным представляется разнообразие педагогических технологий как для популяризации археологической деятельности, так и для обучения молодежи основам профессионально сложных научных технологий в ходе проведения Международной археологической школы.

Программа школы из года в год меняет свой формат, оставаясь интересной как для начинающих специалистов, так и для тех, кто уже не первый год принимает и принимал участие в работе школы. Так, в 2021 году работа школы была организована в рамках четырёх научно-образовательных программ – Археометрия, Методы комплексных археологических исследований в изучении взаимодействия человека и окружающей среды, Палеоантропология, Основы консервации и реставрации книжных памятников. В целом, за 9 лет существования Школы разработано и внедрено более 25 научно-образовательных программ.

Завершающим этапом работы Школы является традиционно проводимая Международная молодежная научно-практическая конференция «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы», в рамках которой участники смогли поделиться результатами своих исследований, в том числе и экспериментальных изысканий, проведенных на площадках школы. Результаты конференции нашли отражение в статьях [Археология евразийских степей 2019-2021]. Широкий спектр проблем, затронутых авторами статей конференции, подчеркивает актуальность комплексного подхода в изучении, управлении и сохранении объектов историко-культурного наследия, прежде всего, археологических объектов, сочетающего как сугубо археологические, так и междисциплинарные методы исследований.

Отрадно, что популярность Школы растет с каждым годом. За 9 лет работы Международной археологической Школы в ней приняли участие более 700 человек. Это – обучающиеся высших учебных заведений уровней бакалавриата, магистратуры, аспиранты, молодые учёные и специалисты разных отраслей археологии и сферы сохранения историко-культурного наследия. Они представляют обширную географию – 40 стран мира: Австралия, Азербайджан, Бельгия, Беларусь, Бангладеш, Бразилия, Болгария, Великобритания, Гана, Германия, Грузия, Дания, Египет, Индия, Ирландия, Испания, Италия, Казахстан, Китай, Колумбия, Литва, Малайзия, Нидерланды, Пакистан, Палестина, Польша, Россия, Румыния, Словения, США, Таджикистан, Турция, Украина, Узбекистан, Филиппины, Франция, Хорватия, Швеция, Эстония, Япония (рис. 3).

К результатам работы школ можно отнести полученные знания и умения обучающихся в сфере археологии и сохранения объектов историко-культурного наследия памятников; новые знакомства не только со сверстниками, но и с ведущими учёными; практический результат в виде знакомства с междисциплинарными методами, написанной статьи, выступления на итоговой конференции археологической

Рис. 3. Карта-схема стран-участников
Международной археологической школы

школы, самоопределение в науке, заинтересованность молодых ученых, обучающихся вузов в сфере обнаружения, изучения и реставрации, консервации археологических объектов и материалов. Данный факт, несомненно, влечёт за собой и особое увеличение в обучении блока информации о сохранении историко-культурного наследия.

Таким образом, Международная археологическая школа в Болгаре является достаточно эффективным способом просветительской деятельности в области сохранения объектов историко-культурного наследия среди молодого поколения. Данная форма является наиболее продуктивной для включения в систему сохранения культурного наследия, поскольку теоретическая деятельность в Школе всегда закрепляется практической, ставит обучающихся вузов, аспирантов и молодых исследователей в положение активных авторов, благодаря чему данный вид временной занятости может в дальнейшем стать делом их жизни, побудить продолжать обучение в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

- Айтуганова Н.Л., Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М.* О работе III Международной археологической школы // ПА. 2016. № 4 (18). С. 334-339.
- Археология евразийских степей. 2019. № 5. URL: <https://www.evrazstep.ru/index.php/aes/issue/view/25>
- Археология евразийских степей. 2020. № 5. URL: <https://www.evrazstep.ru/index.php/aes/issue/view/3>
- Археология евразийских степей. 2021. № 5–6. URL: <https://www.evrazstep.ru/index.php/aes/issue/view/31>
- Беляева В.С.* Опыт молодежных полевых школ в изучении памятников городской археологии. // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 49-53.
- Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н.* О работе VI Международной археологической школы // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 99-112.
- Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М.* О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // ПА. 2014. № 3. С. 294-303.
- Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М.* О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // ПА. 2015. № 3. С. 264-266.
- Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации. Проект. М.: Институт Наследия, 2016. 136 с.

**А. А. Ержигитова,
Л. С. Бейсембаева**

Айсұлу Асқаровна Ержигитова,
Туркестанский областной историко-краеведческий музей,
Шымкент, Казахстан; aisulu6767@mail.ru
Ляззат Серикбаевна Бейсембаева,
Проектный институт «Казреставрация»,
Алматы, Казахстан; lazzat_63@mail.ru

Городище Сауран как потенциальный объект для включения в список Всемирного наследия ЮНЕСКО

Аннотация. В статье представлены предварительные материалы включения одного из крупных средневековых городов Туркестанской области – городища Сауран в Предварительный Список мирового наследия по серийной номинации Шелкового Пути. Город Сауран – один из немногих архитектурно-археологических комплексов, который отлично сохранил древний ландшафт: это и крупный городской мегаполис, и планировка сельскохозяйственной округи с древними подземными системами водоснабжения. Презентация памятников древнего Саурана в Списке мирового культурного наследия продемонстрирует всему миру древний историко-культурный ландшафт с городской культурой в сочетании с высокоразвитой земледельческой культурой в среднем течении Сырдарьи на юге Казахстана. Реализация мероприятий по сохранению и использованию историко-культурных объектов Древнего Саурана будет содействовать сохранению археологических памятников, обеспечивать охрану, консервацию и использование культурных ресурсов памятника, способствовать развитию устойчивой экономической деятельности в регионе посредством поддержки культурного туризма.

Ключевые слова: археология, средневековый город, культурное наследие, Шелковый путь, Сауран, архитектура

Айсұлу Асқарқызы Ержігітова,
Түркістан облыстық тарихи-өлкетану музейі, Шымкент қ., Қазақстан,
Ләззат Серікбайқызы Бейсембаева,
«Қазжаңғырту» жобалау институты, Алматы қ, Қазақстан

Аннотация. Мақалада Түркістан облысының ортағасырлық ірі қалаларының бірі – Сауран қаласын Дүниежүзілік мұраның алдын ала тізіміне Жібек жолы сериялық номинациясы бойынша енгізудің алдын ала материалдары ұсынылады. Сауран қаласы – көне ландшафты тамаша сақтап қалған архитектуралық-археологиялық кешендердің бірі: бұл ірі қалалық мегаполис, әрі ежелгі жер асты су құбырлар жүйесімен ауылшаруашылық округінің жоспары. Дүниежүзілік мәдени мұра тізіміне ұсынылған көне

Сауран ескерткіштерінің тұсаукесері Қазақстанның оңтүстігіндегі Сырдарияның орта ағысындағы жоғары дамыған егіншілік мәдениетімен ұштасқан қалалық мәдениеті бар ежелгі тарихи-мәдени ландшафты бүкіл әлемге паш етеді. Ежелгі Сауранның тарихи-мәдени объектілерін сақтау және пайдалану жөніндегі іс-шараларды жүзеге асыру археологиялық ескерткіштердің сақталуын, ескерткіштің мәдени ресурстарын қорғауды, консервациялауды және пайдалануды қамтамасыз етеді, сонымен қатар, мәдени туризмді қолдау арқылы осы аумақтың тұрақты экономикалық дамуына ықпал етеді.

Түйін сөздер: археология, ортағасырлық қала, мәдени мұра, Жібек жолы, Сауран, архитектура

Aissulu Yerzigitova,
Turkistan Regional Museum of local lore, Shymkent, Kazakhstan,
Lazzat Beisembayeva,
«Kazrestavration» Design Institute, Almaty, Kazakhstan

Sauran settlement as a potential site for inclusion in the UNESCO World Heritage List

Abstract. The article presents preliminary materials for the inclusion of one of the major medieval cities of the Turkistan region – the settlement of Sauran in the Preliminary List of World Heritage according to the serial nomination of the Silk Road. The city of Sauran is one of the few architectural and archaeological complexes that perfectly preserved the ancient landscape: it is both a large urban metropolis and the layout of an agricultural district with ancient underground water supply systems. The presentation of the monuments of ancient Sauran in the List of World Cultural Heritage will demonstrate to the whole world the ancient historical and cultural landscape with urban culture combined with a highly developed agriculture in the middle reaches of the Syr Darya in the south of Kazakhstan. The implementation of measures for the preservation and use of objects of historical and cultural Ancient Sauran will contribute to the preservation of archaeological monuments, ensure the protection, conservation and use of cultural resources of the monument, contribute to the development of sustainable economic activity in the region through the support of cultural tourism.

Keywords: archaeology, medieval city, cultural heritage, Silk Road, Sauran, architecture

В охране историко-культурного наследия большое значение имеет проблема сохранения и использования исторических городов, которые сохранили в неизменном виде археологические свидетельства прошлого. Одним из таких масштабных памятников на юге Казахстана являются памятники Древнего Саурана с охранной территорией около 12 500 га. Эффективно сохранять ценные памятники на такой площади возможно только с помощью программ менеджмента, в которых будут разработаны все практические и технические мероприятия для поддержания памятника в должном состоянии и презентации его широкой публике.

В международном проекте ЮНЕСКО по серийной номинации Шелкового пути в Список Всемирного наследия Сауранский комплекс включен в Предварительный список памятников, в котором будут представлены исторические города на северном отрезке этой древней международной торгово-дипломатической трассы, охватывающий сеть наземных путей, простирающихся от Южно-Китайского моря до Западной Европы (рис. 1). Несмотря на выдающуюся историю и многочисленные историко-культурные объекты, Центральная Азия остается одним из регионов, недостаточно представленных в Списке Всемирного наследия.

В таком ракурсе поставленной задачи презентация памятников древнего Саурана в Списке мирового культурного наследия продемонстрирует всему миру древний историко-культурный ландшафт с городской культурой в сочетании с высокоразвитой земледельческой культурой в среднем течении Сырдарьи на юге Казахстана. Реализация мероприятий по сохранению и использованию историко-культурных объектов Древнего Саурана будет содействовать сохранению археологических памятников, обеспечивать охрану, консервацию и использование культурных ресурсов памятника, способствовать развитию устойчивой экономической деятельности в регионе посредством поддержки культурного туризма.

Архитектурно-археологический комплекс Сауран располагается в Туркестанской области, в 40 км на северо-запад от г. Туркестан, в 17 км на северо-запад от с. Старый Сауран, 1,5 км на юго-запад от автотрассы М-32.

Территория находится в поясе азиатских пустынь на равнине между южными подножьями гор Большого Каратау и правого берега среднего течения реки Сырдарьи. Абсолютные отметки равнины колеблются от 200 до 320 м. В северо-восточной части располагаются юго-западные склоны западной оконечности хребта Каратау, относящегося к горной системе Тянь-Шаня. Абсолютные отметки хребта колеблются в пределах 400-600 м, максимальная высота – 1418 м.

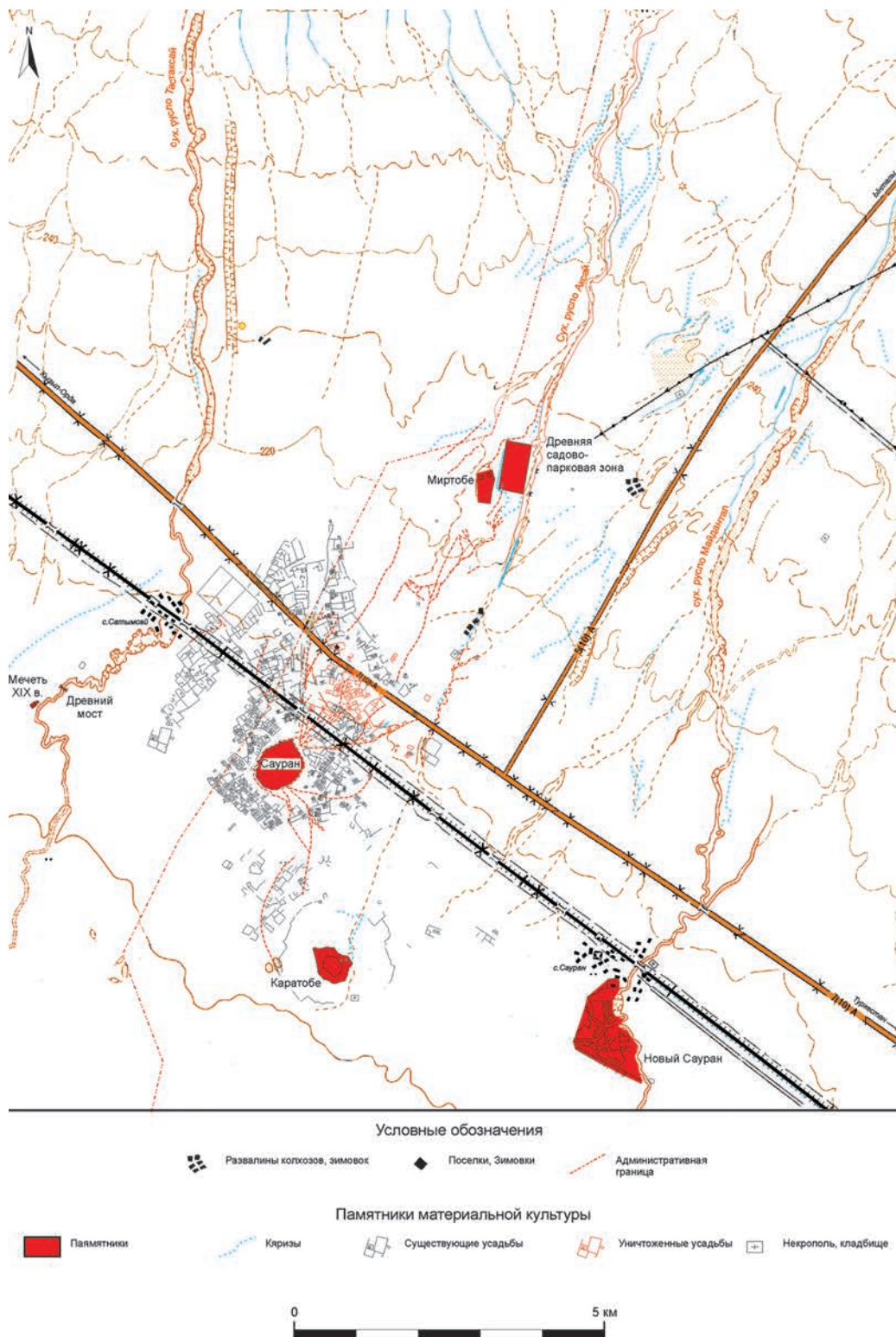

Рис. 1. Карта. Памятники архитектурно-археологического комплекса Сауран

Весь комплекс располагается на просторной предгорной равнине, изрезанной многочисленными сухими руслами. Гидрологический профиль местности – трехслойный: наверху располагается небольшое (толщиной 1–1,5 м) аллювиальное русло, ниже – толщиной более 150–200 м делювиальные отложения или полиогеновые породы, которые наверху состоят из лессовых грунтов, внизу свита полиогенных пород, состоящая из супесей и суглинков, причем они прослаиваются линзами галечниковых отложений, ниже полиогенна расположены кристаллические сланцы, из которых сложен хребет Каратау.

В древности Сауран являлся одним из крупнейших важнейших городских центров на юге Казахстана. В настоящее время руины крепостных стен, опоясывающие городище, доминируют в окружающем ландшафте. Хорошая сохранность рельефа внутренней топографии городища позволяет достаточно четко проследить уличную сеть, наметить места площадей, местоположение больших общественных построек. Исследования показали, что город возник на месте более раннего кладбища, могилы которого оказались перекрытыми первыми жилыми городскими постройками. Истоки города уходят вглубь тысячелетий, а в XIV–XVII вв. он сложился как типично восточный город с архитектурными ансамблями, шумными базарами, обширными предместьями, утопавшими в зелени цветущих садов и полей. Многочисленные речки, каналы и арыки орошали окрестную долину, а горожане были обеспечены живительной водой из подземных кяризов. На протяжении веков город являлся центром разнообразной развитой ремесленной деятельности, в его медресе и ханака получали духовное образование тысячи учеников, а на поклонение к святым могилам у стен города отовсюду приезжали паломники. В нем была резиденция правителей первого послемонгольского государства - Ак-орды, а по мостовым ходили многие легендарные исторические личности.

История города отложилась, в основном, в слоях двух рядом расположенных городищ: собственно Саурана, города XIV-XVII вв., внутри и вокруг крепостных стен, и городища Каратобе в 3 км к югу от него, где располагался город Сауран с первых веков н.э. вплоть до XIII в. (рис. 2). Городище Миртобе и агроирригационные системы XV-XVI вв. археологически неразрывно связаны с ними как источники воды, обеспечивающие жизнь этих древних городов (рис. 3). Эти памятники, отличающиеся своей уникальной сохранностью, составляют основу «Сауранского архитектурно-археологического комплекса» [Смагулов 2007: 126-134].

Уникальные по своей сохранности руины крупнейшего средневекового городского центра «Архитектурно-археологический комплекс Сауран» включают в себя все составляющие выдающегося средневекового городского и земледельческого организма. Здесь представлены под слоями культурных напластований и в руинированном виде ансамбли крупных общественных и культовых сооружений, фортификационная система, состоящая из крепостных стен, рвов, башен, мостов, различные виды традиционной застройки жилых кварталов и усадеб. В ближайшем пригороде расположены городские некрополи, участки агроирригационных планировок с полями, садами, виноградниками и огородами.

Территория внутри города, которая имеет традиционную квартальную жилую застройку с сетью коммуникаций, перемежающуюся участками общественной застройки, представляет собой овал площадью 800×900 м, окруженную уникальными по сохранности крепостными стенами. Культовые и общественные сооружения из обожженного кирпича образуют крупные архитектурные ансамбли, которые сгруппированы вокруг городских площадей. В настоящее время по периметру центральной площади раскопаны и исследованы Жума мечеть XIV в, медресе начала XVI в., культовое сооружение – ханака или медресе.

В город можно было попасть из двух ворот, главный парадный вход был расположен с севера, археологическими раскопками выявлены опоры моста, перекинутого через оборонительный ров.

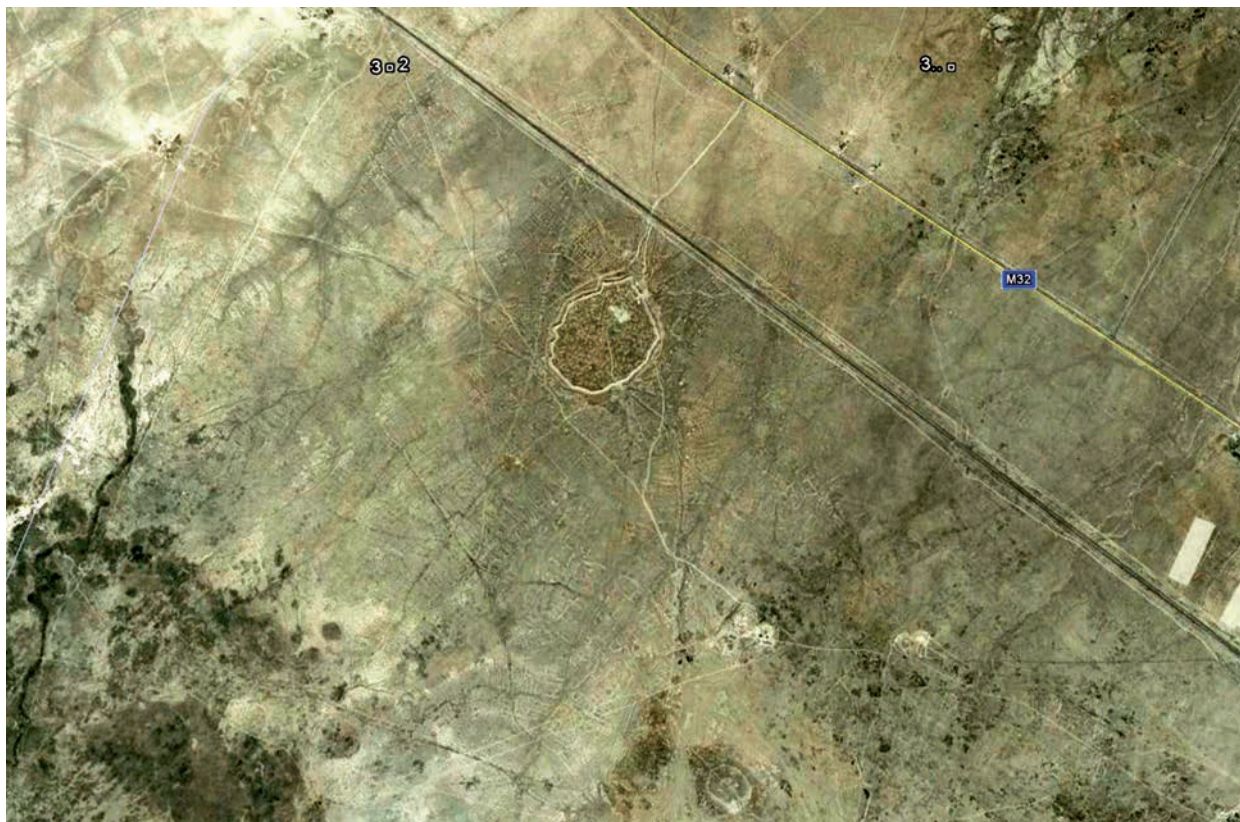

Рис. 2. Аэрофото. Городище Каратобе и Сауран

Городище Сауран было окружено со всех сторон мощной крепостной стеной. Стены имеют протяженность 3–4 км. За более чем 400 лет существования они подвергались ремонту, перестройке. В настоящее время от них сохранились оплывшие участки высотой от 3 до 6 м.

Вся зона охраны Сауранского археологического комплекса представляет собой исторический культурный ландшафт, насыщенный более или менее доступными глазу памятниками прошлого, важными для осознания уровня развития агроирригационной и гидротехнической культуры.

Кяризные системы архитектурно-археологического комплекса Сауран являются неотъемлемой частью и логическим продолжением изучения и понимания памятника в целом. Как и оросительные каналы, дамбы, запруды, колодцы – кяризные системы являются ирригационными сооружениями, служащими для водоснабжения населения и поливного земледелия. Территория южных предгорий Каратау в среднем течении Сырдарьи с древнейших времен является крупным земледельческим районом на юге Казахстана. В условиях жаркого сухого климата пустыни Кызылкум здесь с помощью орошаемого земледелия с древнейших времен существовал крупнейший очаг земледельческой культуры.

Начало изучения упомянутых Васифи кяризов, построенных на средства местного духовного авторитета Мир-араба, положено в 1980-х годах [Акишев, Байпаков 1973]. Было установлено, что дудка кяризного вентиляционного колодца имеет диаметр 0,9 м. Верхняя часть ее укреплена специально изготовленными обожженными керамическими кольцами, поставленными друг на друга, которые предохраняли устье колодца от осыпания. Высота этих керамических колец 17,0-20,0 см, толщина стенок 5 см. Внутри колодцев удалось углубиться до 4–5 м [Грошев 1985; 1996: 180-189].

Рис. 3. Аэрофото. Городище Миртобе с прилегающей территорией

В зоне охраны Сауранского археологического комплекса кяризы и прочие агроирригационные планировки (каналы, арыки, тоганы, поля, сады и огороды...), хорошо дешифруемые на аэрофото, топокартах и на местности, плотно заполняют собой исторический ландшафт и являются полноправными памятниками истории и культуры. В этом одна из уникальностей Сауранско-Туркестанский региона, который можно признать пока самой северной областью массового распространения этой удивительной системы орошения и водоснабжения городов в Евразии.

Хорошая сохранность следов кяризной системы водоснабжения придает дополнительную ценность Сауранскому археологическому комплексу.

Анализ результатов раскопок и письменных источников позволяет заключить, что Сауранский археологический комплекс имеет важное значение в понимании и реконструкции процессов, происходивших на территории Казахстана в средневековье.

Особенно реализация проекта «Культурное наследие» отразилась на изучении, вводе в научный оборот, музеефикации и сохранении, а также использовании объектов историко-культурного наследия в популяризации знаний об эпохе средневековых городов, организации туристических маршрутов по центрам городской культуры, некогда существовавшей на просторах присырдарьинского региона и Каратау.

Сырдарья и Каратау для Казахстана имеют ключевую роль, поскольку традиционно эта территория являлась средоточием городской культуры. Здесь, по мнению А.Х. Маргулана, происходили сложные процессы взаимовлияния и взаимообогащения, где формировались этносы, впоследствии ставшие частью объединения племен Казахского ханства [Маргулан 1946].

Исследователь Приаралья – С.П. Толстов для характеристики присырдарьинского региона в том числе использовал термин «аральский узел этногенетического процесса» [Толстов 1947].

Неоценимым вкладом в исследовании и публикаций результатов работ принадлежит Ербулату Акижановичу Смагулову, который в течение почти 20 лет занимался изучением уникальнейшего для южного Казахстана археологического комплекса [Смагулов 2010].

Для реализации данного проекта существуют следующие условия:

- Памятник фактически расположен на международной трансконтинентальной автотрассе Западная Европа – Западный Китай; шоссе, как и полотно пролегающей параллельно железной дороги, проходит непосредственно по северо-восточной окраине городища.

- Находящийся неподалеку город Туркестан и расположенный здесь всемирно известный мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави фактически уже стал крупнейшим в республике центром цивилизованного международного туризма. Значительная часть паломников и туристов, посещающих Туркестан, при создании здесь всех необходимых условий могут стать посетителями города-музея Сауран.

- На городище проводятся археологические исследования, уже открывшие уникальные памятники средневековой архитектуры, дающие массовый материал и всесторонне характеризующий историю средневековой культуры; на основных архитектурно-археологических объектах уже ведутся консервационные и реставрационные работы;

- Рядом с городищем расположен источник основного строительного сырья: карьеры «сауранской глины», которая традиционно используется в регионе для строительных и реставрационных работ; в городе Туркестан находится специализированная реставрационная мастерская, а в окрестных аулах достаточный рынок рабочей силы.

Современные направления культурного развития регионов должны быть направлены на сохранение и использование цельных комплексов объектов историко-культурного наследия, в основе которых должна лежать концепция единства уникальных историко-культурных и природных территорий.

Согласно данной концепции, единицей охраны становится не единичный памятник или ансамбль, а территория как целостный пространственный объект, где в традиционной природной и социокультурной среде находятся памятники истории и культуры исключительной целостности и значимости. Она создаётся на основе единства памятников и природного ландшафта, объективно связанного с ними в силу исторических, этнических, экономических и географических факторов. Такие объекты составляют каркас региональных систем наследия, где памятники и связанные с ними культурные ландшафты определяют культурную политику, направленную как на сохранение наследия, так и на возрождение культурного исторического потенциала территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., Байпаков К.М.* Кяризы Саурана // Вестник АН КазССР. 1973. № 4. С. 76-78.
- Грошев В.А.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата: Наука, 1985. 156 с.
- Грошев В.А.* Древняя ирригация юга Казахстана (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). Алматы: б/и., 1996. 357 с.
- Маргулан А.Х.* О характере и исторической обусловленности казахского эпоса // Известия Казахского филиала АН СССР. Сер.историч. 1946. № 2 (27). С. 75-81.
- Смагулов Е.А.* Сауранский археологический комплекс: дефиниции, содержание, границы // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1(253). С. 126-134.
- Смагулов Е.А.* Древний Сауран. Алматы: АО «Абди Компани», 2010. 434 с.: ил.
- Толстов С.П.* Аральский узел этногенетического процесса // СЭ. 1947. Вып. VI–VII. С. 308-310.

А. Е. Айтбаева

Айгерім Есімханқызы Айтбаева,
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ, Қазақстан; aaitbaeva84@mail.ru

А. Н. Бернштамның ғылыми экспедициялары

Аннотация. Мақала Қазақстан археология ғылымын қалыптастырушылардың бірі, еліміздің көптеген ескерткіштерін ашқан, есепке алған әрі алғашқы қазба жүргізген, әртүрлі күрделі тарихи-археологиялық мәселелер бойынша ой-тұжырымдар жасаған Александр Натанович Бернштамның Қазақстан археология ғылымына қосқан үлесіне арналады. Ғалымның ғылыми ізденістері және археологиялық ескерткіштерді зерттеудегі жетістіктері баяндалады. А.Н. Бернштамның 1930-1950 жж. Қазақстанның оңтүстігі мен оңтүстік-шығысы аймағында жүргізілген далалық зерттеу жұмыстарының нәтижесінде бірегей материалдардың айтарлықтай көлемі жинақталып, қазба жұмыстарының құжаттамалары қазіргі таңда Қазақстанның, Ресей Федерациясының және Қырғызстанның музейлері мен архивтерінде сақтаулы. Археологтың қызметі және қазба жұмыстарының әдістемесі туралы мәліметтердің айтарлықтай бөлігі әлі ғылыми айналымға енгізілмеген. Ғалымның ғылыми қызметі туралы мәліметтерді жинақтау және зерделеу, оларды жүйелеу сапалы жаңа мәліметтер алуға мүмкіндік береді. Мұндай толыққанды зерттеулерсіз ХХ ғ. бірінші жартысындағы Қазақстан археологиясының даму үрдісі мен нәтижелерін адекватты түрде бағалау мүмкін емес. Ғылымның дамуына білімін, күшін арнаған тұлғалар өмірін зерттеу археологияның биографиялық тарихының кемшін тұстарын толықтырады. Жоғарыда айтылғандардың барлығы мақаланың өзектілігін анықтайды.

Түйін сөздер: А.Н. Бернштам, Памир-Ферғана, Жетісу, экспедиция, барлау, қазба, Тянь-Шань–Алай

Айгерім Есимкановна Айтбаева,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Научные экспедиции А.Н. Бернштама

Аннотация. Статья посвящена вкладу Александра Натановича Бернштама, одного из создателей Казахстанской археологической науки, открывшего и проводившего первые раскопки многих памятников страны, сделавшего выводы по различным сложным историко-археологическим вопросам. Рассказывается о научных поисках ученого и достижениях в изучении археологических памятников. В результате проведенных полевых исследований А.Н. Бернштамом 1930-1950-е гг. на юге и юго-востоке Казахстана накоплен значительный объем уникальных материалов, документация раскопок в настоящее время хранится в музеях и архивах Казахстана, Российской Федерации и Кыргызстана. Значительная часть сведений о деятельности археолога и методике раскопок еще не введена в научный оборот. Сбор и изучение сведений о научной деятельности ученого, их систематизация позволяют получить качественные новые сведения. Без таких полноценных исследований невозможно адекватно оценить тенденции и результаты развития казахстанской археологии в первой половине ХХ в. Изучение жизни людей, посвятивших свои знания, силы развитию науки, дополняет недостатки биографической истории археологии. Все вышесказанное определяет актуальность статьи.

Ключевые слова: А.Н. Бернштам, Памир-Ферғана, Жетісу, экспедиция, разведка, раскопки, Тянь-Шань–Алай

Aigerim Aitbayeva,

Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

A. Bernstam's scientific expeditions

Abstract. The article is devoted to the contribution of Alexander Bernstam, one of the founders of the Kazakh archaeological science, who discovered, taught and conducted the first excavations of many monuments of the country, who drew conclusions on various complex historical and archaeological issues. It tells about the scientific search of a scientist and achievements in the study of archaeological sites. As a result of the field research conducted by A. Bernstam in the 1930s-1950s, a significant amount of unique materials has been accumulated in the south and south-east of Kazakhstan, the documentation of the excavations is currently stored in museums and archives of Kazakhstan, the Russian Federation and Kyrgyzstan. A significant part of the information about the activities of the archaeologist and the methodology of excavations has not yet been introduced into scientific circulation. The collection and study of information about the scientific activity of a scientist, their systematization allow us to obtain high-quality new information. Without such full-fledged research, it is impossible to adequately assess the trends and results of the development of Kazakh archaeology in the first half of the 20th century. The study of the lives of people who have devoted their knowledge and strength to the development of science complements the shortcomings of the biographical history of archaeology. All of the above determines the relevance of the article.

Keywords: A.N. Bernstam, Pamir-Fergana, Zhetysu, expedition, exploration, excavations, Tien Shan–Alai

Қазақстан археологиясының дамуына орасан зор үлес қосып, көптеген ескерткіштерде қазба жұмыстарын жүргізіп, тыңнан түрен салған көшбасшылардың бірі де бірегейі Александр Натанович Бернштам болды. Мақалада айтулы ғалымның Қазақстан ғылымына қосқан үлесін өзі ұйымдастырып, жетекшілік еткен ғылыми экспедициялары мен өзі қалыптастырған ғылыми мектебіне тоқталу арқылы бағамдауды мақсат тұттық.

А.Н. Бернштам өмірінің айтулы бөлігі РҒА Материалдық Мәдениет тарихы институтымен байланыста өрбиді. Бұл ұйым 1859-1917 жж. аралығында Императорлық Археологиялық комиссия деп аталса, 1919 жылдан бастап атауы Ресей Материалдық мәдениет тарихы Академиясы болып өзгеріп, 1925 жылға дейін осы атауын сақтап келді. 1926-1937 жж. Материалдық мәдениет тарихы Мемлекеттік Академиясы деген атауды иеленеді. 1937 жылдың шілдесінде Материалдық мәдениет тарихы Мемлекеттік академиясы Н.Я. Марр атындағы Материалдық мәдениет тарихы институты болып қайта құрылды. 1945 жылдың 9-ақпанында Институт Москваға көшіп, Ленинградта тек бөлімшесі ғана қалады және 1959 жылы Археология институты болып атауы өзгерді [Длужневская 2011: 114].

Өткен ғасырдың 30-жылдарының ортасына қарай Орта Азия археологиясы дамудың алғашқы сатысында тұрған еді. А.Н. Бернштам Қазақстан мен Қырғызстанның кең байтақ аумағын, Тянь-Шань, Памир, Алай және Ферғана жазығын археологиялық жағынан зерттеген көшбасшылардың бірі болды. Осыдан бастап 20 жыл бойы Жетісу, Тянь-Шань, Шу, Памир-Ферғана, Оңтүстік Қазақстан экспедицияларын басқарды. Бұл экспедициялардың нәтижелері ғалымның көптеген іргелі еңбектерінде жарық көрді. 1936 жылдан бастап ғалым жетекшілік еткен Материалдық Мәдениет тарихы институтының және республикалық ғылыми-зерттеу ұйымдарының ірі археологиялық экспедицияларының ұйымдастырылуы, құрамы және нәтижелеріне қысқаша тоқталайық.

РҒА ММТИ тапсыруымен 1930 жылы А.Н. Бернштам Өзбекстан, Түркіменстан және Қырым АКСР-на ғылыми іс-сапарға жіберіледі. Бұл іс-сапар материалдары РҒА ММТИ Архивінің фотобөлімінде 175 фотосурет болып сақталып тұр. Сапасының нашарлығына қарамастан, бұл суреттер түркімендердің дәстүрлері, культты орындары көрсетілген құнды этнографиялық мұра болып табылады.

А.Н. Бернштам жетекшілік еткен Қазақстан мен Орта Азия аумағын зерттеуге бағытталған *Қазақстан (Жетісу)* археологиялық экспедициясы 1936 жылы Н.Я. Марр атындағы Материалдық мәдениет тарихы Мемлекеттік академиясы мен Қазақ Ұлттық мәдениет институтымен (1936 жылдан бастап Ғылым Академиясының Қазақ филиалына енген) ұйымдастырылды. Экспедиция Оңтүстік Қазақстан аумағын екі маршрут бойынша зерттеуі тиіс болды. 1. Мирзоян-Мерке қаласынан бастап Талас өзені бойы маршруты. Мақсаты – ауданның археологиялық картасын жасау, сипаттау, фото және топо түсірілімдер көмегімен ескерткіштерді фиксациялау және ескерткіштің кезеңделу уақыты мен стратиграфиясын анықтау мақсатында жекелеген түрлі нысандарда кішігірім қазбалар жүргізу болды. 2. Талас өңірі мен ежелгі Тараз қаласы аумағы мен оның төңірегін зерттеу. Экспедициясың алдына қойған мақсаты ежелгі Тараз қаласының аумағын анықтау және аталған аудандағы көшпелі отырықшы халықтың өзара байланысын анықтайтын ескерткіштерді ашу болды. [Бернштам 1936а: 16].

Осы жылы экспедиция Талас, Іле өңірлері мен Шу өзенінің оң жағалауындағы археологиялық ескерткіштерді тіркеуге алумен айналысты. Айша-Бибі және Бабажа хатун мазарлары және Тараз, Головачевка, Қостөбе қала орындары зерттелді. 1938 жылы экспедиция Талас өзенінің батыс жағалауында барлау жұмыстарын жүргізіп, маршрут бойынша барлық ескерткіштерді есепке алады. Жетісу археологиялық экспедициясы 1938-1940 жж. төрт далалық маусымда көптеген ортағасырлық қалалардың орнын анықтап, қазба жұмыстарын жүргізді. Осы зерттеулер арасында ежелгі Тараз қаласы мен Берікқара қорымында жүргізілген зерттеулер құжаттары фотоархивте О.1513-О.1514 номерлерімен сақталған.

1936-1940 жж. экспедиция маршруты батыста Талас өңірінен шығыста Кеген өзеніне дейінгі, солтүстікте Қаратал мен Көксу өзендері жазығынан оңтүстікте Қошқар ата мен Талас өзенінің жоғарғы ағысына дейінгі аумақты қамтыды [Бернштам 1941а: 9]. 1940 жылғы далалық зерттеулер Ортағасырлық Қысмышы қала орыны мен Қарғалы қорымында шоғырландырылды. Іле өңірінің төрткүлдері, қорғандары, Қойлық, Талғар секілді қала орындарының жоспары түсірілді. Жетісу археологиялық экспедициясы нәтижесінде Жетісу тарихына арналған көп материалдарға қол жетіп, экспедиция өз жұмысын аяқтады. Бұл жұмыстар нәтижелері ғалымның «Археологический очерк Северной Киргизии», «Памятники старины Таласской долины», «Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чүйская долина», сондай-ақ «Труды Семиреченской археологической экспедиции», «Таласская долина» атты ғылыми еңбектерінде жүйеленген. Жетісу археологиялық экспедициясы нәтижесінде Жамбыл (қазіргі Тараз) қаласында Оңтүстік Қазақстанда стационарлы археологиялық зерттеулер жүргізетін Археологиялық пункт ашылып, осы пункт аясында Археологиялық музей жұмысын бастады.

1940 жылы Жетісуда археологиялық экспедициясының барлау жұмысы жүргізілді. Бұл барлау жұмысы неғұрлым тарихи маңызды нысандарда жүргізілген қазба жұмыстарымен ұштасып отырды. Нәтижесінде археологиялық карта жасалып, ескерткіштер кезеңделді, неғұрлым күрделі қалашықтардың стратиграфиясы анықталды, өте үлкен көлемде материал жинақталды [Бернштам 1936а:10].

Жалпы экспедиция жұмысына М.Я. Марр атындағы ММТМА ғылыми қызметкерлері А.Н. Бернштам (жетекші), аға ғылыми қызметкер А.С. Тереножкин және В.А. Лавровтар (бүкіл фото түсірілімдер жасаушы) қатысты. Луговое қаласындағы зерттеу жұмысына Түрген-Талғар маршруты бойынша КСРО Ғылым Академиясының қазақ филиалының академигі Б.Н. Дублицкий қатысады [Бернштам 1936б: 132]. Бұл экспедиция тарихи мақсаттардан өзге, Қазақстан ескерткіштерін қорғау туралы мәселелерді де алдыға қоюға мүмкіндігін және Жетісудың ерекше байлығын көрсетіп берді және осы өлкені жоспарлы түрде зерттеудің бастауы болды.

Жетісу археологиялық экспедициясы 1938 жылдан бастап Қырғызстан аумағын зерттеуге бет бұрып, 1939-1940 жж. Шу өңірі, Үлкен және Кіші Кемин өзендері аңғарлары, Ыстықкөл

жағалауы, Красная Речка және Ақбешім қала орындары мен Кеңкөл қорымында зерттеу жүргізді. *Қырғыз экспедициясы* деп те аталған бұл экспедиция құрамында Б.Н. Зимма, Н.П. Кипарисова, А.М. Беленицкий, Л.Г. Розина, М.В. Лупциан, И.В. Щербаков, сонымен қатар Қырғыз КСР ХКК Ғылым Комитеті мен Қырғыз Педагогикалық институтының қызметкерлері болды. Ленинград Мемлекеттік университетінің Тарих факультетінің Археология бөлімінің студенттері: Е.И. Агеева, И.К. Бенедиктов, Г.Л. Михельс, И.А. Рошин, О.М. Зубакиналар экспедиция жұмысына қатысты [Бернштам 1941а: 9]. Материалдары ММТИ архивіндегі 3 қордың 24, 25-істерінде Қолжазба қорының № 35 қор, 1935 жыл 206-іс; 1939 жыл 80-іс, 1940 жыл 75 іс; Фотомұрағат қорының О.1002, О.1666, Q7.686, Q.700 қорларында сақталған. 1938-1940 жж. осы археологиялық экспедиция қызметінің қорытындысы ретінде ғалымның «Археологический очерк Северной Киргизии» атты еңбегі жарық көрді.

1940 жылы Қырғыз Республикасына іс-сапарға жіберілген ғалым Ұлы Отан соғысы аяқталғанша сол елде ғылыми жұмыстар атқарды. КСРО-дағы индустрияландыру бағдарламасы бойынша осы жылдары бірнеше ірі жобалар іске асырылған. Олардың бірі – Үлкен Шу каналының салынуы болды. Осы канал салыну орнындағы археологиялық ескерткіштерді барлау, есепке алу және қазба жүргізу бойынша ММТИ ірі экспедиция ұйымдастырып, оны басқару құқығы А.Н. Бернштамға берілді. Экспедиция материалдары арасынан ММТИ Архив қорында 6 жинақтау кестесінің фотосы сақталған. Экспедиция құрамына ММТИ-нан А.Н. Бернштам, Л.Г. Розина, И.В. Щербаков, Қырғыз КСР Ғылым Комитетінен – Н.Д. Черкасов, Ғылым Комитеті Тіл, әдебиет және тарих институтынан Тилегенов, Яншансин, Архивтен – Хамдабаева (есімдері архив құжатында жазылмаған), Қырғыз Педагогикалық институтынан оқытушылар мен студенттер қатысты. Сонымен қатар Ленинград Мемлекеттік университетінің Тарих факультетінің археология бөлімінің студенттері Е.И. Агеева, И.К. Бенедиктов, И.Л. Михельс, И.В. Рошин, С.С. Сорокин, Ю.Л. Клименко, Р.С. Свердловтар қатысады [ТСАЭ 1941: 84]. Экспедиция құрамында 10 отряд жасақталып, олардың есептері Шу алқабына арналған еңбекте жинақталған.

Экспедиция жұмысы нәтижесінде Қайыңды ауылы маңынан қола дәуіріне жататын қоныс ашылды. Табылған жәдігерлер нәтижесінде ғалым Қырғызстанның қола дәуірінің дамуының б.д.д. II м.ж. қамтитын андрондық және б.д.д. XII-IX ғғ. кезеңделетін қарасұқ кезеңін бөліп көрсетеді. Археологиялық жәдігерлердің, жерлеу орындарының ерекшеліктерін ескере отырып, Қырғызстан аумағына тән қола дәуірінің Солтүстік-қырғыз нұсқасын ерекшелеп берді.

Осы жылдары аталған аймақта Аспара, Шиштөбе, Ақтөбе (Сретенское), Ключевское, Красная Речка, Қысмышы, Ақбешім, Кіші Ақбешім, Бурана, Новороссийское қалалары зерттелді. Үш қала жұртында – Красная Речка, Ақбешім, Қысмышы қалаларында қазба жүргізілсе, Новороссийское қаласында екі орташа барлау шурфы түсірілді. Экспедиция барысында өте үлкен тарихи-мәдени құндылыққа ие материалдар жинақталды. Бұл материалдар осы аумақта V–XIII ғғ. аралығында өмір сүрген ежелгі тұрғындарының шаруашылығын, құрылыс техникасын, сәулет өнерін, діни наным-сенімін көрсетті. Сондай-ақ, қалалар туралы орта ғасырлық жазба деректер сарапталып, олар бойынша бірнеше қала орындарын ортағасырлық қалалармен шендестіруге тырысты.

1944 ж. *Тянь-Шань-Алай археологиялық экспедициясы* ұйымдастырылып, 1944-1946 жж. және 1949 ж. зерттеу жұмыстарын жүргізді. Экспедиция құрамында П.Н. Кожемяко, А.Н. Кибиров, Ю.Д. Баруздин, С.П. Кляшторный, Ю.А. Заднепровский, Н.П. Горбунова, Б.З. Гамбург кірді. Бірінші жылы Қырғызстанның оңтүстігіндегі – қола дәуірінің Арпа қорымы мен Бурмачап катакомбалы жерлеу орындарында барлау жұмыстары жүргізілді. 1945 жылы Тянь-Шаньдағы Алабұқа өзені бойы және Үзген ауданында Үзген қалашығының орнына қазба жұмыстары жүргізілсе, 1946 жылы Ыстықкөл, Алабұқа маңындағы сақ-үйсін және түркі дәуірі ескерткіштері зерттелді. Бұл экспедицияның 1944-1945 жж. теңіз деңгейінен 2800 м биіктікте, Бурмачап шатқалында қола дәуірінің Арпа қорымы ашылды. Бұл қорымды зерттей келе ғалым арпалық ыдыстардың жергілікті формалардан айырмашылығы мен олардың Қазақстанның далалық нұсқаларымен жақындығын

атап өтті. Осы зерттеулерінің нәтижесінде Орталық Тянь-Шань үшін мәйіттерді өртеу орын алса, үлкен Кемин, Талас, Алай тау аңғарларының қорғандарда мәйіттерді қою салты кеңінен таралуын сипаттайды. Ғалым осы экспедиция нәтижесінде б.д.д. II-I мыңжылдықта екі этникалық топ бірге өмір сүргендігі туралы болжам жасады [Бернштам 1949б: 343].

Бұл экспедиция жұмыстары материалдары ММТИ Мұрағатының Қолжазба қорының № 35-қорында 1949 ж. 38-ісінде сақталған. Сонымен қатар, экспедиция нәтижелері «Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае», «Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая», «Основные этапы истории и культуры Семиречья и Тянь-Шаня» атты ғылыми мақалалары ретінде жарық көрді.

Қазақстанның тарихи ескерткіштерін зерттеу мақсатында 1946 жылы Қазақ КСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының ұйымдастыруымен құрылып, Материалды мәдениет тарихы институты Ленинградтық бөлімі мамандары қатыса жұмыс істеген *Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясына* ғалым жетекшілік етті. Экспедиция Жетісу археологиялық экспедиция жұмысын жалғастырып, 1947-1949 жж. аралығында Сырдария мен Қаратау аралығында Отырар шұратында, Шу өзенінің төменгі ағысы мен Сырдария өзенінің орта ағысы аумағында зерттеу жүргізіп, Тамды, Шығанақсай, Бөріжар қорымдарында қазба жұмыстарын жүргізді. Экспедиция материалдары Қазақстан Орталық музейіне тапсырылды. Экспедиция мүшелері – ғылыми қызметкерлер Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, А. Джусупов, И.И. Копылов және Қазақ Педагогикалық институтының студенттері Т. Керімбаев, Н. Подушкин, В. Югай, практиканттар – С.Г. Кляшторный, М. Морозовтар болды. 1947 жылы ММТИ Ленинград бөлімінің аспиранты Л.Я. Маловицкая, ал 1951 жылы экспедиция жұмысына Жамбыл өлкетану музейінен тарих ғылымдарының кандидаты Л.И. Ремпель қатысады [Бернштам 1949а: 2].

1947-1951 жж. экспедиция маршруты өлкенің тарихи-археологиялық картасын жасау үшін үлкен барлау жұмыстарын жүргізді және кейбір қоныстар мен қала орындарына стратиграфиялық шурфтар түсірді. Экспедиция маршруты Темирлановка ауылынан Сырдарияға құяр жеріне дейінгі Арыс өзені бойын, Қаратаудың баурайы солтүстіктен оңтүстікке дейін, одан әрі Тамды жайлауынан Сусандық асуына дейінгі аумақты қамтыды.

Ғалым экспедицияның мақсаты – қаңлы мәселесі мен Сырдария мәдениетінің қалыптасуындағы оғыздардың орны мен ролін анықтау деп атап көрсетеді.

Арыс пен Қаратау бойындағы осы маршрут шығысында осыған дейінгі Жетісу археологиялық экспедициясы аумағымен шектелген. Одан өзге Қаратаудан солтүстікке қарай Шу өзенінің жағалауы, Отырар оазисі толық зерттеумен қамтылды. Сырдарияның оң жақ жағалауы Сығанақ қаласынан оңтүстікке Келес өзені бойына дейін, ал Сырдарияның сол жағалауы Ташкенттен Шымкентке дейін зерттеу жұмыстарымен қамтылды [Агеева, Пацевич 1958: 8].

Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының есебі негізінде жазылған «Археологические работы в Южном Казахстане», «Древний Отрар» атты мақалаларында Отырар шұратындағы Отырар қаласы мен өзге де қалашықтар, қорымдар туралы мәліметтер, олардың жоспарлары мен сызбалары келтірілген [Бернштам 1949в; 1951].

Осы Оңтүстік Қазақстан және Жетісу археологиялық экспедицияларының мүшелері болған, археология ғылымында А.Н. Бернштамның шәкірттері және оның ізін жалғастырушылары болып саналатын Е.И. Агеева мен Г.И. Пацевич өлкеде жүргізілген экспедиция жұмыстары нәтижесінде «Из истории оседлых поселении и городов Южного Казахстана» атты сүбелі еңбекті жарыққа шығарды [Агеева, Пацевич 1958: 215]. Бұл еңбекте Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының 1947 жылдан 1951 жылға дейінгі бес жылдық жұмысы нәтижелері топтастырылған.

1947-1948 жж. *Памир-Алай археологиялық экспедициясы* зерттеу жұмыстарын жүргізді. Құрамында Ю.А. Заднепровский, С.С. Сорокин бар бұл экспедиция ММТИ Ленинград бөлімі мен Қырғыз КСР Ғылым Академиясы Тіл әдебиет институты (ИЯЛИ АН), Ленинград Мемлекеттік

университеті, Наманган музейі бірлесе ұйымдастырды. Осы экспедицияның 1941 ж. және 1944-1949 жж. далалық зерттеулері нәтижесінде «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» еңбегі жарық көрді [Бернштам 1952а: 5]. 1941 жылы алғаш рет Қырғызстанның оңтүстігі зерттеле басталды, алайда Ұлы Отан соғысының басталуына байланысты жұмыстар үзіліп, тек 1944 жылы өз жалғасын тапты. Бұл археологиялық жұмыстар Тянь-Шань бойымен бүкіл Ыстықкөлді, Қыршын, Түп, Джаргелан жазықтарын, Фрунзеден Нарынға дейінгі жолды, Нарын бойын, Кочкор жазығын, Джумгала, Алабука жазықтарын қамтыды. Осы Алабука атырабын зерттеп бастағаннан-ақ, Тянь-Шанның Ферғана мен Алаймен байланысы байқалады.

1945 жылы Тянь-Шаньдағы (Арпа, Нарын) жұмыстарды жалғастыруымен қатар, Үзгенде Мемлекеттік Эрмитаждың қатысуымен қазбалар жүргізілді. 1946-1948 жж. толықтай жұмыстар Қырғызстанды зерттеуге арналса, 1948 жылы Памирге, 1949 жылы Орталық Тянь-Шаньға экспедициялар ұйымдастырылады. Осы экспедицияда П.А. Видик, Г. Бабанская, Н. Куликова, О. Дворкина, Ю.А. Заднепровский, С.Г. Кляшторный, М. Шевина, Н. Горбунова, Т. Вагнер, В. Котович, Ю.А. Баруздин, Б. Гамбург, М. Маукиевичтер еңбек етеді. Осы Памирде жүргізілген зерттеулер ғылымда алғаш рет Орталық Тянь-Шаньдағы ескерткіштердің жаппай зерттелуі барысында ескерткіштердің тарихи-археологиялық классификациясын жасауға мүмкіндік берді [Бернштам 1952а: 5-8].

1950-1952 жж. *Памир-Ферғана* кешенді археология-этнографиялық экспедициясы Қырғыз КСР-ның Ош облысының батыс аудандарында, Өзбек КСР-ның Ферғана және Наманган облыстарында, Тәжік КСР-ның Ленинабад облысында барлау жұмыстарын жүргізіп, Алай жазығының қорғандарында, Мархамат қала орнында, Джангал, Гурмирон, Ақбейіт қорымдарында қазба жүргізді. Н.Э. Воронец жетекшілік еткен Өзбек отряды қола дәуірінің Чустский елді мекенінде зерттеу жүргізсе, А.К. Кибилов бастаған Шатқал отряды Шатқал өзені бойында барлау жұмыстарын және түркі дәуіріне жататын біздің заманымыздың ағашқы ғасырларымен мерзімделетін қорғандарда қазба жұмыстарын жүргізді. Ю.А. Заднепровский жетекшілік жасаған отырықшы елді мекендерді зерттеу тобы Элатан, Кува, Касан қалашықтарына қазба жүргізсе, С.С. Сорокин Боркарбаз қорымдарын зерттеу тобына басшылық етті. 1950 жылы Памир – Ферғана археология-этнография экспедициясы Ферғана жотасында орналасқан атақты Саймалы-Таш тасқа салынған суреттер ескерткішіне зерттеу жұмысын бастайды. Осы зерттеулер нәтижесінде 1952 жылы А.Н. Бернштамның ғылыми мақала жарық көреді [Бернштам 1952б: 50-68]. 1950 жылғы экспедиция жұмысы бүкіл ауданды қамтиды. 150-ден астам ірі композицияның көшірмесі алынды, осы аудан кинопланкаға түсіріліп, бірнеше жүздеген фотосуреттер түсірілді. Бұл ескерткішті экспедиция 1950 жылы біршама толықтай зерттеп, бүкіл тасқа салынған суреттер тобын төмендегідей топтарға жіктейді:

1. Сақ дәуіріне дейінгі: б.д.д. II-I мыңжылдықтар.
2. Сақ кезеңі: б.д.д. VIII-III ғғ.
3. Ғұн-үйсін дәуірі: б.д.д. III ғ. - б.д. II ғ.
4. Ғұн-түркі дәуірі: б.д. III-VIII ғғ.

Жалпы Памирдегі зерттеулердің ерекшеліктері туралы ғалым «барлау – қазба жүргізуден басым болды», – деп сипаттай келе, бұл ерекшелікті өздерінің Орта Азия археологиясында кездеспеген немесе аз кездескен ескерткіштерге ғана қазба жүргізгендерімен түсіндіреді. Таулы аудандағы ауа тығыздығының төмендігін, жұмысшы күшінің аздығын айта келе, жерлеу орындарындағы ақыреттік заттардың аздығы, қорғандардың көпшілігінің тоналғандығыны - осының барлығы археологиялық жәдігерлерге қол жеткізуді ғана емес, оны интерпретациялауда да қиындық тудырғанын атап өтті [Бернштам 1952б: 13].

Осылайша ең алғашқы кешенді Жетісу, Тянь-Шань, Шу, Памир-Ферғана археологиялық-этнографиялық экспедицияларының жетекшісі ретінде А.Н. Бернштам 1936-1956 жж. аралығында жиырма жыл бойы Оңтүстік және Оңтүстік-шығыс Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан және

Тәжікстан аумағындағы археологиялық ескерткіштерді зерттеумен айналысты. 1936-1945 жж. Талас, Шу, Іле жазығында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары нәтижесінде бұрын белгісіз болып келген Талас өзенінің жоғарғы және төменгі ағысындағы қалалар мен елді мекендер, Тараз қаласы маңы, Шу өзенінің орта ағысы ескерткіштері, Іле жазығы аумағы тарихи мұралары есепке алынды. Тараз, Красная Речка, Қысмышы, Ақбешім, Талғар және Дүнгене қала орындарында қазба жұмыстары жүргізілді Сонымен қатар осы аймақты мекендеген түркі тілдес халықтардың шығу тегі, ерте тарихы және мәдени дамуын, түркі жазуын, эпиграфиканы, нумизматиканы зерттеуі де ғалымның өлшеусіз еңбегінің бір қыры болып табылды. Ғалым қырғыз археологиялық ескерткіштерін кезеңдеді. Бұл кезеңдеу әлі күнге дейін өз маңызын жойған жоқ. Ғұндар тарихы, түркі қағанатының саяси-экономикалық мәселелері секілді тақырыптарға да қалам тартты. А.Н. Бернштам көп ғылыми зерттеуін қырғыз халқының шығу тегін зерттеуге жұмсады.

Қысқаша қорытындылай келсек, мақалада А.Н. Бернштам ғылыми қызметін бастаған 1930-1940 жж. жалпы археология ғылымына, археологиялық қазба жұмыстарының ұйымдастырылу барысына, сонымен қатар, жетекшілік еткен археологиялық экспедициялары мен оның ізбасар шәкірттеріне тоқталдық.

А.Н. Бернштам тек археолог, этнограф қана емес, тарихи көптеген теориялық мәселелерді қоя білген және шешімін табуға тырысқан жан-жақты маман болды. Ғалымның мақалаларында тек жаңа мәліметтер ғана жарияланып қойған жоқ, сонымен қатар тарихи топография, қала және оның тарихи-мәдени байланыста салынуы, Қазақстанның оңтүстігі мен Жетісудың көшпелі және отырықшы тайпаларының өзара қатынасы, ортағасырлық қала тарихының маңызды мәселелері де шешімін тапты. Жалпы алғанда ғалым отандық археология мен шығыстану ғылымын жаңа, сапалы деңгейге көтерді. Ғалым ұсынған археологиялық ғылыми даму жүйесі, сыныптаулар, кезеңдеулері жекелеген өзгерістер жасалғанына қарамастан, бүгінгі күнге дейін өзектілігін жоймады.

ӘДЕБИЕТ

- Аға ғылыми қызметкер А.Н. Бернштамның жеке ісі // Рукописный фонд Архива ИИМК РАН. Ф. 2, д. 793, 104 л.
- Агеева Е.И., Паевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ. 1958. Т. 5: Археология. С. 3-215.
- Бернштам А.Н. Дневник Таласской археологической экспедиции в 1936 г. 1936а // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, оп. 2, д. 11, 114 л.
- Бернштам А.Н. Дневник Таласской археологической экспедиции 1936 года. 1936б // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, оп. 2, д. 12, 195 л.
- Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата: Каз. объедин. гос. изд-во (КазОГИЗ), 1941а. 66 с.
- Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. (Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана. Вып. 4). Фрунзе: Ком. наук при СНК КиргССР, 1941б. 110 с.; 31 л. илл.
- Бернштам А.Н. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции за 1949 г. (Отрарский оазис в раннем средневековье). 1949а // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, оп. 2, д. 165, 19 л.
- Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949б. Т. 9. С. 337-384.
- Бернштам А.Н. Археологические работы в Южном Казахстане // КСИИМК. 1949в. Вып. XXVI. С. 111-133.
- Бернштам А.Н. Древний Отрар (Предварительный отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1948 г.) // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1951. Вып. 3, № 108. С. 81-97.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / МИА СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952а. Т. 26. 346 с.
- Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. 1952б. № 2. С. 50-68.
- Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859-1959 гг. (по документам Научного архива ИИМК РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции (ТСАЭ). «Чуйская долина» / МИА СССР. Сост. под рук. А.Н. Бернштама. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 14. 249 с.

И. А. Аржанцева

Ирина Аркадьевна Аржанцева,
Институт этнологии и антропологии РАН;
Высшая школа экономики,
г. Москва, Россия; arzhantsevai@mail.ru

Уральско-Устюртский маршрут Хорезмской экспедиции 1950 года в архивных материалах (дневник Марка Орлова)*

Аннотация. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ) работала на территории Казахстана, начиная с 1946 г. В 1950 г. специальным отрядом ХАЭЭ на машинах был пройден сложный маршрут от г. Уральска до Амударьи с целью исследования караванных путей, соединявших в средневековье Хорезм и Поволжье. В задачи отряда входили поиск, описание, создание чертежной документации, фотофиксация и примерная датировка всех археологических и архитектурных памятников, которые находились на трассах предполагаемых караванных путей и могли иметь отношение к их функционированию. Отрядом руководил М.А. Орлов, заместитель начальника экспедиции (С.П. Толстова) по научной части. Его полевой дневник с подробным описанием всего маршрута послужил основным источником по истории работ ХАЭЭ в этом регионе в 1950 г. Статья оформлена оригинальными архивными фотографиями Г.А. Аргиропуло, участника устюртского маршрута.

Ключевые слова: археология, средневековье, Хорезмская экспедиция, Устюрт, караванные пути, караван-сарай

Ирина Аркадьевна Аржанцева,
РФА Этнология және антропология институты,
Экономика жоғарғы мектебі,
Москва қ., Ресей

Архив материалдарындағы 1950 жылғы Хорезм экспедициясының Орал-Үстірт маршруты (Марк Орловтың күнделігі)

Аннотация. Хорезм археология-этнографиялық экспедициясы (ХАЭЭ) Қазақстан территориясында 1946 ж. бастап жұмыс істеді. 1950 ж. ХАЭЭ-ның арнайы тобы машинамен Орал қаласынан Амударияға дейін ортағасырларда Хорезм мен Волга бойын жалғастырған керуен жолын зерттеу мақсатында күрделі маршрутты жүріп өтті. Топтың міндетіне іздестіру, сипаттау, сызбалы құжаттарды жасау, фотоға түсіру және керуен жолының бойында орналасқан, әрі оның жұмыс істеуіне қатысы болуы мүмкін барлық археологиялық және сәулет ескерткіштерін жобалап мерзімдеу кірді. Отрядты экспедиция басшысының (С.П. Толстов) ғылым жөніндегі орынбасары М.А. Орлов басқарды. Оның маршрут бойына жан-жақты сипаттамамен жазған далалық күнделігі ХАЭЭ 1950 ж. осы өлкенің тарихы бойынша негізгі дереккөз болып табылады. Мақалада үстірт маршрутының қатысушысы Г.А. Аргиропулоның архивтік материалдарының түпнұсқасы берілген.

Түйін сөздер: археология, ортағасыр, Хорезм экспедициясы, Үстірт, керуен жолдары, керуен-сарайлар

© 2022 Аржанцева И.А.

*Статья написана в рамках исследовательской программы НИР ИЭА РАН

Irina Arzhantseva,
Institute of Ethnology and Anthropology RAS;
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

**The Ural-Ustyurt route of the Khorezmian Expedition of 1950 in archive materials
(diary of Mark Orlov)**

Abstract. The Khorezmian Archaeological and Ethnographic Expedition (KhAEE) worked on the territory of Kazakhstan from 1946 on. In 1950, a special detachment of the KhAEE traveled by lorry along a difficult itinerary from the town of Uralsk to the Amu Darya in order to explore the caravan routes that connected Khorezm to the Volga region in the Middle Ages. The tasks of the detachment included the search, description, documentation by drawing and photography, and the approximate dating of all archaeological and architectural monuments that were located on the line of the suggested caravan routes and may have been related to their functioning. The detachment was led by M.A. Orlov, Deputy of the Head of Expedition (S.P. Tolstov) for science. His field diary, with a detailed description of the entire itinerary, may serve as a key source on the history of the work of the KhAEE in this region in 1950. The present paper is illustrated by original archived photographs of G.A. Argiropulo, a participant of the Ustyurt itinerary.

Keywords: Archaeology, Middle Ages, Khorezmian Expedition, Ustyurt, caravan routes, caravanserai

Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) на территории Казахстана начались только после войны – в 1946 г, когда были проведены первые авиа- и наземные разведки [Аржанцева и др. 2018]. Конечно, С.П. Толстова прежде всего интересовали низовья и дельтовые области Сырдарьи с их своеобразными памятниками. На Общем собрании Академии наук 4 июля 1946 г. С.П. Толстовым в качестве наиболее важных задач, помимо раскопок крупнейших памятников Хорезма, было обозначено дальнейшее продолжение разведок на сотни километров вглубь пустыни, где особую роль должно сыграть широкое применение авиации. Планировались разведки по древним руслу Жаны-дарьи и Куван-дарьи в Кызыл-куме, по Узбою в Кара-куме и на плоскогорье Устюрт — на важнейшем древнем пути из стран Востока через Хорезм в Восточную Европу [Толстов 1952: 9]. Практически все работы ХАЭЭ на территории Казахстана проходили в Кызылординской области, где находится множество археологических и архитектурных памятников, относящихся к разным периодам. Но поскольку в планы и интересы экспедиции входили разведки на плато Устюрт и вокруг него, то часть работ проходила на территориях Гурьевской (Атырауской) и Актюбинской областей Казахстана. Работы ХАЭЭ на плато Устюрт проходили несколько сезонов с 1946 по 1950 гг. Но и позже, отправляясь на разведку с авиаотрядом, С.П. Толстов никогда не упускал возможности пролететь над плато. Плато Устюрт притягивало Толстова не только как географический и стратегический узел, через который в течение как минимум 2000 лет проходили торговые караванные пути. Караванный путь на северо-запад через Устюрт был во времена средневековья довольно благоустроенным: через каждые 25–30 км караванщики и сопровождавшая их часто стража для защиты от кочевников могли найти воду и корм для верблюдов, и место для ночлега. С.П. Толстов полагал, что именно этим караванным путем прошел в 922 г. н.э. Ибн Фадлан, двигаясь от Ургенча в направлении на Нижнюю Эмбу [Толстов 1948: 263]. Это плато, которое Ибн Фадлан недаром назвал «пустыней гузской», отделяло цветущие оазисы Хорезма от царства огузов.

Постоянный интерес С.П. Толстова к этому прекрасному и одновременно пугающему месту, возможно, был также связан с семейной историей. Как известно, дядя Сергея Павловича – Владимир Сергеевич, казачий генерал и последний командующий Уральской казачьей армией, – ушел со своими казаками в 1920 г. из Гурьева через плато Устюрт и Каракумы в Персию, отказавшись сдать большевикам. А в 1921 году В.С. Толстов опубликовал в Константинополе книгу об этом

героическом походе уральцев «От Красных лап в неизвестную даль». Переход был тяжелый, как описывал его в своей книге Владимир Сергеевич: «Что давит душу – это безжизненная степь Устюрта. Перелететь ее на такой огромной неприглядной скотине, как верблюд, нельзя и мы, волей не волей, идем по ней, как ее узники. Она давит нас пространством, заставляет пить плохую воду, донимает холодными ночами и жарким днем» [Толстов В.С. 1921: 143]. Уральцы шли по плато большей частью без проводников, «на ощупь», в поисках колодцев с пригодной для питья водой. В.С. Толстов в своих воспоминаниях, памятуя трудности перехода через Устюрт, высказывается в том смысле, что не пожелал бы своим «детям и внучаточкам» побывать на Устюрте. Тем не менее, спустя 30 лет экспедиция, организованная его племянником – С.П. Толстовым, практически повторила маршрут «уральцев». Разведки и маршруты на плато Устюрт проходили не один раз. Но, как правило, эти разведки проходили со стороны Хорезмского оазиса. На плато выезжали из Хорезмского оазиса через посёлок Ургу, авиамаршруты также начинались с аэродрома Урги. Но в 1950 г. разведывательный маршрут экспедиции проходил в обратном направлении – с севера на юг, когда отряд экспедиции выехал на машинах из Москвы в Каракалпакию на памятник Топрак-кала, где тогда работали основные силы экспедиции. Материалы этого маршрута представлены не только в научных публикациях (ТХАЭЭ 1958) и архиве, но и в воспоминаниях участников, в фотографиях экспедиционного фотографа Г.А. Аргиропуло и даже в художественных произведениях, таких, как цикл рассказов «Государыня пустыня» участника экспедиции профессионального археолога, а впоследствии известного детского поэта и писателя В.Д. Берестова. Но особенную ценность для истории этого маршрута представляет полевой дневник руководителя отряда М.А. Орлова, где маршрут описан по дням и в деталях [Полевые дневники 1950]. Помимо сугубо археологических и технических описаний маршрута, одного из самых сложных, которые когда-либо проводила ХАЭЭ, Марк Артурович очень литературно и в деталях описывает ежедневную жизнь отряда и сложности, которые выпали им на долю в ходе этого незабываемого перехода. Кроме того, обладая лёгким пером и наблюдательностью, в свойственной ему насмешливой, но доброжелательной манере Марк Орлов невольно передаёт атмосферу 50-х гг. и даёт своеобразный портрет советской эпохи конкретно в этом месте – северо-западные окраины и центральная часть плато Устюрт, на стыке трёх республик – Казахстана, Узбекистана и Туркменистана.

С.П. Толстова с самого раннего этапа работ ХАЭЭ интересовали караванные пути, связывающие Хорезм с Поволжьем. Археологические работы 1946 г., включая самые первые авиаразведки, дали чрезвычайно интересный материал, который, по мнению Толстова, подтверждал серьёзные взаимоотношения и военно-политические мероприятия Хорезма на Волге. С.П. Толстов считал, что открытые и обследованные в юго-восточной части Устюрта караван-сарай и сигнальные башни маркируют караванный путь, которым прошёл в 922 г. Ибн Фадлан от Ургенча до Нижней Эмбы (и через реки Сагиз и Урал к Болгару) [Толстов 1948: 263]. Для подтверждения этой гипотезы необходимо было найти караван-сарай, переправы, колодцы и соответственно обустроенный подъём на Устюрт с северо-запада, со стороны рек Урал и Эмба. Именно для этого был организован в 1950 г. Уральско-Устюртский отряд, который должен был пройти по этому маршруту через Устюрт, выйти к южным чинкам плато и спуститься в Хорезмский оазис.

Уральско-Устюртский маршрутный отряд в составе 15 человек¹ на четырех автомашинах ГАЗ-51 выехал в начале июля из Москвы до Уральска. В задачи этого отряда ХАЭЭ входила разведка

¹ Участники Уральско-Устюртского маршрутного отряда: зам. нач. экспедиции М.А. Орлов; научные сотрудники и студенты-практиканты Н.Н. Вактурская, О.А. Вишневская, Ю.А. Рапопорт, Р.Л. Садоков, Л.С. Толстова, А.Г. Тургенев-Амитиров, В.Д. Берестов; архитектор А.А. Сипко; фотограф Г.А. Аргиропуло; шоферы экспедиционной автобазы АН СССР Н.С. Горин, М.М. Гордеев, Г.Я. Зайковский, Р.И. Иофин; технические сотрудники В.В. Албанский, И. Калимулин. С машинами из Москвы выехало лишь несколько человек, остальные выехали поездом в Уральск, где отряд собрался вместе и далее уже двигался на машинах.

археологических памятников, расположенных вдоль хорошо оборудованной колодцами и караван-сараями средневековой (X-XIII вв., как полагал С.П. Толстов) караванной дороги, пересекающей Устюрт и идущей от Ургенча к Нижней Эмбе, соединяя Хорезм с Поволжьем (рис. 1)* (*Все фотографии сделаны Г.А. Аргиропуло и принадлежат фотоархиву ИЭА РАН). Отрядом руководил заместитель С.П. Толстова по научной части М.А. Орлов, архитектор по образованию, но проработавший к этому времени уже несколько сезонов (с 1940 г.) в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Это был человек очень одарённый, с прекрасным архитектурным образованием (он закончил МАРХИ), живо и углублённо интересующийся историей, к тому же, как выяснилось, прекрасный

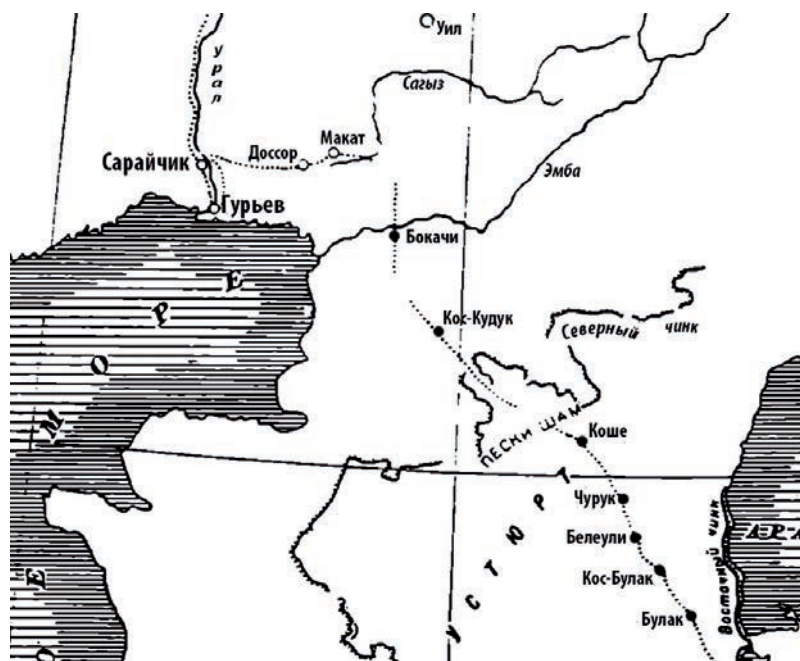

Рис. 1. Карта Уральско-устюртского маршрута Хорезмской экспедиции 1950 года. Сохранены авторские названия памятников

полевик². До Уральска экспедиционные машины шли караваном из Москвы (рис. 2). Из воспоминаний Ю.А. Рапопорта: «8 июля 1950 г. во дворе Института этнографии на капотах автомашин состоялось подписание социалистического обязательства, в котором шоферы обещали без аварий доехать до Хорезма, а научные сотрудники - сделать во время маршрута значительные открытия. После этого акта, в определенных отношениях полезного, колонна выехала на улицу Фрунзе и быстро покатила к Уральску. Далее мы стали проследивать караванный путь из Хорезма в Поволжье» [Песни Хорезмской экспедиции 2001: 78].

Составляя маршрут отряда и ставя исследовательские задачи, С.П. Толстов руководствовался сведениями, взятыми у И.А. Ка-

² В 1945-1949 М.А. Орлов участвовал в раскопках Топрак-кала, в 1946 г. – в разведках на плато Устюрт со стороны Урги, и в первых авиаразведках над плато и в низовьях Сырдарьи, в 1950–1951 гг. руководил сложными раскопками на Асаре № 9 в Джетыясарском урочище (Казахстан). Именно благодаря его профессиональным замерам, чертежам и наблюдениям у нас есть бесценная коллекция описанных и отрисованных архитектурных памятников Хорезма, плато Устюрт и низовий Сырдарьи, относящихся к разным эпохам и культурам [Аржанцева 2016; Аржанцева и др. 2018].

Рис. 2. Маршрутная группа перед отъездом из Уральска 06.07.1950. В центре – Марк Орлов

и в каком виде разные путевые сооружения, существовавшие, как видим из описания В. Григорьева, еще в начале настоящего (XIX) столетия» [Кастанье 1910: 97]. От Уральска отряд отправился к первому и самому крупному объекту исследований – городищу Сарайчик, расположенному в низовьях р. Урал. Первой задачей отряда являлись разведки на Сарайчике – памятнике золотоордынского времени. Как и всегда, С.П. Толстов подготовился основательно, прежде чем наметить предполагаемый маршрут для машин. Сам он в этом переходе не участвовал, будучи занятым на других памятниках. Но, судя по замечаниям в дневнике М.А. Орлова, информация о том, как проходит маршрут, поступала ему регулярно в виде телеграмм. У Орлова существовало собственное мнение, отличное от мнения С.П. Толстова и других «хорезмийцев» по поводу того, куда именно надо двигаться, чтобы обнаружить развалины искомым караван-сараяв, точного местоположения которых никто не знал: «Ещё в Москве, планируя маршрут, мы в конце концов пришли к двум вариантам его Казахстанской части. С самого начала я стоял за маршрут через Уил на Эмбу (через Тас-Кичу на Сагызе). Но мои доказательства целесообразности такого маршрута были сомнительны, и я легко согласился с Н.Н. (Вактурской – ИА), что стоит ехать через Сарайчик, в соответствии с существующими описаниями “старой” дороги (так называемой Ногайской). Сейчас я снова склоняюсь к тому, что описание памятников дороги от Сарайчика в Хорезм, как монгольской дороги, не совсем точно. Между Сарайчиком и Тас-Кичу никаких сооружений караван-сарайного типа не встречается. <...> Хотя, судя по характеру известной нам части дороги (участок на плато Устьюрт) и начала обследуемой сейчас, караванная дорога была хорошо оборудована и через каждые 30–35 км имела колодцы и караван-сарайи. Значком * я обозначаю на схеме места предполагавшихся

сооружений в случае прохождения через них оборудованной дороги» [Полевые дневники: 16]. Тем не менее, М.А. Орлов организовал довольно масштабную разведку на памятнике и в окрестностях, сбор подъемного материала, зачистку кирпичных кладок в обрывах реки (рис. 3; 4). Все конструктивные детали, обнаруженные в ходе разведки, сооружения и погребения были зачерчены и описаны. Из самых первых наблюдений последовали выводы: «На поверхности городища много мелкобитой керамики куски кирпича. В отличие от большинства памятников Хорезма здесь абсолютно невозможно проследить никаких следов планировки, нет никаких более или менее определенных очертаний развалин домов. Поверхность городища состоит из сильно размытых низких бугров неопределенных очертаний и только выходы отдельных кирпичных кладок, фрагменты кирпича, керамики, бронзовых изделий и обилие монет характеризуют место положение древнего Сарайчика. Валы его С–З и Ю–З стен еле видны» [Полевые дневники: 3]. Интересные наблюдения и выводы были сделаны по поводу керамики Сарайчика: «Характерной чертой поливной керамики является ее абсолютное сходство с керамикой Шемахи (средневековый город в Хорезмском оазисе – ИА) Хорезма. Сходство настолько велико, что фрагменты одного из сосудов (да, пожалуй, и не одного) можно клеить при реставрации с соответствующим шемахинским. Я остаюсь на своих прежних позициях, считая, что так называемая монгольская керамика Сараев (Сарай-Бату и Сарай-Берке – ИА), так же как и керамика Сарайчика, ведут свое происхождение из Хорезма, где соответствующая культура керамического производства и его организация достались по наследству монголам. Считаю, что Хорезм не только определил стиль, но и остался основным поставщиком керамических из-

Рис. 3. Обследование берега реки Урал, сбор подъемного материала

делий Золотой орды. <...> Керамические изделия, характерные для Кават-Калинского оазиса XI–XII вв. в Хорезме, я имею в виду неполивную мелкоузорчатую керамику, встречаются и в Сарайчике» [Полевые дневники: 7].

Переправившись через р. Урал в районе г. Гурьева, отряд проехал через Доссор в район колодцев Белеули, обследовав расположенное близ них кладбище, где было обнаружено множество художественно выполненных каменных надгробий и мазаров. Колодцы Белеули также описывались путешественниками. Так, В.В. Григорьев

приводит расстояния между отдельными колодцами на караванных путях через Устьюрт и краткое упоминание о строении у колодцев Белеули. «Колодези выложены кирпичом», — пишет он. «Подле них имеется большая старая палата с одной башней, род крепосцы, вышиною в дом, о двужильях, со сводами и с несколькими во внутренности покаями» [Григорьев 1907: 190]. Далее у ключей Учукан отрядом было обследовано большое кладбище, часть погребальных сооружений которого относится к золотоордынскому времени. Многие надгробия оказались возведенными из архитектурных фрагментов некогда существовавшего здесь и позже разобранным зданием, видимо — одного из караван-сараяв изучаемой караванной дороги. Собранный поливная и неполивная керамика аналогична найденной при раскопках Кават-калы и Шемаха-калы и относится к домонгольскому и монгольскому времени [Толстов 1958: 16].

Отрядом было обследовано, описано и нанесено на карту несколько таких живописных комплексов, относящихся в основном к XVIII–XIX вв. Покинув район ключей Учукан, отряд вышел к обрывам чинка Устьюрт и поднялся на северную оконечность Мын-суалмас. Здесь оказалось огромное кладбище с разнообразными каменными надгробиями, покрытыми тонкой резьбой: некоторые из надгробий изображали животных. Эти удивительной красоты каменные надгробия до сих пор являются местными достопримечательностями. Поскольку описание маршрута М.А. Орлов вел по дням, то фотоальбом с материалами разведки достаточно легко идентифицировать. «09.07.1950 – Около колодцев (Белеули – ИА) небольшое озерцо. Восточнее примерно 500 м – кладбище. Главное здание из сырцовых прямоугольных кубиков – пирамидальной формы (тип очень распространенный в этих районах и неоднократно встречавшийся нам еще на правом берегу Урала). Он существует наряду, а иногда и сочетается, с прямоугольной в плане остроугольной изгородью» [Полевые дневники: 10] (рис. 5). «Утром 17.07.1950 одной машиной уезжаем в разведку, к Коскудуку. Кладбище производит огромное впечатление, памятники очень интересные. Наряду с обычными, прямоугольными в сечении, сильно моделированными стелами, в которых мне кажется,

Рис. 4. Ю.А. Рапопорт. Сбор подъемного материала в Сарайчике

Рис. 5. Мазар и кладбище в районе колодцев Белеули

выражается близкое индусскому искусству понимание материала и трактовка его скульптурности, встречается ряд до сих пор неизвестных мне форм намогильных плит. Изображение животного «тигра», покрытого орнаментальными мотивами» [Полевые дневники: 46] (рис. 6).

Ближе к краю обрыва, у места подъема дороги на плато Устюрт, обследовались развалины каменного караван-сарая Кос-Кудук. Стены его были сооружены из крупных тесаных каменных блоков [Толстов 1958: 14] (рис. 7). Орлов, будучи профессиональным архитектором, дал полное описание этого караван-сарая и его архитектурных особенностей, сравнив его с другими аналогичными зданиями: «По своей планировке, так же как стен и башен, Коскудукский караван-сарай чрезвычайно близок известному нам Белеули. Однако в Белеули (который лежит далее по исследуемой нами караванной дороге – на юг) отсутствуют признаки кладки сводов – там помещения строились в два этажа. <...> То, что можно проследить с поверхности развалин – характер развала, линии выходов кладки блоков, отдельные профилированные блоки и т. д. дают возможность с большой точностью утверждать, что вход был решен портално с стрельчатой аркой, т. е. был почти совершенно аналогичен известному нам Белеулинскому portalу или из общеизвестных сооружений, совершенно по внешности, например, аналогичен portalу Рабат-и-малик. Караван-сарай Кос-Кудук (или Мын-су-алмаз) оказался первоклассным памятником архитектуры. В нем, в его планировке, и главным образом в решении интерьеров – перекрытии его разнообразных помещений – нашла свое отражение высокоразвитая строительная техника средневекового Хорезма. Я думаю, что именно это разнообразие, именно отсутствие стандартной схемы в перекрытиях и планировке каждого отдельного помещения караван-сарая может быть

Рис. 6. В.Д. Берестов у надгробия в виде «тигра», покрытого резьбой.
Кладбище у колодца Кос-Кудук. 17.07.1950

принято, как одно из доказательств его домонгольского происхождения, его связи с эпохой высокого расцвета Хорезма XI-XII веков. Характер этого сооружения более всего близок современному ему Рабат-и-малику» [Полевые дневники: 54-57].

Как показали позднейшие исследования, большинство караван-сараяв, сохранившихся по этому пути, принадлежали более позднему периоду, чем время Ибн Фадлана [Манылов, Юсупов 1982: 170-182], но несомненно, что эти караван-сараяи строились там, где были более ранние комплексы, приуроченные к колодцам, которые были одни и те же на протяжении нескольких веков. Как выясняется из дневника М.А. Орлова, он много раньше других исследователей высказал предположения, что многие караван-сараяи (Коскудук, Белеули), развалины которых сохранились на караванном пути через Устюрт, сооружены в более поздние периоды и, скорее всего, относятся к периоду расцвета средневекового домонгольского Хорезма [Полевые дневники: 51]. Тогда же в ходе разведки Орлов высказывает предположение: «Сейчас в порядке рабочей гипотезы, я прихожу к выводу, что оборудованная дорога относится к эпохе Хорезмшахов - домонгольскому времени и связывала Хорезм прямо с булгарами в направлении аналогичном пути Ибн Фадлана, который проехал через эти районы, когда сооружений на ней еще не было. Это сужает границы датировки дороги XI-XII веками. Совершенно очевидно, что “монголы” использовали оборудованную караванную дорогу Хорезм–Булгары на нужном им участке и вероятно поддерживали ее. Так что памятники, могущие оказаться на линии Тас-Кичу–Уил (Уил я намечаю условно) вероятно находятся в более заброшенном состоянии и более разрушены» [Полевые дневники: 17].

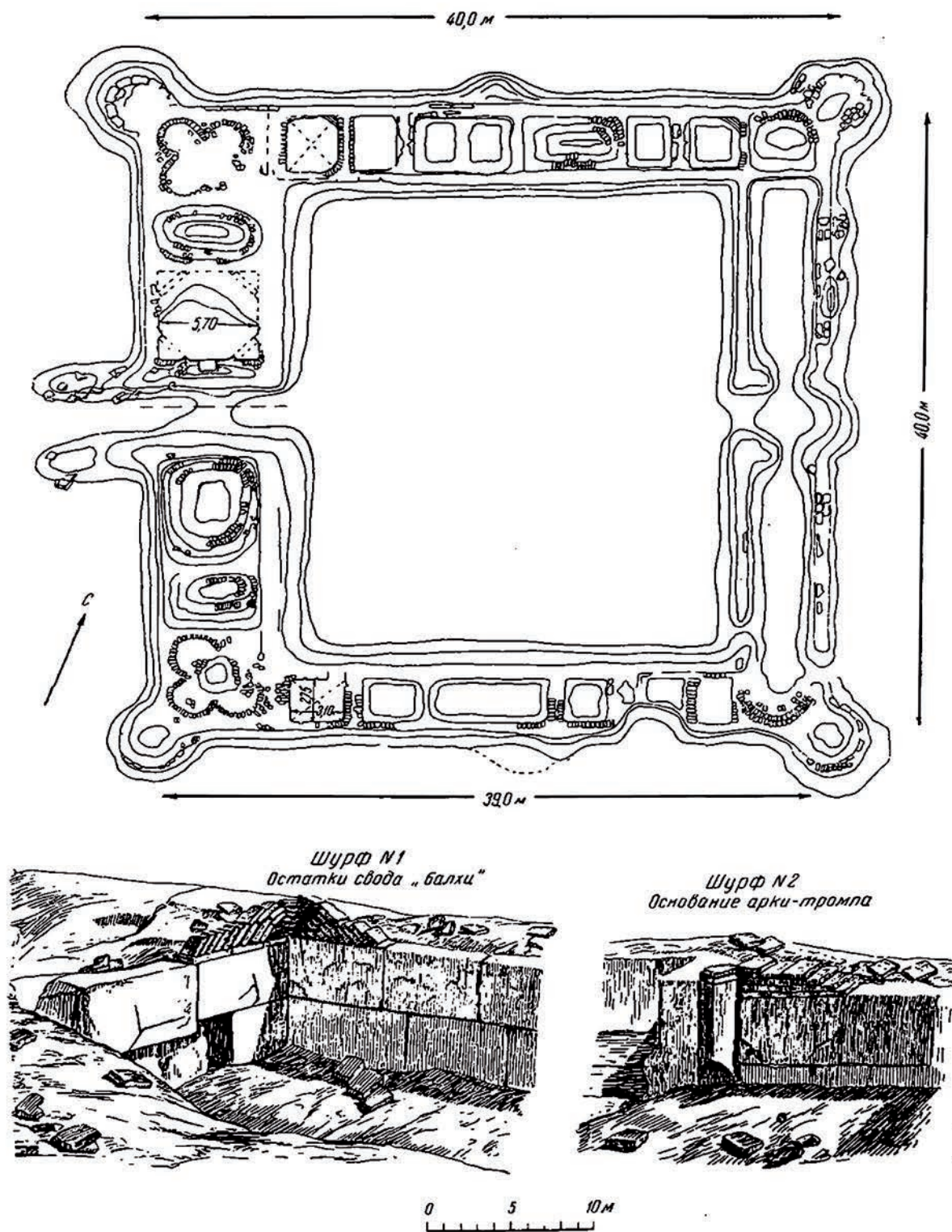

Рис. 7. Караван-сарай Кос-кудук. План и зарисовки фрагментов кладки М.А. Орловым и А. Сипко

Затем отряд через Макат и железнодорожную станцию Джамансор вышел к развалинам караван-сарая и искусственному каменному броду Тас-Кичу на р. Сагыз. Сообщение В. Григорьева о переправе через реку Сагыз, где в качестве своеобразной дамбы или плотины использовались тесанные белые камни³, породила идею в ходе маршрута обследовать дно речки в тех местах, где было мелко, и была информация от местных жителей о наличии брода. Этот эпизод разведки описан в рассказе В.Д. Берестова из цикла «Государыня пустыня»: «В Закаспийской степи мы искали древнюю дорогу. Когда-то она вела из Хорезма к берегам Волги, а оттуда на север, к волжским болгарам, и на запад, на Русь. По этой дороге давным-давно уже никто не ездил. Даже самолеты, летящие из Нукуса в Москву, облетали Аральское море с востока. Чтобы добраться из Москвы в Хорезм по железной дороге и по шоссе, нужно было ехать через Ташкент, делать большой крюк <...>. Как же найти дорогу, по которой, наверное, уже более пятисот лет никто не ездит? <...> В средние века из Хорезма на Русь и обратно везли дорогие товары <...> караваны сопровождала вооруженная стража. Купцам, воинам и путешественникам нужно было где-то отдохнуть, разгрузить усталых верблюдов, напоить их. В этих местах, у колодцев, источников, у переправ через степные речки, строились особые здания, караван-сарай — гостиницы для путешественников <...>. И если древняя дорога, тропа, выбитая в земле примерно на глубину верблюжьего копыта, давно уже исчезла, то развалины караван-сарая должны были сохраниться <...>. По битой посуде, по вещам, брошенным или оставленным путешественниками, мы установили время, когда была построена и действовала эта большая и важная дорога. Построена она была в X веке <...>. На карте появлялись кружки, которыми мы обозначали караван-сарай, а между ними пунктиром намечался древний караванный путь. Но хотелось увидеть его не только на карте. И в конце концов нам это удалось. На берегу речки Сагыз есть место, которое называется Тас-кичу, что означает «Каменный брод» <...>. Мы мечтали найти Каменный брод, увидеть хоть кусочек самой древней дороги, постоять на ней, ощутить ее под своими ногами <...>. Старый чабан знал Каменный брод и указал нам это место. <...> Выходим к отлогому берегу (реки Сагыз – ИА) и лезем в воду. Старательно ощупываем илистое дно босыми ногами. И вдруг один из нас поскользнулся на камне: мы вступили на древнюю дорогу. Сбегали за рулетками, за складными метрами и, опустив рулетки в воду, мерили ширину Каменного брода. Извлекали со дна скользкие черные камни, мерили их и снова клали на место. Это уже не пункт на карте, это кусочек настоящей дороги, той самой, по которой прошел в X веке знаменитый арабский путешественник Ибн Фадлан, дороги, связывавшей страны, народы, культуры. Момент был торжественный, и мы ликовали, возились, плескались, а когда кто-нибудь наклонялся, держа под водой рулетку, норовили окунуть его в воду» [Берестов 1968: 38-41]. Описания Орлова той же самой ситуации гораздо более прагматичны и профессиональны. Он использует информацию В.В. Григорьева с тем, чтобы точно рассчитать местонахождение «Каменного брода», сетуя на то, что местные информаторы дают противоречивую и неточную информацию об этом. «Вышли на участок старой дороги подходящего направления. <...> Справа болотистые низины. <...> Машины упираются в обрыв высокого берега извилистой речки Сагыз. Мы выходим прямо к месту похожему на переправу. На той стороне реки несколько юрт. Окликаю старика на лошади. «Что за место?» Мы выехали с точностью до 10 м прямо к переправе Тас-Кичу. Я ожидал (по Григорьеву) великолепной белой плотины. Увы, даже камней не видно. На

³ «У сего форпоста, переправясь чрез реку Урал, дорога идет влево до речки Сагись расстоянием около 80 верст; речку сию переезжают по некоторого рода плотине из тесаных белых диких камней, сделанной так, что вода по верху ея течет, имея глубины меньше четырех вершков. Строение сие по словесным преданиям есть одного из Чингиз-хановых сынов. Речка Сагись впадает в соляное озеро Тен-тяк-шур, лежащее недалеко от реки Ембы, и в нем теряется» [Григорьев 1907: 186].

всякий случай проходим вдоль берегов реки 3–4 км. Нигде ничего. Машины советуют переправить несколько западнее (3 км). Легко переезжаем через речку вброд. Она вообще не глубока. Дно болотное, вода солоноватая. Подъезжаем к юртам знакомимся с инженером нефтеразведки. Он казах, уроженец местный и помогает нам разобраться в местонахождении старой переправы. Да, она именно там, куда мы в первый раз выехали и примерно против нее груды кирпича. 10.07.1950 - Возвращаемся в район юрт. К плотине. Подводит нас к ней местный мальчишка, ибо с этой стороны реки мы к ней еще не подъезжали.

Не доезжая реки в 250 м низкие валы развалин квадратные в плане примерно 40×40 м, очевидно караван-сарай Тас-Кичу – то, что нам надо. Едем к переправе, к развалинам ещё вернемся. С группой мужчин раздеваемся и приступаем к обследованию остатков плотины. Крупные куски камня размером порядка 40×30–40 (см – ИА) неправильной колотой формы, перемежаются со щебенкой. Характер развала камней, зятянутых болотным илом и широкой, порядка 8–10 метров, лентой пересекающих русло, свидетельствует о постепенном и длительном разрушении плотины. Часть камней овалована довольно сильно. Камень темный песчаник, насквозь пропитанный водой. В самом глубоком месте камни на глубине 60–70 см. Добываем несколько камней. Очевидно, в прошлом плотина, вернее насыпь, была значительно выше и ближе подходила к спускам берегов. <...> Что касается плотины, то ни одного «тесаного белого дикого камня» (как описывал Григорьев – ИА) на ней не оказалось т. о., или это описание взято из ложной информации, или белый камень был облицовочным и послужил материалом для казахских надгробий» [Полевые дневники: 13] (рис. 8).

Основные результаты работ уральско-устюртского отряд были изложены довольно кратко С.П. Толстовым в нескольких отчётных публикациях. [Толстов 1953; 1958]. «Таким образом, выводы,

Рис. 8. Поиски древней плотины около брода Тас-Кичу на реке Сагыз 10.07.1950

Рис. 9. Юрты колхозной фермы около кладбища Бокачи. 11.07.1950

к которым привели нас материалы предшествующих лет о крупной роли Хорезма в исторических событиях раннего средневековья на нижнем и среднем Поволжье, подкрепляются новыми данными» [Толстов 1953: 304]. В итоге этого маршрута выяснился характер важнейших сооружений (караван-сарай, колодцы, брод и др.) и организации средневековой караванной дороги из Хорезма в Восточную Европу, уточнились направление этой дороги и датировка ее отдельных сооружений, среди которых были открыты новые первоклассные памятники архитектуры Средней Азии [Толстов 1958: 18]. За рамками сухих отчётов остались все сложности, с которыми столкнулся отряд: мало информационных карты, которыми они были снабжены⁴, проблемы с машинами, которые приходилось чуть ли не каждый день чинить⁵, отсутствие хорошей питьевой, а иногда и просто воды⁶, лимит бензина (Марк был не уверен, что все машины смогут доехать до Нукуса), хлеб приходилось печь самим, свежее мясо добывалось на охоте в буквальном смысле слова, резкая смена температуры на плато, ядовитые насекомые, сползавшиеся вечерами к

⁴ М.А. Орлов в своём дневнике сетует, что «миллионки» (карта масштабом 1:1000 000) не годятся для таких маршрутов, т. к. на них многие черты и особенности ландшафта просто не указаны, а карты масштабом 1:300 000 есть только на один участок.

⁵ По воспоминаниям Ю.А. Рапопорта: «На бездорожье машины ГАЗ-51 оказались ужасны. Они мгновенно закапывались в песок и солончак, а вытащить их «на плечах» (как прежние лёгенькие ГАЗ-АА) было невероятно трудно» [Песни Хорезмской экспедиции 2001: 78].

⁶ Отряд двигался зачастую по районам, где питьевую воду выдавали по талонам: «Проходим промпал (?) Бек-беке <...> идем на Юг к пос. Комсомольский (на карте не обозначен вовсе) <...>. Дорога идёт совершенно безжизненными местами. Кругом плотные тяжёлые пески, с низкой порослью степного кустарника. Комсомольск. Вода отпускается за деньги по талонам, которые отпускают в Управлении промпеска. Беру талонов на 400 литров стоит это 5 руб. 5 коп. Воду подаем в бочки прямо из будочки-водокачки» [Полевые дневники: 19].

экспедиционному костру, ночевка под открытым небом. Тем не менее, задание было выполнено. Помимо археологии, участники экспедиции фиксировали, фотографировали и описывали окружающую жизнь, невольно составив своеобразный портрет этнокультурной ситуации в регионе в 1950 году. Это были колхозные верблюжьи фермы, посёлки нефтяников и рабочих песчаных разработок. Благодаря тому, что в составе отряда был впечатлительный и талантливый студент-практикант (будущий известный писатель и поэт) Валентин Берестов, мы располагаем не только суховатыми описаниями из научного отчета, но и поэтическими зарисовками и даже стихами, повествующими об удивительном мире плато Устюрт 50-х годов прошлого века: «<...> недалеко от развалин (мавзолея – ИА) виднелись юрты. Здесь остановился небольшой казахский аул. Между юртами расхаживали женщины в красивых белых одеяниях и совсем молодые парни в шапках с опушкой из лисьего меха, напоминающих знаменитую шапку Мономаха. Кочевники в шапках Мономаха оказались дачниками. Это были студенты из Алма-Аты, Ташкента, один даже из Ленинграда. Здесь, вместе с кочевым аулом, со старыми чабанами, своими родителями, они проводили каникулы. Помогали старикам ухаживать за стадом, а большую часть времени читали книжки, загорали, иногда охотились, словом, отдыхали» [Берестов 1968: 40] (рис. 9; 10).

Многочисленные средневековые и поздние (XIX–XX вв.) мазары и некрополи, расположенные по трассе экспедиционного маршрута обследованы, описаны, зарисованы и отфотографированы. В архиве хранятся уникальные фотографии этой разведки, многие из которых не публиковались ранее [Аржанцева 2016: 100–125]. Материалы до сих пор ждут своего исследователя.

Рис. 10. Казах в белых одеждах. Юрты в районе кладбища Бокачи

ЛИТЕРАТУРА

- Аржанцева И.А.* Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск: ООО «Артишок», 2016. 288 с.: ил.
- Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тажекеев А.А.* История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра. Ч. I. Кызылорда; М.: Олабук, 2018. 310 с.
- Берестов В.Д.* Государыня Пустыня. М.: Молодая гвардия, 1968. 288 с.
- Григорьев В.В.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости // ТОУАК. 1907. Вып. XIX. С. 182-193.
- Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края / ТОУАК. Вып. 1910. XXII. 322 с.
- Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю.* Караван-сарай Центрального Устюрта (в пределах Каракалпакской АССР) // СА. 1982. № 1. С. 170-182.
- Песни Хорезмской экспедиции 1947–1955 [Ноты]: [Мелодии и тексты] / Муз. Р. Садокова; стихи В. Берестова, Ю. Рапопорта. Полевые зарисовки Г. Костина / Сост. Ю.А. Рапопорт. М.: ИЭА РАН, 2001. 91 с.: ил.
- Полевые дневники. Маршрут от Уральска на Аму-Дарью через плато Устюрт 1950 г. Дневник № 1. М.А. Орлов. // Архив ИЭА РАН, ф. 142, оп. 8 (архив ХАЭЭ).
- Толстов В.С.* От Красных лап в неизвестную даль. Константинополь: Тип. Изд-ва Т-ва «Пресса», 1921. IV, 310 с.: ил.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: АН СССР, 1948. 322 с.: ил.
- Толстов С.П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945–1948 гг.) / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.: АН СССР, 1952. 652 с.
- Толстов С.П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1950 г. // СА. 1953. Вып. XVIII. С. 301-325.
- Толстов С.П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.: АН СССР, 1958. 812 с.

**Е. В. Водясов,
О. В. Зайцева**

Евгений Вячеславович Водясов, vodyasov.ev@gmail.com

Ольга Викторовна Зайцева, snori76@mail.ru

Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева,
г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Горнорудная археология Большого Алтая: проблемы прошлого и перспективы будущего

Аннотация. В статье кратко рассматриваются основные открытия в области горнорудной археологии Большого Алтая, обсуждаются накопившиеся проблемы и озвучиваются дальнейшие пути их решений. Отдельно рассматриваются вопросы появления цветной и черной металлургии на Алтае.

Ключевые слова: горнорудная археология, археометаллургия, эпоха бронзы, эпоха железа, рудные выработки, металлургические печи, Большой Алтай

Евгений Вячеславович Водясов,

Ольга Викторовна Зайцева,

Д. Серікбаев ат. Шығыс-Қазақстан техникалық университеті,
Өскемен қ., Қазақстан

Үлкен Алтайдың тау-кен археологиясы: өткеннің мәселелері және болашақтың перспективалары

Аннотация. Мақалада Үлкен Алтайдың тау-кен археологиясы саласындағы негізгі ашылымдар қарастырылады, жинақталған мәселелер талқыланып, олардың болашақтағы шешілу жолдары айтылады. Алтайдағы түсті және қара металлургияның пайда болу мәселелері жеке қарастырылады.

Түйін сөздер: тау-кен археологиясы, археометаллургия, қола дәуірі, темір дәуірі, кен өндірісі, металлургиялық пештер, Үлкен Алтай

Evgeny Vodyasov,

Olga Zaitceva,

D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University,
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Mining archaeology of the Altai Region: Problems of the Past and the prospects of the Future

Abstract. The article briefly discusses the main discoveries in the field of mining archaeology of the Altai Region. The accumulated problems are discussed and further ways of their solutions are voiced. Separately, issues of the appearance of bronze and iron metallurgy in the Altai Region are considered.

Keywords: mining archaeology, archaeometallurgy, the Bronze Age, the Iron Age, ore mining, metallurgical furnaces, the Altai Mountains

В мировой археологии история добычи полезных ископаемых исследуется в рамках особого междисциплинарного направления, получившего название «горнорудная археология» или «археология добычи». На современном этапе горнорудная археология не замыкается

на реконструкциях технологий добычи, а выходит на широкие вопросы влияния разработки полезных ископаемых на экономику и социальные отношения древних обществ [Stöllner 2014]. Сырьевая зависимость, военные операции для контроля над стратегическими месторождениями, международные торговые связи и разделение труда — всё это также находится в предметном поле современной горнорудной археологии.

Алтайская горная система чрезвычайно богата различными рудами, что создавало благоприятные условия для формирования здесь крупных металлургических центров с самого начала возникновения металлургии [Розен 1983; Зиняков 1988; Баженов и др. 2002; Берденов и др. 2004; Берденов 2008; Агапов и др. 2012; Грушин 2005, 2014; Мерц 2014; Эбель 2011; 2014; Ерёменко 2015; Гончаров 2016; Vodyasov et al. 2020].

Пожалуй, первые важные открытия в горнорудной археологии Алтая произошли еще до появления самой археологической науки, когда в XVIII в., в ходе промышленного освоения, учеными и горными инженерами были впервые задокументированы древние рудники, именуемые в то время «чудскими» копиями [Паллас 1780; Розен 1983; Дёмин 1989; Грушин 2005; 2014; Кунгуров, Иванова 2005; Эбель 2014]. Только на одной территории Алтайского края и Восточного Казахстана, во многом по следам древних выработок, в XVIII в. было открыто 440 рудников [Ерёменко 2015], и уже в то время ученые поразились масштабами древних металлургических производств [Кунгуров, Иванова 2005: 129].

Следующий этап в истории алтайской археометаллургии и горной археологии, на который мы хотим обратить внимание, связан с исследованиями в Восточном Казахстане. В 1935–1937 гг. С.С. Черников организовал масштабные археологические раскопки и обследования древних выработок на олово, медь и золото в пределах Калбинского и Нарымского хребтов [Черников 1949; 1960]. Проведенные исследования открыли мировой феномен Калбинских рудников и позволили называть Юго-Западный Алтай одним из важнейших центров производства и экспорта олова в древнем мире [Черных, Кузьминых 1989: 247–248; Берденов 2008; Stöllner et al. 2011; Гончаров 2016]. От себя добавим, что раскопки С.С. Черникова стали, по сути, первым серьезным шагом развития горнорудной археологии не только на Алтае, но и на всем советском пространстве. Эти исследования после долгого перерыва были возобновлены лишь в 2003 г. в ходе совместного казахстанско-германского проекта [Берденов и др. 2004; Берденов 2008; Stöllner et al. 2011].

Вопрос начала разработки руд цветных металлов и возникновения металлургии на Алтае до сих пор остаётся открытым. Ещё в 1955 г. на Владимировском кобальтовом месторождении, расположенном в Республике Алтай, геологи обнаружили древнейшие во всей Азии орудия горного дела, относящиеся, по мнению разных ученых, к афанасьевской культуре [Баженов и др. 2002; Грушин 2015]. Однако вопрос о предмете древней добычи на Владимировском месторождении всё ещё не решен. Также требуется уточнение хронологии, так как пока опубликована только одна радиоуглеродная дата. Наличие в коллекции изделий из органики, обнаруженных в древней выработке на Владимировском месторождении, делает возможным получение в будущем репрезентативной серии радиоуглеродных дат.

Вопрос начала разработки руд цветных металлов Калбинского и Нарымского хребтов в Казахском Алтае также остаётся открытым. Единственное косвенное свидетельство добычи касситерита в эпоху ранней бронзы на руднике Карагоин [Мерц 2014] требует проверки и актуализирует проведение новых археологических исследований на этом памятнике.

Практически не исследованными остаются сами медеплавильные технологии. Так, в Российском Алтае нам не известна ни одна надежно задокументированная медеплавильная печь, что само по себе выглядит странным, учитывая количество функционировавших здесь в древности

медных рудников. Несмотря на то, что на некоторых поселениях эпохи бронзы находят следы производства металла [Грушин, Лыжников 2009; Кирюшин и др. 2013], сами медеплавильные печи до сих пор не обнаружены, а их целенаправленный поиск если и предпринимался, то, видимо, оканчивался неудачей.

На территории Казахстанского Алтая пока раскопано всего два металлургических объекта эпохи бронзы на поселении Новая Шульба IX [Stöllner et al. 2011], а также остатки металлургического производства раннесакского времени на поселенческом комплексе Акбауыр [Самашев 2020]. При этом рядом с уникальными оловянными выработками Калбинского хребта, большинство из которых датируется андроновским временем [Черников 1949; 1960; Stöllner et al. 2011: fig. 17], следов древнего производства как меди, так и олова не обнаружено.

К сожалению, стоит признать, что полученных за все годы материалов явно недостаточно, чтобы реконструировать алтайские медеплавильные печи, не говоря уже об изучении изменчивости плавильных сооружений и металлургических традиций на протяжении различных периодов.

В этом контексте перспективными могут стать новые полевые исследования, обязательно включающие широкомасштабную магнитную разведку вблизи древних рудников. Металлургические горны, как правило, всегда имеют выраженную остаточную намагниченность и потому хорошо уловимы магнитометром [Пушкарев, Вавулин 2019]. Именно так были выявлены единственные в Восточном Казахстане остатки металлургических горнов на поселении Новая Шульба IX [Stöllner et al. 2011: fig. 4; 5].

Не меньше белых пятен и в исследованиях чёрной металлургии Большого Алтая. Во многих археологических работах, представленных выше, Рудный Алтай фигурирует, прежде всего, как кладёз руд цветных металлов, но согласно геологической литературе и анализу карт полезных ископаемых [Гусев А.И., Гусев Н.И. 2013], он богат и железными рудами. По указаниям В.Н. Коржнева [Коржнев 2016], Алтайский железорудный район протянулся в северо-западном субмеридиональном направлении более чем на 600 км, при средней ширине от 10 до 50 км. Он объединяет многочисленные сближенные месторождения и проявления гематитовых, гематит-магнетитовых, магнетитовых железных руд. Месторождения железа присутствуют во всех районах алтайской горной системы: на территории Казахстана, Монголии, Китая и России.

Отдельно стоит упомянуть исследования памятников горнорудного дела и черной металлургии в Юго-Восточном Алтае, в ходе которых были найдены железные рудники, а также обнаружены крупнейшие железоплавильные горны хунно-сяньбийского времени во всей Евразии [Зиняков 1988; Эбель 2014; Vodyasov et al. 2020; Водясов, Зайцева 2020].

Геоархеологические обследования рудников и раскопки металлургических площадок в юго-восточной части Алтая в пределах Кош-Агачского района Республики Алтай дали прекрасные результаты и позволили выявить один из крупнейших железоделательных центров Центральной Азии [Зиняков 1988; Эбель 2014; Vodyasov et al. 2020; Водясов, Зайцева 2020]. При этом, насколько нам известно, подобные работы на территории Алтайского края (Россия), Восточно-Казахстанской области (Казахстан) и северного Синьцзяна (Китай) никогда не проводились, хотя имеются все перспективы для поиска там железоделательных мастерских. В частности, о потенциальном нахождении крупных металлургических центров в Восточном Казахстане говорят не только залежи железных руд, но и прямые письменные указания о железной металлургии у кимаков, проживавших на Иртыше [Кумекоев 1972], а также находки железных шлаков в левобережье Черного Иртыша в 38 км от оз. Зайсан [Омаров и др. 2020: 147].

Другая проблема заключается в том, что мы ничего не знаем о добыче в древности на Алтае других металлов, таких как серебро, мышьяк, цинк, свинец и др.

Еще один исследовательский вопрос можно задать так – продолжалась ли разработка металлических руд на Алтае в эпоху раннего железа и Средневековья. Как это ни парадоксально, но у нас до сих пор нет археологических доказательств существования средневекового горнорудного дела в этом регионе.

Нужно признать, что мир древней металлургии Большого Алтая практически не изучен, и только масштабные археологические работы на древних рудниках и мастерских с применением современных методов позволят нам в будущем реконструировать зарождение и развитие металлургических традиций этого интереснейшего региона. Однако всем этим планам может помешать бурное промышленное освоение, в ходе которого каждый год уничтожаются памятники древнего горнорудного дела. Мероприятия, направленные на изучение и популяризацию памятников древнего горнорудного дела, позволят не только уберечь их от разрушения, но и включить их в актуальные экскурсионные маршруты.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // ВААЭ. 2012. № 3 (18). С. 44-59.
- Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 108 с.
- Берденов С.А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 42-55.
- Берденов С., Самашев З., Штолльнер Т., Черны Я., Ермолаева А., Куц Г. Древнее горное дело и металлургия Восточного Казахстана (начало работ по казахско-германскому проекту) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / Отв. ред. М.Н. Сдыков. Уральск: [б./и.], 2004. Вып. 3. С. 154-170.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Древнейшие памятники черной металлургии в Горном Алтае: новые данные из долины реки Юстыд // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 127-147.
- Гончаров А. Особенности использования металла населением Казахстана в эпоху поздней бронзы // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (4.1). С. 679-678.
- Грушин С.П. Историко-культурные комплексы на горе Пихтовая в контексте проблемы изучения объектов древнего горнорудного дела // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1. С. 153-157.
- Грушин С.П. Археология Рудного Алтая: исследование древних и средневековых памятников у горы Тараскина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 118 с.
- Грушин С.П. Владимировка – древнейшая горнорудная выработка в Сибири: итоги и перспективы исследования // Геоархеология и археологическая минералогия–2015. Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2015. С. 95-99.
- Грушин С.П., Лыжников О.Г. Исследование поселения афанасьевской культуры Подсинюшка в северо-западных предгорьях Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2009. С. 18-21.
- Гусев А.И., Гусев Н.И. Апатит-магнетитовое оруденение западной части Центрально-Азиатского складчатого пояса // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 2. С. 74-78.
- Дёмин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 117 с.
- Ерёменко В.С. Территориальное размещение рудников в Колывано-Воскресенском Горном ведомстве в XVIII в. // Ползуновский альманах. 2015. № 3. С. 111-116.
- Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шайхутдинов В.М. Особенности металлургического производства елунинской культуры (по материалам изучения ошлакованной керамики с поселения Павловка-1) // Теория и практика археологических исследований. 2013. Т. 7. № 1. С. 103-111.
- Коржнев В.Н. Алтайский железорудный район на территории России // Известия АО РГО. 2016. № 1 (40). С. 14-26.

- Кумеков Б.Е. Государство Кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1972. 156 с.
- Кунгуров А.Л., Иванова Е.П. Интерпретация сведений о древнем горном деле на территории Рудного Алтая исследователями XVIII – начала XX веков // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. Вып. 2. С. 128-133.
- Мерц И.В. Объекты горного дела афанасьевской культуры Восточного Казахстана // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 7: Археология и этнография. С. 52-60.
- Омаров Г., Бесетаев Б., Сагындыкова С. Археологические изыскания алтайской археологической экспедиции в 2019 году // Вестник КазНУ. Сер. истор. 2020. № 1 (96). С. 144-154.
- Паллас П.С. Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и их подобиях с венгерскими, различествующими от копий римских // Академические известия на 1780 год. 1780. Ч. 5. С. 312–327.
- Пушкарев, А.А. Вавулин М.В. Результаты поиска археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки на стоянке Куяхтанар // Вестник ТомГУ. История. 2019. № 62. С. 165-169. DOI: [10.17223/19988613/62/19](https://doi.org/10.17223/19988613/62/19)
- Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири: межвуз. сб. науч. статей / Отв. ред. Ю.Ф. Кирышин. Барнаул: АлтГУ, 1983. С. 19-34.
- Самашев З.С. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения В.В. Боброва. Кемерово: Изд-во КРИПКИПРО, 2020. Вып. 28. С. 103-118.
- Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. 112 с.: табл., ил.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Сер.: МИА № 88. М.: АН СССР, 1960. 285 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Эбель А.В. Технологии добычи и обработки руды на древнем месторождении в долине р. Себистей Кош-Агачского района Республики Алтай // Мир Евразии. 2011. № 2. С. 69-72.
- Эбель А.В. Новые памятники древней и средневековой металлургии южной части Чуйской котловины // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. С. 51-56.
- Stöllner Th.R. Methods of Mining Archaeology (Montanarchäologie) // Archaeometallurgy in Global Perspective. Methods and Syntheses. New York: Springer, 2014. P. 133-159.
- Stöllner Th., Samashev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kusch G.A., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Tin from Kazakhstan – Steppe Tin for the West? // Anatolian Metal V. / Ed. Ünsal Yalçın. Bochum, 2011. P. 231-252.
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // JAS: Reports. 2020. Vol. 31. № 102383. DOI: [10.1016/j.jasrep.2020.102383](https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102383)

**М. И. Гонтарь,
А. М. Айтуреев,
И. Х. Мирхашимов,
Т. А. Кубеков**

**Максим Игоревич Гонтарь, maxim.gontar@mail.ru
Амангельды Махамбетович Айтуреев, a.aitureyev@kape.kz
Искандар Хайдарович Мирхашимов, i.mirkhashimov@kape.kz
Тимур Айдарханович Кубеков, info@taugoup.kz
Казахстанское Агентство Прикладной Экологии (КАПЭ),
г. Алматы, Казахстан**

Построение внутренней структуры погребальных курганов на основе геофизических изысканий

Аннотация. Изучение объектов культурного наследия без нарушения их структуры и целостности – является главным приоритетом в современной археологии. Современное геофизическое оборудование позволяет применять неразрушающие методы исследования на предварительных стадиях изучения исторических памятников (до момента начала раскопок). Инженерно-геофизические методы успешно используются учеными Англии, России, Египта, Мексики и др. КАПЭ, совместно с казахстанскими археологами, начиная с 2014 г. успешно проводит исследования погребальных курганов с применением геофизических методов. Высокая результативность исследований позволяет сократить сроки и стоимость выполнения работ. В данной публикации на конкретных примерах демонстрируются возможности и границы применимости методов современной малоглубинной геофизики при археологических исследованиях.

Ключевые слова: курганы, инженерно-геофизические методы, малоглубинная геофизика, геолого-геофизический разрез, моделирование

**Максим Игоревич Гонтарь,
Амангелді Махамбетұлы Айтуреев,
Искандар Хайдарұлы Мирхашимов,
Тимур Айдарханұлы Кубеков,
Қазақстан Қолданбалы Экология Агенттігі (ҚҚЭА),
Алматы қ., Қазақстан**

Геофизикалық ізденістер негізінде жерлеу обаларының ішкі құрылымын құру

Аннотация. Мәдени мұра объектілерін олардың құрылымы мен тұтастығын бұзбай зерттеу – қазіргі археологиядағы басты басымдық болып табылады. Заманауи геофизикалық құрал-жабдықтар тарихи ескерткіштерді зерттеудің (қазу жұмыстары басталғанға дейін) бастапқы кезеңдерінде оны бұзбай зерттеу әдістерін қолдануға мүмкіндік береді. Инженерлік-геофизикалық әдістерді Англия, Ресей, Мысыр, Мексика және т. б. елдердің ғалымдары жемісті пайдаланып келеді. 2014 ж. бастап ҚҚЭА қазақстандық археологтармен бірге, инженерлік-геофизикалық әдістерді қолдана отырып, жерлеу обаларына зерттеулер жүргізуде. Зерттеулердің жоғары нәтижелілігі жұмыстарды орындау мерзімдері мен құнын қысқартуға мүмкіндік береді. Осы мақалада нақты мысалдар арқылы археологиялық зерттеулер барысында қазіргі заманғы аз тереңдіктегі геофизика әдістерін қолдану мүмкіндіктері мен шектері көрсетілген.

Түйін сөздер: обалар, инженерлік-геофизикалық әдістер, аз тереңдіктегі геофизика, геологиялық-геофизикалық қима, модельдеу

Maxim Gontar,
Amangeldy Aitureyev,
Iskandar Mirkhashimov,
Timur Kubekov,

Kazakhstan Agency of Applied Ecology LLC,
Almaty, Kazakhstan

Construction of the internal structure of burial mounds based on geophysical surveys

Abstract. The study of cultural heritage objects without violating their structure and integrity is a top priority in modern archaeology. Modern geophysical equipment allows the use of non-destructive research methods at the preliminary stages of the study of historical monuments (before the start of excavations). Scientists from England, Russia, Egypt, Mexico, etc. have successfully used engineering and geophysical methods. KAPE LLC, together with Kazakh archaeologists, has been successfully conducting research of burial mounds using geophysical methods since 2014. High efficiency of research makes it possible to reduce the time and cost of work. In this publication, the possibilities and limits of applicability of the methods of modern shallow-depth geophysics in archaeological research are demonstrated by specific examples.

Keywords: mounds, engineering and geophysical methods, shallow-depth geophysics, geological and geophysical section, modeling

Ежегодно на территории Казахстана обнаруживаются десятки археологических памятников мирового исторического значения, возрастом до нескольких тысяч лет. От Каспия до Алтая проводятся исследования и раскопки уникальных древних городов, поселений, крепостей и погребальных курганов. Археологи ведут кропотливые, продолжительные и дорогостоящие работы. Зачастую исследователи, будучи ограничены сроками полевых изысканий, осуществляют раскопки с применением землеройной техники, что ведет к нарушению целостности памятников и утрате эстетической и исторической ценности. Изучение объектов культурного наследия без нарушения их структуры и целостности – является главным приоритетом в современной археологии.

Учитывая уникальность исторических памятников и требования властей к их сохранности, с середины прошлого века к археологическим исследованиям стали привлекаться геофизики. Использовались неразрушающие методы исследований грунтов и сооружений, что позволило получить положительные результаты при обследовании исторических объектов в Англии, России, Египте и Мексике, Камбодже. Были получены масштабные и качественно новые материалы о планировке погребенных в грунты крупномасштабных объектов (поселений, городов, караван-сараяв) и внутреннем строении сооружений (курганы, захоронения, тоннели, колодцы, водоводы и т. д.). В Казахстане, несмотря на значительное количество найденных захоронений и масштабность проводимых раскопок, геофизические методы в археологии применяются не в полной мере.

Цель нашей публикации – демонстрация эффективности геофизических методов на предварительных стадиях изучения курганов, т. е. до момента начала раскопок. Материалы подготовлены по результатам исследований КАПЭ 2014–2018 гг., проведенных под руководством казахстанских археологов на погребальных курганах Алматинской и Восточно-Казахстанской областей [Жуматаев и др. 2016; Гонтарь и др. 2018].

Объекты исследований

Для демонстрации возможностей малоглубинной геофизики в археологии приведем материалы исследований, проведенных на могильниках Байбалта и Кайрат.

1. Археологический комплекс Байбалта расположен в Тарбагатайском районе Абайской области (ранее ВКО – прим. авт.), в 208 км восточнее п. Аягуз и в 18 км западнее районного центра п. Аксуат (рис. 1). Рабочее название археологическому комплексу дано по названию ближайшей зимовки – Байбалта. Он включает ряды курганов, расположенных по оси ЮВ–СЗ, и группу отдельных

погребально-поминальных сооружений. Работы проводились под руководством профессора А.Т. Толеубаева (КазНУ им. аль-Фараби) в 2018 г., в соответствии с договором с Государственным историко-культурным заповедником «Берел» МКС РК.

Рис. 1. Исследуемый курган комплекса Байбалта

Рис. 2. Исследуемый курган комплекса Кайрат.
Геодезическая разметка кургана для построения геофизических профилей

2. Археологический комплекс Кайрат расположен в Алматинской области в 1 км к ЮЗ от с. Кайрат (Ассы). Могильник был зафиксирован в 1992 г. во время паспортизации памятников археологии Алматинской области [Грошев, Марьяшев 1992]. Включает шесть курганов, расположенных цепочкой по оси С–Ю (рис. 2). Работы выполнены под руководством археологической компании ИП «Ерден» в 2017 г.

Цели и задачи исследований

Цель: Построение внутренней структуры кургана

Задачи:

- Определение мощности, состава и расположения слоев, образующих сооружение;
- Построение схематического геолого-геофизического разреза;
- Моделирование послойной 2D модели внутренней структуры кургана;
- Построение графической 3-D модели кургана с указанием размеров поверхностной и подповерхностной частей.

Методы исследований и аппаратура

Комплекс использованных геофизических методов для изучения курганов включал в себя:

1. Индукционное электромагнитное профилирование;
2. Электротомография методом сопротивлений;
3. Георадиолокационное зондирование;
4. Сейсмотомография.

Геодезическая съемка

Все работы сопровождаются геодезическими измерениями объекта – высокоточной пространственной привязкой точек наблюдения к системе координат и определением высотных отметок относительно уровня моря. Съемка выполняется в системе координат «WGS-84». Использовались GNSS – GPS/GLONASS приемники «Trimble R7» и «Trimble R9S» с радио антеннами «Trimble Zephyr Model2» (рис. 3). Определение координат и высотных отметок пунктов опорной сети проводилось методом «статика». Постобработка съемки пунктов опорной сети проводилась в программах Trimble Business Centre.

На основе геодезической съемки строится цифровая высотная модель кургана, использовавшаяся в дальнейшем для обработки геофизических данных – построения плана кургана (рис. 4) и последующего пространственного моделирования поверхностной и погребенной частей объекта.

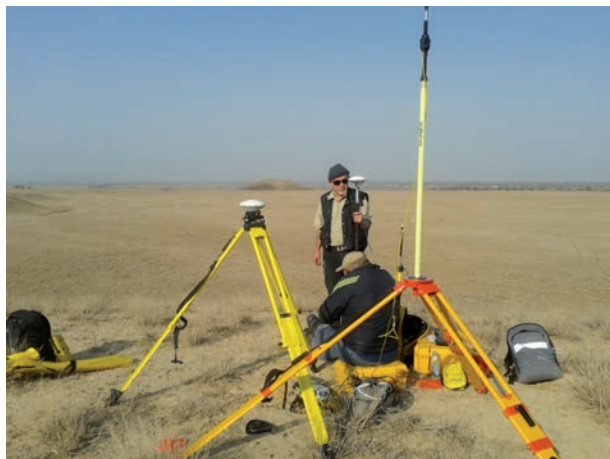

Рис. 3. Комплект GNSS оборудования «Trimble R9S»

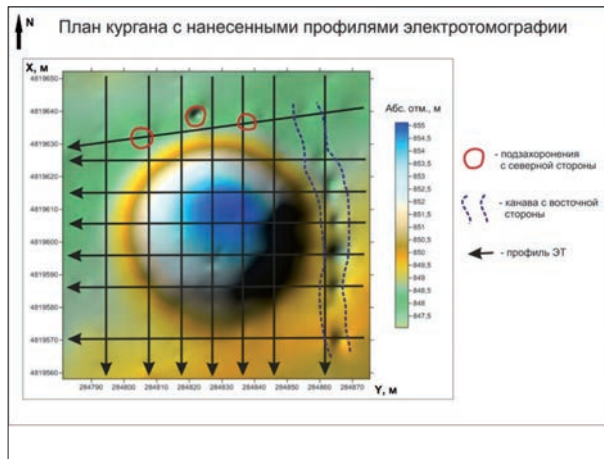

Рис. 4. Трехмерная топомотель кургана с отображением проектных профилей

Общепризнанно, что древние курганы представляют собой сложные архитектурные сооружения, возведенные из различного строительного материала по заранее намеченному плану. Из использованных нами методов наиболее результативными при исследовании внутренней структуры курганов показали себя методики индукционного электромагнитного профилирования и электротомографии методом сопротивлений.

1. Индукционное электромагнитное профилирование (ИЭП) основано на измерении кажущейся удельной электропроводности среды в переменном электромагнитном поле и измерении распределения кажущегося удельного электрического сопротивления в различных грунтах [Карин и др. 2018].

Работы выполнялись аппаратурой «АЭМП-14» по регулярной сети продольных и поперечных профилей с шагом 2 м. Измерения проводились на 14 частотах в диапазоне 2.5–250 кГц, что

Рис. 5. Аппаратура электромагнитного профилирования «АЭМП-14»

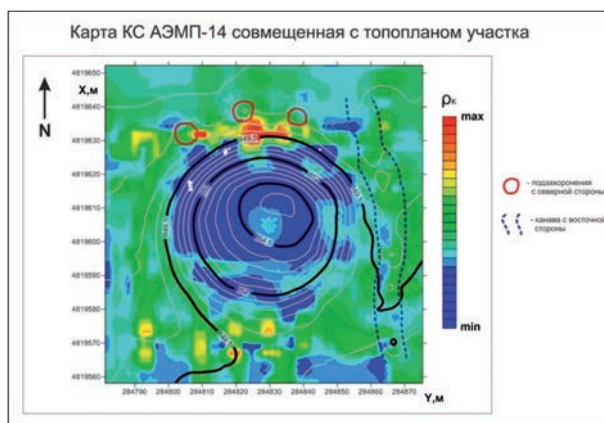

Рис. 6. Курган Кайрат. Карта кажущегося сопротивления ($f=27.779$ кГц), совмещенная с топопланом участка

позволяет получать достоверные данные с глубины до 10 м. Предварительные результаты работы аппаратуры отображаются в реальном времени на экране планшета с автоматической привязкой точки измерения к GPS-координатам (рис. 5). Для обработки данных использовалось программное обеспечение *Golden Software*.

2 Электротомография методом сопротивлений

Методика основана на измерении кажущегося электрического сопротивления слоев геологического разреза и различных типов грунтов [Бобачев и др. 1996]. Метод позволяет изучать сложные двумерные и трехмерные среды конструктивных слоев инженерных сооружений погребенных под слоем грунта (подвалов, водоводов, туннелей, колодцев и т. п.), что существенно расширяет круг решаемых задач, в том числе и археологических.

Использовалась аппаратура «СКАЛА-48» и комплект электроразведочных кос с набором 48 электродов, длина каждой расстановки – 94 м (рис. 7). По всему кургану строилась сеть продольных и поперечных профилей с шагом 10×10 м. Эффективность работы аппаратуры в такой модификации достигает глубины 60–70 м от поверхности [Балков и др.]. Нами были использованы разработки, позволяющие получать данные о характере грунтов, подстилающих курган на глубину до 90 м. Исследования выполнялись с использованием прямой и обратной трехэлектродной установок, что позволило сохранить достаточную глубинность исследований при малом шаге между электродами – 2 м. Выносной питающий электрод находился на расстоянии 500 м от площадки исследований. Для обработки данных применялось программное обеспечение – *RES2DINV*, *RES3DINV*.

Рис. 7. Электроразведочная станция «СКАЛА-48». Расстановка ЭР кос и электродов

Результаты исследований

1 Результаты индукционного электромагнитного профилирования

Наиболее контрастной и информативной получилась карта кажущегося сопротивления, построенная по результатам измерений АЭМП-14 на частоте 27.779 кГц (рис. 6). Карты, полученные на других частотах, – менее контрастны, но все они отражают примерно одну картину – низкоомную аномалию в центре, очевидно связанную с глиняной «шапкой» кургана. Также на высоких частотах хорошо выделяются высокоомные аномалии в северной части кургана, которые в плане коррелируют с расположением отдельных погребальных камер. В целом же карта кажущегося сопротивления, измеренного при электромагнитном профилировании, хорошо соотносится с верхней частью геоэлектрических разрезов по данным электротомографии.

2 Результаты электротомографии методом сопротивлений

После инверсии псевдоразрезов области [Loke, Barker 1995], измеренного кажущегося сопротивления с учетом поправок на рельеф, были получены весьма информативные геоэлектрические 2D разрезы. На всех разрезах четко выделяются высококонтрастные участки, характерные для высокоомных (красно-фиолетовые оттенки) и низкоомных (сине-голубые оттенки) аномалий, которые являются отражением разнородности конструкционных материалов, использованных для постройки кургана (глина, камень, песок, обломочный материал, дерево).

Результаты по кургану Байбалта

На вертикальных и горизонтальных 2D геоэлектрических разрезах кургана Байбалта четко прорисовываются размеры и формы центральной и малой аномалий (фиолетовые и красные оттенки). Предположительно, центральная аномалия является помещением, образованным каменной или деревянной конструкцией. Аномалия располагается в пространстве с менее высоким сопротивлением, что, вероятно, является перекрывающей толщиной, состоящей из плотных скальных горных пород. Области с меньшим и наименьшим значением УЭС (оранжевые, желтые и коричневые оттенки) соответствуют вмещающим грунтам различного состава и плотности: пески, глины, суглинки и др. [Галин 1989].

Малая аномалия имеет овальную форму в сечении и также располагается во вмещающем пространстве с меньшим удельным сопротивлением (рис. 8).

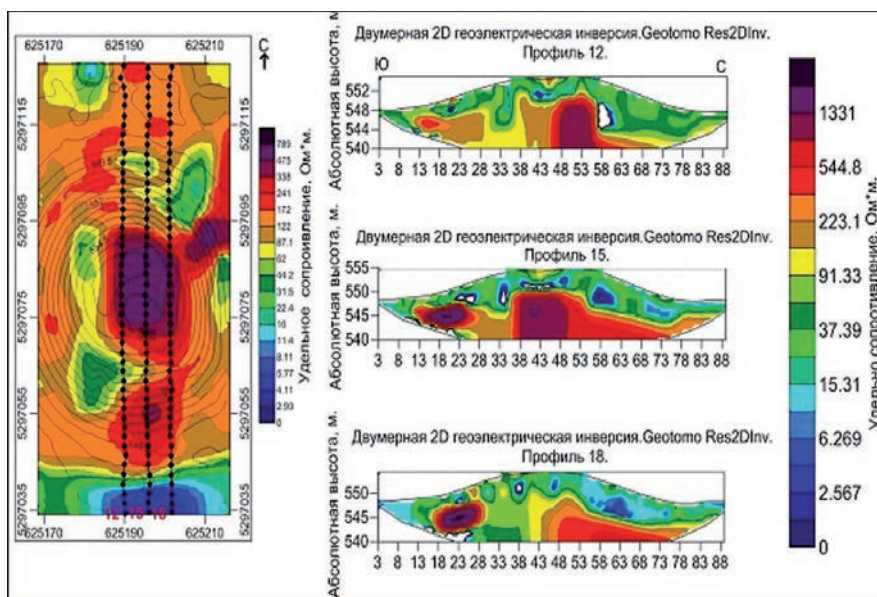

Рис. 8. Курган Байбалта. Горизонтальный геоэлектрический срез на уровне 543 м с совмещенным топопланом (слева).
Вертикальные и геоэлектрические 2D разрезы по профилям (справа)

Обработка и пространственное совмещение 25 разрезов позволило получить 2D вертикальные и 2D горизонтальные послойные планы курганов – карты УЭС на различных глубинных уровнях – от вершины кургана до его основания (рис. 9).

Дальнейшее совмещение 2d вертикальных и 2d горизонтальных проекций стали основой для 3D моделирования архитектуры наружной и подповерхностной частей кургана. На 3D модели внутренней структуры кургана Байбалта четко обрисованы расположение, форма и относительные размеры аномальной зоны внутри тела кургана (красный окрас). Аномалия заключена, или

окружена, пространством с меньшим удельным сопротивлением (розовая область), природа которой неоднозначна и достоверно может быть определена после вскрытия кургана (рис. 10).

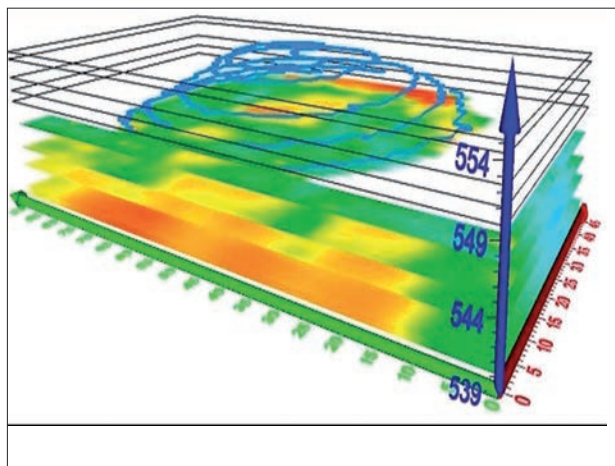

Рис. 9. Курган Байбалта. Трехмерное изображение глубинных геоэлектрических срезов

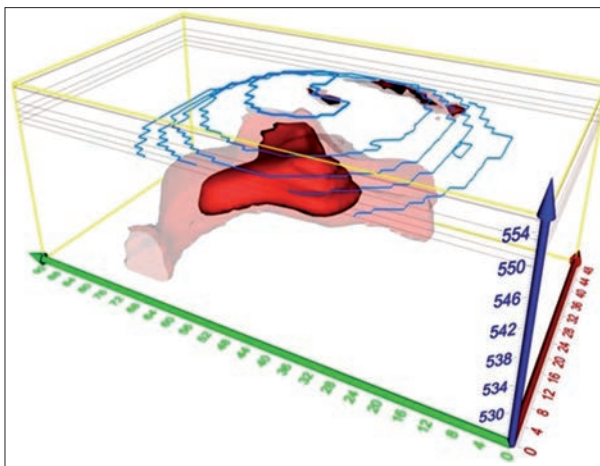

Рис. 10. Курган Байбалта. Трехмерная визуализация центральной высокоомной аномалии

Результаты по кургану Кайрат

Обработка и последующий анализ 45 геоэлектрических разрезов кургана Кайрат показали, что наиболее информативными являются разрезы, проходящие непосредственно через центральную вершину кургана. На них четко выделяются сильный низкоомный слой в верхней части курганной насыпи и аномалия в центральной подповерхностной части. Верхний слой (сине-голубые оттенки) является глиняной «шапкой», предохраняющей конструкцию от попадания воды (рис. 11).

Сильная высокоомная аномалия в центральной части участка (красно-фиолетовые оттенки) имеет практически правильную симметричную форму по направлению с запада на восток и неправильную форму с севера на юг. Этот участок, скорее всего, является основной погребальной конструкцией, которая по опыту раскопок аналогичных курганов может иметь несколько ярусов и уходить достаточно глубоко под землю [Грошев, Марьяшев 1992]. Следует обратить внимание, что величина УЭС в центральной части аномалии принимает

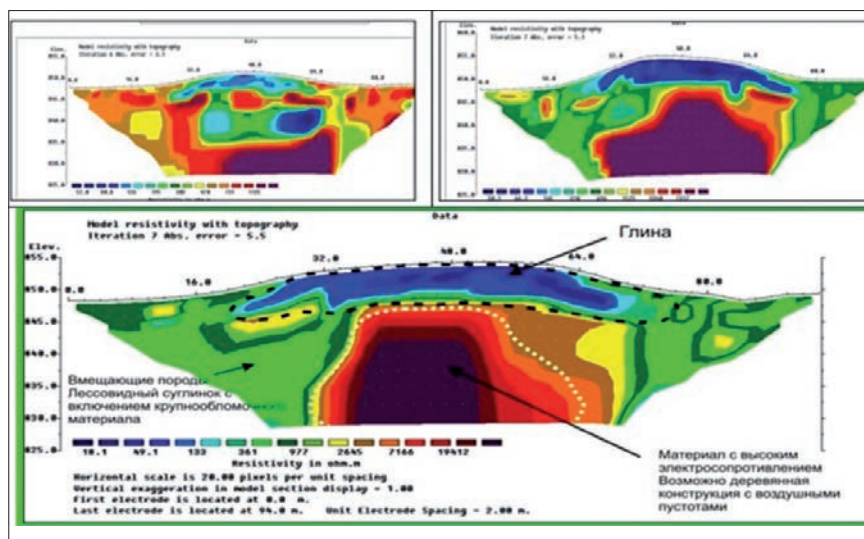

Рис. 11. Курган Кайрат. Вертикальные геоэлектрические разрезы различных секторов кургана

очень большие значения. Это позволяет предположить присутствие деревянной конструкции с сохранившимися воздушными полостями.

На основании полученных 2d вертикальных и горизонтальных проекций были построены несколько вариантов планов строения курганов в 3D форматах. Возможно, это довольно приближенные модели, но ценность для археологов представляет то, что на планах указаны абсолютные высоты, а также размеры, глубины залегания и расположения основных элементов конструкции (рис. 12; 13).

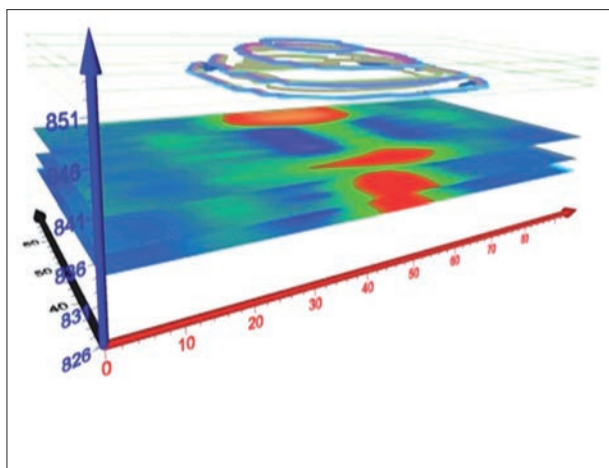

Рис. 12. Курган Кайрат. Трехмерное изображение глубинных геоэлектрических срезов

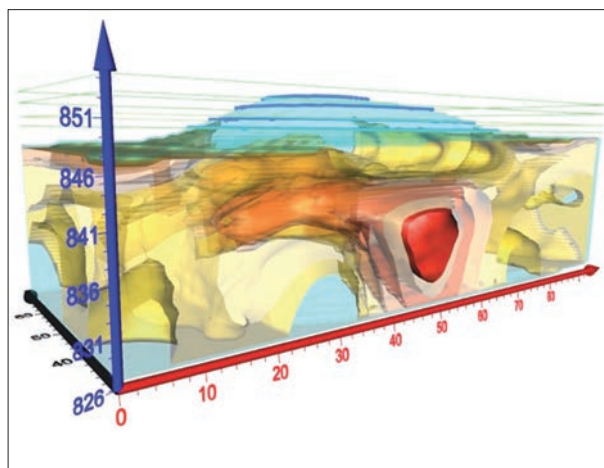

Рис. 13. Курган Кайрат. Трехмерная визуализация центральной высокоомной аномалии

По результатам электротомографии и сейсмотомографии построены схематические геолого-геофизические разрезы курганов, иллюстрирующие размеры, литологическое расчленение, строительные материалы и внутреннее расположение элементов конструкции (рис. 14; 15).

Графическое представление о строении исторического памятника, основанное на результатах геофизических исследований, упрощает процесс изучения исторических объектов, особенно на начальной стадии работ. Значительно упрощается процесс выбора объекта раскопок, когда

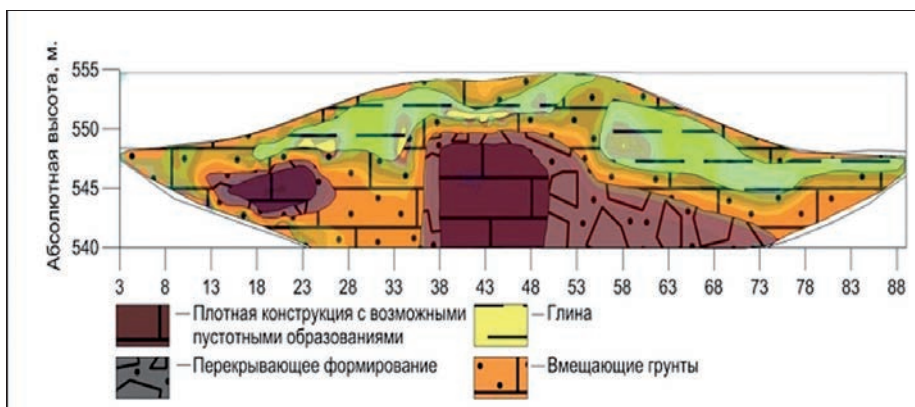

Рис. 14. Курган Байбалта. Схематический геолого-геофизический разрез кургана по профилю № 15

археологи имеют дело с погребальными комплексами, включающими несколько курганов [Гонтарь и др. 2018]. Как показал опыт исследования комплекса Байбалта, предварительная геофизическая съемка четырех курганов позволила археологам выбрать один – наиболее перспективный для раскопок курган. Это позволило значительно

сократить сроки работ и сохранить в целости другие исторические объекты.

Выводы

1. Результаты работы КАПЭ демонстрируют вполне успешное применение методов инженерной электротометрии на погребальных курганах.

2. Задача определения внутренней структуры кургана решается достаточно уверенно при ис-

пользовании электротомографии в силу хорошего контраста различных конструктивных элементов захоронения в поле электрических сопротивлений. Практика использования данного метода показывает, что детальность исследования внутренней структуры кургана можно увеличивать многократно путем уменьшения шага между электродами и расстояние между профилями.

3. Электромагнитное профилирование вполне адекватно показывает приповерхностные особенности конструкции кургана, которые коррелируют с данными электротомографии. Такой метод в комплексе с магнитометрией и многоканальной георадиолокацией будет полезен при картировании уже разрушенных курганов, древних фундаментов и других археологических объектов, положение которых не читается по рельефу местности.

4. В перспективе использование современных многоканальных электроразведочных систем позволит выполнять полноценную трехмерную томографию и получить наиболее точную модель внутренней структуры строений и сооружений, погребенных под слоем земли и глины.

5. Использование комплекса геофизических методов позволяет оперативно и без разрушения получать информацию о строении культурно-исторических объектов. Измерения лишь по двум ортогональным профилям через центр кургана дают археологу конструктивное представление о внутренней архитектуре захоронения. Это позволяет эффективно спланировать и провести археологические работы, сэкономить время и средства, сохранить памятники культуры в целости и сохранности.

Рекомендации

По завершению общего комплекса полевых и камеральных работ было бы желательно проводить сопоставление результатов геофизических исследований и археологических изысканий. Это позволит повысить качество полевых геофизических исследований и продвинет развитие общей методологии работ на стыке археологии и геофизики.

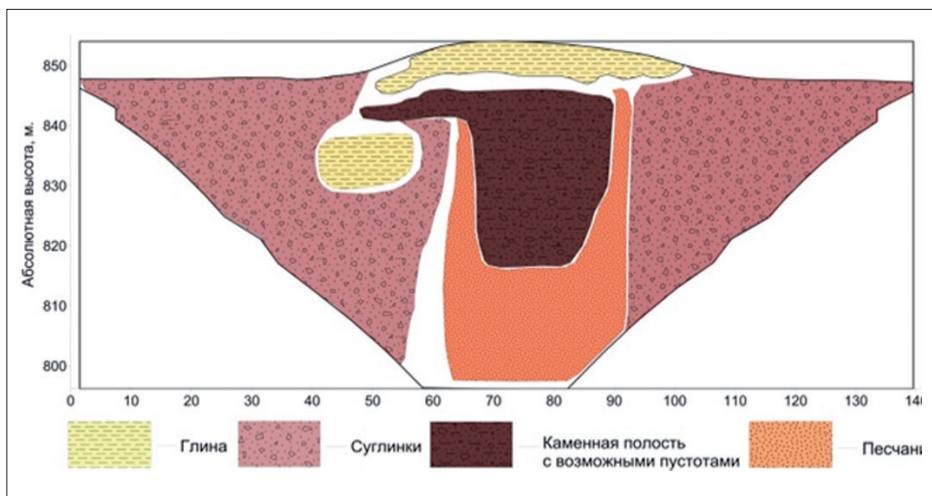

Рис. 15. Курган Кайрат.
Схематический геолого-геофизический разрез кургана по профилю № 1

ЛИТЕРАТУРА

Балков Е.В., Панин Г.Л., Манштейн Ю.А., Манштейн А.К., Белобородов А.К. Электротомография: аппаратура, методики и опыт применения // Геофизика. 2012. № 6. С. 54-63.

- Бобачев А.А., Модин И.Н., Перваго Е.В., Шевнин В.А.* Многоэлектродные электрические зондирования в условиях горизонтально-неоднородных сред // Разведочная геофизика. Обзор. М.: Акционерн. о-во закр. типа «Геоинформмарк», 1996. С. 47-50.
- Галин Д.Л.* Интерпретация данных инженерной геофизики. М.: Недра, 1989. 112 с.
- Гонтарь М.И., Мирхашимов И.Х., Павлов И.И., Толегенов Е.Т., Нурпеисов М.М.* Изучение погребального кургана древних кочевников Казахстана с использованием методов малоглубинной геофизики // Инженерная и рудная геофизика—2018: м-лы 14-й науч.-практ. конф. (г. Алматы, 23–27 апреля 2018 г.). URL: www.eage.ru (дата обращения 22.07.2022)
- Грошев В.А., Марьяшев А.Н.* Отчет об археологических исследованиях и паспортизации 1992 г. в Алма-Атинской и Талды-Курганской областях. Алма-Ата, 1992 // Архив ИА КН МОН РК, д. 2384.
- Жуматаев Т.А., Гонтарь М.И., Мирхашимов И.Х., Переверзев Ю.С., Нурпеисов М.М.* Применение комплекса геофизических методов исследования при изучении погребальных памятников эпохи саков в окрестностях с. Маловодное (Казахстан) // Инженерные изыскания. 2016. № 8. С. 64-68.
- Карин Ю.Г., Балков Е.В., Фадеев Д.И., Манштейн А.К., Панин Г.Л., Алымов А.О., Романов Д.Б.* Электромагнитное профилирование компактной аппаратурой: новый подход и результаты применения // Вестник НГУ. Сер.: Информационные технологии. 2018. Т. 16, № 4. С. 68-78.
- Loke M.H., Barker R.D.* Least-squares deconvolution of apparent resistivity pseudosections // Geophysics. 1995. No. 60. P. 1682-1690.

А. Г. Акулов

Алексей Гаврилович Акулов,
независимый исследователь,
г. Санкт-Петербург, Россия; elteber@yandex.ru

От Окунева до «небесных» тюрков: принцип мегарона в мемориальной архитектуре евразийских степей*

Аннотация. В статье сделана попытка определить происхождение прямоугольных и трапециевидных планировок курганных мемориалов степных народов и обозначить основные вехи эволюции таких планировок с III тыс. до н.э. до I тыс. н.э. Изначально в основе таких планировок лежал принцип мегарона, заимствованный в балканских и дунайских культурах племенами окуневско-чемурчекской волны. Основанные на этом принципе планировки мемориальных памятников распространились во многих культурах бронзового и раннего железного веков востока степного пояса Евразии, от федоровской и карасукской культур до памятников саков и усуней, сопрягаясь с идеей погребального сооружения как терминала, с которого покойный отправляется навстречу солнцу. Поздний же расцвет подобных планировок мы видим в мавзолеях нобилей тюркских каганатов.

Ключевые слова: мемориалы, окуневская культура, чемурчекская культура, андроновская культура, курганы саков, тюркские мавзолеи, мегарон

Алексей Гаврилович Акулов,
Тәуелсіз зерттеуші, Санкт-Петербург қ., Ресей

Окуневтен «аспан» түркілеріне дейін: евразия далаларындағы мемориалды архитектурадағы мегарон принципі

Аннотация. Мақалада дала халықтарының обалы мемориалдарының тікбұрышты және трапеция тәрізді жоспарлануының пайда болуын анықтауға және б.д.д. III мыңж.-тан б.д.д. I мыңж.-қа дейін мұндай жоспарлау эволюциясының негізгі кезеңдерін анықтауға әрекет жасалды. Бастапқыда мұндай жоспарлаудың негізіне балқан мен дунай мәдениеттерінде окунев-чемурчек толқыны тайпалары алған мегарон принципі жатты. Мемориалдық ескерткіштерді жоспарлаудың осы қағидатына негізделген Еуразия дала белдеуінің шығысындағы қола және ерте темір дәуірінің көптеген мәдениеттері—федоров және қарасұқ мәдениеттерінен бастап сақ және үйсін ескерткіштеріне дейін тарады, марқұмның күнді қарсы алуға аттанған терминал секілді жерлеу құрылысы идеясымен ұштастырылды. Мұндай жоспарлардың кеш дамуын біз түркі қағанаттарының нобилей кесенелерінен көреміз.

Түйін сөздер: мемориалдар, окунев мәдениеті, чемурчек мәдениеті, андронов мәдениеті, сақ обалары, түркі кесенелері, мегарон

Alexey Akulov,
Independent researcher, St. Petersburg, Russia

From Okunev to the “heavenly” Turks: the megaron principle in the memorial architecture of the Eurasian Steppes

Abstract. The article attempts to determine the origin of rectangular and trapezoidal layouts of kurgan memorials of steppe peoples and to identify the main milestones in the evolution of such layouts from the 3rd millennium BC to the 1st millennium AD. Initially, such layouts were based on the megaron principle, borrowed in the Balkan

and Danube cultures by the Okunevo-Chemurchek wave tribes. Based on this principle, the layout of memorial monuments spread in many cultures of the Bronze and Early Iron Ages of the east of the steppe belt of Eurasia, from the Fedorov and Karasuk cultures to the monuments of the Sakas and Wusuns, interfacing with the idea of a funeral structure as a terminal from which the deceased goes to meet the sun. We see the late flourishing of such layouts in the mausoleums of the nobles of the Turkic khaganates.

Keywords: memorials, Okunev culture, Chemurchek culture, Andronovo culture, burial mounds of Saka, Turkic mausoleums, megaron

С открытием в последние полтора века свиты курганных культур азиатских степей стало понятно, что, так или иначе, они родственны синхронным им культурам степей Восточной Европы. Однако в области мемориального строительства тех и других есть довольно-таки радикальное различие. Если северопонтийские курганы за ничтожными исключениями, всегда круглые в плане, в степях Казахстана, Южной Сибири и Внутренней Азии значительную долю курганных мемориалов во все времена составляют прямоугольные и трапециевидные.

Феномен этот не проходил мимо внимания исследователей, но адекватных объяснений его появлению предложено не было. В начале в восточных степях, вместе с афанасьевской волной мигрантов, появлялись простые круглые погребальные сооружения. Прямоугольные ограды начинали сооружаться в Окунево и по умолчанию входили в некий комплекс инноваций, связанный с «реконкистой» лесного окружения. Никто не задавался вопросом – что заставило лесных дикарей внести кардинальные коррективы в планировку мемориалов, значительно усложнив их? Работа И.П. Лазаретова [Лазаретов 1997] обозначила новое направление поисков истоков подквадратных планировок – Восточную Европу – однако, там все известные курганы были круглыми.

Анализ чемурчекских памятников и обоснование их принадлежности мигрантам из Западной Европы [Ковалев 2005; 2011] дали некий ориентир в поисках происхождения прямоугольных оград. Часть чемурчекских оград – казахстанские, западно-монгольские, джунгарские – как и окуневские, в своей планировочной основе имели прямоугольник или квадрат. Правда, эти ограды датировались никак не раньше окуневских: XXVI-XXV вв. до н.э. – время начала обеих культур; зато у них имелись иные общие черты, например, крупные камни или менгиры, стоящие в углах ограды или маркирующие жертвенную площадку перед ней. Похоже, что некий прообраз, лежащий в основе как окуневских, так и части чемурчекских оград, был один и тот же.

Но что же послужило этим прообразом? Южно-французские аналогии, приводимые А.А. Ковалевым, весьма отдаленные: различные варианты оформления дольменов и гробниц окружающей каменной насыпью, имеющей как круглую или овальную, так и подквадратную с закругленными углами, и трапециевидную форму. Какова причина выбора округлого или подквадратного абриса сооружения в плане – неясно. Четкие углы редки, оформление их менгирами – отсутствует. В отличие от мемориалов окуневско-чемурчекской волны в Центральной Азии. Если в оградах булганского типа «прямоугольность» еще не очень выразительна, то в окуневских и джунгарских, чемурчекских оградах углы ясные, «звенящие»; сам абрис этих оград в плане, очевидно, отражает некую концепцию (рис. 1, 1-5).

Кроме того, и там, и там мы видим одну и ту же весьма любопытную структурную схему. Прямоугольный в плане комплекс вытянут с запада на восток и разделен на две примерно равные части. Его наиболее значимая часть с захоронениями находится в западной стороне; в центре ее находится центральное, основное погребение, иногда отмечаемое особым надмогильным сооружением. Восточную сторону комплекса занимает площадка для посещений, жертвоприношений и прочих церемоний, в ее противоположном от захоронений конце располагается вход. Сама эта восточная поминальная часть часто делится на три зоны: в центре, вдоль генеральной оси всего комплекса, располагается вытянутая прямоугольная площадка, где непосредственно приносятся жертвы, она

фланкируется с северной или с северной и южной сторон поминальными стелам, за ними до боковых сторон ограды располагаются свободные пространства.

Все это не просто напоминает, по сути это и есть вариация прекрасно знакомой нам схемы, лежащей в основе чуть ли не всех храмовых сооружений Европы от микенской Греции до христианских соборов: алтарная часть – целла; далее пронаос с наиболее значимым пространством вдоль оси, в соборах – центральным нефом, вход. По сути, мы имеем дело ни с чем иным, как с планировкой мегарона, приспособленной для нужд мемориального комплекса под открытым небом. С ее ясным выделением двух функциональных частей – целлой для погребений и вестибюлем для поминальных церемоний (рис. 1, 6-13).

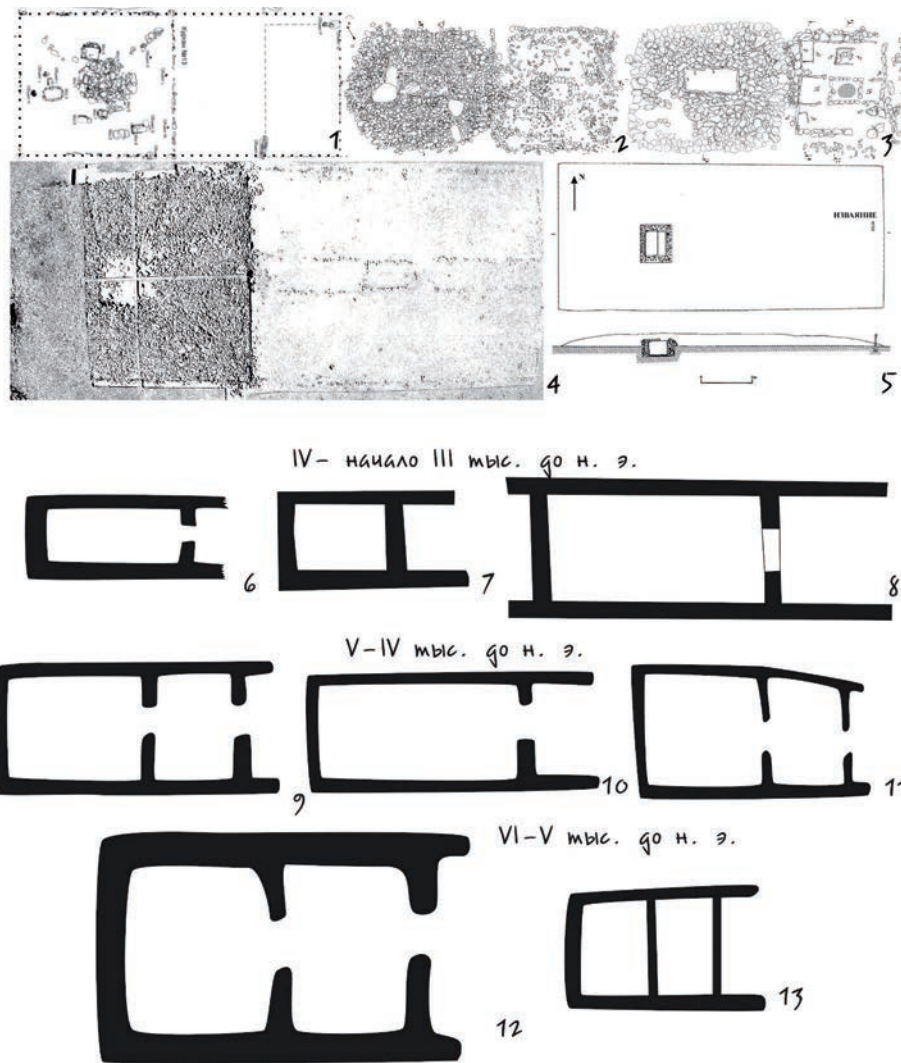

Рис. 1. Мемориальные комплексы Центральной Азии и мегароны Балкано-дунайского мира: 1 - Иткуль (Окунево); 2 - УлаанХудаг; 3 - Хуурай Салааныам; 4 - Хар Чулуут; 5 - Тоганьбай (2-5 – чемурчекская культура); 6-7 – Троя I; 8 – Троя II; 9 – Зенгеварконь (Лендьел I); 10 – Бранч (Лендьел III); 11 – Михельсберг; 12 – Баньца (Винча); 13 – Сескло. 1 – по: [Поляков 2014]; 2-5 – по: [Ковалев 2015]; 6-8 – по: [Werner 1993]; 9-13 – по: [Сафронов 1989]

Мегарон известен в ранней Европе с VI-V тыс. до н.э., встречаясь в Винче, Лендьеле, Михельсберге и культуре Димини, в III тысячелетии он весьма распространен в эгейском культурном мире (Полиохни, Троя I-II и т. д), связанном, в свою очередь, с балкано-дунайскими культурами типа Бадена-Коцофени-Езеро [Сафронов 1989]. Насколько возможно себе представить, движение на восток «прачемурчекских» коллективов строителей мегалитических гробниц Лангедока, Оверни, Анжу в XXVII–XXVI вв. до н.э. не могло миновать северных и северо-восточных предгорий Альп, а затем и Карпатской дуги. Где-то там ими и была адсорбирована общая структурная идея мегарона, примененная затем к погребальному пространству. Затем «прачемурчеки», как и «праокуневцы» приняли участие в переформатировании пространства Восточной Европы, в результате которого

там возникли культуры шнуровой керамики младшей ступени и катакомбная культура: окуневцы с чемурчеками же оказались далеко на востоке. С этого времени планировка мемориала, как мегарона, становится обычным для обеих культур.

Это иной, гораздо более зрелый с точки зрения архитектуры как искусства, концепт мемориального комплекса, нежели чем принесенный в восточные степи с первой, афанасьевской волной. Здесь главное – даже не то, что радиально-концентрическая модель была заменена на осевую, векторную, с выделением фасадной, боковых, тыловой сторон. Самое важное – впервые размытый в пространстве мемориальный комплекс «кургана с околочурганым пространством» обрел ясность, четкость, структурную упорядоченность архитектурного ансамбля, в своих рамках соединяющего две функциональных зоны: погребальную «зону мертвых» и церемониальную «зону живых». От неопределенности церемониальной зоны не остается и следа, она также без остатка включена именно во внутреннее пространство памятника, граница ее также тем или иным образом обозначена. В ряде чемурчекских оград (рис. 1, 3, 5) эти особенности выражены яснее, чем в окуневских, что лишней раз подтверждает их приоритет в разработке этой модели погребального памятника.

Однако планировка «мемориальных мегаронов» не только осевая, но и билатеральная. Двусторонняя симметрия, в сочетании с четкой определенностью функциональных зон, подразумевает осознанную систему в своей основе; создает отточенную ясность плана, равновесие, ритм, единство и стабильность самого ансамбля. В конечном итоге это приводит к пониманию не только устройства сооружения, но и целей, обусловивших именно такую его структуру. Каждая деталь здесь обретает дополнительный смысл как элемент единой большой композиции: в том числе и окружающий ландшафт и находящийся в этом пространстве человек. Первый является оправой или фоном всей композиции; конечными декорациями сцены, на которой разыгрываются мистериальные постановки. Главным элементом здесь, несомненно, является восход солнца, на который ориентированы архитектурные перспективы мемориалов: весенне-летний в Окуневе, осенний у чемурчеков. Человек же двигается или стоит на месте согласно концепции, заложенной в план, воодушевляется или успокаивается развитием архитектурных тем, уравновешенными повторениями. Все это приводит к кульминации и катарсису, когда ось симметрии на востоке получает сильнейшее перспективное завершение восходящим солнцем. Это – момент манифестации высшего порядка, великолепия, силы, монументальности и вневременности.

«Симметрия, когда она использована разумно, – пишет Дж. Саймондс [Саймондс 1965] – является приемом, обладающим уникальной и неоспоримой силой». Путь к совершенству окуневских и чемурчекских оград еще долг. Однако заключенная в новом подходе к мемориальной архитектуре сила и мощь уже ощущаются. И, кажется, основа этой силы и мощи – целеустремленность, странным, почти мистическим образом сопрягающаяся с целеустремленностью их гениальных строителей, пришедших с удаленных на много тысяч километров к западу территорий. По сути, теперь старой модели курганного мемориала, «дому мертвых», статичному, центростремительному, с круглым центральным сооружением и круглыми же зонами периферических объектов всегда подспудно будет противостоять восходящий к планировке мегаронов «космический терминал», открывающий перспективу на «воздушную тропу», ведущую к возвращению в солнечный свет. И это сразу создает потенциальное разнообразие архитектурных композиций курганных могильников: как в пространственных взаимоотношениях мемориалов между собой, так и в их взаимодействии с объектами ландшафта.

Начиная с той эпохи, две модели мемориала – одна, «дом мертвых», другая осевая, с прямоугольным сооружением, открывающимся в сторону солнечного восхода, очевидно –

терминал, точка отправления в посмертную дорогу, сосуществуют в восточных степях. В разное время и в разных регионах то одна, то другая получают преобладание. В эпоху поздней бронзы в любой культурной общности азиатских степей – андроновской, карасук–ирменской, монгун-тайгинской, мунх-хайрханской – встречаются мемориалы обеих типов.

Апогей строительства мемориалов «восточной ориентации» наступает в финале эпохи бронзы в Центральной Монголии [Ковалев и др. 2014] (рис. 2). В это время в регионе происходит резкий рост масштабов мемориальных ансамблей обеих типов. К этому моменту у большинства трапецевидных и прямоугольных оград, ориентированных на восток, пропадает архитектурное оформление церемониальных площадок. Что не значит, что они перестают существовать – фасадная сторона оград, их архитектурная перспектива всегда находится на востоке, обычно с некоторым отклонением на юг (ориентация на восход в Самайн, начало зимы, праздник перераспределения скота и исчезновения преград между мирами мертвых и живых). Кроме того, к фасадной стороне могут идти проходы от центрального кургана, а за ней – находятся дополнительные насыпи. Наконец, именно в восточную сторону обращены стоящие в пространстве мемориала оленные камни преимущественно монголо-забайкальского типа. То, что их в пространстве памятника много, подчеркивает его коллективность, олицетворение им мощи и славы целого клана. Сочетание открывающих перспективу на восход планировок, формы стоящих там оленных камней, смотрящих туда же лицевой стороной, взмывающих вверх изображений на них – придает невиданную динамику архитектуре памятника.

Это память об эпохе, о событиях, происходивших тогда, об успехах и победах, достигнутых в это время, о полученных обществом уроках. Эта та память о прошлом, которая помогает сплотить людей для достижения лучшего будущего. И сами эти памятники, и даже образы их в воспоминаниях способны воодушевить людей, прийти им на помощь в трудную минуту, добиться единства их целей. Мемориал уже перерастает простые погребально-поминальные обряды и предстает пространством для более универсальных мистерий и экзистенциальных переживаний. Именно многократно возросшие масштаб и сложность этих памятников делает окончательно ясным, что они построены, безусловно, по умершим, но не для них, не для сил потустороннего мира, а для соплеменников и их потомков.

Заложенная в планировке этих мемориалов архитектурная перспектива на восход, обращенные туда же лицевые грани оленных камней, динамичность архитектурного образа, сотни жертвоприношений коней, размещенных перед основным сооружением в этом направлении, очевидно, воплощают в этих памятниках *идею ухода, путешествия за грань мира*. Протагонисты мемориалов покидают Юдоль навсегда. Рвущиеся ввысь олени на стоящих здесь камнях монголо-забайкальского типа подчеркивают и представляют суть этих памятников в масштабе одной стелы. И, нужно сказать, что впервые в погребальной архитектуре племен евразийских степей, если не всего индоевропейского мира, был воплощен столь мощный образ Ухода за Грань.

В железном веке эта архитектурная традиция, сойдя на нет в Центральной Монголии, породила несколько изводов, среди которых наиболее яркий – минусинский. Шедевры, созданные в рамках этой ветви традиции, могут справедливо считаться лучшими произведениями мемориальной архитектуры Евразии [Акулов 2018]. Но нас сейчас интересует не столько эта целостная и мощная местная традиция, сколько неожиданные проявления «прямоугольности», «пирамидальности» как отдельных насыпей, так и пространства мемориала вообще, обнаруживающиеся в шеренгах ансамблей высокого статуса, принадлежащих сакам Казахстана и Саяно-Алтая, где господствует в это время первая, статичная модель мемориала как «дома мертвых». Первые мы видим в мемориалах Елеке-Сазы, Асы Сага, Жуан-Тобе [Гасс 2011], в Пазырыке; вторые – в Бешатыре и

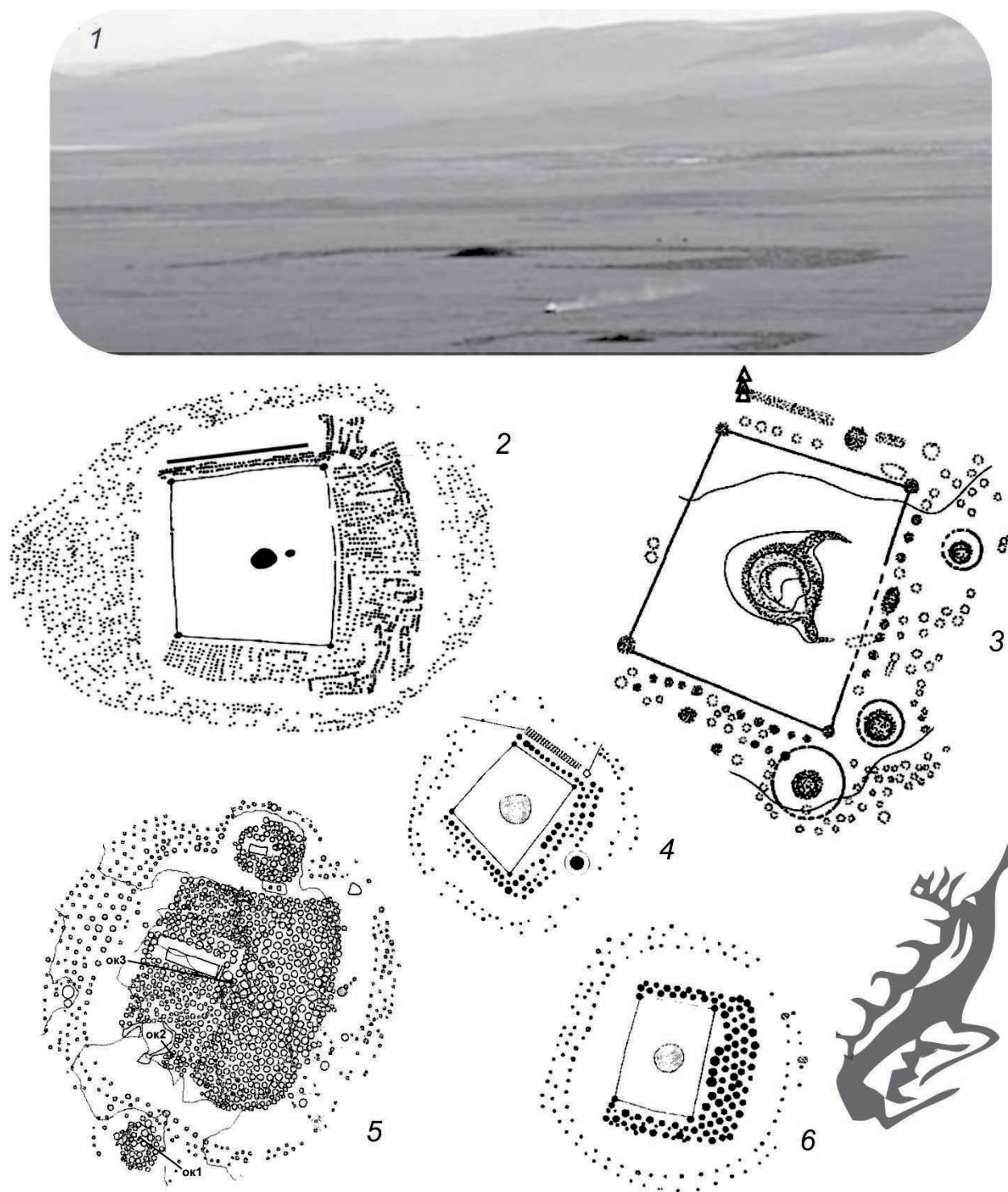

Рис. 2. Централно-монгольская архитектурная традиция финала эпохи бронзы: 1 – Урт Булагын; 2 – Цацын Эрег; 3 – Ушкийн Увэйр; 4, 6 – долина р. Хануй; 5 – Жаргалант. 1 - из архива автора, автор фото неизвестен; 2 – по: [Zazzo et al. 2019]; 3-6 – по: [Ковалев и др. 2014]

на Кёктонском поле Туранской котловины. Пока не удастся четко уяснить, кто именно погребен под пирамидальными насыпями – это могут быть клановые, субэтнические, половые, наконец, кастовые различия внутри общего слоя нобилей.

Что касается переформатирования самого пространства высокостатусного мемориала, то мы видим тенденцию к воскрешению здесь принципа мегарона с высвобождением в одной из сторон прямоугольного пространства площадки для церемоний и ритуалов (рис. 3). На Кёктонском поле она находится в юго-восточной части общего пространства мемориала; на Большом Бесшатырском кургане, наоборот, насыпь расположена к юго-юго-востоку, церемониальная площадка же на север-северо-западе. То есть этот принцип в планировке мемориалов продолжает существовать и «пунктирно» проявляется в различных культурах востока скифского мира. Можно ожидать, что еще дальше на восток, там, где изначально распространена прямоугольная или трапециевидная форма оград мемориалов, такие «мегароноподобные» планировки в это время встречаются чаще.

С началом хуннской эпохи, во время упадка строительства мемориалов, в хаосе людских движений проследить за изменениями крупных архитектурных ансамблей становится нелегкой задачей. Тем не менее, подобную планировку мемориалов мы встречаем на Чаш-Тепе [Раппопорт, Трудновская 1979]. Эти прямоугольные пространства, огражденные валами, исследователи назвали «дворами». Они ориентированы длинной осью на осенне-зимний восход и по этой оси в узких сторонах прямоугольного вала имеют узкие проходы. Там, где в огражденном пространстве стоят курганы, они, как и в Бесшатыре, сосредоточены в юго-восточной части сооружения; однако есть «дворы» и без видимых объектов внутри. Образующие ряды общим направлением от памятника прямоугольные платформы с остатками костей животных, фрагментами керамики и угольками на древней поверхности, окруженные ровиками, судя по всему, представляют собой аналог каменных колечек и круглых кладок центрально-монгольских оград (рис. 4, 5). Таким образом, особенности планировки памятника частично восходят к скифской архитектурной традиции, частично к традициям более восточных территорий, что вполне соответствует генеалогическим легендам и другим сведениям о происхождении рода Ашина. Не противоречит принадлежности им этих памятников и пряжка, найденная в ограде и относящаяся к концу IV – началу V в.¹ Если судить по ее датировке, то комплексы сооружений, связанных с «дворами», относятся к посткангюйскому времени и связаны с мобильными скотоводами – «людьми шатров» – проживавшими тогда в этих местах, возможно, например, хионитами. В общем, археологические материалы делают довольно убедительной версию П.П. Азбелева [Азбелев 2008], о том, что именно в этом кругу памятников следует искать прототипы мемориалов Первого Каганата. При этом прямоугольность оград и ряды жертвенников вне их говорят об еще одном, центрально-азиатском истоке архитектурных особенностей этих мемориалов – совпадая с нарративами о ранней тюркской истории.

По сути, в мемориалах тюркских каганов (рис. 4, 6-8) к существующим уже на «дворах» Чаш-Тепе архитектурным элементам добавляется лишь поминальный храм и аллеи балбалов. При этом площадка на главной архитектурной оси раскопанного «двора» вполне может также быть не погребальным, но культово-поминальным местом, своеобразной часовней под открытым небом. Оформляться как поминальный павильон, на столбах под черепичной крышей она, очевидно, стала уже под китайским влиянием. Что до балбалов, аналогов им в чаштепинских архитектурных ансамблях не наблюдается, зато на Алтае, где протекал почти столетний следующий этап тюркской истории, они известны и в Буграх, и на Пазырыке и, видимо, были заимствованы Ашинами у местных телеских племен.

¹ В личных беседах туркестанские археологи утверждали, что им встречались подобные памятники и в районе хребта Каратау, однако съездить и взглянуть на них мне так и не удалось.

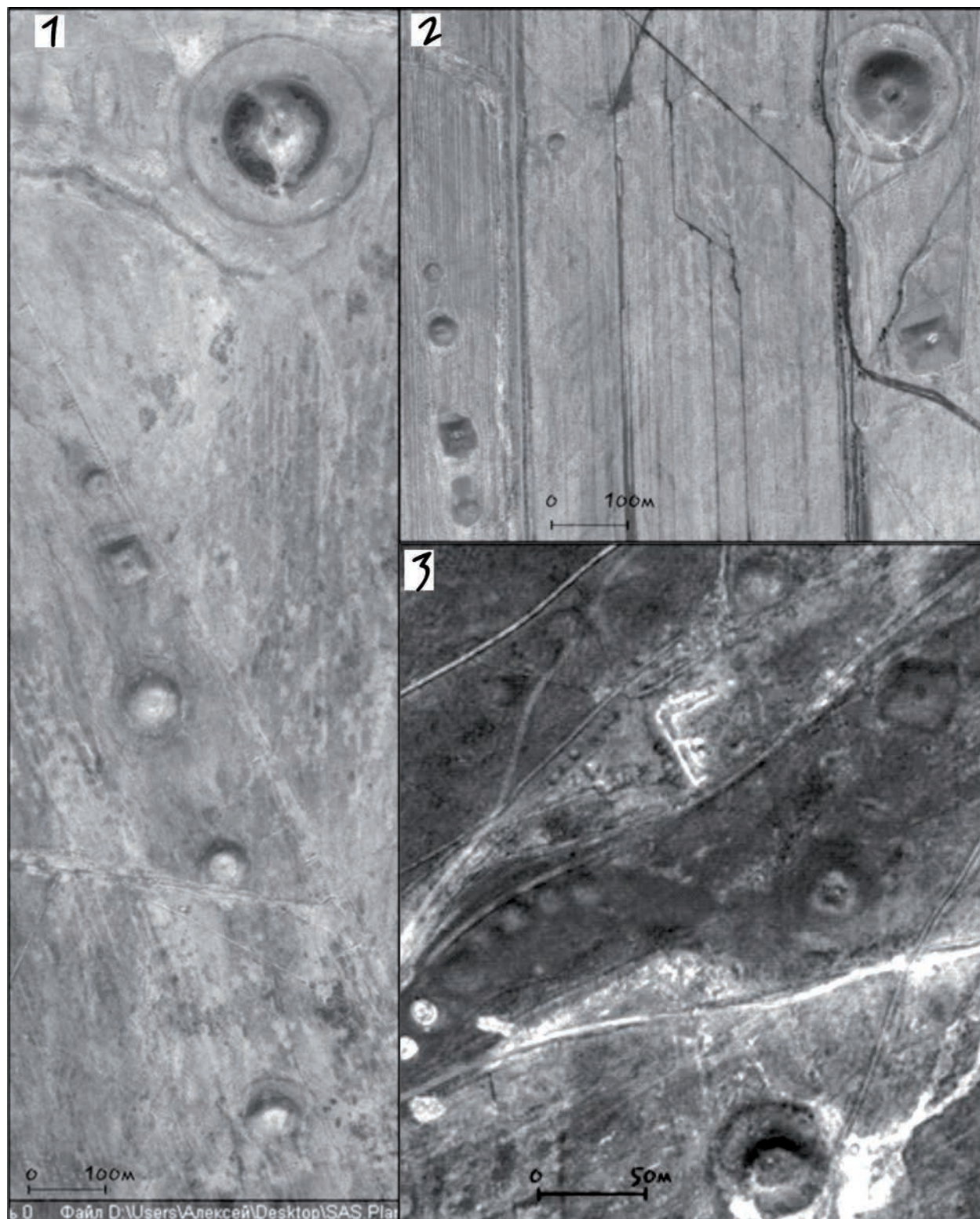

Рис. 3. Конические (круглые) и пирамидальные (прямоугольные) насыпи на мемориалах высшей сакской знати: 1 – Асы Сага; 2 – Жуан Тобе; 3 – Елеке Сазы (по: [Гасс 2011])

Несмотря на то, что мемориалы тюркских каганов не очень велики, Бугутский, например, всего 60×30 м, цепочки балбалов, протягивающиеся на сотни метров и километры, задают этим совершенно новый масштаб сооружения [Войтов 1996]. С архитектурной точки зрения этот ряд камней, взявшихся непонятно откуда и перегородивший пространство – удочка, заброшенная далеко на восток, чтобы привлечь внимание путника. Когда ты идешь мимо такой цепочки в течение получаса, сначала едва различая мемориал на другом ее конце, волей-неволей проникаешься уважением к его протагонисту, независимо от того, олицетворяют ли эти балбалы собственноручно убитых им врагов или это просто жертвенные камни. Когда же ты смотришь вдоль уходящей цепочки с мемориала, ты буквально видишь материализованную «алую дорогу», по которой «на бледном коне по воздушной тропе» исчезла навсегда за горизонтом стеклистая тень протагониста. Эти длиннейшие цепочки – пожалуй, последняя инновация в курганном строительстве степей, еще один способ модифицировать пространства, делая их средоточием памяти и славы кланов правителей.

Однако поражают не только инновации, но и фантастическая традиционность. Сравнивая чемурчекские ограды джунгарского типа и мемориалы каганов, образы, воплощенные в каменных изваяниях на них, становится очевидна необычайная устойчивость традиции, неизменной в течение, как минимум, трех тысячелетий. И это говорит не о косности культуры, но о полном соответствии

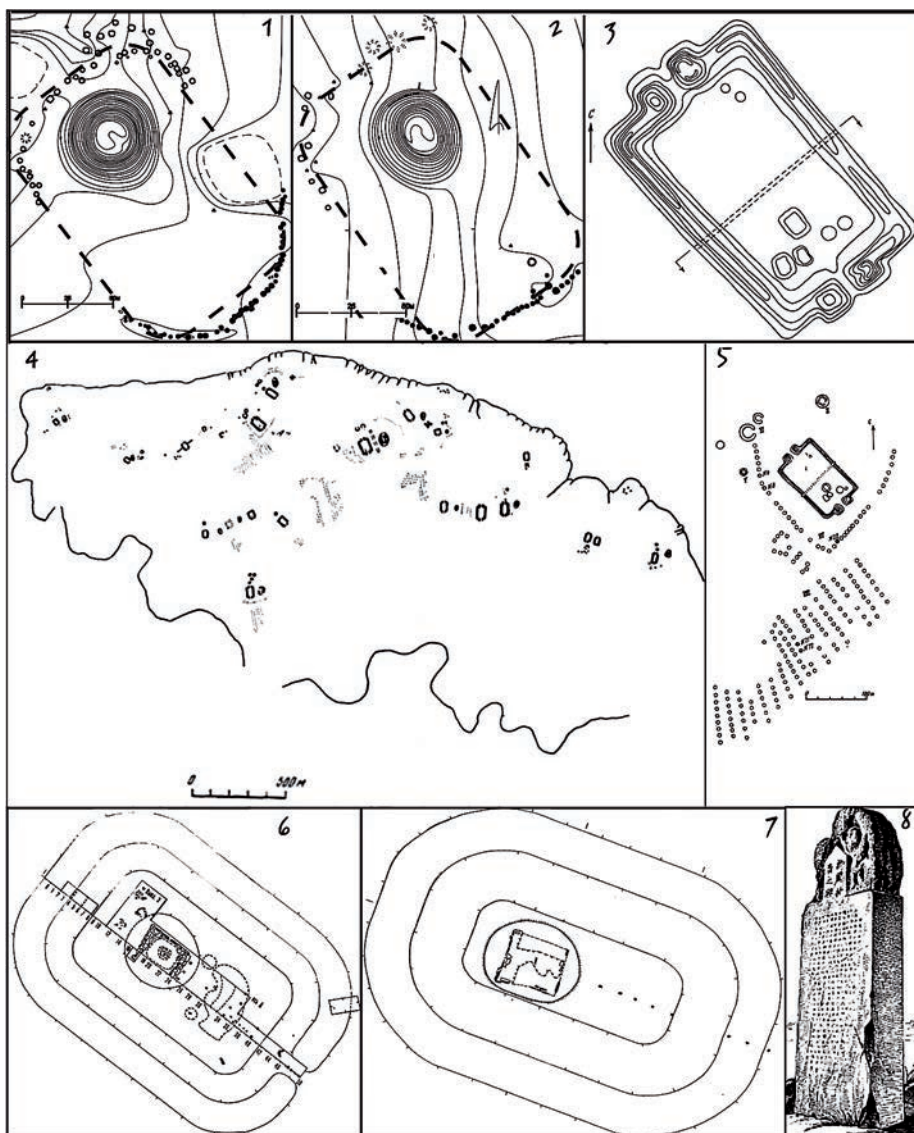

Рис. 4. Прямоугольные мемориалы от скифского до тюркского времени: 1, 2 – Кёктон; 3-5 – Чаш-Тепе; 6 – Бугут; 7 – Гиндин-Булак; 8 – стела Кюль-Тегина на Хошо-Цайдам. 3-5 – по: [Раппопорт, Трудновская 1979]; 7 – по: [Войтов 1996]

таких планировок самым глубоким уровням психики, о точном понимании того, как необходимо выстраивать сюжет посещения мемориала, создавать подмости для поминальных церемоний на нем. Для того, чтобы люди через тысячи лет вновь и вновь возвращались к придуманным тобой архитектурным приемам и сюжетам, нужно быть гением. И чемурчекские путники через континент, преобразившие идею мегарона и воплотившие ее в мемориальных ансамблях на другом краю Ойкумены, ими были.

ЛИТЕРАТУРА

- Азбелев П.П.* Первые кыргызы на Енисее // Вестник СПбГУ. 2008. Сер. 12. Вып. 4. С. 461-469.
- Акулов А.Г.* «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей // Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей / Труды ИИМК РАН. Т. 47 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, ГосЭрмитаж, 2018. С. 149-164.
- Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-погребальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М.: Изд-во Гос. музея Востока, 1996. 152 с.
- Гасс А.* К проблеме изучения памятников раннего железного века юго-восточного Семиречья в свете данных геоархеологических исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3(47). С. 57-69.
- Ковалев А.А.* Чемурчекский культурный феномен, его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы в Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 178-184.
- Ковалев А.А.* Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н. э. // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 183-244.
- Ковалев А.А., Рукавишников И. В., Эрдэнэбаатар Д.* Оленные камни – это памятники-кенотафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 41-54.
- Лазаретов И.П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред. Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: ИИМК РАН; Петро-РИФ, 1997. С. 19-64.
- Поляков А.В.* Объекты за пределами оград окуневской культуры // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 478-481.
- Раппопорт Ю.А., Трудновская С.А.* Курганы на возвышенности Чаш-Тепе // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ. XI. М.: Наука, 1979. С. 151-166.
- Саймондс Дж.О.* Ландшафт и архитектура. Сокращ. пер. с англ. А.И. Маньшавина; науч. ред. Л.С. Залеская при участии Е.М. Микулина. М.: Изд-во лит. по строительству, 1965. 193 с., ил.
- Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 402 с.
- Werner K.* The megaron during the Aegean and Anatolian bronze age: A study of occurrence, shape, architectural adaptation, and function (Studies in Mediterranean archaeology). Jonsered: P. Åströms Förlag, 1993. 151 p.
- Zazzo A., Lepetz S., Magail J., Gantulga J-O.* High-precision dating of ceremonial activity around a large ritual complex in Late Bronze Age Mongolia. Antiquity, Antiquity Publications/Cambridge University Press. 2019. 93 (367). P. 80-98.

М. А. Чернов

Михаил Алексеевич Чернов,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; mihalapych@yandex.kz

Мужской головной убор из могилы № 4 кургана Тилля-Тепе. Реконструкция

Аннотация. В статье предложена реконструкция головного убора на основе материалов могилы № 4 погребального комплекса Тилля-Тепе. Исследователем подвергнуты тщательному анализу описания погребений, графическая документация и предложенная В.И. Сарияниди реконструкция костюмов и головных уборов. Исходя из обстоятельств (смещение тел покойников), сложившихся в ходе погребального ритуала, и выявленных в результате анализа материала, но не учтенных первыми исследователями, предложена коррекция понятия *in situ*, подтверждена необходимость использования в ходе реконструкции костюма и головного убора монетарного материала наряду с извлеченными артефактами и имеющимися аналогиями.

Ключевые слова: Кушанская Бактрия, Тилля-Тепе, погребения, головной убор, кулах, реконструкция, *in situ*, сравнительный анализ, монетарный материал

Михаил Алексеевич Чернов,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Тилля-Тепе обасының № 4 қабірінен алынған ер адамның бас киімі. Реконструкция

Аннотация. Мақалада Тилля-Тепе жерлеу кешенінің № 4 қабірі материалдары негізінде бас киімді реконструкциялау ұсынылды. Зерттеуші жерлеу сипаттамаларын, графикалық құжаттаманы және В.И. Сарияниди ұсынған костюмдер мен бас киімдерді реконструкциялау мұқият талданды. Жерлеу рәсімі барысында қалыптасқан жағдайларды (мәйіттің орнының ауысуы) және материалды талдау нәтижесінде анықталғанымен, алғашқы зерттеушілер назар аудармаған, *in situ* ұғымына түзету енгізілді. Костюм мен бас киімді реконструкциялау барысында алынған жәдігерлер мен қолда бар ұқсастықтармен бірге монетарлық материалдарды да қолдану қажеттілігі расталды.

Түйін сөздер: Кушандық Бактрия, Тилля-Тепе, жерлеу орны, бас киім, кулах, реконструкция, *in situ*, салыстырмалы талдау, монетарлық материал

Mikhail Chernov,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Male headdress from grave No. 4 of the Tillya-Tepe burial complex. Reconstruction

Abstract. The article proposes a reconstruction of the headdress based on the materials of grave No. 4 of the Tillya-Tepe burial complex. The researcher thoroughly analyzed the descriptions of burials, graphic documentation and the reconstruction of costumes and headdress proposed by V.I. Sarianidi. Based on the circumstances (displacement of the bodies of the deceased) that developed during the funeral ritual, and revealed as a result

of the analysis of the material, but not taken into account by the first researchers, a correction of the concept *in situ* is proposed, the need to use monetary material during the reconstruction of the costume and headdress along with the extracted artifacts and existing analogies is confirmed.

Keywords: Kushan Bactria, Tillya-Tepe, burials, headdress, kulakh, reconstruction, *in situ*, comparative analysis, monetary material

В 1978–1979 гг. советско-афганской экспедицией проводились раскопки холма Тилля-тепе в Северном Афганистане, недалеко от г. Шибегана. В ходе работ был обнаружен статусный некрополь, где вскрыто и исследовано шесть погребений лиц высокого ранга. По предположению руководителя экспедиции В.И. Сарияниди, исходя из количества золотых украшений и сопроводительного предметного материала – захоронения явно княжеского, если не царского уровня [Сарияниди 1989: 176]. Могилы не были разграблены, предметный материал находился в позиции *in situ*, потревоженным грызунами оказалось только захоронение № 3. По мнению В.И. Сарияниди, своей сохранностью статусные погребения обязаны той скрытности, в которой проводился похоронный ритуал [Сарияниди 1989: 46].

По результатам раскопок опубликован подробный материал и произведены реконструкции костюмов, погребенных с головными уборами (рис. 1). Но они были сделаны, на наш взгляд, не в полном объеме. В частности, это касается головных уборов могил под номерами 4 и 6. Сам первооткрыватель, В.И. Сарияниди, не единожды обращался к этой теме и даже разрабатывал ее в соавторстве с Е.Е. Кузьминой, но к окончательному решению, которое вылилось бы в конкретную форму головного убора, исследователи так и не пришли. Имея на руках полную информацию в виде нетленного материала – металлических украшений из золота, их местоположения в могиле, аналогов из других погребений, визуализированные сведения о костюмах лиц высокого ранга соответствующего исторического периода на монетах [Сарияниди 1989: 49], ученым все же не удалось материализовать свои выводы в полноценной реконструкции. Причина этого, на наш взгляд, в том, что неверно была прочтена и трактована ситуация с положением предметов в могиле. Задача этой статьи - завершить начатое В.И. Сарияниди в отношении головных уборов, тем более что к этому есть все предпосылки. И первым шагом в этом направлении станет реконструкция головного убора на основе материалов могилы № 4.

Прежде всего, рассмотрим условия, в которых находились останки покойного. В могильной яме (2,7×1,3 м и глубиной 1,8 м) находился гроб прямоугольной формы, длиной 2,2 м и шириной 0,7 м. «Покойник в гробу лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, лицом вверх». «В погребении был похоронен мужчина 20-30 лет, рост которого был примерно от 170 до 185 см.... На дне могильной ямы сохранились следы сгнившей кожи, которая первоначально устилала пол.... Голова покойного покоилась на дне золотого фиала с греческой надписью, под которым находилась шёлковая подушечка. К борту фиала прикреплены золотая модель деревца, по-видимому, статуэтка архара и золотая трубочка, откатившиеся в сторону и находившиеся к моменту раскопок рядом на полу могилы (как становится понятно из материалов других статей В.И. Сарияниди, посвященных артефактам этого погребения, то модель дерева и статуэтка архара с трубочкой на момент обнаружения прикрепленными к фиалу не были – прим. автора)... Нависая над лбом покойника, эти предметы (модель дерева и фигурка архара – прим. автор) вместе, возможно, были изделиями престижного назначения типа диадемы, отмечая высокий социальный статус умершего» [Сарияниди 1989: 84-86]. Здесь же среди прочих украшений обнаружены «две золотые подчелюстные ленты» [Сарияниди 1989: 86], назначение которых не было прокомментировано.

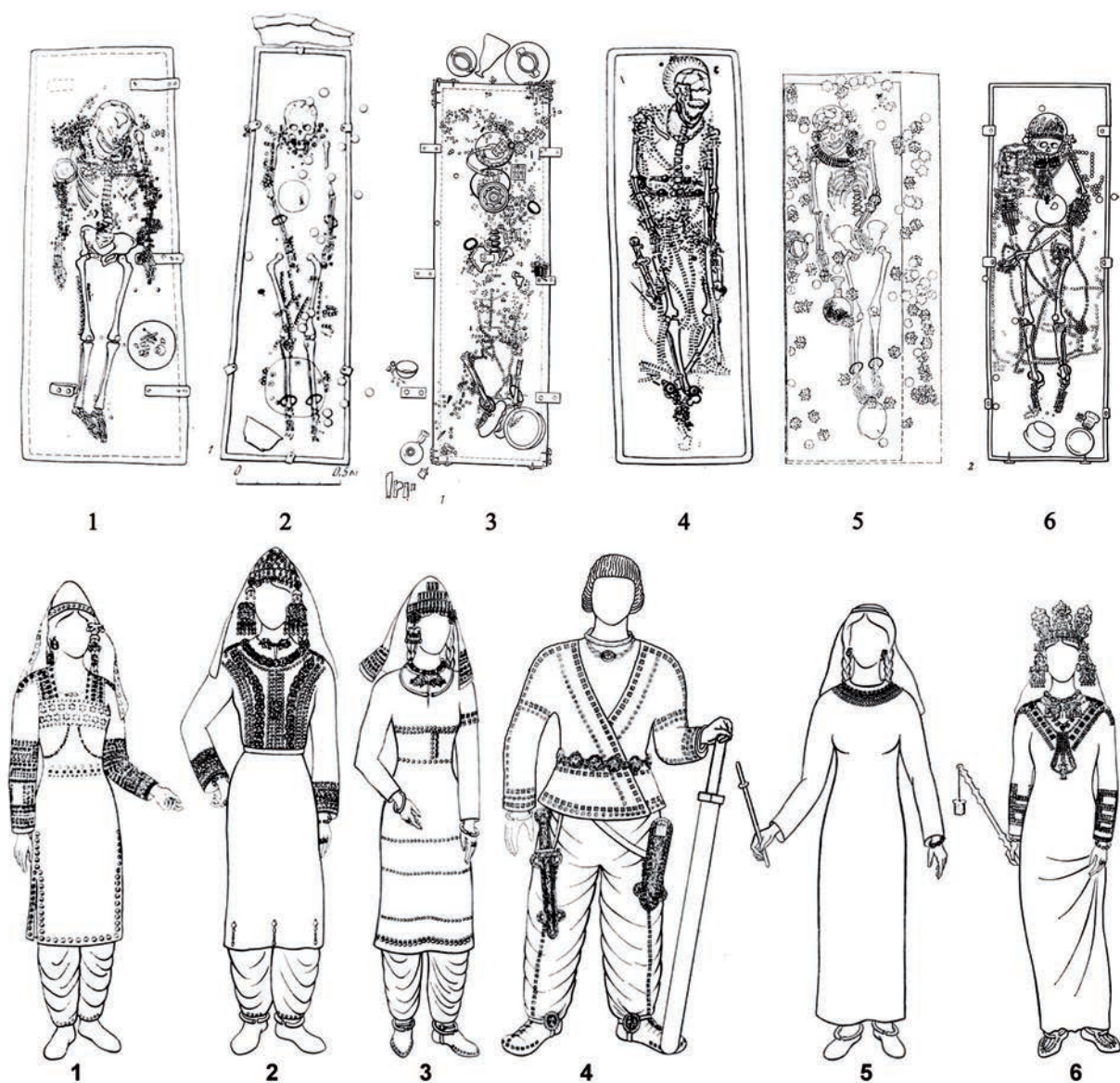

Рис. 1. Планы погребальных конструкций и реконструкции костюмов Тилля-Тепе.
Нумерация соответствует публикациям могил. По: [Сарианиди 1989]

Модель дерева и фигурку архара В.И. Сарианиди относит к предметам повторного использования. По его убеждению, они крепились непосредственно к металлическому фиалу, не имеющему соответствующих приспособлений для данной операции. Отверстия на «ножках» дерева и колечки на ногах фигурки архара, также предназначенные для крепления, никак не увязываются с поверхностью фиала, не приспособленной к механическому соединению с этими деталями. Этим объясняется возникновение версии о вторичном использовании фигурок и применении «клеящего вещества». На этом основании Сарианиди была выдвинута версия о пользовании «каким-то смолистым или клеящим веществом» [Сарианиди 1989: 89], от которого, понятно,

не могло остаться и следа. Автор неоднократно указывает на то, что модель деревца и статуэтка архара были прикреплены «к бортику сосуда (фиала)» [Сарианиди 1989: 89], но как это возможно, если сосуд находился под головой, исследователь не представил пояснений или графической схемы. Сомнительно, что ювелир, решая задачу о соединении двух металлических деталей, станет их склеивать, а не найдет более достойные своей квалификации способы. Исходя из того, что на двух изделиях (деревце и баран) есть приспособления для крепления, а на блюде нет ничего, что могло бы говорить о его соединении с упомянутыми деталями, можно предположить, что эти предметы никогда напрямую не соединялись. Соответственно, приклеивание в данном случае как технологическая операция, есть ошибочное представление, не давшее положительного результата в вопросе реконструкции.

Утверждение, что рассматриваемые предметы, украшавшие погребальный костюм (в частности головной убор), являлись частью добычи кочевников, завоевавших Бактрию, представляется сомнительным [Сарианиди 1989: 90]. Тем более относительно вскрытых в Телля-Тепе погребений, учитывая, что идеология и религиозная система кушан и их предшественников бактрийцев, были сходны, а в деталях практически идентичны [Сарианиди 1989: 57]. Кроме того, предметы эти выражали статусное положение погребенного не только в «загробном мире», но и в повседневной жизни, и должны были быть надежно закреплены на своих местах. Таким образом, предметы, определенные В.И. Сарианиди как оформление головного убора (модель дерева и баран), никогда не крепились к металлическому блюду. Сам головной убор погребенного имел коническую форму и был исполнен из нетканого материала, а указанные предметы крепились к нему непосредственно; эти же предметы не являются second-hand, а были изготовлены непосредственно для костюма данного лица. В вопросах семантики возможны только уточнения.

В.И. Сарианиди реконструированы головные уборы для четырех могил из шести, и за всеми признана коническая форма. Блюдо, модель деревца и фигурка барана, а также золотые ленты, найденные в области головы погребенного в могиле № 4 - это основные артефакты, имеющие отношение к головному убору. Безусловно, фигурка архара и модель дерева относятся к некоей общей мифологеме, и на скифо-сако-сарматском пространстве обязательно отыщется, и не частично, а максимально близкая схема мифологического конструкта. Его схема не отражается в полной мере в композиции собственно Новочеркасской диадемы или в декоре Усть-Лабинского головного убора. Равно как и не содержится в композиции тилля-тепинской короны из могилы № 6. Перечисленные объекты, приводимые В.И. Сарианиди и Е.Е. Кузьминой в качестве ближайших аналогов, при наличии сходных элементов являются иллюстрацией иной композиционной схемы [Кузьмина, Сарианиди 1982: 22]. В данном случае самым удачным аналогом представляется оформление кулаха статусного лица из захоронения в Иссыкском кургане [Акишев 1984]. Основанием к этому является то, что в обоих случаях имеется фигурка барана, которая представлена в одном экземпляре, т. е. не имеет пары. На всех остальных «аналогиях» от В.И. Сарианиди и Е.Е. Кузьминой вокруг модели дерева животные расположены парами и симметрично. Так же следует отметить, что модель дерева не принадлежит как деталь конструкции и композиции металлической пластине, и не может являться частью диадемы или короны. То же самое можно сказать про Усть-Лабинскую модель дерева, которая, предположительно (по отсутствию необходимых конструктивных элементов), крепилась к головному убору и не была частью диадемы как самостоятельной конструкции [Засецкая 1975: 16]. При этом дерево окружают олени, козлы, и даже зайцы, но барана среди них нет. Потому что баран, как символ Фарна - божественной благодати, выражается единственным числом и располагается на вершине головного убора как на кулахе «Золотого человека» из Иссыка.

В один ряд с Иссыкским можно было бы выставить реконструкцию головного убора из могильника Таксай, проведенную реставратором Кырымом Алтынбековым. Сохранившиеся

элементы оформления, однако, указывают на использование в качестве навершия кулаха образа горного козла – тау-теке [Алтынбеков 2013: 49]. Расхождение в образах, венчающих вершину кулаха, указывает лишь на возможные варианты прочтения данной мифологемы. Хранящиеся в Эрмитаже г. Санкт-Петербурга навершия головных уборов из собрания «Сибирской коллекции» представляют довольно широкий диапазон таких вариантов [Артамонов 1973: 261-268]. В этой же коллекции, по замечанию В.И. Сарияниди, имеются и модели деревьев, аналогичные тилля-тепинскому. Возможно, что они совместно с навершиями могли представлять композиции оформления статусных головных уборов, подобных тому, которое предполагается для погребения 4 могильника Тилля-Тепе.

Коническая форма головного убора, правомочность применения которой мы видим не только в аналоге убору сакского статусного лица из кургана Иссык, присутствовала и в скульптурном портрете принца из Дальверзинтепе, который хронологически соотносится с тилля-тепинскими погребениями [Пугаченкова, Ртвеладзе 1978]. Древнее городище Дальверзинтепе входило в состав Кушанского царства, а это дает основание предполагать единство в идеологических и религиозных представлениях жителей одного государственного формирования и региона. Сохранившаяся от скульптуры голова представляет принца, как обладателя высокого социального статуса, в коническом головном уборе. Как верно заметил В.И. Сарияниди, конический головной убор кушан в отличие от сакского не имеет «наушей» - боковых клапанов. По форме, отраженной в скульптуре, можно предположить, что убор изготовлен из мягкого, но обладающего достаточной прочностью, чтобы держать форму, материала. Потенциально это могли быть кожа либо войлок, имеющие в кочевнической среде широкое хождение в виду практичности и доступности.

Соглашаясь с конической формой, мы можем определить назначение предметов, рассматриваемых как элементы оформления головного убора. Так, в соответствии аналогам, навершием служила фигурка барана, а модель дерева располагалась в нижней части тульи, над лицом погребенного. Вместе с головным убором предметы образуют весьма распространенную в древнем мире мифологему, где кулах есть символ Мировой Горы; фигурка горного барана представляет идею Фарна – божественной благодати, нисходящей на правителей; модель дерева, закрепленная в нижней части тульи, есть не что иное, как образ Мирового Дерева, растущего у подножия Мировой Горы. Состав, как и возможная композиция из данных деталей, практически соответствует мифологеме, использованной при оформлении головного убора сакского правителя (Золотого человека) из Иссыкского кургана, упомянутого В.И. Сарияниди. Модель дерева в единственном числе выражает базовую идею, а продублированная четырехкратно отражает еще и представления о сторонах света по горизонтали.

Оптимальным сырьем для изготовления данного кулаха могли служить натуральные материалы, кожа и/или войлок. Материалы достаточно пластичные и конструктивные, т. е. способны удерживать придаваемую им форму и принимать на себя некоторый груз в виде украшений. Так, четыре «лепестка» в основании модели дерева легко могут быть подогнуты таким образом, чтобы, будучи пришитыми в основании колпака, удерживать модель дерева в вертикальном положении без помощи клея. В свою очередь, и фигурка барана может быть легко закреплена на вершине кулаха посредством пришивания. Достаточно слегка сплющив вершину колпака, вставить ее между ног фигурки, а за тем пришить к убору за колечки (рис. 2, 2). В результате становится ясно, что не блюдо было основным, с конструктивной точки зрения, элементом головного убора. Им являлся колпак конической формы из нетканого материала (войлок, кожа), к которому и крепились элементы декора, что подтверждается аналогами из погребений Иссыка и Такся [Акишев 1984; Алтынбеков 2013: 49]. Ни деревце, ни архар не являлись предметами «second hand», так как у каждого предмета были: четко продуманные место и роль в композиции

костюма и собственно головного убора, а монтажные приспособления (колечки на ножках барана и отверстия на ножках дерева) изготовлены строго в соответствии с применяемым материалом. На некоторых монетах кушанского времени можно ясно разглядеть надо лбом правителя прикрепленную к шапке модель дерева (рис. 2, 4d). Таким образом, совершенно отпадает версия о размещении данных объектов на греческом фиале, который, несомненно, нес на себе иную функциональную и семантическую нагрузку.

Рис. 2. Реконструкции головного убора из погребения № 4 и их аналогии:

1 – иллюстрация версии с заломом колпака: *a* – положение модели дерева; *b* – положение фигурки барана; 2а, *b* – реконструкция головного убора из могилы № 4; 3 – реконструкции костюма могилы № 4 по версии В.И. Сарияниди с дополнениями; 4 – монеты кушанского и кушано-сасанидского времени с изображением головных уборов правителей: *a* – Канишка I, золотой динар 152–192 гг. н.э., *b* – Хувишка, золотой динар 152–192 гг. н.э., *c* – Васишка динар 246–266 гг. н.э., *d* – Ормузд I Кушаншах, динар 270–295 гг. н.э.

Эти предметы оформления могли быть импортированы, но уровень мастерства, с которым исполнены прочие украшения, уложенные в могилу (акинак и его ножны, пряжки и т. д.), и происхождение которых увязывается с местным «центром златоделия» [Сарияниди 1987], не вступают в противоречие с первыми. Уровень мастерства сложных фигур адекватен, а то, что наблюдается некоторое расхождение в стиле, то это может быть объяснено «рукой» мастера. Простые по форме и сложности изделия мог изготовить начинающий мастер/подмастерье, что не противоречит проблеме преемственности в ремесле. Семантическое же значение этих образов имеет собственные корни в культуре степных кочевников.

Следующим шагом будет определение места и значения в составе головного убора «греческого» (по Сарияниди) фиала - блюда, на котором покоилась голова погребенного. Фиал

с учетом формы вполне возможно именовать блюдом. Имея уплощенную форму с радиально расходящимися от центра гофрами, изготовленный из золота, ассоциативно он мог представлять образ солнечного диска, отображая не только символ света, но и божественный статус своего носителя. В начале н.э. Кушанское царство имело в своем составе территории северо-запада Индии, присоединенные во время царствования Кадфиза. Правление Канишки 1 ознаменовано проникновением на территорию Бактрии/Маргианы буддизма, который здесь получает широкое распространение [Ртвеладзе 2019: 127]. Среди прочих находок в могиле № 4 была найдена монета/медаль, подтверждающая на прямую причастность покойного к буддийской религии [Кошеленко, Гаибов 2011: 17–31; Вигасин 2014: 109–117]. Это обстоятельство объясняет значение и место фиала в композиции головного убора. Размещенный за головой правителя, по примеру изображений Будды и в соответствии с «новыми» религиозными требованиями, диск создавал образ «сияния» и подчеркивал божественный статус правителя (диаметр фиала по пропорциональному сравнению ~25–30 см – *прим. автора*). Его наличие в составе головного убора царственных особ подтверждает кушанский монетарный материал. Так, на аверсе монеты Канишки 1 царь изображен в профиль с бородой и в облачении, более соответствующем кочевнической культуре. Изображения диска за его головой нет. На её же реверсе мы видим изображение Будды с нимбом-диском за головой и соответствующей надписью (рис. 2, 4а). На аверсах более поздних монет можно видеть последующих правителей с нимбами вокруг головы. Реверсы этих же монет посвящены божествам, зачастую не индуистского пантеона, головы которых также украшены нимбами-дисками. При сохранении сопутствующей атрибутики голову божества окружает нимб как отображение буддийского диска – символа святости. Изображение дисков – символов света в таком широком диапазоне может свидетельствовать о том, как глубоко буддийские ритуалы и верования проникли в культуру кушан-бактрийцев. И пусть на данный момент уточняются датировки вещественных артефактов и событий, очевидной остается их соотносимость в историческом и культурологическом контекстах [Кошеленко, Гаибов 2011: 17–31]. Исходя из данной позиции, реконструированные костюмы кушан будут выглядеть как кочевнические, но с элементами буддийской символики.

Носился ли данный атрибут на голове правителя при жизни, или только укладывался с ним в могилу, этот вопрос можно считать открытым. Но традиция крепления диска на голове для отдельных, особо важных в бытовом плане ритуалов, сохранилась в азиатском регионе у некоторых народов. Графические и скульптурные изображения Будды этого периода представляют нам, что позади головы за головным убором размещался дисковидный предмет. Как крепился данный атрибут к головному убору кушанских царей, мы можем только догадываться и строить версии (рис. 2, 2а, b). По причине отсутствия на блюде монтажных отверстий можно предположить крепление лентами или чем-то в этом роде. Тем не менее, монеты «говорят», что фиал не только подкладывался под голову умершего, но и крепился к головному убору живых [Сарианиди 1989: 90]. Отношение других погребенных в Тилля-тепе к буддийской религии, возможно, также подтверждается не только монетами, но и наличием золотых блюд, фиалов, дисков, подложенных под головы умерших. Следовательно, сосуды в форме блюда следует считать частью головного убора кушанских правителей, как на это указывают среди прочих факторов и изображения на кушанских монетах соответствующего периода (рис. 2, 4а-d).

Здесь же на изображениях монет мы находим объяснение применению «подчелюстных лент», которым, в отличие от фигурки архара и модели дерева, исследователи не придали должного значения [Кузьмина, Сарианиди 1982: 19-27]. Так называемые «подчелюстные ленты» упоминаются в описании других погребений [Сарианиди 1989: 67, 84, 114] и по нашему представлению являлись частью головного статусного/ритуального убора. На кушанских монетах имеются портретные изображения правителей с развевающимися в подзатылочной области лентами (рис. 2, 4а-с).

Есть еще одно обстоятельство, которое было ранее рассмотрено в связи с анализом погребений и могил комплекса из Тилля-тепе [Чернов 2022]. Их чертежи и схемы, при внимательном прочтении, дают ту дополнительную информацию, которая позволяет восстановить первоначальную ситуацию, в которой находились покойник, элементы его костюма и погребальный инвентарь, уложенный с ним в гроб. Из шести погребений, которые оказались не грабленными, исключение составляет погребение № 3, где костяк покойного (мелкие кости) был растащен грызунами, а с ним и мелкие металлические бляшки из декора погребальных одежд. Во всех могилах произошло относительное смещение как костного, так и вещевого материала, что связано с необратимыми процессами тления. Но это смещение не разрушает представления о группировании предметов, их соотнесенности с телом покойного и его костюмом. Другое дело, когда в силу вступают обстоятельства, которые выводят положение предметов за рамки понятия *in situ*. С завершением ритуальных действий по облачению покойника и уложению его в переносную погребальную конструкцию воздействие «человека» на тело и сопроводительный инвентарь не прекращается до момента полного сокрытия погребальной конструкции с ее содержимым в толще земли.

Кушанским правителям, как представителям социальной верхушки кочевников, принявшим оседлую форму бытования, пришлось принять изменения и в погребальном ритуале. Если кочевники, жители степных просторов, погребали своих соотечественников в обширные ямы (ямная культура) и вносили тела через дромос, то теперь, следуя местной традиции в условиях конспирации, укладывали тела в гробы и опускали их на дно могильной ямы шахтного типа, используя арканы/веревки. При этом вполне вероятны непредвиденные обстоятельства, связанные с неравномерным погружением гроба в яму, немногим превышающую параметры домовин по длине и ширине. Если принять предположение В.И. Сарияниди о секретности, в которой проходил погребальный обряд, то можно допустить, что к обслуживанию обряда во избежание утечки информации привлекались лица не из аборигенного контингента, но из представителей своего этноса. Возможно, это были воины из числа личной гвардии, не искушенные в местных погребальных традициях и технике опускания гроба в могилу на веревках. Ошибки в действиях погребальной команды, возможно связанные с поспешностью, приводили к смещению тел внутри гроба, что вполне прочитывается на графической документации, представленной исследователем, по положению костей умерших. Дальнейшее влияние на весь совокупный погребальный материал происходило под воздействием природных сил и биохимических процессов.

Судя по опубликованным планам погребений, только в двух случаях из шести можно говорить о положении скелета, близком к первоначальному относительно к моменту укладки в домовину, если брать за основной принцип трупоположения – в вытянутом положении на спине и руками вдоль туловища. Между домовинами есть ряд определенных закономерностей. Большинство (4 шт.) гробов имеет длину 2,0 метра. И только два по длине составляют 2,2 метра. Соответственно в них погребены люди, рост которых превышает средний для данной этнической группы (170–185 см по Сарияниди). Разница, которую в среднем дают длина гроба и рост покойника, составляет от 30 до 50 сантиметров, что на наш взгляд обусловлено, прежде всего, высоким головным убором покойных (рис. 1, 2, 4). Наличие в костюме погребенных высокого головного убора конической формы можно считать особенностью данных погребений.

Некоторые костюмы из этого комплекса еще ждут своей доработки, а, следовательно, восстановления одного из важных элементов информации, способствующей пониманию культуры региона и сопредельных территорий. Судить о степени смещения тел при погребении и внести необходимую корректировку при проведении реконструкций возможно при анализе данных из таблицы 1. Расчеты размеров, не указанных в материалах В.И. Сарияниди, производились автором по методу пропорциональных отношений. Прилагаемая таблица с расчетами соотношений

размеров гробов/колоды к росту покойников убедительно показывает возможность высоких головных уборов в погребальных костюмах тех, для кого реконструкция произведена не была, для других это возможность увеличить высоту кулаха.

Таблица 1 - Сравнительный анализ метрических параметров положения костяков в погребениях могильника Тилля-Тепе (таблица составлена на основании графических планов погребений – по: [Сарианиди 1989])

№ погребения	Размер мог. ямы	Ориентация головы	Размер гроба	Рост покойника	Форма головн. убора	Над головой	От ступни до торца гроба
Погр. 1	2,5×1,3 м/п	север		158 см	Коническая	26 см	20 см
Погр. 2	3,0×1,6 м/п	север	2,20×0,65 м	Не определен	Коническая	25 см	20 см
Погр. 3	2,6×1,5 м/п	север	2,0×0,65 м	Нарушен	Коническая	~ 25–28 см	25 см
Погр. 4	2,7×1,3 м/п	север	2,20×0,7 м	170–185 см	Реконструкция	8 см	32 см
Погр. 5	2,05×0,8 м/п	запад	2,0×0,65 м	Не определен	Коническая	12 см	40 см
Погр. 6	2,5×1,2 м/п	запад	2,0×0,50 м	152 см	гипотеза	18 см	38 см

Для нашей работы наиболее интересным представляется могила № 4, единственное среди обнаруженных мужское погребение. В гробу с размерами 2,2×0,7 м был похоронен высокий мужчина (1,7–1,85 м по В.И. Сарианиди). В ногах покойного нет подношений в виде посуды или других объемных предметов. Общая поза костяка имеет положение, похожее на легкий поворот тела в сторону левого плеча с поклоном. Голова также развернута к левому плечу покойного. Правый плечевой сустав приподнят, левый напротив несколько опущен. Левая нога покойного слегка согнута в колене и скрещена с правой в нижней части берцовой кости. Голова покойного лежит на золотом фиале. Последний своим краем уперся в торцовую стенку гроба [Сарианиди 1989: 85, рис. 30]. Согласно плану могилы, голова не достигла этой стенки не больше восьми сантиметров. Пяточные кости стоп отстоят от противоположного торца примерно на 32 см. Эти данные говорят о явном смещении тела вдоль продольной оси во время погружения гроба в могильную яму. Судя по расстоянию от черепа до торцовой стенки гроба, скелет мужчины из могилы № 4 претерпел наибольшее смещение в гробу по отношению к положению тел других покойников (рис. 1, 4). Это обстоятельство оказалось не учтено авторами статьи «Два головных убора из Тилля-тепе», что и не позволило произвести полную реконструкцию костюма погребенного, в частности, его головного убора. Как могло случиться, что фигурка барана оказалась перед лицом покойного, а золотая модель дерева за затылком? В.И. Сарианиди, предполагая, что похороны проводились в условиях секретности из опасений вандализма и мародерства, наводит на мысль о возможных внештатных ситуациях в ходе ритуала. Так, предполагаемый колпак мог заломиться и детали убора сместились с начальных позиций.

Ранее мы предложили версию смоделированной ситуации с погребением [Чернов 2022]. Если эту ситуацию принять как реальную, а не гипотетическую, то становится ясным, что в какой-то момент во время погружения гроба в могильную яму головная часть оказалась значительно ниже ног покойника, и тело последнего сместилось (сползло) по дну домовины. Голова практически уперлась в стенку гроба, и при выравнивании положения тело осталось в смещенном состоянии. Об этом говорит положение скелета в очертаниях домовины. Черепа покойных в погребениях № 1, 2, 3, 5, 6 находятся на большем или меньшем удалении от стенки гроба в изголовье (рис. 1).

В погребении № 4 череп почти вплотную приближен к «торцевой стенке», а кости стоп находятся от противоположного торца на расстоянии более усредненного в сравнении с остальными. Принятие версии о смещении тела как вероятной позволяет восстановить примерную высоту колпака и реконструировать убор в целом. Учитывая рост покойного, размер домовины, возможный залом колпака при положении фигурки архара как навершия, а также выражая доверие к графической документации, можно предположить общую высоту головного убора с учетом посадки на голове не менее 30 см от поверхности черепа. Скопление многочисленных мелких дисков в области лба и верхней части лица могли быть элементами оформления головного убора, аналогично скульптурному портрету молодого знатного кушанина (принц из Дальверзинтепе) в собрании археологических древностей Государственного музея истории Узбекистана в Ташкенте [Государственный музей ...].

Допустив наличие на голове покойного из могилы № 4 головного убора конической формы с навершием в виде фигурки барана, мы можем реконструировать истинный размер колпака, представив, что последний не свалился с головы усопшего, а всего лишь подломился. Его заломленное состояние объясняется положением фигурки барана и модели дерева (рис. 2, 1а, б). Таким образом, в реконструированном виде головной убор будет соответствовать по типу кулачу из сакского кургана под городом Есик (рис. 2, 2а, б).

Положение костей черепа на металлической посуде из драгметалла зафиксировано исследователем не только для погребения № 4 [Сарианиди 1989: 88], но должного значения данному обстоятельству придано не было, несмотря на то, что монетарный материал соответствующего времени однозначно указывает на использование диска в оформлении голов правителей и, следовательно, предполагает его в составе головного убора. Таким образом, полная картина реконструкции головного убора для данного погребения без использования металлического блюда, символизировавшего сияние, просто невозможна.

Версию вероятного облачения (без плаща) мужчины из погребения № 4 могильника Тиллятепе как результат данного исследования представляем на рисунке (рис. 2, 3; дополненная реконструкция). Для этой реконструкции использовался рисунок из книги В.И. Сарианиди «Храм и некрополь Тиллятепе» [Сарианиди 1989: рис. 32]. К его реконструкции нами было добавлено изображение головы, взятое с керамического скульптурного портрета «принца» из Дальверзинтепе. На реконструируемом коническом головном уборе были размещены фигурка барана, модель мирового дерева, а за ним золотой фиал. В таком виде головной убор, а с ним и костюм в целом, на наш взгляд, приобретают содержательную, семантическую и космологическую завершенность.

Не считанное смещение тела в могиле, воспринятое как соответствующее его конечной в ритуале позиции, те есть *in situ*, не позволило интерпретировать артефакты, принадлежащие головному убору с определением его формы и размера. Искаженное положение предметного материала не способствовало использованию в полной мере и монетарного материала, с применением которого могла быть определена и роль фиала в головном уборе. Наличие фиала в могиле и размещение его под головой покойника указывает на буддийский элемент в обрядности кушан. Тот факт, что данный объект не был учтен В.И. Сарианиди с поправкой на изменения в идеологии кушанских правителей, объясняет и явное завышение возраста могил, и отсутствие толкования назначения фиала. Сравнение фиала с чашами из скифских погребений в курганах Куль-Обы, Гаймановой могилы из Воронежа при сопоставлении размеров и положения в могиле не выглядят достаточно убедительными. При этом остается непонятной роль предмета – сакральный сосуд или часть головного убора.

Также надо сказать, что изображения на монетах иной раз дают настолько четкое представление о костюме, что могут иметь и определяющую роль в вопросах реконструкции.

Использование золотых лент в оформлении головного убора тоже подтверждается нумизматическим материалом (рис. 2, 4а-с). И то, что они найдены в области лица, ещё не делает их «подчелюстными». Остается открытым вопрос способа фиксации их на головном уборе и голове. Задача по большей части технологическая, но для ее решения необходимы данные, которые в труде В.И. Сарияниди отсутствуют. Как, впрочем, и данные по креплению диска к головному убору. Но здесь иллюстративный материал играет определяющую роль, и если ленты отображены не на всех монетах, то «кулах» – на подавляющем большинстве.

В результате анализа работ В.И. Сарияниди с привлечением изображений на монетах и аналогов из других памятников можно заключить, что все погребенные (из числа извлеченных) похоронены были в конических головных уборах. Согласно археологическим данным, головные уборы бактрийского периода имели различное оформление, что, вероятно, говорит о степени статусности их владельцев или о вариативности идеологических концептов. Основываясь на изображениях на монетах, можно выделить четыре разряда возможного оформления кулаха: 1) конический головной убор; 2) конический головной убор, украшенный выпуклыми бляшками и с лентами; 3) конический головной убор с бляшками и с блюдом за головой; 4) конический головной убор с бляшками (или другими элементами) и с блюдом за головой и деталями космограммы (баран, дерево). Возможно, в ходе последующих изысканий будут выявлены и другие модели оформления конических головных уборов с дальнейшей их типизацией, что, несомненно, раздвинет рамки нашего познания этой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1984. 176 с.
- Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с., ил.
- Артамонов. М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 280 с. (Серия: Памятники древнего искусства.).
- Вигасин А.А. Индийская монета, найденная при раскопках Тилля-Тепе // ВДИ. 2014. № 2 (289). С. 109-117. Государственный музей истории Узбекистана. URL: http://uzbek-travel.com/about-uzbekistan/monuments/history_museum/http://www.history-museum.uz (дата обращения 01.06.2022).
- Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, 1975. 80 с.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: «Фан» УзССР, 1978. 240 с.
- Ртвеладзе Э.В. Кушанское царство: династии, государство, народ, язык, письменность, религии. Ташкент: Историческая библиотека, 2019. 133 с.
- Сарияниди В.И. Тилля-тепе и ювелирное искусство ранних кушан // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 268-281.
- Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989. 240 с.
- Сарияниди В. Гонур-Депе: город царей и богов. Ашхабад: Turkmenowlethabarlary, 2005. 328 с.
- Кошеленко Г.А., Гаиров В.А. Некрополь Тилля-тепе: индийская уникальная монета // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 4. С. 17-31.
- Кузьмина Е.Е. Сарияниди В.И. Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика. // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 19-27.
- Чернов М.А. К вопросу о факторе случайности в погребальных обрядах могильника Тилля-тепе (по материалам исследований В.И. Сарияниди) // Маргулановские чтения–2022: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МОН РК, 2022. С. 440-443.

В. Е. Алексеева

Валерия Евгеньевна Алексеева,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия; alekseeva_2001_182@mail.ru

История антропологического изучения раннесредневекового населения Горного Алтая*

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению опубликованных научных трудов по изучению антропологического состава раннесредневекового населения Горного Алтая. В статье показано, что формирование первых научных антропологических работ началось в середине прошлого столетия, на основе полученных палеоантропологических данных из средневековых погребений Горного Алтая. Изучение трудов Г.Ф. Дебеца, В.П. Алексеева, А.Р. Кима, А.Н. Багашёва и многих других исследователей, сформировавших представление об антропологическом типе средневекового населения горных районов Алтая, дало возможность проследить процесс накопления антропологических данных, изучения и трактовку полученных краниологических серий, как происходил сравнительный анализ данных с материалами других регионов, и как в ходе процесса изучения менялось представление о внешнем облике средневекового населения Горного Алтая. Это позволило выявить особенности восприятия исследователями раннесредневековых групп населения горных районов Алтая.

Ключевые слова: археология, Горный Алтай, раннее средневековье, тюркское население, антропология, краниология

Валерия Евгеньевна Алексеева,
Алтай мемлекеттік университеті,
Барнаул қ., Ресей

Таулы Алтайдың ерте ортағасырлық тұрғындарын антропологиялық зерттеу тарихы

Аннотация. Бұл жұмыс Таулы Алтайдың ерте ортағасырлық тұрғындарының антропологиялық құрамын зерттеу бойынша жарияланған ғылыми еңбектерді қарастыруға арналған. Мақалада Таулы Алтайдың ортағасырлық жерлеу орнынан алынған палеоантропологиялық материалдар негізінде, алғашқы ғылыми антропологиялық жұмыстардың қалыптасуы өткен ғасырдың ортасында басталғаны көрсетілген. Алтайдың таулы аймақтарының ортағасырлық тұрғындарының антропологиялық типі туралы түсінікті қалыптастырған Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев, А.Р. Ким, А.Н. Багашев секілді өзге де көптеген зерттеушілердің еңбектерін зерттеу, антропологиялық деректердің жинақталу процесін бақылауға, алынған краниологиялық топтамаларды зерттеуге және түсіндіруге, басқа аймақтардан табылған материалдар мәліметтерімен салыстырмалы талдау қалай жүргенін және Таулы Алтай ортағасырлық тұрғындарының сырт бейнесі туралы түсінікті зерттеу процесінің негізінде қалай өзгеруін бағамдауға мүмкіндік берді. Бұл зерттеушілердің Алтайдың таулы аймақтарындағы ерте ортағасырлық тұрғындар тобының қабылдау ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: археология, Таулы Алтай, ерте орта ғасыр, түркі тұрғындары, антропология, краниология

© 2022 Алексеева В.Е.

*Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Valeriia Alekseeva,
Altai State University, Barnaul, Russia**History of Anthropological Study of the Early Medieval Population of the Altai Mountains**

Abstract. This work is devoted to the review of published scientific works on the study of the anthropological composition of the early medieval population of the Altai Mountains. The article shows that the formation of the first scientific anthropological works began in the middle of the last century, based on the obtained paleoanthropological data from medieval burials in the Altai Mountains. The study of the works of G.F. Debets, V.P. Alekseev, A.R. Kim, A.N. Bagashov and many other researchers who formed ideas about the anthropological type of the medieval population of the mountainous regions of Altai, made it possible to trace the process of accumulating anthropological data, studying and interpreting the obtained craniological series, how the comparative analysis of data with materials from other regions took place, and how the idea of appearance of the medieval population of Gorny Altai. This made it possible to reveal the peculiarities of the perception by researchers of early medieval groups of the population

Keywords: archaeology, Gorny Altai, early Middle Ages, Turkic population, anthropology, craniology

Изучение антропологического состава населения Горного Алтая проходит уже на протяжении более 70 лет. В течение этого времени, благодаря активной работе Г.Ф. Дебеца, В.П. Алексеева, А.Р. Кима, А.Н. Багашёва, Д.В. Позднякова и многих других исследователей, в науке сформировалось представление об антропологическом облике раннесредневекового населения этого региона. Актуальность работы заключается в обобщении историографических данных по изучению антропологических материалов населения Горного Алтая в период раннего средневековья. Начало истории изучения антропологии населения Горного Алтая начинается с 1950-х гг., с исследовательской работы Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева. Материалы с территории горных районов Алтая были получены в ходе экспедиций 1920-х гг. С.И. Руденко из могильников Кудыргэ, Катанда и Курай. Данные из средневековых погребений Алтая были многочисленны, что позволило исследователям провести разделение по территориальному признаку. Краниологические серии из горных районов Алтая были исследованы независимо от материалов из предгорной зоны, что позволило исследователям провести описание морфологических признаков, сделать их сравнение и выделить антропологические различия в расовом типе двух регионов [Поздняков 2006: 4]. Краниологические серии из средневековых захоронений в Горном Алтае были проанализированы Г.Ф. Дебецом и представлены в его монографии «Палеоантропология СССР» в составе суммарной серии. Им были описаны морфологические признаки средневекового населения, на основании которых он достоверно выделил расовые типы региона, охарактеризовав их преобладанием «туранского типа», исследователь считал, что данный тип идентичен минусинским краниологическим сериям и очень близок к забайкальским. Проблема формирования средневекового населения Горного Алтая рассматривалась Г.Ф. Дебецом совместно с вопросом о происхождении населения Хакасии того же периода. По его мнению, территорию Горного Алтая в VI–X вв. н.э. продолжали заселять группы южного и юго-восточного происхождения [Дебеч 1948: 209, 211].

В 1958 г. была опубликована работа В.П. Алексеева, в которую он включил все палеоантропологические материалы средневекового населения Горного и предгорного Алтая. По полученным данным исследователь пришел к выводу, что центрально-азиатские монголоиды стали проникать на территорию Горного Алтая уже в эпоху раннего железа, но определить удельный вес монголоидной примеси не удалось из-за малочисленности антропологических коллекций. В.П. Алексеевым было зафиксировано усиление монголоидного компонента в горных районах Алтая в период раннего средневековья по причине постоянных миграций из Центральной Азии [Алексеев 1958: 48].

Таким образом, Г.Ф. Дебеч и В.П. Алексеев положили начало систематическим антропологическим исследованиям, и сформировали первые представления о расовом типе средневекового населения Горного Алтая. Они пришли к заключению, на основе данных краниологических серий, что данное население принадлежит к южно-сибирской расе. Процессы

ее формирования рассматривались Г.Ф. Дебецом и В.П. Алексеевым как результат смешения европеоидных популяций и пришлых монголоидных групп, первые из которых сохраняли свой морфологический тип, характерный для эпохи бронзы, а вторые имели южное и южно-восточное происхождение. Также исследователями проводился сравнительный анализ серий горных и предгорных районов Алтая, в ходе которого были выявлены различия, доля монголоидного элемента у населения предгорного Алтая значительно меньше, чем у популяций из Горного Алтая. Выводы, к которым пришли Г.Ф. Дебец и В.П. Алексеев, определили направление антропологического изучения населения Горного Алтая. В дальнейшем В.П. Алексеевым в 1960 г. были проанализированы краниологические серии эпохи средневековья из могильника Ур-Бедари в Кузнецкой котловине, полученные результаты он сравнил с синхронными материалами из Горного Алтая. Полученные результаты показали, что их антропологические параметры близки к параметрам степной зоны [Поздняков 2006: 6, 7].

В 1962 г. продолжились исследования средневекового населения горных районов Алтая В.В. Гинзбургом, им была опубликована работа, посвящённая вопросу о происхождении ранних тюркских кочевников. В его докладе были представлены средневековые материалы с территории Южной Сибири (Минусинской котловины, Горного и предгорного Алтая) и Казахстана. Обобщая все имеющиеся краниологические серии, В.В. Гинзбург пришел к выводу, что на территории Алтая средневековые группы однородны по своему антропологическому типу и относятся к «южно-сибирскому или урало-алтайскому типам» [Поздняков 2006: 8].

В дальнейшем целый ряд работ по изучению и анализу краниологических серий средневековых материалов был проведен О. Исмагуловым, начиная с конца 1960-х гг. им были исследованы данные с территории Казахстана. О. Исмагулов провел сопоставление тюркских черепов Казахстана с материалами горных районов Алтая. В ходе чего были обнаружены незначительные сходства, т. к. тюркские группы Горного Алтая обладают более монголоидными чертами, чем население Казахстана, на это указывают и материалы исследований В.В. Гинзбурга [Поздняков 2006: 10].

Изучением раннесредневекового населения Горного Алтая занимался и А.Р. Ким. Им в 1990 г. была опубликована статья на тему: «К палеоантропологии Восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э.». А.Р. Ким представил краниологические данные, полученные в ходе археологических работ А.С. Васютина в период 1983–1986 гг. на могильнике Кок-Паш. Краниологическая серия была представлена восемью мужскими и 12 женскими черепами. Несмотря на малочисленную выборку, А.Р. Киму удалось охарактеризовать антропологический тип и провести сопоставление полученных данных с различными по территориальным и хронологическим признакам группам кочевников Южной Сибири, начиная с эпохи раннего железа и заканчивая древнетюркским временем. Внутригрупповой анализ материалов из могильника Кок-Паш показал, что население составляющие его, по совокупности краниологических признаков занимает промежуточное положение между европеоидным и монголоидным антропологическими типами. Также А.Р. Ким провел сравнение полученных краниологических данным с хронологически близкими группами центральных районов Горного Алтая из могильников Булан-Кобы IV и Белый Бом II, что показало резкое отличие их между собой, население Восточного Алтая имеет более выраженные монголоидные черты, чем группы центральных районов. В результате полученных данных А.Р. Ким пришёл к заключению, что для более точного вывода необходимо дальнейшее накопление палеоантропологических материалов [Ким 1990: 134, 135].

В дальнейшем изучением антропологического облика средневекового населения Горного Алтая занимался Д.В. Поздняков, им была написана диссертация в 2004 г. по теме «Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.», под руководством А.П. Деревянко [Поздняков 2004]. И в 2006 г. им же была выпущена монография «Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи Средневековья», в которой был представлен анализ антропологических материалов средних веков. На основе полученных данных Д.В. Поздняковым было представлено полное описание антропологического

облика и состава населения Западной и Южной Сибири, было проведено сравнение групп, последовательно сменявших друг друга, представлены аспекты этногенеза средневековых групп Сибири [Багашёв 2017: 55]. По полученным данным, исследователь пришел к заключению, что в течении второй половины I тыс. н.э. (VIII–IX вв. н.э.) на всей территории Алтая, складывается единый антропологический тип – «южносибирский», который очень близок по своим антропологическим признакам к современному типу южных алтайцев [Поздняков 2001: 153]. Также Д.В. Поздняков отмечал, что краниологические серии из горных районов Алтая, относящиеся к древним тюркам, изучались исследователями в период, когда не существовало надежной хронологической шкалы для памятников данного периода. Поэтому Д.В. Поздняков не исключает вероятности присутствия в данной группе черепов, которые могли бы относиться к различным периодам средневековья [Поздняков 2006: 16].

В 2015 г., А.В. Зубовой и Г.В. Кубаревым была опубликована работа, посвящённая изучению раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ. Полученный антропологический материал из погребения был представлен тремя мужскими и двумя женскими черепами. В ходе обследования была выявлена типологическая принадлежность серии в пределах монголоидного антропологического типа. Результаты изучения краниологических серий из могильника представляют значительную вариабельность краниологических признаков состава средневекового населения горных районов Алтая. Исследователями проведен сравнительный анализ черепов из могильника Кудыргэ с суммарными характеристиками тюрков «катандинского» типа, средневековыми сериями Западной Сибири и хронологически ранними группами с территории южной части Западной Сибири, Горного Алтая, Монголии и Забайкалья. В результате полученных данных исследователи сделали вывод, что они подтверждают концепцию существования в I тыс. н.э., на этой территории двух этнокультурных групп – «катандинской», которую связывают с предшествующими популяциями Горного Алтая эпохи железа, и «кудыргинской» которая, по мнению исследователей, в большей степени представлена мигрантами с территории Монголии и Забайкалья [Зубова, Кубарев 2015: 85, 87, 90, 91].

Таким образом, история изучения антропологического облика с использованием краниометрических методов населения Горного Алтая в период раннего средневековья (первая половина I тыс. н.э.) имеет длительную историю. Исследование антропологических материалов из горных районов Алтая раннего средневековья позволило исследователям прийти к выводу, что процесс расогенеза этого региона уходит корнями в предшествующую эпоху. Но недостаточная антропологическая выборка затрудняет исследователям выявить основные этапы развития этногенетического процесса в Горном Алтае в эпоху раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // СА. 1958. № 1. С. 45-49.
- Багашёв А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 408 с.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948. Т. IV. 392 с.
- Зубова А.В., Кубарев Г.В. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 85-92.
- Ким А.Р. К палеоантропологии Восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая: тез. докл. и м-лов к конф. (г. Барнаул, март 1990) / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1990. С. 134-136.
- Поздняков Д.В. Формирование древнетюркского населения Горного Алтая по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 142-154.
- Поздняков Д.В. Антропологический состав населения западной и южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 24 с.
- Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи Средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 136 с.

**В. А. Кольченко,
Д. К. Тулуш,
А. Г. Ситдиков,
В. Г. Бездудный**

Валерий Анатольевич Кольченко,
Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова
Национальной академии наук Кыргызской Республики,
г. Бишкек, Кыргызстан; archak@gmail.com
Демир Константинович Тулуш, demirtkd@mail.ru
Айрат Габитович Ситдиков, sitdikov_a@mail.ru
Владимир Григорьевич Бездудный, lekt88@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия

Предварительные результаты исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021–2022 гг.*

Аннотация. В настоящем докладе представлены предварительные результаты, полученные в рамках проекта «Средневековые города на трансконтинентальных торговых маршрутах Евразии: урбанистические центры Чуйской долины и Среднего Поволжья» (грант МИЦАИ № 22/2022). За 2021–2022 гг. авторским коллективом проведены визуальное обследование, геомагнитные исследования четырех памятников и составлен современный топографический план с цифровой моделью местности одного памятника – городища Тёлёк. Выполненный комплекс работ позволил увидеть без археологических раскопок сложную квартальную систему близ центральных сооружений, а также наметить планы на полевой археологический этап проекта, запланированный на осень 2022 г.

Ключевые слова: Кыргызстан, Чуйская долина, средневековые города, Тёлёк, Бурана, Кен-Булуң, Сретенка, Сокулук, геомагнитные исследования

Валерий Анатольевич Кольченко,
Кыргызстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының
Б. Жамгерчинов атындағы Тарих, археология және этнология институты,
Бішкек қ., Кыргызстан;
**Демир Константинович Тулуш,
Айрат Габитович Ситдиков,
Владимир Григорьевич Бездудный,**
Татарстан Республикасы Ғылым академиясының
А.Х. Халиков атындағы Археология институты,
Қазан қ., Ресей

2021–2022 жж. Шу алқабындағы ортағасырлық қалаларды зерттеудің алдын-ала нәтижелері

Аннотация. Бұл баяндамада «Еуразияның трансконтиненталдық сауда бағыттарындағы ортағасырлық қалалар: Шу алқабы мен Орталық Еділ бойы урбанистік орталықтары» жобасы (МИЦАИ № 22/2022 гранты) шеңберінде алынған алдын ала нәтижелер ұсынылды. 2021–2022 жж. авторлық ұжым визуалды тексеру,

төрт ескерткішке геомагнитті зерттеу жүргізді және бір ескерткіш – Төлөк қалашығы аумағының сандық моделімен заманауи топографиялық жоспар құрылды. Орындалған жұмыстар кешені археологиялық қазбаларсыз орталық құрылыстардың маңындағы күрделі кварталдық жүйені көруге, сондай-ақ, 2022 ж. күзіне жоспарланған жобаның далалық археологиялық кезеңін жоспарлап белгілеуге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: Қырғызстан, Шу алқабы, ортағасырлық қалалар, Төлөк, Бурана, Кен-Булун, Сретенка, Сокулук, геомагниттік зерттеулер

Valerii Kolchenko,

B. Jamgerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the National Academy of Science of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

Tulush Demir,

Sitdikov Ayrat,

Bezdudny Vladimir,

Institute of Archaeology named after A. Khalikov
of the Academy of Science of the Republic Tatarstan, Kazan, Russia

Preliminary results of the study of medieval cities of the Chui Valley in 2021–2022

Abstract. This report presents the preliminary results of the project “Medieval Cities on the Transcontinental Trade Routes of Eurasia: Urban Centers of the Chui Valley and the Middle Volga Region” (IICAS, grant No. 22/2022). In 2021-2022 the team of authors carried out a visual survey, geomagnetic studies of 4 sites and compiled a modern topographic plan with a digital model of the area of the settlement of Telek. The completed works made it possible to see, without archaeological excavations, a complex quarterly system near the central buildings, as well as to outline plans for the field archaeological stage of the project in autumn 2022.

Keywords: Kyrgyzstan, Chui valley, medieval cities, Tyolyok, Burana, Ken-Bulun, Sretenka, Sokuluk, geomagnetic researches

Введение

В 2021 г. стартовал совместный проект археологов Кыргызстана и Татарстана «Средневековые города на трансконтинентальных торговых маршрутах Евразии: урбанистические центры Чуйской долины и Среднего Поволжья». При его подготовке в рекогносцировочной поездке по городищам Чуйской долины в июле 2021 г. был осмотрен ряд памятников и после анализа увиденного отобрана серия городищ для включения в проект. Это памятники Бурана, Кен-Булун, Новопокровское-2, Сокулук, Сретенское и Төлөк, на которых планируется проведение аэротопографических и геофизических работ, локальные раскопки, а на городище Новопокровское-2 будет проведена обработка ранее найденных на нем находок.

В ноябре 2021 г. на четырех городищах – Бурана, Кен-Булун, Сретенское и Төлөк были проведены геофизические (магнитометрические) работы; на пятом из ранее намеченных для этих целей памятников – городище Сокулук – проведение магнитометрических исследований оказалось невозможным из-за его технического состояния.

Весной 2022 г. проведены аэротопографические съемки памятников Төлөк и Сретенское. По результатам работ уже составлена современная детальная топографическая карта и цифровая модель местности городища Төлөк. Аналогичная работа по Сретенскому городищу будет завершена осенью после повторной съемки отдельных участков.

Краткие сведения о памятниках

Наиболее известным из вышеуказанных памятников является **городище Бурана**, названное так по сохранившемуся на нем минарету X в., фигурирующему в литературе с XIX в. как «башня Бурана». Оно отождествляется со средневековым городом Баласагун – одной из столиц государства караханидов в X в. и кара-китаев (киданей, Си Ляо) в XII в. (рис. 1). Несмотря на частые,

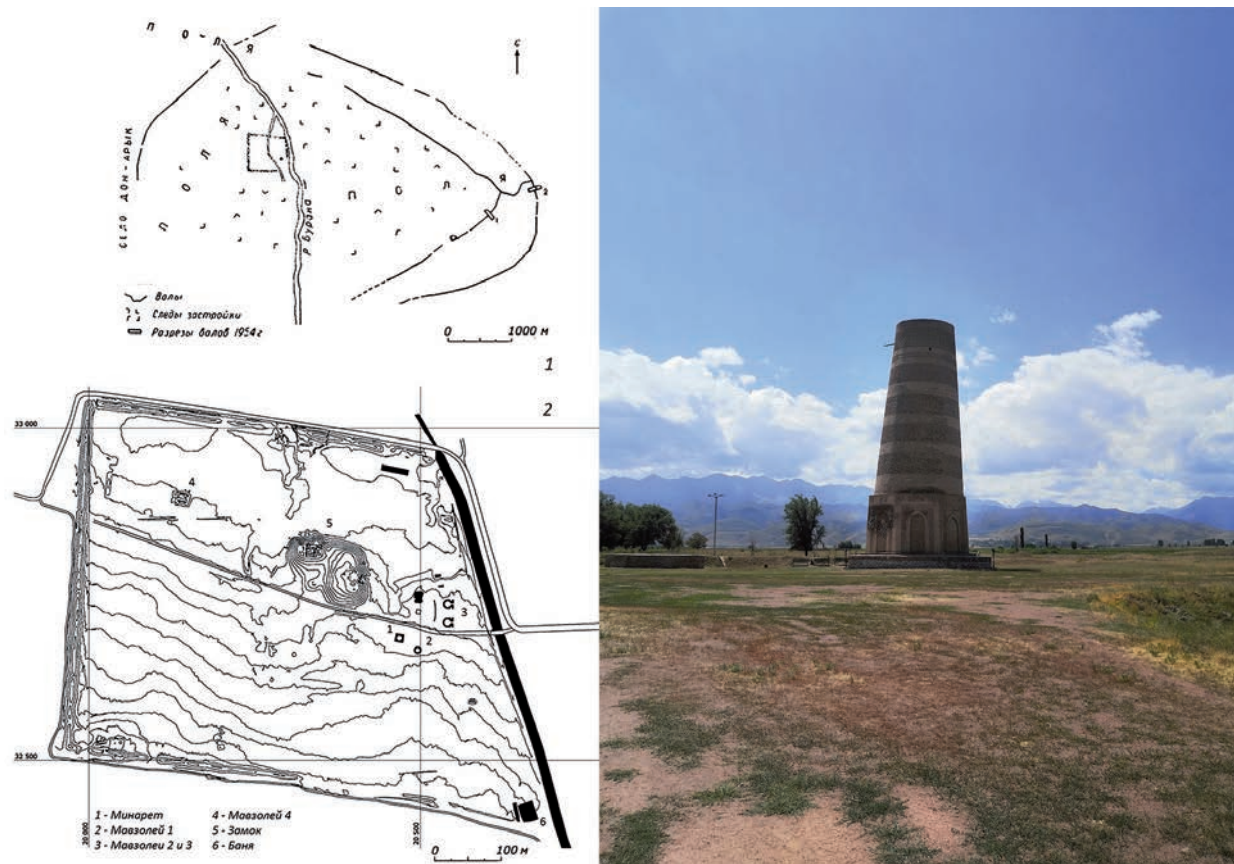

Рис. 1. Городище Бурана, план и современное состояние минарета

начиная с середины XIX в., упоминания городища и многочисленные описания его минарета, документированные раскопки проводились лишь трижды – в середине 80-х гг. XIX в., в 50-х и 70–80-х гг. XX в.

Городище расположено в восточной части Чуйской долины в 50-60 км к востоку от г. Бишкек. Оно лежит на относительно ровной, слабо покатой с юга (от гор) к северу поверхности, перерезаемой примерно посередине руслом небольшой речки Бурана (Буранинка, Бурана-сай). Центральные развалины (шахристан), обнесенные четырехугольником обвалованных крепостных стен (620×520 м), расположены на западном берегу р. Бураны. Северо-восточный угол смыт рекой, причем восточная стена и восточная часть южной отсутствуют в своем основном объеме, но, вероятно, сохранились в нижней части. Так, восточная стена шириной 13 м прослежена на 1 м в высоту в средней части своего простираения секущим ее шурфом (выполнен в 1985 г. Л.М. Ведутовой), хотя фактически не выделяется в рельефе.

По данным шурфовки в 1954 г. мощность культурного слоя центральных развалин была определена до 2,5 м без оснований для разделения их на строительные горизонты и отмечено, что часть территории оставалась незастроенной (с минимальным культурным слоем) [Кожемяко, 1959: 128], а время существования городища определено от IX до XIV вв.

Почти посередине центральных развалин с юга на север городище пересекает русло то ли отвода реки, то ли канала (но южнее шахристана в современном рельефе русло отсутствует). В центре, на восточном его берегу, находятся сросшиеся оплывами холмы – два больших и один

поменьше – замок. Несколько восточнее, в 70–80 м, находится сооружённая из жжёного кирпича «башня Бурана» – сохранившийся на 24 м, примерно 3/4 своей первоначальной высоты, минарет – с квадратным в плане основанием, восьмигранным цоколем и круглым стволом; невысокий вход на внутреннюю винтовую лестницу начинается выше цоколя. Беседка, предположительно венчавшая минарет, полностью утрачена.

Локальные исследовательские раскопки на отдельных объектах памятника (замок, мавзолеи, бани, погребения и т. д.) производились Л.М. Ведутовой, Д.Ф. Винником, В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой, Б.Э. Аманбаевой, М. Кубатбековым и др.

С 1976 г. прошлого века центральные развалины городища Бурана являются музеем под открытым небом, а в 2014 г. оно целиком вошло в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как часть серийной номинации «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанань – Тянь-Шанского коридора», что накладывает дополнительные требования к проведению раскопочных исследований на нём.

Следующее городище – **Кен-Булун** – расположено в 15 км к северо-западу от Бураны и 40 км к востоку от Бишкека. Его центральные развалины пятиугольной конфигурации стоят на северном краю 1-ой надпойменной террасы р. Чу¹ и западном борту рельефной складки (террасы) одного из бывших русел р. Кегеты (приток р. Чу). С юга и востока к центральным развалинам примыкает пространство с явными признаками культурного слоя, скрывающего достаточно плотную застройку; с востока это пространство ограничено другим руслом р. Кегеты; крепостных стен, опоясывающих это пространство, зафиксировано не было (рис. 2).

Городище было открыто в 1929 г. А.И. Тереножкиным в ходе разведок по Чуйской долине [Тереножкин 2012а: 33; 2012б: 49]. В начале XXI в., после обнаружения здесь бронзовых средневековых буддийских и джайнских древностей и другого художественного металла, были проведены исследования, в т. ч. был составлен топографический план [Камышев 2012: 99, 101, 106–110; Кольченко 2019: 73–74, 136–138].

В 2019 г. вблизи обвалованной фортификации центральных развалин городища, т. е. у стены средневекового города, землеройной техникой была прорыта техническая траншея под полотно дороги. Несанкционированные работы были прекращены, разрез культурных напластований был документирован, а из вынутого грунта завершается изъятие артефактов, требующих дальнейшей обработки и публикации. По предварительным данным материал, включающий многочисленную керамику, а также кашин, селадон, бусы и пр., может быть датирован IX–XIII вв.

Городище **Новопокровское-2** расположено на достаточно ровной поверхности с небольшой покатостью от гор на север, в 11 км к востоку от Бишкека в середине села, давшего ему своё название. Указывалось, что городище опоясывал ров, в котором были родники, совершенно не просматривающиеся в современном рельефе, т. е. рельеф был сильно изменён за последние 100 лет.

Впервые городище отмечено А.И. Тереножкиным в 1929 г. [Тереножкин 1935]. Его описание в картотеке разведок было опубликовано уже в XXI в. [Тереножкин 2012б: 57]. В 1950-х гг. П.Н. Кожемяко в ходе своих системных исследований Чуйской долины дал новое описание городища, определил типологическую принадлежность (городище округи) и предложил датировку – VIII–XII вв. По его данным и описаниям А.И. Тереножкина. городище было квадратным (120×120 м), с буграми башен на углах и серединах сторон. На восточной стороне в середине находился полого опускающийся массив, интерпретированный как пандусный въезд. В середине западной стены бугор был значительно больше остальных, что послужило основанием интерпретировать его как цитадель. Выполненный П.Н. Кожемяко в северо-западном углу городища шурф прорезал культурные напластования, мощностью в 5,6 м.

¹ Современное русло р. Чу проходит в 3 км к северу от городища.

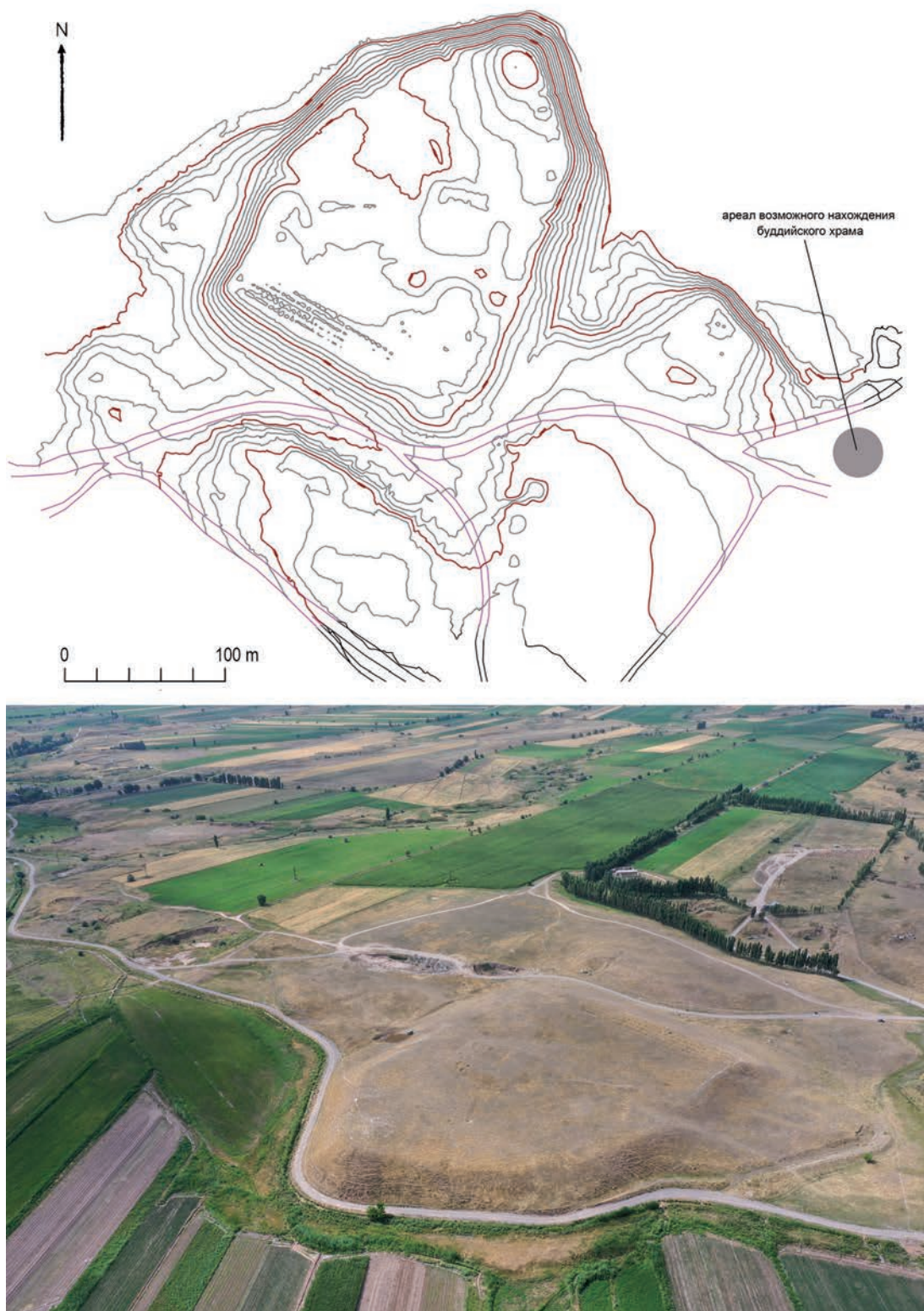

Рис. 2. Городище Кен-Булун, план и аэрофотоснимок (2021 г.)

В начале 1960-х гг., при земляных работах, связанных со строительством на городище Дома культуры, были найдены предметы буддийского культа, ставшие широко известными в научной литературе. Исходя из этих находок, позже было предположено, что городище является остатками буддийского монастыря [Горячева, Перегудова 1996]. С 2004 г. по настоящее время на городище проводятся археологические раскопки, ставившие первоначальной целью проверку буддийского характера памятника – выполняется два основных раскопа (в ЮВ углу и центре), третий, разведочный (в середине западной стены), – законсервирован (2018). Буддийская гипотеза подтверждения не нашла, но был получен большой массив стратифицированного материала, требующий обработки и публикации.

Сокулукское городище расположено в 20 км к западу от Бишкека, на северной окраине одноимённого села. Его центральные развалины занимают пространство, приподнятое между двух балок – старых русел р. Сокулук (рис. 3).

Городище впервые было упомянуто и описано (в пределах центральных развалин) экспедициями под руководством А.Н. Бернштама в 1940–1941 гг. Тогда же был составлен схематический план его центральных развалин. В 1952 г. визуально, без каких-либо раскопочных работ, городище обследовал П.Н. Кожемяко. Он дал своё описание памятника, составил новый план (с учётом русла Большого Чуйского канала/БЧК), на который нанёс остатки выявленных им длинных стен радиусом 1,5–2 км [Кожемяко 1959: 93–95].

В планиграфии центральные развалины городища (около 500×200 м) представляют собой прямоугольник крепостных обвалованных стен (100×70 м), т. е. шахристан-1, с заметным возвышением (цитаделью?) в середине западной из них, и примыкающее с запада и севера до границ рельефной возвышенности пространство с признаками сплошной застройки, которое можно обозначить как шахристан-2.

В 1941 г. специально организованная экспедиция археологического надзора над сооружением Большого Чуйского канала одной из своих групп (нач. С.С. Сорокин) пыталась вести археологическое документирование процесса прорезания городища с востока на запад трассой БЧК [Чуйская долина..., 1950: 93–97, табл. IV, б] Эти работы стали, по сути, единственными археологическими раскопками на городище. Канал прошёл в 10 м к северу от прямоугольника крепостных стен, через весь шахристан-2, что сформировало своеобразный стратиграфический разрез протяженностью 500 м. Отмечается, что мощность культурных наслоений на первых (с запада) 20 м составляет менее 1 м. В следующих 180 м культурных напластований было отмечено до 2 м. Следующие 50 м – 3–4 м. Затем, до «гребня седловины» 150 м (половина из которых непосредственно перед крепостной стеной четырёхугольника), – до 8 м. На последних 100 м мощность наслоений падает до 3–4 м, обрываясь у дороги к «0».

Стратиграфическая фиксация изымаемых артефактов велась по слоям в 1 м, замеряемым от поверхности в точке изъятия. Собранный формально стратифицированная коллекция артефактов легла в основу этно-культурной эволюционной колонки (и археологического раздела музейной экспозиции того времени): верхние 2 м – «караханидский материал с вкраплениями карлукской керамики»; следующие 2 м – «находки согдийской культуры», но также «карлукской» и «караханидской»; 5–7 м – «карлукские» и «согдийские вещи» с вкраплениями «караханидской керамики»; 6–7 м – «тюркские вещи»; 8-й м – самый нижний с культурными отложениями – связывается с усунями (предметы из «остатков усуньского кургана»). Яркие и своеобразные находки с Сокулукского городища, во многих публикациях А.Н. Бернштама связываемые с согдийцами и «согдийской колонизацией» Чуйской долины, до настоящего времени остаются актуальными индикаторами для хронологических и этно-культурных атрибуций новых находок и реконструкций

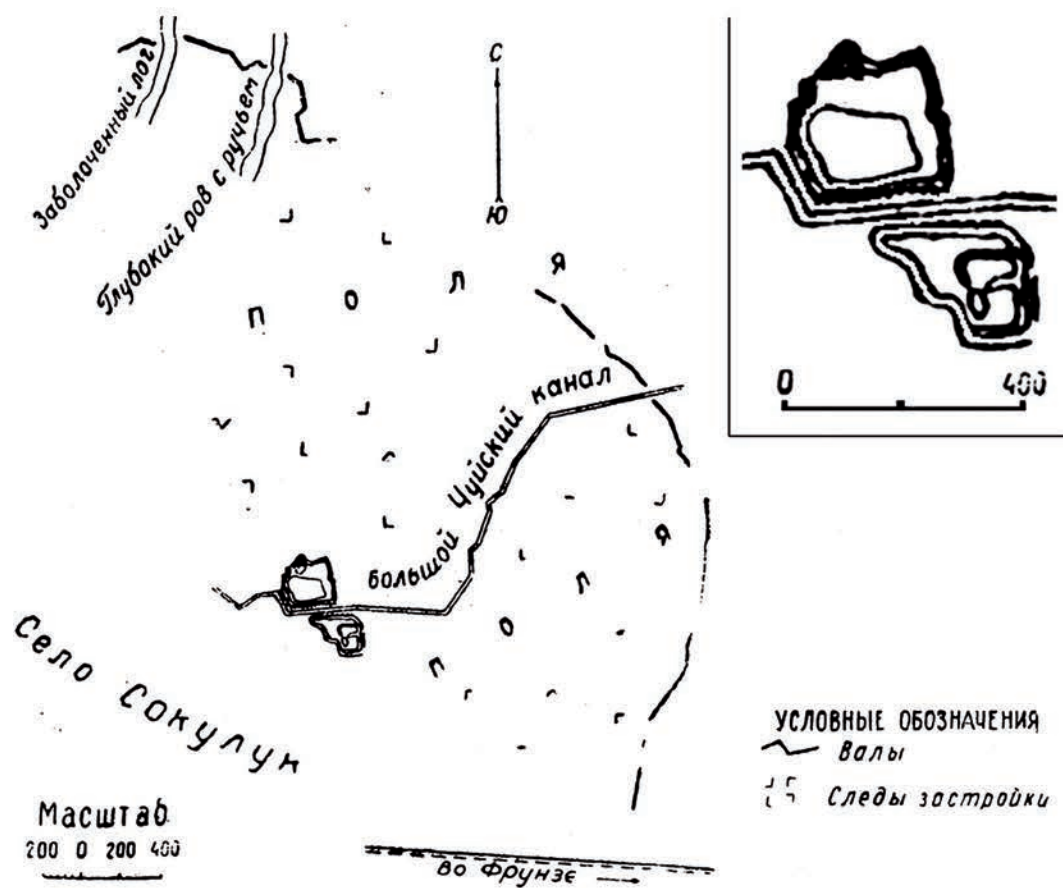

Рис. 3. Городище Сокулук, план и спутниковая схема расположения

исторических процессов, хотя их хронологический и этно-культурный пересмотр уже запущен [Кольченко 2003; Торгоев 2004].

Городище Сретенское расположено в 20 км к северо-западу от городища Сокулук на правом (восточном) берегу р. Ак-Суу, в 4,5 км к северо-западу от села, давшего ему своё имя, в 40 км от впадения р. Ак-Суу в р. Чу и 16 км от автомобильной трассы Бишкек–Тараз (рис. 4).

Впервые городище упоминает В.В. Бартольд в отчёте о своей поездке 1893–1894 гг., называя его вслед за местными жителями, «торткуль Ак-Тепе». Впрочем, никаких данных им не приведено кроме факта наличия его и двух других городищ вблизи, на отвороте от с. Беловодского на север к броду Ит-Кичу/Тай-Кичу на р. Чу [Бартольд 1996: 394]. В 1940 г. городище посетила экспедиция под руководством А.Н. Бернштама, составив его план и опубликовав минимальную информацию: цитадель в центре и обнесена вокруг стен, а развалины у местного населения называются «Чалдывар». А.Н. Бернштам полагал его остатками средневекового города Харан-Джуван, упомянутого Мақдиси в X в., в описании которого говорится: «<...> вокруг него стена и среди неё цитадель, в которой живёт дихкан <...>» [Чуйская долина... 1950: 24, табл. IV, 3]. В 1952 г. П.Н. Кожемяко дал новое описание памятника, составив свой план городища, включая впервые выявленные длинные стены, и выполнил пять шурфов на разных структурных частях памятника

Рис. 4. Городище Сретенское, план и спутниковая схема расположения

[Кожемяко 1959: 98–102]. По опубликованной им карте городищ долины очевидно, что Сретенское является одним из нескольких в серии памятников (Беловодская крепость, Тёлёк, Спенинское) на меридиональном ответвлении от основного, широтно ориентированного участка Шёлкового пути [Кожемяко 1959: карта; Ведутова 1990]. В 1994 и 1995 гг. в течение двух сезонов на городище работал отряд Института истории НАН КР под руководством Л.М. Ведутовой, но материал не был опубликован.

По опубликованным данным А.Н. Бернштама, П.Н. Кожемяко и личным наблюдениям В.А. Кольченко в структуре центральных развалин выделено три компонента. В центре стоит большой конусообразный холм (40×40 м при высоте до 5 м), обозначаемый предшественниками как цитадель. Вокруг него – относительно ровная почти квадратная площадка (240×220 м) с плохо просматриваемыми в рельефе по периметру возвышениями крепостных стен. Эту структурную часть можно назвать шахристан-1. Центральный холм и площадка вокруг него ориентированы углами по сторонам света; юго-западная стена поставлена по краю надпойменной террасы реки. В середине юго-восточной стены просматривается значительный (17×22 м) холм (мощное надвратное/привратное сооружение?), названный П.Н. Кожемяко «второй цитаделью».

Вокруг шахристана-1 – «нижняя площадка» (в терминологии П.Н. Кожемяко), находящаяся на 1–1,2 м ниже «верхней площадки» (шахристана-1). Её шестигранный неправильный периметр обнесён обвалованной ныне крепостной стеной, возвышающейся в рельефе на 2–2,5 м с внешней стороны и на 1 м – с внутренней [Кожемяко 1959: 100]. Полагаем, что эту третью структурную часть центральных развалин можно назвать шахристаном-2.

В 1950-х гг. на шахристане-1 было заложено два шурфа по 6 м² – к северу и востоку от цитадели. Они прорезали «слабо разделяемые» культурные напластования в 4,8 м без выявленных строительных конструкций. По найденной керамике напластования разделены на три горизонта, которые были датированы, соответственно, X–XII, VIII–X и VI–VIII вв. Ещё два шурфа по 6 м² выполнены на шахристане-2 – в северной и юго-восточной части, выделено два горизонта культурных напластований, датированных VI–IX вв. [Кожемяко 1959: 102].

Пространство, обнесённое длинными стенами, расположено с двух сторон от русла р. Ак-Суу с крутыми обрывистыми берегами. Стены фиксировались в 1950-х гг. в 0,5–1 км на запад и восток и в 2–2,5 км на север и юг от центральных развалин; с востока были отмечены остатки второй дуги стен, отстоящие от первого кольца на 1 км [Кожемяко 1959: 101].

Последним из чуйских памятников, отобранных для совместного проекта, является городище **Тёлёк** у южной околицы одноимённого села. Его центральные развалины расположены на относительно ровной поверхности на северном берегу р. Ак-Суу у впадения в неё р. Сокулук, но не в образованном на их слиянии и остающемся на южном берегу речном мысе, как на ряде других памятников (Сокулук, Беловодская крепость), а фактически вдоль прямой линии русла р. Ак-Суу (рис. 5). Между центральными развалинами городищ Тёлёк и Сретенское – 14 км.

Первым писал об этом городище в своём «Отчёте ...» В.В. Бартольд в 1894 г.: «Несколько южнее впадения Сокулука в Аксу находится холм Ак-Тепе, по-видимому, сооружённый целиком из жжёного кирпича, куски которого везде видны в большом количестве» [Бартольд 1996: 393]. В 1952 г. П.Н. Кожемяко дал системное описание памятника, составил его первый план, на который нанёс в т. ч. длинные стены, отдалённые от центральных развалин на 1–2 км, выполнил четыре шурфа и два разреза длинных стен [Кожемяко 1959: 118–120]. В 1977–1978 гг. под руководством М.И. Москалёва было заложено четыре раскопа/шурфа площадью от 9 до 20 м². Результаты исследований опубликованы лишь в виде кратких сообщений в «Археологических открытиях» за соответствующие года.

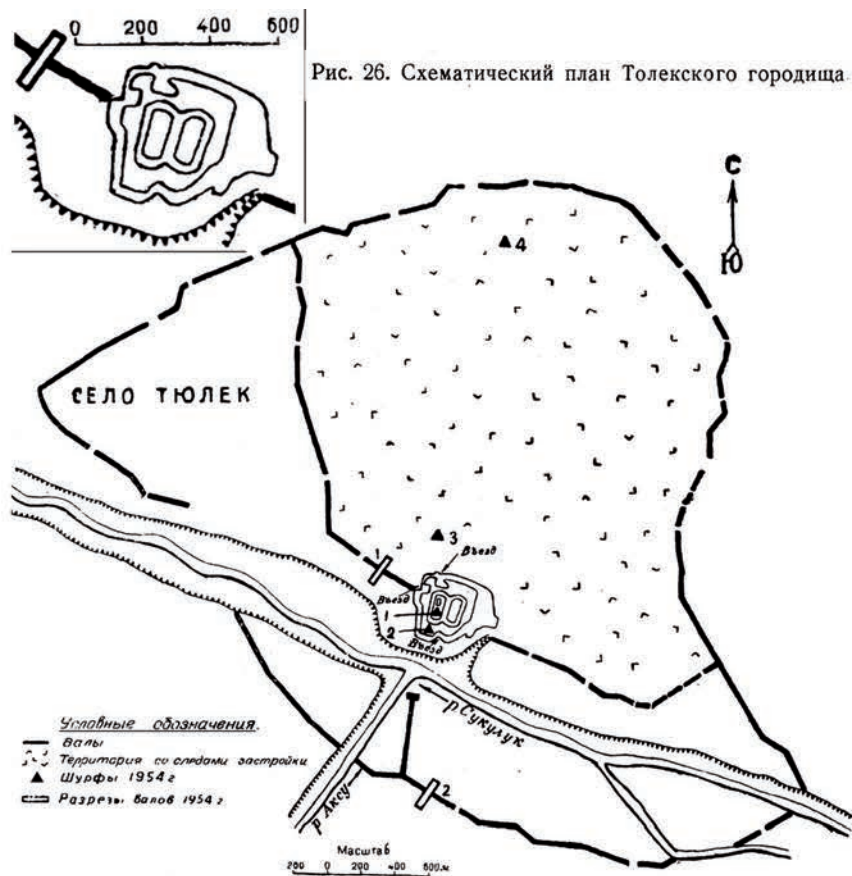

Рис. 5. Городище Тёлёк, план и спутниковая схема расположения

П.Н. Кожемяко выделял четыре яруса-компонента в структуре центральных развалин: (1) шахристан-1, размерами 200×200 м, разделённый ложбиной-улицей на две примерно равные части; (2) цитадель (60×80 м) в северо-западном углу шахристана-1, возвышавшаяся на 2–2,5 м над ним; (3) расположенная вокруг шахристана-1 на 70–100 м площадка «второго яруса» с ломанным контуром, которую считаем уместным назвать шахристан-2; она на 4 м возвышается над последней (4) частью – ярусом-площадкой в форме «неправильного многоугольника» максимальными размерами (по замеру с плана) 420×500 м, вытянутой преимущественно в восточном направлении до 150 м и, в свою очередь, возвышающейся над окружающим рельефом на 1 м. Такое ярусное строение, по его мнению, могло быть связано с хронологическими этапами формирования городища [Кожемяко 1959: 118–119].

Одной из особенностей Тёлёка является то, что его первая длинная стена фактически примыкала к северо-западному и юго-восточному углам центральных развалин, хотя во всех других случаях центральные развалины остаются в середине её контура. Причём подчёркивается, что по микрорельефу, мало повреждённому хозяйственной деятельностью к сер. XX в., пространство, окружённое этой стеной, т. е. к северо-западу, северу и востоку от центральных развалин, визуально членилось на отдельные кварталы размерами 45×96, 50×180, 100×90 м, в каждом из которых читалось по два ряда групп всхолмлений, разделённых ложбинкой-улицей [Кожемяко 1959: 119–120]. Пространство, огороженное длинными стенами с южной стороны, рельефно выраженных следов застройки не содержало.

На шахристанах 1 и 2 было выполнено по одному шурфу по 10 м². Шурф 1 на шахристане-1 прорезал культурные напластования мощностью 6,2 м, которые по строительным остаткам делятся на три строительных горизонта: 0–2 м, 2–3,4 м и 3,4–6,2 м. При этом два верхних горизонта по находкам датирован X–XII вв., а нижний – IX–X вв. [Кожемяко 1959: 121]. Шурф 2 на шахристане-2 прорезал культурные напластования мощностью 5,1 м, которые по выявленным строительным остаткам разделили на четыре строительных горизонта. Так как в шурфе не было найдено глазурованной керамики, то он был датирован временем до X в. [Кожемяко 1959: 121–122].

Геофизические исследования

В октябре–ноябре 2021 г. на городищах Чуйской долины были проведены геофизические исследования. Цель проводившихся работ – предварительная оценка перспективности отобранных участков для раскопочных исследований через получение предварительных данных, их анализ и интерпретацию, а также отработка методики геофизических исследований среднеазиатских сырцовых городищ значительными площадями.

Применялся один из методов геофизических исследований – магнитометрия (фиксация вертикального градиента магнитного поля на участках исследования при помощи процессорного датчика POS-2). Выбранный метод был успешно апробирован на городищах Болгарского круга в Поволжье [Бездудный, Ситдииков 2019; Бездудный и др. 2018]. Проводилось измерение вертикального градиента магнитного поля земли на участках исследования. Среднее магнитное поле в данном регионе на момент исследования составляло 55,000 нанотесла (нТл). Методика исследования – непрерывная съёмка; время каждого физического наблюдения – 0,5 сек. Это позволило получать значения градиента магнитного поля с удовлетворяющей точностью ±0,1 нТл/2 м.

Предварительно была определена задача провести съёмки на площади в 50 000 м² – по 10 000 м² на пяти городищах (Бурана, Кен-Булун, Сокулук, Сретенское и Тёлёк). На каждом из них должно быть не более двух площадок. При выборе площадок мы исходили из технических параметров (возможности разбивки одного или нескольких смежных стандартизированных по

размеру участков (50×50 м) с горизонтальной относительно ровной поверхностью, отсутствием на них воздушных или подземных линий электропередач, визуально фиксируемых металлических или металлосодержащих элементов и конструкций, деревьев и кустарников), с одной стороны, и научных задач проекта в целом и историографически определяемых потребностей на конкретных памятниках, с другой. В ходе проведения полевых работ было определено, что на городище Сокулук проведение магнитометрических исследований по техническим причинам невозможно (проходит высоковольтная ЛЭП, а на территории – множество металлосодержащих инородных элементов). Предварительно определённая квота площади с этого городища была перенесена на Тёлёк как базовый памятник проекта. Информация о площадках и входящих в них участках, их площади и количестве проведённых измерений сведена в табл. 1.

При разбивке на городищах участки ориентировались сторонами на магнитный север. Внутри участков сеть измерений – 0,5×0,5 м. Разметка участков производилась при помощи компаса и тахеометра с привязкой их углов к географической системе координат.

Таблица 1 – Площади магнитометрических измерений 2021 г. и их количество

Городище	Площадка / участки	Размеры (С–Ю×3–В, м)	Кол-во измерений	Примечания
Бурана	1/1+2	100×50	36 524	Шахристан, к Ю от минарета
	2/3+4	100×50		Шахристан, к 3 от мавзолея-4
Кен-Булун	1/1	50×100	37 114	40 к ЮВ от центральных развалин
	2/2	50×100		Шахристан, середина у В креп. стены
Сретенское	1/1+2	70×50	36 162	Шахристан-1, к В от цитадели
	1/3	50×80		Шахристан-1, к Ю от цитадели
	2/4	50×50		Шахристан-2, ЮЗ часть
Тёлёк	1/1+7+8	118×50	78 275	Шахристан-1, ЮВ часть
	2/2-6	100×150		Нижняя (4) площадка, 75 м к В от Площадки 1

На **городище Бурана** поверхность была выложена некогда проводившейся распашкой. Было определено две площадки (рис. 6, 1), на которых произведено 36524 измерения и фиксации величин вертикального градиента магнитного поля.

Площадка 1 включает два стандартных участка 50×50 м, стыкуемых в меридиональном направлении: южнее участок 1 и севернее – участок 2. При определении местоположения площадки мы исходили из историографического интереса – определения характера заполнения площади к югу от минарета и, в частности, вероятности нахождения на ней остатков мечети, к которой этот минарет мог примыкать с севера. Однако рельефный перепад и проложенный вдоль верхнего борта этой складки кабель для освещения вынудили отодвинуть площадку на 40 м южнее.

Было выявлено множество мелких сильных всплесков магнитного поля, характерных для реакции на железо. Учитывая, что визуально наблюдался металлический трос, торчащий из земли, вероятно, часть сильных всплесков магнитного поля происходит от современного железа. На данном этапе геофизических исследований отсепарировать такие всплески магнитного поля невозможно (рис. 6, 2).

На площадке четко прослеживается граница интенсивности изменений магнитного поля. Граница предполагаемой интенсивности шириной около 2 м проходит по направлению 3–В в южной части участка 2. Южнее этой границы у восточного края участка 1 зафиксирован комплекс изменений магнитного поля прямоугольной формы, предположительными размерами

Рис. 6. Геофизические исследования на городище Бурана, 2021 г.

8×10/10×12 м (вероятно, разрушенное и не видимое с поверхности сооружение). Выявленные на участке 1 несколько небольших пятен изменений магнитного поля размерами 4×6 м, 3×4 м, возможно, также являются разрушенными и археологизированными сооружениями.

Территория участка 2 лежит севернее выявленной границы. Здесь зафиксировано множество сильных изменений магнитного поля, имеющих очень условную структуру. Только в северной части участка 2 можно уверенно предполагать о фиксации остатков каких-то сооружений, обложенных плинфой, с предполагаемыми размерами от 8×10 м, ориентированными почти соосно с квадратным основанием минарета и аналогично сооружению на участке 1 (с небольшими отклонениями). Несколько более мелких сооружений предположительно выявлено в северо-западной части участка 2. Границы магнитного поля отдельных предполагаемых сооружений частично накладываются друг на друга. Дальнейшие исследования помогут уточнить полученные данные и интерпретацию полученного результата (рис. 6, 3).

Площадка 2 включает два стандартных участка 50×50 м, также стыкуемых в меридиональном направлении: южнее участок 3 и севернее – участок 4 (рис. 6, 4). Ставилась задача проверки

наличия остатков крупных архитектурных сооружений из жжёного кирпича (плинфы), аналогичных расположенному в 30 м к востоку мавзолею 4.

На участке 3 прослеживается линейное изменение магнитного поля, вероятно современного происхождения.

Вблизи от центра участка 4 – углубление подквадратной формой с примерными размерами 7×7 м глубиной до 1 м от уровня современной дневной поверхности. Фиксируется оно и в магнитном плане по центру участка 4. Происхождение его не ясно, возможно, современное – остатки средневековых культурных наслоений могли быть вынесены землеройной техникой. Внутри углубления магнитометрия фиксирует остатки вероятных сооружений; размеры и форма читаются очень предположительно (рис. 6, 5). В юго-восточном углу участка 4 расположено скопление сильно намагниченных отложений, но являются ли они фиксируемыми *in situ* развалами разрушенных сооружений из жженого кирпича без дополнительных исследований не ясно, в том числе потому, что в границы исследований попала лишь их явно незначительная часть. В западной части участка 4 зафиксированы менее масштабные, но более упорядоченные по форме изменения магнитного поля.

На **городище Кен-Булун** было также определено две площадки исследования по 5000 м² каждая (рис. 7, 1).

Площадка 1, размерами 50×100 м, была разбита в 40 м к юго-востоку от центральных развалин, южнее рекультивированной после прекращённых несанкционированных дорожно-строительных работ траншеи. Она вытянута в широтном направлении и на западе начинается на границе горизонтальной плоскости после резкого рельефного подъёма. Поверхность городища на

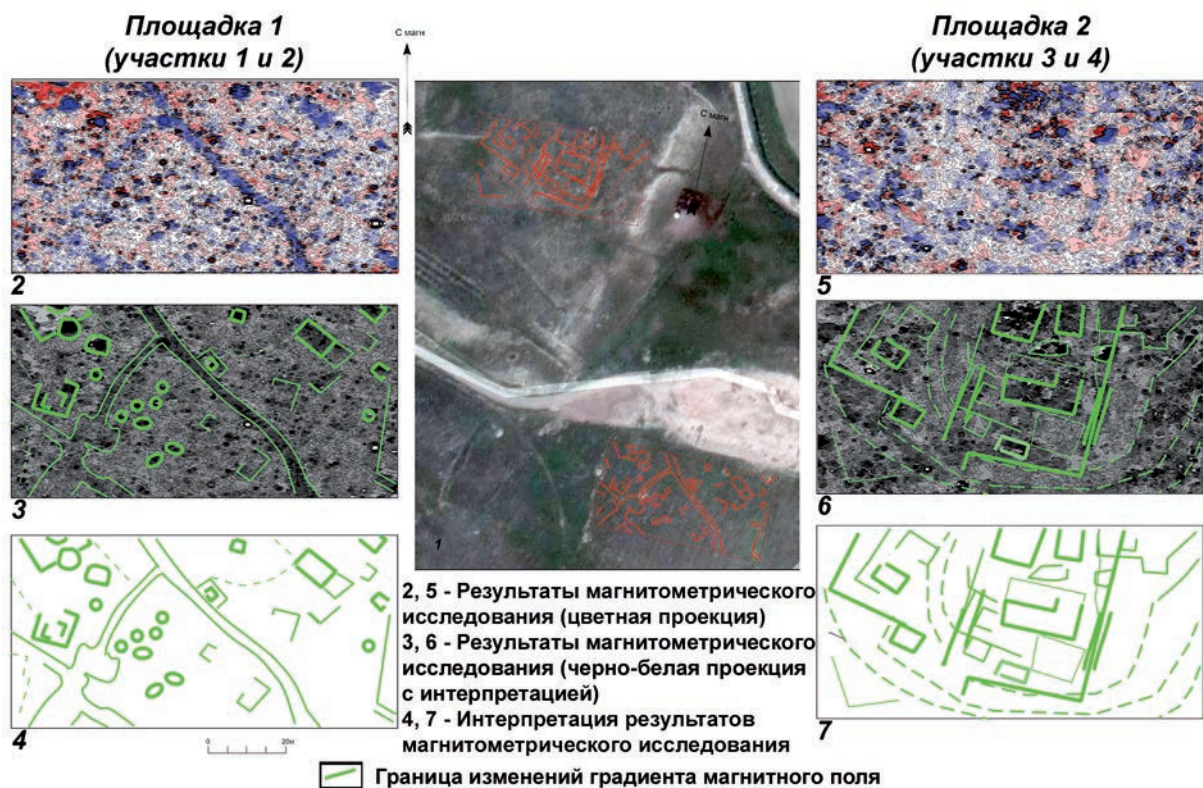

Рис. 7. Геофизические исследования на городище Кен-Булун, 2021 г.

этом участке снивелирована тяжелой техникой в 1970-х гг., подвергалась многолетней распашке; культурный слой частично нарушен. Она определена как место возможных исследований для понимания контекста массового материала, полученного из дорожной траншеи – о плотности и системности сооружений в этой части городища и наличия среди них керамических или иных производственных площадок.

Магнитометрическое исследование на площадке 1 (рис. 7, 2) дало множество мелких сильных всплесков магнитного поля (вероятно, часть из них происходит из-за современного железа). Анализ полученных данных позволил интерпретировать результаты как фиксирование квартальной системы в этой части городища в виде улицы и примыкающих к ней небольших переулков с чёткой привязкой к разметке площадки 1 (рис. 7, 3-4).

Площадка 2 (рис. 7, 5), также размерами 50×100 м, поставлена в середине центральных развалин так, что её восточная граница приходится на предполагаемый в рельефе гребень обвалованной крепостной стены. При этом в площадь исследования было включено чётко просматриваемое в рельефе квадратное в плане строение с понижением-двором в середине.

Анализ полученных данных магнитометрического исследования на площадке 2 позволяет предположить, что здесь зафиксированы остатки единого комплекса (рис. 7, 6–7). Центральная его часть состоит, как минимум, из нескольких конструкций, изготовленных из жжёного кирпича (плинфы). Эта часть комплекса уходит на север, за границы площадки 2. Центральная часть окружена прямоугольными структурами, причем, похоже, что они носят концентрический характер. Несколько сооружений предположительно выявлено в западной части. В южной части, вероятно, зафиксирован проход в этот комплекс. Возможно, в границы площадки 2 попала часть оборонительного сооружения, либо другой значимый комплекс типа караван-сарая.

Поверхность **городища Сретенское** выположена, имеет двухъярусное строение; многочисленные следы от раскопов (воронки D около 5 м и глубиной около 1 м с отвалами по периметру). На момент исследований поверхность была покрыта относительно редким кустарником и жёстким травостоем, и площадки съёмки пришлось от них очищать. Было определено две площадки для геофизических съёмок (рис. 8, 1).

Площадка 1 сложной конфигурации разбита на шахристане-1 и состоит из трёх участков: участок 1, размерами 50×80 м, располагающийся к югу от центрального холма-цитадели и вытянутый в широтном направлении; участки 2 и 3, площадью 20×50 м и 50×50 м соответственно, расположенные к востоку от центрального холма-цитадели, стыкуемые между собой в меридиональном направлении (участок 2 – южнее, участок 3 – севернее); участок 1 примыкает к участкам 2–3 с юга в своей восточной части и имеет с ними общую линию в 30 м (рис. 8, 2). Общая площадь площадки 1 – 7500 м².

Площадка 2 состоит из одного стандартного (50×50 м) участка 4 в юго-западной части шахристана-2 у его примыкания к юго-западному углу шахристана-1, в 55 м от площадки 1 (рис. 8, 4).

Анализ данных геофизической съёмки на обеих площадках позволил проследить от полсотни пятен изменений магнитного поля, которые можно соотносить с отдельными сооружениями либо помещениями. Можно констатировать, что на разных участках пятна различного размера и разной плотности/интенсивности на единицу площади. Зафиксированные магнитные всплески могут быть интерпретированы как чётко просматриваемая квартальная структура застройки исследованной части городища. Застройка, по данным наших исследований, плотная на всей территории центральной части городища, но имеющая некоторые отличия в структуре на каждой из площадок, поэтому можно предполагать различие функционального или социального назначений (рис. 8, 3, 5).

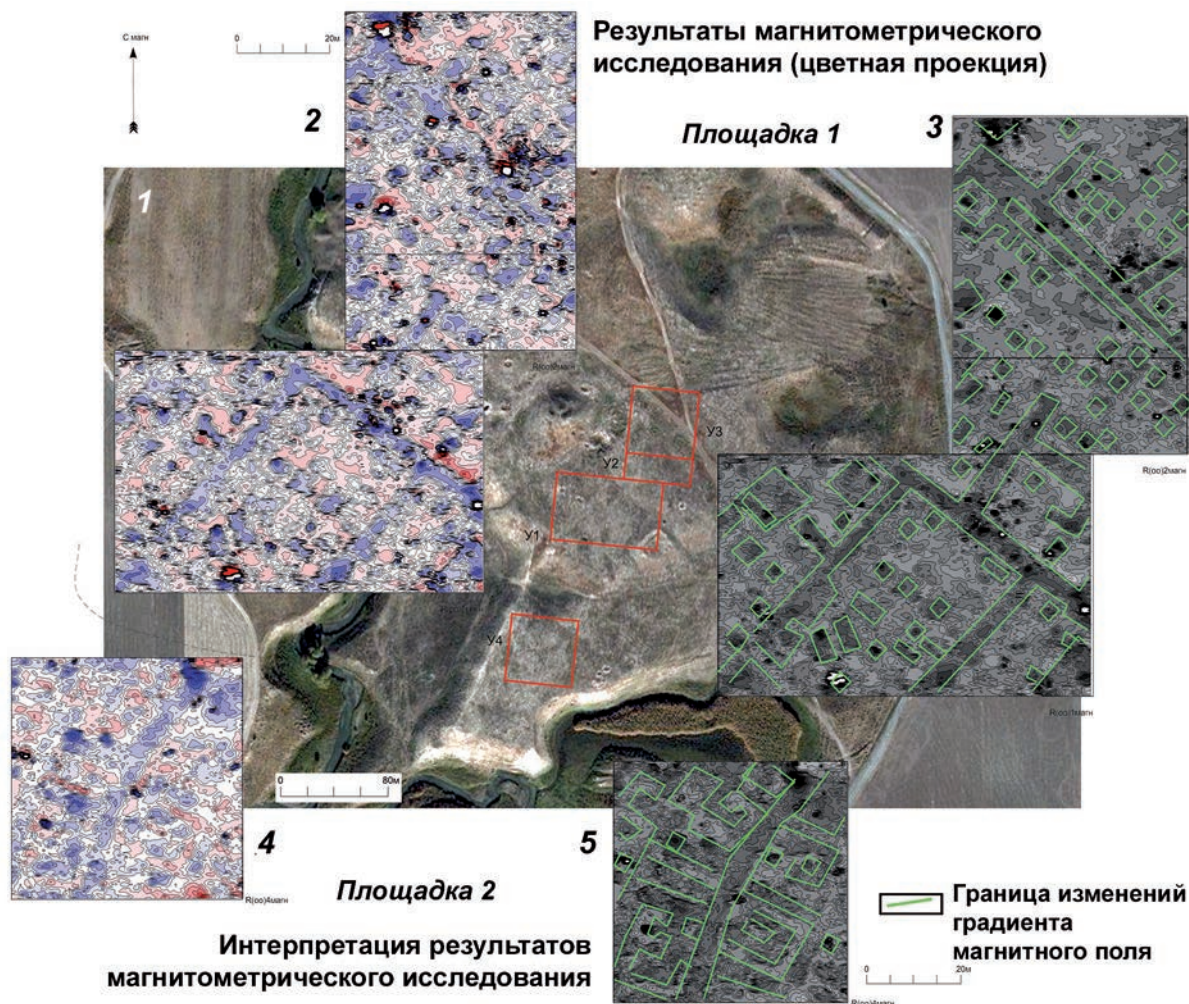

Рис. 8. Геофизические исследования на городище Сретенское, 2021 г.

На **городище Тёлёк** было определено две площадки исследования в разных структурных частях городища. Они располагаются на всхолмленной местности с отдельными линейными понижениями. Общая площадь магнитометрических исследований 20 900 м² (рис. 9, 1).

Площадка 1, общими размерами 118×50 м, вытянутая в меридиональном направлении, была поставлена в восточной части шахристана-1. Она включает (с севера на юг) стандартизированные участки 1 и 8, размерами 50×50 м, и участок-добавление 7, размерами 18×50 м, на южном склоне-спуске с гребня обвалованной стены шахристана-1 (рис. 9, 2).

Юго-западный угол участка 7 вплотную расположен к металлическим оградкам мусульманского кладбища и частично перекрыт магнитным полем от них. Вдоль западной стороны участка 8 проходит западина между частями шахристана-1, на поверхности которой – грунтовая дорога. Магнитосъёмка в этом месте также чётко фиксирует однородные сигналы (переданные голубым

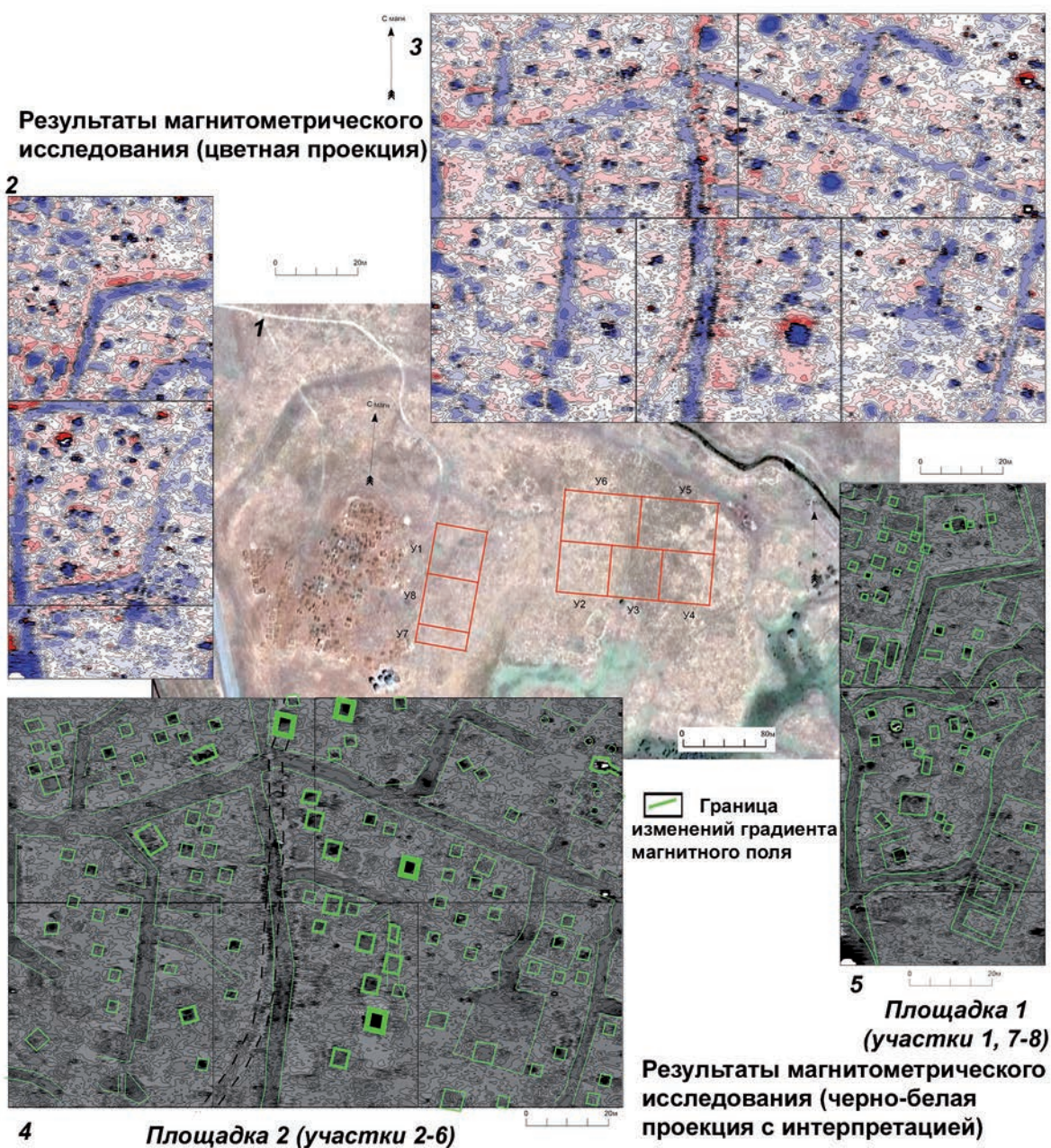

Рис. 9 Геофизические исследования на городище Тёлёк, 2021 г.

цветом), интерпретируемые нами как наличие погребённой поверхности средневековой улицы (рис. 9, 5). Западная сторона этого участка, как и в южной части участка 7, выдала другую однородность (показана белым цветом), что мы, учитывая рельеф, интерпретируем как крепостную стену.

В целом, по площадке 1 при анализе и интерпретации четко прослеживается и фиксируется плотная застройка этой части городища, намечается её квартальная структура.

Площадка 2, размерами 100×150 м, вытянутая в широтном направлении, разбита в 75 м к востоку от площадки 1 на нижней, четвёртой части центральных развалин городища и выходит за его предел своим северо-восточным углом. Она включает стандартные участки 2–4 (нумерация с запада на восток), размерами 50×50 м, расположенные южной полосой, и участки 5–6 (нумерация с востока на запад), размерами 50×75 м, лежащие севернее (рис. 9, 3).

Было выявлено множество мелких сильных всплесков магнитного поля, характерных для железа. Прослеживается около сотни пятен изменений магнитного поля, которые можно соотносить с отдельными сооружениями или помещениями. При интерпретации чётко прорисовывается относительно плотная квартальная структура застройки исследованной части городища (рис. 9, 4).

В северо-восточном углу участка 5 зафиксировано сильное изменение магнитного поля. Также на склоне в рамках участка зафиксирован ряд достаточно сильных небольших по площади изменений магнитного поля. Все эти пятна ограничены улицей, в рамках одного подворья (квартала). Возможно, в этом месте было расположено производство с небольшими горнами и двумя сооружениями в западной части подворья.

Сопоставляя площадки 1 и 2 можно констатировать, что на них различная плотность и размеры пятен магнитосъёмки на единицу площади. Можно предположить различие частей городища по социальному и/или функциональному назначению.

Подводя итог наших исследований 2021 г. в Чуйской долине, констатируем, что на четырех городищах магнитометрией исследовано 18 участков. Общая площадь магнитометрического исследований составила – 50 900 м². Всего произведено 188 075 физических наблюдений магнитного поля. Основываясь на полученных геофизических данных полевых исследований и камеральной обработки, можно обоснованно делать заключение о наличии на участках геофизических исследований остатков археологизированных объектов различного размера и назначения. На всех городищах зафиксирована упорядоченная квартальная (усадебная) застройка, с улицами и переулками. По интенсивности сигналов на единицу площади можно условно выделять зоны очень плотной и относительно разрозненной застройки, что на интерпретационном уровне можно объяснять её престижностью или общественной значимостью. Возможно, на отдельных городищах (Кен-Булун, Тёлёк) зафиксированы зоны/усадыбы производственного назначения. Предварительные выводы геофизических исследований планируется проверить раскопочными исследованиями на городище Тёлёк.

Планиграфические исследования

В марте–мае 2022 г. в рамках проекта были проведены работы по составлению актуальных топографических планов городищ, исследование которых запланировано в течение 2022–2023 гг. Первые работы были проведены на городище Тёлёк.

Полевые работы были проведены за пять дней. Они включали в себя подготовительные работы (определение границ участка, местонахождения и количества привязочных), установку наземных маркеров с привязкой к системе местных и глобальных координат посредством базовой станции GNSS Stonex S850A и, собственно, аэрофотосъемку поверхности городища Тёлёк. Для этого использовался квадрокоптер DJI Mavic 2 pro, с помощью которого с высоты более 2000 м над поверхностью земли было отснято в максимальном разрешении около 1500 га площади памятника, включая всю центральную часть и видимые участки (в т. ч. предполагаемые) «длинных стен» древнего города. Общий объем фотографической информации по памятнику составил более 125 Gb.

Камеральная часть работы включала в себя обработку и сведение изображений, составление цифровых и графических моделей. Работы были выполнены на базе программ Agisoft и AutoCad. После более чем за 30 дней камеральной работы группы под руководством кыргызстанского геодезиста К.А. Усенова были получены: ортофотоплан городища, топографическая съемка местности в масштабе 1:1000, 3D-модель местности, карта высот, в совокупности представляющие собой цифровую модель местности (ЦММ). В итоге общий объем информации, включая итоговые изображения, составил более 800 Gb.

Проведенные работы позволили рассмотреть конструктивные особенности памятника, скрытые под слоем растительности, а также увидеть остатки сооружений, не выраженных на поверхности, но хорошо различимых с высоты птичьего полета (рис. 10). Данные по цитадели городища Тёлёк, в целом, соотносятся с результатами, полученными при геофизическом обследовании. В частности, хорошо просматривается цитадель, застроенная современным некрополем (рис. 10, 1), квартальная застройка вокруг цитадели (рис. 10, 2), отдельные здания, частично видимые на поверхности по ЦММ, дополнены данными геомагнитной съемки.

В рамках проекта до конца текущего года планируется завершить аналогичную работу по составлению ортофототопоплана и ЦММ Сретенского городища, что позволит, на основе сравнения

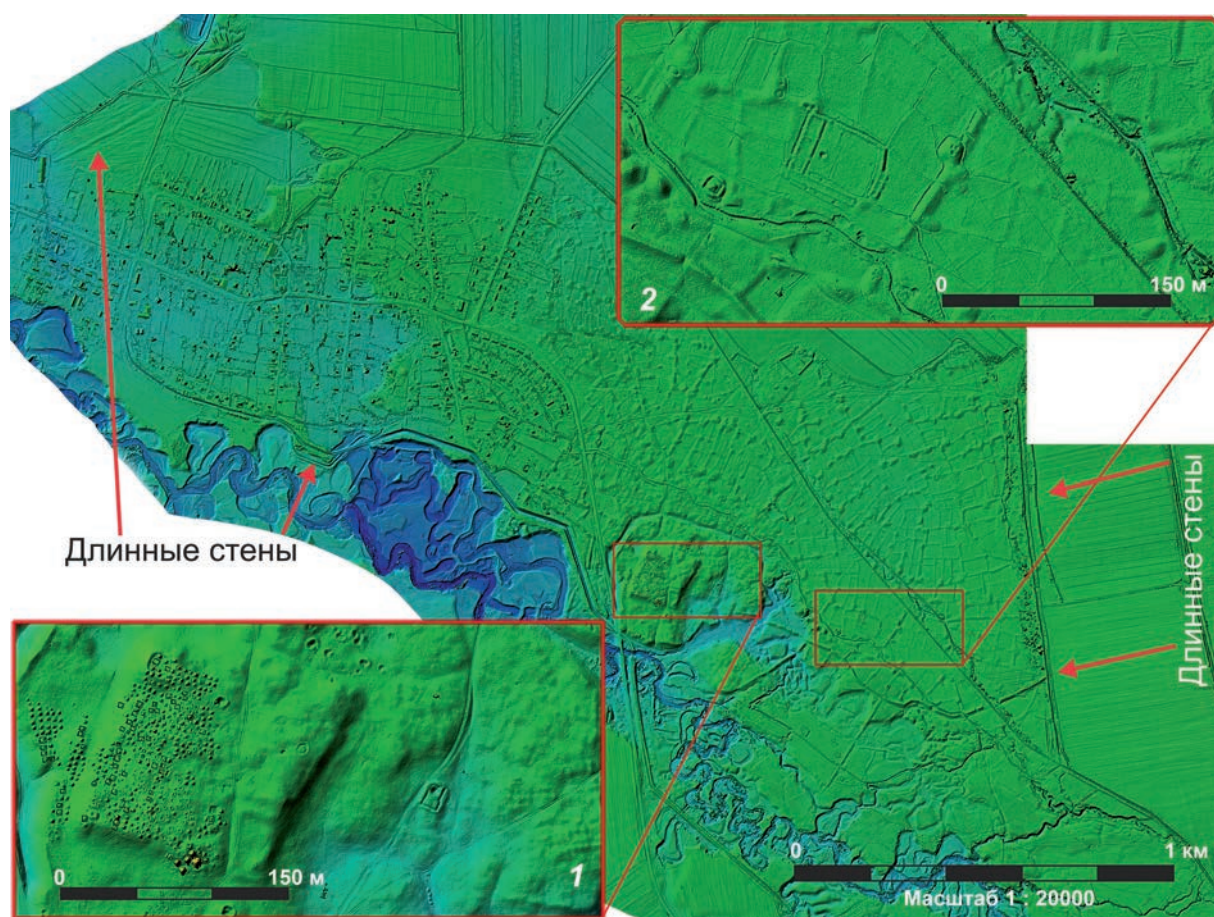

Рис. 10. Ортофотоплан городища Тёлёк, 2022 г.

с данными геомагнитной съемки, выделить характерные черты города, его сходство или отличие от Тёлёка. В течение 2023 г. современные топографические планы будут составлены еще на два городища, а также будет решаться вопрос о расширении площади геомагнитных исследований городов Чуйской долины.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд В.В.* Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг. // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Шам, 1996. С. 369-448.
- Бездудный В.Г., Ситдиков А.Г.* Комплексное геофизическое исследование участка Болгарского городища // РА. 2019. № 3. С. 105-114.
- Бездудный В.Г., Шакиров З.Г., Ситдиков А.Г.* Комплексные геофизические исследования 2015–2017 гг. на Билярском городище // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 18-24.
- Ведутова Л.М.* К вопросу о торговых путях в Киргизии в раннем средневековье // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО (г. Самарканд, 1–6 октября 1990 г.). Ташкент: Фан, 1990. С. 54-56.
- Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2. С. 167-189.
- Камышев А.М.* Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. III. Торевтика. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 97-122.
- Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: Изд-во. АН КиргССР, 1959. 187 с.
- Кольченко В.А.* Буддизм и другие «индийские» религии средневекового Кыргызстана // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 3: Буддизм. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 57-163.
- Кольченко В.А.* К вопросу о «согдийцах» в Чуйской долине // Диалог Цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. Бишкек, 2003. Вып. 3. С. 48-55.
- Тереножкин А.И.* Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. // ПИДО. 1935. 5–6. С. 138-150.
- Тереножкин А.И.* Дневник археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана / Ред. В.А. Кольченко и Б.Э. Аманбаева. Бишкек: Илим, 2012а. С. 28-37.
- Тереножкин А.И.* Картотека археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана / Ред. В.А. Кольченко и Б.Э. Аманбаева. Бишкек: Илим, 2012б. С. 38-63.
- Торгоев А.И.* Некоторые основания к датировке нижних слоев городища Чуйской долины // Вестник Кыргызского Нац. ун-та им. Ж. Баласагына. 2004. Сер. 1. Гум. науки. Вып. 4. История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. С. 189-196.
- Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции / Ред., сост. А.Н. Бернштам / МИА. № 14. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 160 с.

**К. М. Жетібаев,
Б. С. Сиздиков,
М. М. Бахтыбаев**

Көпжасар Мұстафаұлы Жетібаев,
kopzhasar.zhetibayev@ayu.edu.kz;
Бағдаулет Сапарбайұлы Сиздиков,
bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz;
Мэлс Маратұлы Бахтыбаев,
mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz

Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан қ., Қазақстан

Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2021-2022 жылдары жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижелері*

Аннотация. Сығанақ қаласында 2003–2020 жылдар аралығында жүргізілген археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижесінде қаланың шығыс қақпасы, қақпа маңындағы қамал қабырғалары, мұнаралары, қаланың орталық мешіті және ханака орындары анықталған. Қаланың Қазақ хандығы тұсына жататын құрылыс қабаттарын және қала маңындағы көне қорымдағы жерлеу орындарды зерттеу қазіргі таңдағы маңызды тақырыптардың бірі болып табылуда. Осы кезеңнің құрылыс қабаттары мен қала маңындағы жерлеу орындарының мерзімдерін анықтау қажет. Мақалада ортағасырлық Сығанақ қаласының магистральды көшесін бойлай орналасқан тұрғын үй кешенінің I-II құрылыс қабаттарында және шахристанында орналасқан жерлеу орындарында жүргізілген зерттеу нәтижелері көрсетілген.

Түйін сөздер: Сығанақ, Ұлы Жібек жолы, ортағасырлық қала, мәдени қабат, тұрғын жайлар, кесене, архитектура ескерткіші

**Копжасар Мустафаевич Жетибаев,
Багдаулет Сапарбаевич Сиздиков,
Мэлс Маратович Бахтыбаев,**

Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави,
г. Туркестан, Казахстан

Результаты археологических исследований средневекового городища Сыганак в 2021-2022 гг.

Аннотация. В результате археологических исследований, проведённых в 2003–2020 гг. на городище Сыганак, были исследованы восточные ворота, крепостные стены, башни, центральная мечеть и ханака. Однако изучение слоев городской застройки и захоронений на древнем некрополе, относящихся ко времени Казахского ханства, является одной из актуальных тем на сегодняшний день. Определение датировок культурных слоев этого периода требовало дальнейшего исследования. В статье представлены результаты

© 2022 Жетібаев К.М., Сиздиков Б.С., Бахтыбаев М.М.

*Мақала «BR10965310 «Тарихи-мәдени мұра нысаны – ортағасырлық Сығанақ қалашығында кешенді археологиялық зерттеулер жүргізу» тақырыбындағы ғылыми жоба негізінде дайындалды.

полевых исследований, проведённых в 2021-2022 гг. на I-II строительных горизонтах жилых комплексов, расположенных вдоль магистральной улицы, и древнего некрополя средневекового городища Сыганак.

Ключевые слова: Сыганак, Великий Шёлковый путь, средневековый город, культурный слой, жилые помещения, мавзолей, памятник архитектуры

**Kopzhasar Zhetibayev,
Bagdaulet Sizdikov,
Mels Bakhtybayev,**

Khoja Ahmed Yasawi International Kazakh-Turkish University,
Turkistan, Kazakhstan

The results of archaeological research of the medieval settlements of Syganak in 2021-2022

Abstract. As a result of archaeological research conducted in 2003-2020 at the settlement of Syganak, the eastern gates, fortress walls, towers, central mosque and khanaka were explored. However, the study of the layers of urban development and burials on the ancient necropolis dating back to the time of the Kazakh Khanate is one of the relevant issue today. Determining the dates of the cultural layers of this period required further research. The article presents the results of field studies conducted in 2021-2022 on the I II construction horizons of residential complexes located along the main street and the ancient necropolis of the medieval settlement of Syganak.

Keywords: Syganak, the Great Silk Road, medieval city, cultural layer, residential premises, mausoleum, architectural monument

Кіріспе. Ортағасырлық Сығанақ қаласы Сунақата ауылынан 2 км батыста, Түркістан–Қызылорда тас жолының оң қапталында орналасқан (Қызылорда обл., Жаңақорған ауд.) [Syzdykov және т. б. 2021: 43]. Жазба деректерге көңіл бөлетін болсақ қала тұрған аймақта б.д.д. VII–II ғғ. массагет тайпаларының өмір сүргендігі баршаға белгілі. Б.д.д. II – б.д. V ғғ. бұл өңірде қаңлы тайпалары мемлекеттік дәрежеде ғұмыр кешті. Қытай деректерінде Қазақстан жерінде болған Чжан Цзянның хабарлауынша қаңлы мемлекеті – Сусе, Фуму, Юени, Цзи және Юйцзянь атты бес иеліктен тұрып, орталығы Битянь қаласы болғандығы көрсетілген [Малов 2001: 87-149]. С. Жолдасбаевтың пікірінше, Сығанақ қаласы тұрған жер Сусе иелігінің жері болған. Себебі, Юени иелігі Сырдарияның орта ағысының жоғарғы бөлігін қамтыған болса, көршілес Сусе иелігі Сырдарияның орта ағысының төменгі бөлігін қамтыған. Сығанақ қаласының орнында зерттеу жұмыстарын жүргізген Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының мүшелері Е.И. Агеева мен Г.И. Пацевичтер қаланың қаңлылардың басты орталықтарының бірі болғандығын тілге тиек етеді [Агеева, Пацевич 1958: 206-208].

X ғ. соңында өмір сүрген белгісіз парсы авторының «Худуд-әл Әләм» қолжазбасында Сығанақ қаласының аты «Сунах» деп кездеседі [Якубовский 1929: 123-159]. Ғұлама ғалым М. Қашқаридың жазбаларында «Сығанақ» деген аты XI ғ. белгілі болған [Махмұт Қашқари 1997]. Ал XI–XII ғасырлардағы араб, парсы және түркі жазба деректерінде қаланың аты жиі кездеседі. Бұл кезең қаланың дамыған кезін көрсетеді [Жолдасбаев 2010: 6].

Қаланың гүлденіп, Ұлы Жібек жолы бойындағы ірі сауда орталықтарына айналған кезі XIII ғ. тура келеді. Бұл кезеңде Сығанақ қаласы Мұхаммед Хорезмшахтың қарамағында болды. XIII ғ. басында Шыңғыс ханның үлкен ұлы Жошы қалың қолымен 7 күнге созылған шайқаста Сығанақ қаласын бағындырады. Пайымдауымызша қала аумағының тым үлкен болғандығынан, қорғаныс күшінің жеткіліксіздігінен қала тұрғындары өздерінен басым моңғол жасақтарынан жеңіліс табады. XIII ғасырдағы жазба деректерде Сығанақ қаласын Жошы әскерінің жаулап алғандығы жайлы мәліметтердің кездесуі бұл пікірімізді қуаттай түсуде [Джувейни 2004: 58]. Сонымен қатар, армян патшасы Гетумның 1254 жылы Моңғол империясының астанасы Қарақорымға жасаған сапарынан

қайту барысында Сырдарияның ортаңғы ағысындағы қалаларда болғандығы баяндалған. Оның ішінде Сығанақ қаласы «Сгнах» деген атаумен көрсетілген [Гандзакеци 1976].

Сығанақ қаласының қайта гүлдену кезеңі XIV ғ. тұс келеді және осы ғасырдың соңына таман қала өзінің бұрынғы күш-қуатын қайта иемденіп, астаналық дәрежеде өмір сүреді. Осы уақытта қаланың көршілес елдердің қалаларымен тарихи-мәдени байланыстары күшейе түседі. Қаланың аз уақыт ішінде қайта гүлденуіне Ұлы Жібек жолы бойында орналасқаны айтарлықтай септігін тигізген. Ортағасырлық автор Фазлаллах ибн Рузбихан Сығанақты «Дешті-Қыпшақтың сауда айлағы» деп атайды [Жолдасбаев 2010: 8]. Мұхаммед Шайбани ханның хатшысы, әрі кеңесшісі болған Фазлаллах ибн Рузбиханның жазбаларында XVI ғ. басында Қазақ хандығының басты қалаларының бірі болған Сығанақ қаласының базарында күніне 500 түйе сойылып, кәуап жасалып, кешке дейін бір түйірі қалмай сатылып кететіндігі жайында мағлұматтар келтірілген [Фазлаллах Ибн Рузбихан, 1976: 116-117].

Қала орнында 2003 ж. бастап Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің Археология ғылыми-зерттеу институтының ғалымдары зерттеу жұмыстарын жүргізіп келеді. Қаланың Қазақ хандығы тұсына жататын құрылыс қабаттарындағы және қала маңындағы көне қорымдағы жерлеу орындарды зерттеу қазіргі таңдағы маңызды тақырыптардың бірі болып табылуда. Қаланың сонғы құрылыс қабаттары мен қала маңындағы жерлеу орындардың мерзімдерін анықтау әлгі күнге дейін зерттеуді қажет етеді. Осыған байланысты, Ортағасырлық Сығанақ қаласының магистралды көшесін бойлай орналасқан тұрғын үй махаллаларын зерттеп, I-II құрылыс қабаттарының және қала маңындағы жерлеу орындарды зерттеп, талдап, ғылыми айналымға енгізуді жөн санадық.

Зерттеу нәтижелері және талқылау. 2021 ж. Сығанақ қаласында жүргізілген далалық зерттеу жұмыстары барысында, магистральды көшенің сол жақ қапталында орналасқан шағын төбеде археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Қазба жұмыстары барысында екі құрылыс қабаты анықталып зерттелді (1-сур.).

Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде бірінші құрылыс қабатына жататын он үш бөлме ашылып, зерттелді. Бірінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандарының пішіні төртбұрышты, бұрыштары дүниенің төрт тарапына бағыттала орналасқандығы анықталды. Бөлмелер бір-біріне жалғастыра салынған. Тұрғын үйлер бір немесе екі бөлмеден құралған анфиладты жоспар түрінде салынған (2-сур.). Мұндай үлгідегі тұрғын үйлерді Отырар және Түркістан қалаларының XVII–XIX ғғ.

1-сур. № 20 қазба: 1 – қазба дейінгі көрінісі, 2 – қазбадан кейінгі көрінісі

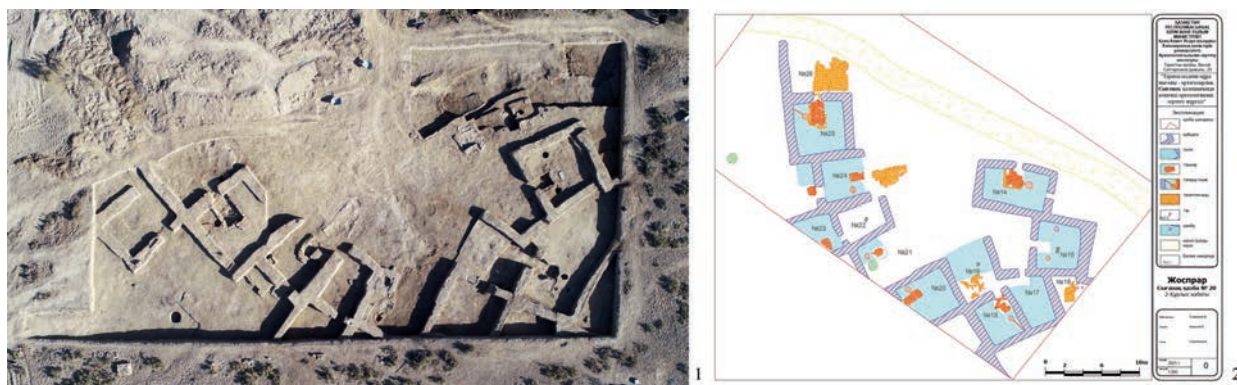

2-сур. № 20 қазбаның бірінші құрылыс қабатының жобасы

жататын құрылыс қабаттарынан кездестіруге болады [Байпақов 2007: 112-118; Тұяқбаев және т. б. 2020: 55-61].

2021 жылы жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында екінші құрылыс қабатына тиесілі он үш бөлме, екі бастырма және екі аула ашылып, толық сипаттамасы жасалынып, бөлмелердің қандай мақсатта пайдаланылғандығы жөнінде ғылыми тұжырымдар жасалынды (3, 1-сур.).

Екінші құрылыс қабатына жататын тұрғын үйлер бір, екі немесе үш бөлмеден тұратын анфиладты және «Г» іспеттес жоспар түрінде салынған (3, 2-сур.). Мұндай үлгідегі тұрғын үйлер Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында XVII–XVIII ғғ. жататын құрылыс қабаттарынан анықталған [Байпақов 2007: 112-118; Хазбулатов және т.б. 2019: 243-245; Тұяқбаев және т. б. 2020: 55-61]. Тұрғын үй құрылысында көлемдері 27×27×6, 25×25×5, 23×23×5 см болып келетін күйдірілген кірпіштер қолданылған. Бұндай көлемдегі күйдірілген кірпіштердің баламалары Ортағасырлық Баласағұн, Отырар, Түркістан, Сауран және т. б. қалалардан көптеп анықталған [Акумбек, Ваibusunov 2013: 1236; Акишев және т. б. 1987: 125]. Жатын бөлмелерінің интерьерлері ретінде «П» іспеттес сыпаларды, есік аузының астында ташнауы бар кірпіш төсенді едендерді және бөлме жылытуға арналған тандыр ошақтар анықталды. Мұндай үлгідегі сыпалар мен бөлме жылытуға арналған түтіндігі сыпаның астымен жүргізілген ошақтарды Қаратаудың теріскейіндегі кейінгі ортағасырлық Күлтөбе және Ран

3-сур. № 20 қазбаның екінші құрылыс қабаты: 1 – жалпы көрінісі, 2 – жобасы

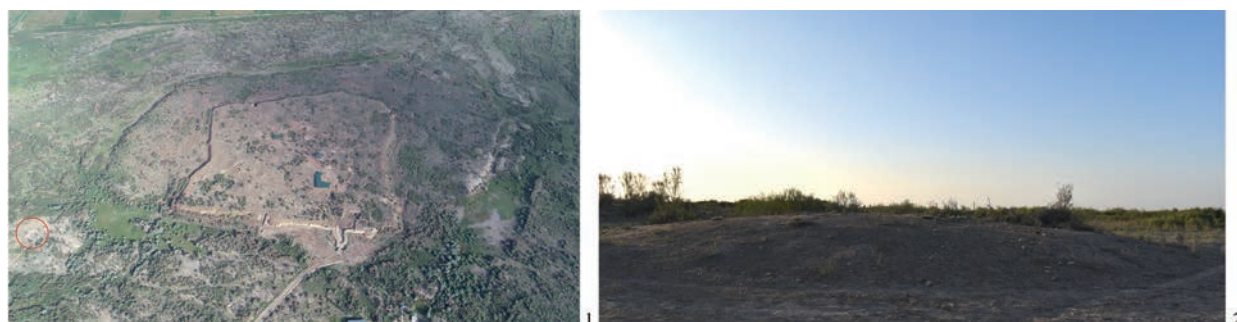
қалаларынан [Жолдасбаев 2012: 23], Сырдарияның ортаңғы ағысындағы Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларынан кездестіруге болады.

2022 ж. Ортағасырлық Сығанақ қаласының маңындағы көне қорымда орналасқан № 6 және 7 кесене орындарында қазба жұмыстары жүргізілді.

Ортағасырлық Сығанақ қаласындағы № 6 кесене.

Кесене Ортағасырлық Сығанақ қалашығының оңтүстік батысында 230 м қашықтықта шағын төбе ретінде сақталған (4, 1-2-сур.). Төбе үсті тегіс шеңбер пішінді болып келуде, көлемі 20×10 м, биіктігі болса 1 м. Археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде көлемі 16,5×8,6 м кесене орны анықталды. Кесене порталды және екі бөлмелі болып келген. Кесененің порталды кіреберісі солтүстік-батысқа бағытталған. Кесене өте нашар сақталған. Ауыл тұрғындарының айтуына қарағанда Кеңес Үкіметі тұсында көрші савхоздардың құрылыстарында Сығанақ қаласының маңындағы тарихи ескерткіштердің қыштары бұзылып алынып пайдаланылған. Осы себепті кесененің оңтүстік-шығыс бөлігі тұтастай бұзылып кеткен. Дегенмен бастапқы қалыпта сақталған соңғы қатарға тиесілі қыш қаландыларды негізге ала отырып кесененің жобасы анықталды.

Археологиялық зерттеу жұмыстары барысында кесененің кіреберіс порталының ені 3 м, порталдың оң және сол қапталындағы қабырғаларының қалыңдықтары 2 м, сақталған биіктіктері 0,5×0,05 м екендігі анықталды. Кесененің кіреберіс бөлмесінің ішкі көлемі 5,3×4,1 м, еденіне 20 см қалыңдықта ашық сарғыш түсті саз балшық құйылған. Оң және сол жақ қыш қаланды қабырғаларының ені 1,35 м болып келуде. Кесененің бірінші және екінші бөлмелерін

4-сур. № 6 кесене: 1 – орналасу орны, 2 – қазбаға дейінгі көрінісі

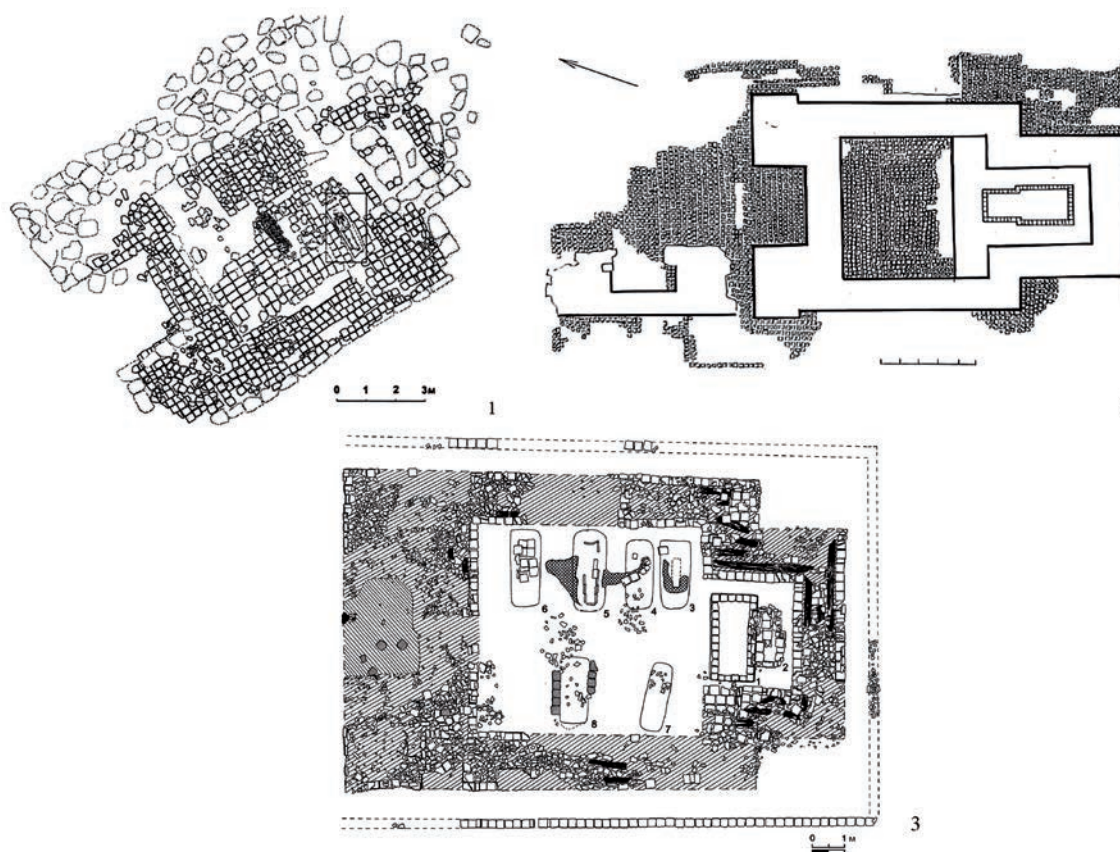
ені 1,3 м болып келетін қыш қаланды қабырға бөліп тұр. Екінші бөлмеге кіретін есік қабырғаның орта тұсында орналасқан, ені 1 м, сақталған биіктігі 0,4 м. Екінші бөлменің ішкі бөлігінің көлемі 4,3×2,65 м, қабырғалары 1,7 м қалыңдықта қышпен қаланған. Өкінішке орай жоғарыда айтып өткеніміздей осы бөліктегі қыш қаланды қабырға тұтастай бұзылып алынған (5-сур.). Дегенмен ішінара бастапқы қалыпта сақталған қыш қаландыларды негізге ала отырып осы бөліктің көлемін және архитектуралық құрылымын анықтадық. Тазалау жұмыстары нәтижесінде кесененің екінші бөлмесінің солтүстік-батыс бұрышынан ретсіз орналасқан адам сүйегі анықталды. Сонымен қатар, бөлменің еденіне тұтастай қыш төсегендігі, оның беті және қабырғалары гипспен сыланғандығы анықталды.

5-сур. № 6 кесене: 1 – жалпы көрінісі, 2 – жобасы

Талдау жұмыстарымыздың нәтижесінде кесененің архитектуралық құрылымын, бірінші және екінші бөлмелер едендерінің деңгейін негізге ала отырып, екінші бөлме көрхана (сағана) қызметін атқарған болуы мүмкін деген пікір қалыптасуда. Себебі тұтастай қыш төселіп, беті 2-3 см қалыңдықта гипспен сыланған бөлме еденіне адам мүрдесі қойылған, төрт қапталындағы қабырғалары да гипспен сыланған. Өкінішке орай, кесене қабырғаларындағы қыш қаландыларды бұзып алу барысында кесененің көрхана (сағана) бөлігі тұтастай бұзылып кеткен. Дегенмен кесененің оңтүстік-батыс бұрышынан бастапқы қалыпта сақталған қыш қаландылар және көрхана (сағана) бөлмесінің 1,7 м қалыңдықтағы қабырғасының ізі анықталды. Яғни, кесененің есігі солтүстік-батысқа ашылған үлкен бөлмесінде зияратшылар құран оқып, дұға жасайтын болса, кіші көлемді екінші бөлмеде адам жерленген. Жоғарыда айтып өткеніміздей Орталық Азиялық түркі халықтардың ислам дінін қабылдауының арқасында осындай үлгідегі зияратшылардың құран оқып, дұға жасайтын бөлмелері бар кесенелер көптеп бой көтере бастайды.

Кесене құрылысына келер болсақ, тапталып, бетіне саз балшық құю арқылы дайындалған платформаның үстіне кесене құрылысы салынған. Кесене құрылысында көлемі 25×25×5, 26×26×5 см ашық сарғыш түсті сапалы саз балшықтан жасалған қыштар пайдаланылған. Кесене қабырғасының сыртқы және ішкі жиектері бүтін немесе жарты қыштармен қаланып, ортасы сынық қыштарды саз балшықпен араластырып толтырып отырған. Қазба жұмыстары басында кесене құрылысында қам қыштардың да пайдаланылғандығы анықталды. Пайымдауымызша кесене екі күмбезді болған, яғни алдыңғы порталды кіреберіс бөлігі үлкен күмбезбен жабылған болса, екінші бөлмесінің үсті кіші күмбезбен жабылған болуы мүмкін. Себебі кесененің қыш қаланды қабырғалары енді болып келуде. Мұндай үлгідегі порталды, екі бөлмелі кесенелер Ортағасырлық Арал-Асар (Кердері II кесенесі) (6, 1-сур.) [Байпаков 2012: 65-68; Құрманқұлов 2011: 85-86], Қышқала (6, 2-сур.) [Елеуов

6-сур. Кесене жобалары: 1 – Кердері II кесенесі ([Байпаков 2012: 233]: бойынша);
 2 – Қышқала қалашығындағы № 1 кесене ([Елеуов және т. б. 2021а: 91]: бойынша);
 3 – Әуликөл кесенесі ([Петров, Смагулов 2018: 167-184]: бойынша)

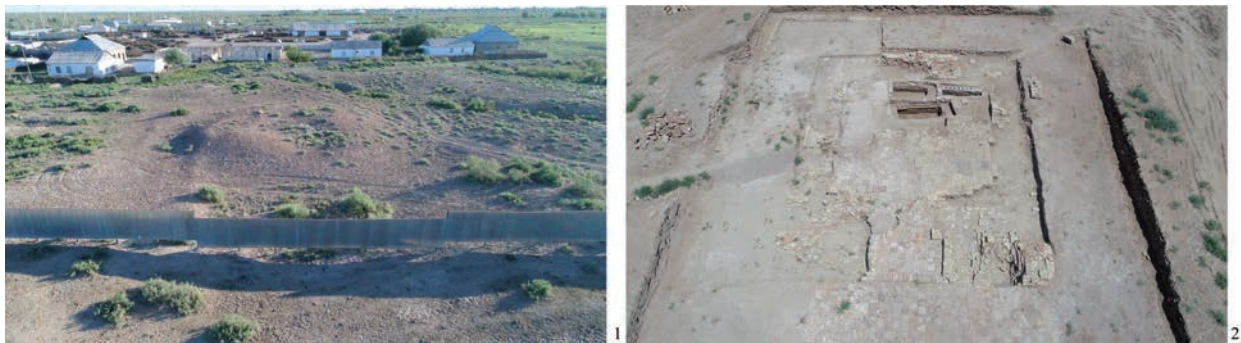
және т.б. 2021а: 26-31; Елеуов және т.б. 2021б: 122], Әуликөл (6, 3-сур.) [Петров, Смагулов 2018: 167-184] және Түркістан қалашықтарында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында анықталған. Алалмыш кесенелердің екінші бөлмелерінде адам жерленгендігі анықталған.

Ортағасырлық Сығанақ қаласындағы № 6 кесенені жоғарыда аталған кесенелермен салыстырмалы түрде талдар болсақ, кесене Қышқала қалашығынан анықталған № 1 кесенемен ұқсастықтары байқалуда. Екі кесененің де порталды есіктері солтүстік-батысқа бағытталған. Кесенелерде зияратшыларға арналған кең бөлмелер мен сыртқа шығыңқы кең көрхана бар. Кесенелердің бір-бірінен айырмашылығы, Сығанақ қаласындағы № 6 кесененің көрханасы еденіне тұтастай қыш төселіп, оның беті гипспен сыланып көрхана (сағана) жасалынған болса, Қышқала қалашығындағы № 1 кесененің көрхана бөлігінде жерге ойып қабір шұңқыры жасалынған. Қабір шұңқырының жиектері қышпен қаланып қапталған. Ал, Кердері II кесенесімен Әуликөл кесенесіне келер болсақ, кесенелердің порталды есіктері оңтүстік-батысқа бағытталған, көрхана бөлмелері қысқа және тар болып келуде. Екі кесененің де зияратшыларға арналған үлкен бөлмелерінің еденіне арнайы қабір шұңқырлары қазылып, адам жерленген. Кесенелерде жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында XIII–XV ғғ. жататын әрлеуіш қыш қаптамалар, саздан жасалған ыдыстардың бөліктері және теңгелер табылған. Кесенелердің архитектуралық құрылымына

және табылған заттай деректерге сүйене отырып, порталды, екі бөлмелі кесенелердің XIV-XV ғғ. жататындығы анықталуда.

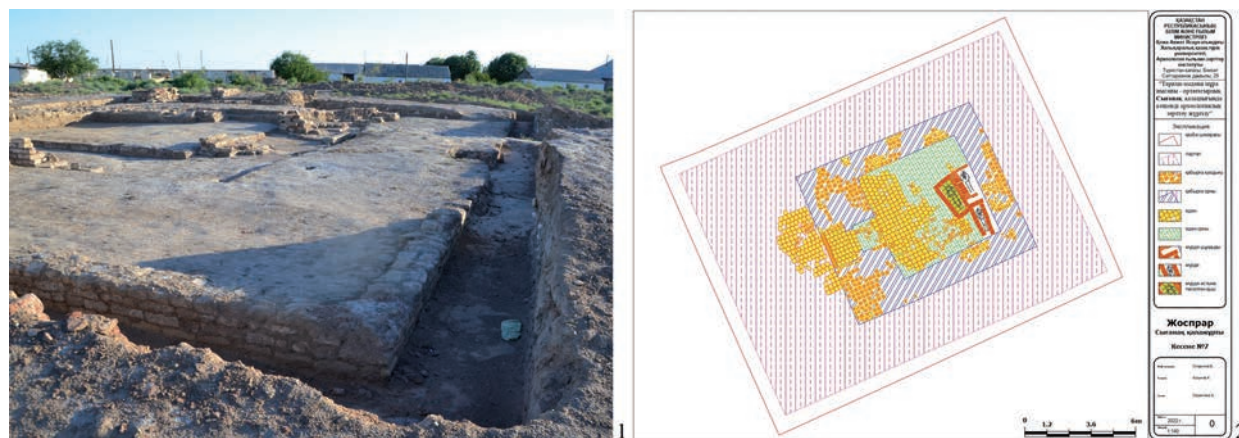
Ортағасырлық Сығанақ қаласындағы № 7 кесене.

Кесене Ортағасырлық Сығанақ қалашығының оңтүстік шығысында 1400 м қашықтықта шағын төбе ретінде сақталған. Төбе үсті тегіс шеңбер пішінді болып келуде. Көлемі 26 м, биіктігі 1,5 м. Қазба жұмыстары барысында көлемі 12,2×10,1 м төрт бұрыш пішінді кесене орны анықталды. Кесененің порталы оңтүстік-батысқа бағытталған. Портал алды алаңына күйдірілген қыш төселген. Кесененің солтүстік-шығыс бөлігінен үш жерлеу орны анықталды (7, 1-2-сур.). Пайымдауымызша кесененің сыртқы бөлігі сырлы әрлеуіш қыш қаптамалармен қапталған. Себебі қазба жұмыстары барысында кесененің сыртқы бөлігінен сырлы әрлеуіш қыш қаптамалар көптеп табылды.

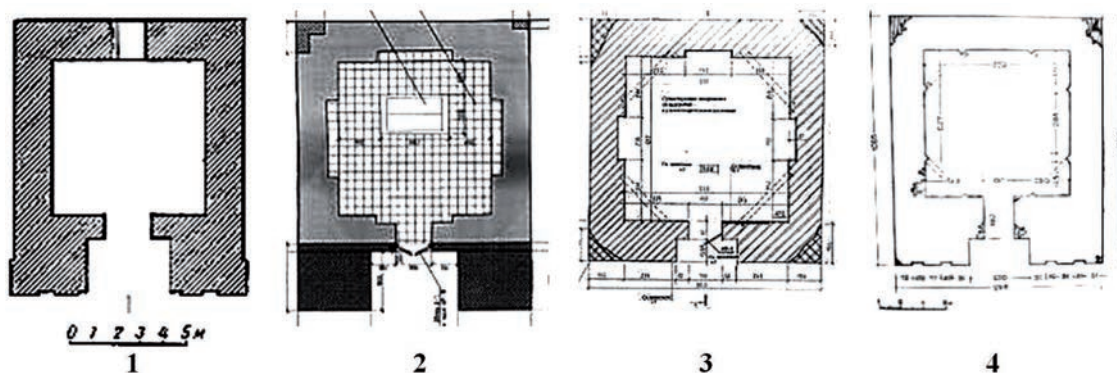
7-сур. № 7 кесене: 1 – қазбаға дейінгі көрініс; 2 – қазбадан кейінгі көрінісі

Кесене ұзындығы 22,2 м, ені 16,7 м, биіктігі 0,3-0,4 м болып келетін платформаның үстіне салынған (8, 1-сур.). Платформа жиегін күйдірілген қыштармен төрт қатар биіктікте қалап шығып, ортасын қара балшық пен сазды араластырып толтырып шыққан. Платформаның батыс қабырғасының солтүстік-батыс бөлігі 3 м аралықта бұзылған. Шамасы ауыл тұрғындары ауыр техникамен сүргенге ұқсайды. Осы анықталған платформа алаңын қара саз балшықпен толтырып, бетін тегістеп ортасына кесене құрылысын тұрғызған. Ашылған кесененің ұзындығы 12,2 м, ені 10,1 м, қабырғаларының биіктігі 0,1-0,6 м. Кесененің порталы оңтүстік-батысқа қарай бағытталған. Портал алды алаңына күйдірілген қыш төселген, оның ұзындығы 10,1 м, ені 3,15 м. Анықталған порталдың ұзындығы 2,3 м, ені 1,6 м. Жалпы порталдың яғни оңтүстік-батыс қабырғасының қалыңдығы 3,7 м. Порталдың табалдырығына қыштарды тігінен қалап шыққан, ал қалған ішкі бөлігіндегі қыштар жалпағынан төселген. Кесене есігінің ені 1,45 м. Кесененің батыс, солтүстік және шығыс қабырғаларының қалыңдығы 1,55 м. Анықталған кесене қабырғаларына қаланған күйдірілген қыштардың көлемдері 5×24×24, 5×25×25 см болып келеді. Сондай-ақ қабырға табанына және жиектеріне бүтін қыштарды қалап шыққан, ал ортасына сынған қыштарды байланыстыра қалап отырған. Қамыс шірінділері жақсы сақталғандықтан қабырға астына толығымен қамыс төселгені байқалады. Қабырғаның кейбір бөліктеріндегі қыштарды осы төселген қамыс шіріндісіне дейін алып кеткен. Сонымен қатар, ашылған кесененің ішкі көлемі 7×7 м, еденіне күйдірілген қыштар жалпағынан төселген. Негізінен бұл еден төсендісі кесененің оңтүстік бөлігінде ғана сақталған, ал солтүстік бөлігінің қыштарын толығымен бұзып, алып кеткен. Кесененің солтүстік-шығыс бөлігінде еден деңгейінен 0,3 м тереңдікте үш жерлеу орны анықталды. Ашылған жерлеу орныдарына шартты түрде оңтүстіктен солтүстікке қарай № 1–3 деп реттік номер қойылды (8, 2-сур.). Жерлеу орындарына қарап бұл кесене бір әулетке тән екендігі анықталды.

8-сур. № 7 кесене: 1 – платформаның солтүстік бұрышы; 2 – жобасы

Мұндай үлгідегі порталды, төрт бұрыш пішінді, бір бөлмелі кесенелердің қатарында Сырлытам кесенесін, Асанас кесенесін, Арал теңізінің оңтүстік-шығысындағы Сырлытам кесенесін, Болған Ана кесенесін және т. б. кесенелерді айтуға болады (9, 1–4-сур.) [Koshenova 2016: 183–202].

9-сур. Кесенелер жобасы; 1 – Сырлытам кесенесі; 2 – Асанас кесенесі; 3 – Арал теңізінің оңтүстік-шығысындағы Сырлытам кесенесі; 4 – Болған Ана кесенесі

Қорытынды. Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2021 ж. жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстары барысында алынған саз ыдыстарды, тұрғын үйлердің архитектуралық құрылымын, жоспарын және С14 анализінің қорытындысын негізге ала отырып, бірінші құрылыс қабатының XIX ғ. басына жататындығы анықталды. Анықталған құрылыс нысандарын және табылған тарихи жәдігерлерді негізге ала отырып, құрылыс қабатының Сығанақ қаласының соңғы құрылыс қабаты болғандығын айтуға болады. Себебі аталған құрылыс қабатынан кейін, яғни XIX ғ. екінші жартысында қалада тіршілік көзі тоқтаған.

Екінші құрылыс қабатына тиесілі тұрғын үй бөлмесінен алынған С14 анализінің қорытындысы бойынша бұл құрылыс қабатының 294±21 жыл бұрынғы, яғни XVIII ғ. басына жататындығы анықталды. Мақалада С14 анализінің қорытындысына сүйене отырып, Шайбанидтер әулетінің

билеушісі II Абдулла ханның билігі тұсында (1557-1598 жж.) соғылған күміс теңгелердің және XV-XVI ғғ. соғылған мыс теңгелердің Сығанақ қалашығында XVIII ғ. басына дейін қолданыста болғандығы анықталды. Сонымен қатар, Ортағасырлық Отырар және т. б. қалалардың XI-XII ғғ. жататын құрылыс қабаттарынан анықталған бірнеше бөлмеден тұратын анфиладты жоспар түрінде салынған тұрғын үйлердің және «П» іспеттес сыпалардың Сығанақ қалашығында XVIII ғ. соңына дейін құрылыстарда қолданылғаны анықталды. Бұл тұжырымымызды осы құрылыс қабатынан табылған ақшыл және ашық көкшіл түсті сырға көк және қоңыр түсті сырмен гүл дестелері және толқын іспеттес бейнелер түсірілген саз ыдыстар дәлелдейді.

Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2022 ж. жүргізілген археологиялық қазба жұмысы барысында ашылған № 6 және № 7 кесенелердің архитектуралық құрылымын, жерлеу дәстүрін, кесенелерден табылған әрлеуіш қыш қаптамаларды және жәдігерлерді негізге ала отырып, көршілес аймақтарда анықталған осындай үлгідегі кесенелермен салыстырмалы талдау жасай отырып, кесенелердің XIV-XV ғғ. жататындығы анықталды. Сонымен қатар, зерттеу жұмыстарымыздың нәтижесінде порталды, екі бөлмелі және төрт бұрыш пішінді, порталды, бір бөлмелі, күмбезді кесенелердің Сырдарияның ортаңғы және төменгі ағысында көптеп кездесетіндігі анықталды.

ӘДЕБИЕТ

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5: Археология. С. 3-215.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. 343 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. 256 с.
- Байпақов К.М.* Ежелгі және орта ғасырлардағы Отырар. Алматы: Қазығұрт баспасы, 2007. 248 б.
- Байпаков К.М.* Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2012. 284 с., 108 ил.
- Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан. История завоевателя мира. Пер. с англ. Е.Е. Харитоновой; предисл. и библиогр. Дэвида О. Моргана. М.: Изд. дом «Магистр-пресс», 2004. 690 с.
- Жолдасбаев С.* Ортағасырлық Сығанақ қаласы (X–XVIII ғғ.). Түркістан: Тұран, 2010. 246 б.
- Жолдасбаев С.* Позднесредневековые города на северных склонах Каратау. Туркестан: Туран, 2012. 109 с.
- Елеуов М., Талеев Д., Есен С., Молдахмет А., Сапатаев С., Ерсариев А., Нұрман Б., Қиясбек М.* «Ортағасырлық Қышқала (Баршынкент): Алтын Орда дәуіріндегі қалалық мәдениет контекстінде» тақырыбындағы жобаның есебі. Алматы: Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. 2021а. 194 б.
- Елеуов М., Талеев Д., Есен С., Курманиязов И.С., Молдахмет А.* Ортағасырлық Қышқалада 2021 жылы жүргізілген зерттеулер // Марғұлан оқулары–2021: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 30 жылдығына арналған «Этномәдени зерттеулер контекстіндегі Ұлы Дала» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 26–27 қазан 2021 ж.) / Бас ред. А. Оңғар. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2021б. Том 2. 120–124 б.
- Киракос Гандзакечи.* История Армении. Перевод с древнеармянского, предисл. и ком. Л.А. Хацларян. М.: Наука, 1976. 359 с.
- Құрманқұлов Ж.* (бас ретактор). Қазақстан Республикасының тарихи мәдени ескерткіштерінің жинағы. Қызылорда облысы. Алматы: Аруна, 2011. 504 б.
- Малов С.* Памятник в честь Кюль-Тегина, Памятник Бильге-Кагану, Памятник в честь Тоньюкука // Орхонские надписи Кюль-Тегин Бильге-Каган Тоньюкук. Семей: Международный клуб Абая, 2001. С. 87-149.
- Махмұт Қашқари.* Түрік тілінің сөздігі (Диани лұғат-ит-түрік). 3 томдық шығармалар жинағы. Алматы: Хант, 1997. Т. I. 531 б.

- Петров П.Н., Смагулов Т.Н.* Нумизматические находки XIV века из некрополя у озера Аулиеколь // *Stratum plus*. 2018. № 6. С. 167-184.
- Тұяқбаев М.Қ., Мурғабаяев С.С., Бахтыбаев М.М., Арынов Қ.С., Сыздықов Б.С.* Ескі Түркістан қалашығының шахристанында орналасқан Жеті Ата көшесі бойында ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізу, жалпы ұзындығы 660 м. Есеп. Түркістан, 2020. 400 б.
- Фазлаллах Ибн Рузбихан Исфохани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер. с перс., предисл. и примеч. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М.: Вост. лит., 1976. 536 с.
- Хазбулатов А., Ақылбек С., Ожаубаев А., Гурсой М., Пәрменкул С., Сыздықов Б., Алмазұлы Ш., Шоқаев Қ., Сералиев А., Сералы Н., Қуандық А., Сыдыев Н., Кенжекулов М., Сыздықов С.* Құлтөбе қалажұртында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының есебі. Түркістан, 2019. 365 б.
- Якубовский А.Ю.* Развалины Сыгнака // *Сообщения ГАИМК*. Т. 2. Л., 1929. С. 123-159.
- Koshenova G.* Kazakhstan, Taraz'da Babacı Hatun Turbesi // *Bilig Dergisi*. 2016. Sayı 77. S. 183-202.
- Syzdykov B., Zhetibayev K., Bahtybayev M.* Research of the system of protection of the medieval city of Syganak // Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлыттық университеті Хабаршысы. «Тарих» сериясы. 2021. № 4 (103). 42-52-66. DOI: 10.26577/JH.2021.v103.i4.05
- Yeraly Akymbek and Beibit Baibugunov.* Minaret of Medieval City Aktobe // *World Academy of Science, Engineering and Technology*. 2013. Vol. 78 . P. 1235-1238.

Б. Аяган

Буркитбай Аяган,
Институт истории государства,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан; b.ayagan@mail.ru

Город Сыгнак и округ Туркестана в период правления Шибанидов: материальная культура и архитектура

Аннотация. Современному человеку даже трудно представить себе насколько важную роль играли города Сыгнак и Туркестан в период средневековья, особенно в период правления хана Абулхаира Шибанида (Шейбанида) и формирования Казахского ханства. И если сегодня город Туркестан (Иассы) находится в цветущем состоянии и является областным центром, то от Сыгнака остались одни развалины. Между тем, роль Сыгнака в истории средневековья была весьма значительной, да и сам город в период XIV–XV вв. играл ключевую роль как политический, административный центр. Автор указывает, что несмотря на то, что история городов округа Туркестана, в т. ч. нашла свое отражение в произведениях арабских, персидских, славянских и советских исследователей, она требует нового прочтения. В данном случае, необходимо отметить работы известных казахстанских и российских исследователей, которые провели свои изыскания. Ими отмечено, что в материальной культуре и архитектуре городских комплексов Дешти-Кипчака заметно воздействие арабского и персидского зодчества, а в ряде случаев и периода Римской империи, а сами города стояли на пересечении известных торговых путей с востока на запад.

Ключевые слова: Улус Джучи, династии, Сыгнак, Иассы-Туркестан, торговля, монеты, города, архитектура, материальная культура

Буркитбай Аяган,
Мемлекет тарихы институты, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан

Сығанақ қаласы мен Түркістан аймағы Шибанидтер билігі кезінде: материалдық мәдениеті мен архитектура

Аннотация. Қазіргі адамдарға орта ғасырда, әсіресе Әбілқайыр Шибани хан билік құрған және Қазақ хандығы қалыптасуы кезеңдерінде Сығанақ пен Түркістан қалаларының қаншалықты маңызды рөл атқарғанын түсіну қиын. Қазір Түркістан (Яссы) қаласы көркею сатысында және облыс орталығы мәртебесіне ие болса, ал Сығанақтан қираған қалдықтар қалған. Кезінде Сығанақ қаласы орта ғасыр тарихында ерекше дәрежеде болған, ал қаланың өзі XIV–XV ғғ. маңызды саяси және әкімшілік орталық ретінде маңызды рөл атқарды. Мақала авторы Түркістан округіндегі қалалар тарихы кезінде араб, парсы, славян және кеңес дәуіріндегі зерттеушілер еңбектерінде өз орнын алғанымен, оны жаңаша оқу қажет деп көрсетеді. Бұл орайда кезінде терең зерттеу жасаған Қазақстан және орыс ғалымдарының еңбектерін айрықша атап кеткен жөн. Олар Дешті-Қыпшақтың қалалық кешендерінің материалдық мәдениеті мен архитектурасында араб және парсы, тіпті кейбір жағдайда Рим империясы кезеңінің сәулет өнері әсер еткені айқын көрінетінін, ал қалалардың өзі шығыстан батысқа дейінгі атақты суда жолдарының қиылысында орналасқанын атап өтті.

Түйін сөздер: Жошы ұлысы, әулеттер, Сығанақ, Иассы-Түркістан, сауда, монеталар, қалалар, архитектура, материалдық мәдениет

© 2022 Аяган Б.

*Статья выполнена в рамках реализации проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН № AP09258941

Burkitbay Ayagan,

The Institute of History of the State, Nur-Sultan, Kazakhstan

**The Town of Sygnak and the District of Turkistan the Period of Shibaniids:
Material Culture and Architecture**

Abstract. It is quite difficult for a modern person to imagine what an important role the cities of Sygnak and Turkistan used to play in the Middle Ages, especially during the reign of Khan Abulkhair Shibaniid (Sheibanid) and the formation of the Kazakh Khanate. Nowadays the city of Turkistan (Iassy) remains in a flourishing state and is a regional center, Sygnak, on the contrary, is demolished. Meanwhile, the role of Sygnak in the history of the Middle Ages was very significant, and the city itself played a key role as a political and administrative center in the period of the 14th–15th centuries. The author points out that despite the fact that the history of the cities of the Turkistan district, including found its reflection in the works of Arab, Persian, Slavic and Soviet researchers, requires a new reading. In this case, it is essential to take into consideration the work of famous Kazakh and Russian researchers who have led their own survey. They noted that in the material culture and architecture of the urban complexes of Deshti-Kipchak, the influence of Arabic and Persian architecture, and in some cases the period of the Roman Empire, was prominent, and the cities themselves stood at the intersections of well-known trade routes from east to west.

Keywords: Ulus Jochi, dynasty, Sygnak, Iassy-Turkistan, trade, coins, cities, architecture, material culture

По данной теме имеется целый список литературы как средневековых [Рашид ад-Дин 2018; Джувеини 2004; Дулати 2003; Әбілғазы 1991; Тамерлан 1992; Греков, Якубовский 1998; Сафарғалиев 1996], так и современных авторов [История 2010; Материалы 1969; Юдин 2001; Абусейтова, Баранова 2001; История 2005: 207–211]. Среди названных работ мы бы выделили монографии казахстанского историка, доктора наук, профессора С. Жолдасбайұлы и российского ученого, доктора исторических наук Э.Д. Зиливинской, где данная проблема рассматривается более предметно [Жолдасбайұлы 2010; Зиливинская 2019].

Данная проблема была в свое время изучена такими специалистами, как К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Б. Туякбаева, Е. Смагулов. Проведенный нами анализ состояния экономики народов, населявших просторы Улуса Джучи, материальной культуры и архитектуры городов показывает, что данная тема к рубежу XX–XXI вв. и по настоящий период изучена весьма слабо. В то же время, по ряду известных причин, основное внимание обращалось на войны, взятие городов, широко и системно исследовались военные походы с 20-х годов XIII в. и по завершающий период XIV в., когда Орда шла к своему закату. Данное явление является очень серьезным упущением, так как именно «Улус Джучи» или «Улуг Улус» не только стал основой для формирования новых народов, но, что еще важнее, в течение 300 лет, а, возможно, и больше, в его пределах мирно сосуществовали характерные для той эпохи важнейшие формы хозяйствования. Во-вторых, ханы и население Орды в целом оказались в эпицентре экономических связей между Китаем, Индией, Персией, с одной стороны, а с другой – с крупнейшими государствами Европы, включая территорию Русских княжеств, Великое Литовское княжество, Польшу, Венгрию, Византию, Германию, даже Италию и Францию. Совершенно неспроста европейские монахи одни за другими (Марко Поло, Гильом де Рубрук и Плано Карпини), армянские цари зачастили к ханам, добираясь через Туркестан до далекого Каракорума. И вполне естественно, что в Ватикане спешно составлялись подробные географические карты и маршруты. В истории они известны как «карты Фра Мауро», которые активно, в меру своих возможностей, использовал только М. Сафарғалиев. Целый пакет очень ценных атласных карт был обнаружен казахстанским исследователем Мухитом Ардагером Сыдыкназаром [Sydyknazarov 2021].

Города Сыгнак, Сауран и Ясы (Иасы) в средневековый период в истории Дешти (Дашти) – Кипчака играли заметную роль, на что ясно указывают и письменные источники, и в обобщенном

виде собранные в «Материалах по истории казахских ханств XV–XVIII веков.» (Извлечения из персидских и тюркских сочинении, Алматы, 1969). В период функционирования Улуса Джучи была протянута ось «Юг–Север» через земли Дешти-Кипчака к Волжской Булгарии, к русским княжествам, Великому княжеству Литовскому. Достижения славянских и финно-угорских народов Поволжья и Урала, изделия из меха, соболя, драгоценные камни вывозились на восток, откуда шли пряности, шелк, золотые и серебряные изделия, снаряжение для войск – кольчуги, кривые сабли и даже порох. Таким образом, на территории Сыгнака и округа Туркестана шли не только военные операции; народы больше занимались общественно полезным трудом и торговлей. В отличие от форм хозяйствования европейской части континента, в Центральной Азии и в степях Дешти-Кипчака чересполосицей мирно уживались культуры как оседлых, так и кочевых общин. Даже европейские монахи свободно ездили по степи в XIII в. Они также отмечали, что даже того же Бату и его сына Сартака (Сарытака) больше волновали темы торговли и обмена, нежели войны. И в целом, правители Орды использовали для управления как военные, так и экономические регуляторы. Кстати, эти же авторы указывают на такие виды хозяйствования, характерные для жителей Центральной Азии, как строительство постоянных жилищ, выпас скота, выращивание проса, развитие ремесел, строительство мостов и дорог. «Лошадей в этой земле чрезвычайно много, – писал Ибн-Батута, – у некоторых из них более 10 000 лошадей» [История 2005: 231–232]. Здесь же ордынцы возделывали просо и ячмень. Также они питались фруктами, яблоками и другими дарами природы. Но, в целом, частые войны и набеги, которые нередко были орудием обогащения, естественно, не позволяли развиваться огородничеству. Исходя из образа жизни кочевников, основным предметом торгова были кожевенные изделия – платья, полушубки, башмаки, сапоги и даже военная одежда. Предметом обмена было и оружие – луки (садаки) и стрелы. Торговля со странами Азии – Персией, Китаем, Индией позволяла европейским народам доставлять шелка, ткани, пряности. Как отмечает Абд ар-Раззак Самарканди, базары Хорезма, Сыгнака, Саурана были полны товарами со всех концов света.

Через Сарайчик они доставлялись в Хаджи-Тархан, Сарай-Бату и речным путем выше по Волге доходили до Москвы. Тот же Самарканди указывал, что в середине XV в. при правлении хана Абухаире в степи установился порядок и торговцы могли беспрепятственно вести торговлю от Ирана, Самарканда до пределов европейских государств. В городах было предостаточно ремесленников, изготавливавших великолепное оружие, с которыми войска Орды покоряли княжества. Мастера чеканили монеты с именами ханов на всех этапах функционирования Орды. Прекрасная керамика, искусно вырезанная, была использована в величественных зданиях городов, которые строили еще до- и при Амир-Тимуре и других ханах. Мавзолей Ходжа-Ахмета Яссави, башня Саурана тоже были выстроены в период XIII–XIV вв. [Жолдасбайулы 2010: 208–210].

Красивые входные ворота городов также строились в XIII–XV вв. По некоторым сведениям, мастеров привозили из Персии (Ирана), а также арабского Востока (Сирия и Египет) или с Кавказа. Властители Орды покупали или просто забирали мастеров из Руси, Кавказа, Ближнего Востока. И, в целом, строители и мастера в Дешти-Кипчаке очень ценились. В ряде случаев властители Орды даже захваты городов превращали в бизнес. М. Сафаргалиев не соглашается с Б. Шпулером и А.Ю. Якубовским о создании ордынцами некоей фабричной индустрии и мастерских по выпуску кирпичей, фаянса и металлообрабатывающих заводов. Мы же склонны поддержать Б. Шпулера и А.Ю. Якубовского, т. к. строительство таких огромных храмов, как, например, мавзолей Ходжа-Яссави, великолепных крепостей в Сауране или в Сыгнаке или чеканка многочисленных монет, оружия требовали создание таких фабрик и специализированных

цехов [Шпулер 2016: 420–422]. Конечно, их нельзя сравнить с промышленностью XVIII–XX вв., но на строительстве храмов работали тысячи людей (каменщики, художники, дизайнеры), ими управляли те, кто знал инженерное дело. Эти крепости и мавзолеи и сегодня поражают современников своими великими размерами, красотой и точно отшлифованной архитектурой [Зиливинская 2019: 12–13].

Но все города, как иронично замечает К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу, создавались в Улуг Улусе как военные лагеря и «отнюдь не похожи на Париж» [Путешествия 1957: 115–116]. Часть из них, как Сарай-Бату или Сарайшик, могли быть созданы как лагеря, но они исполняли многие дипломатические и политические функции. А города Крыма, Кавказа, Средней Азии (Хорезм, Туркестан, Самарканд и т. д.) стали таковыми еще в древности, и во времена Улуса Джучи получили как бы второе дыхание. Причем, и это отмечают и Плано Карпини, и русскоязычные, и персидские источники, многие города были населены купцами, переводчиками и писарями из разных стран. Гильом де Рубрук пишет, что видел даже своих современников, а помогал им русский проводник Андрей. Во время сражений создавались временные передвижные госпитали, где лечили раненых воинов, и такие медучреждения постоянно сопровождали войска. Раненого Токтамыса лечили умелые лекари Амир-Тимура, и даже после тяжелого ранения Токтамыс отправился в поход на Дешти-Кипчак и еще долго воевал. У хана Абулхаира Шибанида был свой врач из Нахичевана, т. е. с Кавказа. Он также подчеркивает, что в степи видел много сарацинов, видимо, таджиков и арабов, а также армян, русских – разных по языку и вере. Подчиненные Орде, каждый из них жил своей жизнью и поклонялся разным богам, а многие из них занимались торговлей или каким-то другим нужным делом. Языком межнационального общения были язык тюрков, а также локально персидский язык, скорее всего кипчакский.

Разгром Амир-Тимуром поволжских городов, особенно Сарай-Бату и Сарай-Берке, а также последующие нападения уже в XVIII–XIX вв. привели к полному уничтожению библиотек, канцелярских книг, закладных, которые копились в хранилищах. Эти бесценные артефакты, видимо, уже утеряны навсегда для истории. А жаль, т. к. они могли многое прояснить в истории Улуса Джучи, его правителей и самих граждан. Вообще, создалась парадоксальная ситуация – правители Орды, проводившие постоянные переписи и имевшие целые канцелярии, оказались без элементарных подтверждающих документов. Бумага из Китая, Ирана и даже от сельджуков поставлялась постоянно. Писались многочисленные книги и изготавливались генеалогические таблицы, но все они исчезли, и многомиллионный народ Великого государства остался без письменных свидетельств. Между тем, все народы вокруг такие свидетельства имеют. Образовалась какая-то «черная дыра», куда уходили письменные источники именно по истории Улуса [Аяган 2020]. Возможно, даже были какие-то силы, которые планомерно занимались уничтожением ценных документов. Некоторые правители Орды тоже не были заинтересованы в хранении документов и различных договоров. До нас усилиями академика В.В. Бартольда дошла лишь грамота из Сыгнака, повествующая об установлении права на собственность [Материалы 1969: 317–319].

Регионы Туркестана, Дешти-Кипчака, Сибири, Алтая, Атырау, а также Жетысу, всегда занимали особое место в истории народа. Многочисленные археологические находки, обстоятельные данные источников свидетельствуют о достаточном уровне развития городской культуры, истоки которой связывают с периодом активного развития Великого Шелкового пути, возникшего еще в III–II вв. до н.э. Исследователи средневековых источников зачисляют в разряд городов разные населенные пункты. Как подчеркивает профессор Ж. Тулибаева, одни и те же поселения средневековые авторы называли то терминами, обозначающими в персоязычных,

арабоязычных и тюркоязычных источниках как город или крепость («шахр», «медина», «кала»), то терминами, более применимыми к селению («касаба», «дих»). Эта нечеткость в определении статуса населенных пунктов Туркестана XIV–XVII вв. объясняется как небольшими размерами даже наиболее значительных из них, так и неразграниченностью хозяйственных функций между городом и селением. Порой «кала» (городом) называли населенный пункт, жители которого занимались ремеслом и торговлей. Но главным критерием в определении статуса города-кала считалось исполнение административно-политических функций. Правда политика в тот период во многих случаях решалась в степи, а не в городских дворцах. Для определения статуса города употреблялись также термины «кент», «балык», «корым», которые дополнялись уточнением: «таш» – камень, «шим» – дерн, «кум» – песок, означающие материалы, использованные при городском строительстве. Например, Шымкент, Ташкент, Сарайшык, но были также Ханбалык, Ордабалык и Каракорум. Средневековые письменные источники XIV–XVI вв.: «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Иазди, «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани, «Тарих-и-Рашиди» Мухаммад Хайдара Дулати воссоздают обстоятельную картину хозяйственно-экономической, культурной жизни средневековых городов. Наличие и деятельность крупных центров городской жизни характеризуют упоминание Ибн Рузбиханом «тридцати крепостей Туркестана» во время посещения им этого региона и страны «узбек-казахов» на рубеже XV–XVI вв. В 1446 г. с огромным войском, в окружении прославленных богатырей хан Абулхаир вошел в город Сыгнак – столицу Ак Орды. Махмуд Кухистани, прошибанидский хронограф, подчеркивает: «Когда хаким города (Сыгнака) увидел многочисленность и величественность войска хакана (Абул-Хайр-хана), то, выйдя к нему с повинованием и послушанием, вручил город эмирам и слугам хакана, подобного Сатурну, и Ак-Курган, и Аркук, и Сузак и Узгенд (орфография сохранена – Б.А.) также подчинились деснице власти и завоевания (его) наместников» [Материалы 1969: 159].

Вскоре он отправился с военными походами в Ургенч, а затем завоевал Самарканд и Бухару. Но верный традициям степей и своих предков, Абулхаир постоянно возвращался в Сыгнак, который он достраивал. Из Самарканда и Бухары хан Абулхаир привозил в Сыгнак множество предметов материальной культуры и даже жен [Материалы 1969: 125, 167, 250–251].

О высоком уровне развития средневековых городов свидетельствует появление монументальных архитектурных сооружений, таких как мавзолей Ахмеда Яссави в Туркестане или уже разрушенная башня Саурана. Как подчеркивает Э.Д. Зиливинская, культура строительства караван-сарая, с обширным двором и мощными стенами, к которым изнутри пристраиваются различные помещения, уходит корнями к Омеядским и Аббасидским традициям, а также были построены по образцу римских пограничных фортов [Зиливинская 2019: 14].

Особенность средневековых государств Дешти-Кипчака (Казахстана) была связана с полуаграрным характером городов, что показывают археологические исследования и данные источников. Города были окружены садами и огородами, виноградниками, полями и пастбищами. Земледелием и животноводством занимались не только жители ближних и дальних окрестных селений, но и сами горожане. О больших запасах зерна, других сельхозпродуктов свидетельствуют средневековые источники, в частности, Махмуд Кухистани и Фазлаллах ибн Рузбихана. Но в Казахстане, в отличие от Мавераннахра и Крыма, в XV–XVIII вв. многие города были разрушены. И причин тому много – уничтожение неприятелем, поджоги, уход населения в более благополучные регионы. Но главная причина все же кроется в экономической сфере: с началом Великих географических открытий отпала нужда в Великом Шелковом пути, в Европе и на Руси стала развиваться морская торговля. К тому же, климат в областях Казахстана стал более засушливым, обмелели реки, изменилась и демографическая ситуация. В этих условиях более выгодным стало

разведение и продажа скота, изделий из кож. Но, в любом случае, развитие городов к XVI в. пошло на спад. Средневековые города южного региона выполняли четко означенные функции, являясь административно-территориальными, хозяйственно-экономическими, культурно-образовательными, религиозными центрами, т. е. центрами жизни всего края и крупнейшими оборонительными сооружениями. Объединяющим центром регионов являлись реки Сырдарья (Сейхун) и ее притоки.

Богатство присырдарьинских городов, высокое благосостояние населения показано в источниках, к примеру, в сведениях Ибн Рузбихана о городе Аркуке: «Глава 14. Памятка о прибытии в крепость Аркук являющаяся началом Туркестана. Первой крепостью в числе туркестанских крепостей <...> была крепость Аркук. Эта крепость находится в одном фарсах от реки Сейхун, и расположена она на западной стороне реки. Через нее проходит дорога в восточные крепости Туркестана, как-то Йаси, Сабрам, и другие владения.

Их обозы и верблюды были перегружены всяким добром и показывали, что большинство селений Туркестана по благосостоянию подобны крепости Аркук и даже еще более цветущи. И это дело весьма диковинное, потому что, если бы прохождение такого войска случилось бы через большую часть местностей Мавераннахра, Хорасана, Ирака, Азербайджана и оно потребовало бы продовольствия на один месяц, то, возможно, разорилось и погибло бы множество народа от наказаний и мучений в поисках зерна» [История 2007: 127]. В то же время, сила и мощь присырдарьинских городов была невозможна, без активных контактов со степью. В городах и оазисах Южного Казахстана в позднее средневековье существовал емкий и стабильный рынок, основанный на постоянном и взаимном спросе на продукцию земледельцев и ремесленников, ювелирных изделий, гончарных изделий как внутри самого региона, между обитателями городов и селений, так и между ними с одной стороны и кочевниками-скотоводами – с другой.

Устойчивая взаимозависимость кочевого и оседлого населения Казахстана и прилегающих районов Средней Азии в средневековье, обоюдная заинтересованность в хозяйственных и культурных связях существовали объективно, что подтверждается многочисленными свидетельствами источников, показывающих ошибочность точки зрения о якобы существовавшей извечной враждебности кочевников и оседлых народов. В разное время, в зависимости от политической обстановки, на первый план выдвигались, приобретали особую силу и могущество разные города, ряд из них даже приобретал статус столичного города. В разное время это были Сыгнак, Сауран, Ясы, Отрар, Сузак, Испиджаб (Сайрам). Сыгнак, например, был не только «торговой гаванью» для Дешти-Кипчака, он был и легендарной столицей ханов степных государств.

В целом информацию о средневековых городах региона автор черпал из различных источников, которые здесь и упоминаются. В этих городах и в их окрестностях находятся захоронения многих акордынских и шейбанидских правителей, на что справедливо указывал еще Рузбихан, а затем А.Ю. Якубовский, совершивший в 20-е гг. XX в. поездку по этим местам. Скорее всего, недалеко от Сыгнака похоронены многие акордынские и шейбанидские правители, хан кочевых узбеков Абулхаир Шибанид¹. Фазлаллах ибн Рузбихан, сопровождавший Мухаммеда Шейбанида в 1509 г., оставил обстоятельную характеристику региона Дешти-Кипчака, в т. ч. *Сыгнака*: «Владение Сыгнак – конец благоустроенных земель северной стороны области Дашта. В старину был очень большим, цветущим городом. Вся эта область весьма благоустроена и возделана, и всему этому краю содействовали всякого рода блага и спокойствие. Этот город в

¹ В настоящее время завершаются раскопки вероятного захоронения хана Абулхаира сотрудниками МКТУ им. Х.А. Яссави.

действительности является пограничной заставой Дешти-Кипчака и славится по всему миру обширностью площади и наличием безопасности и спокойствия [История 2007: 128].

Тамга, найденная на медных пулах Сыгнака, получила освещение в коллективной работе казахстанских и российских авторов и отнесена исследователями к амиру Ибрахиму ветви Шибанидов [Петров и др. 2014: 51]. Фазлаллах ибн Рузбихан приводит следующие сведения о городе Туркестане: «Город Иаси, который является гробницей его святейшества Хаджа – обширное и плодотворное владение, столица областей Туркестана. Округи его свежи и цветущи, словно цветник» [Аяган 2014: 103–104].

Но история создания городов и их роль в степях Казахстана остается недостаточно изученной и необходимы новые научные работы.

Выводы и заключение: Как показывает анализ, роль городов Сыгнака и Туркестана в истории средневековья была значительной. О значении этих городов писали как персидские, арабские авторы, так и современные исследователи. Автор статьи считает, что в свое время роль городов, особенно в период правления Шибанидов становления Казахского ханства в округе Туркестана, а особенно Сыгнака, остается недооцененной темой.

Между тем, эти города служили мостом между очагами оседлой культуры и кочевым ведением хозяйствования, где постоянно совершался взаимообмен и развивалась торговля. Города имели своеобразный тип, где сошлись традиции арабско-персидской и степной культуры. Вокруг городов происходило совершенствование материальной культуры народов, населявших евразийский континент.

На наш взгляд, роль городов, материальная культура, отношения крупных центров и оседлых поселений слабо встроена в общий дискурс исследований по данной теме и требует новой иной постановки вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

- Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 477 с.
- Аяган Б.Г. Рассветы и сумерки казахской степи. Научно-популярное издание. Алматы: ТОО «Литера-М», 2014. 264 с.
- Аяган Б.Г. История Улуг Улуса – Золотой Орды. Курс лекций. Алматы: ТОО «Литера-М», 2020. 224 с.
- Әбілғазы. Түрік шежіресі. Алматы: Ана тілі, 1991. 208 б.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 364 с.
- Джувейни Ала ад-Дин Ата Мелик. (1226–1284). Чингисхан: история завоевателя Мира / [Ата-Мелик Джувейни ; пер. с текста Мизры Мухаммеда Казвини на англ. яз. Дж.Э. Бойла; пер. с англ. Е.Е. Харитоновна; предисл. и библиогр. Дэвида О. Моргана]. М.: Магистр-Пресс, 2004. 688 с.
- Дулати Мұхаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди (хақ жолындағылар тарихы). Алматы: Мұхаммед Хайдар Дулати қоғамдық қоры, Тұран, 2003. 614 с.
- Жолдасбайұлы С. Ежелгі Қазақстан және Орта ғасырдағы Қазақ елінің тарихы. Жоғары оқу орындарының студенттеріне арналған оқулық. Алматы: «Кітап» баспасы, 2010. 336 б.
- Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 2. Гражданское зодчество. Казань: Изд-во АН РТ, 2019. 353 с.
- История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Подготовка к новому изданию, введение, доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
- История Казахстана в персидских источниках. Т. 5. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков / Сост. Абусеитова М.Х. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 477 с.

- История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 2. Казахстан в эпоху позднего средневековья. Алматы: Атамұра, 2010. 622 с.
- Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). / Сост. С.К. Ибрагимов и др (сокр. МИКХ). Алма-Ата: Наука, 1969. 321 с.
- Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.
- Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 287 с.
- Рашид ад-Дин Фазлаллах Хамадани.* Жамиғ ат-тауарих. Тарихтар жинағы. 1-9 т. Астана: Халықаралық Түркі академиясы, 2018. 596 б.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций...: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. / Сост. Муслимов И.Б. М.: Инсан, 1996. С. 277-526.
- Тамерлан.* Эпоха. Личность. Деяния. / Сост., обр. и подг. текста Р. Рахманалиева. М.: Гураш, 1992, 208 б.
- Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502 / Бертольд Шпулер; [пер. с нем. С.Ю. Чупрова]. М.: Центрполиграф, 2018. 414 с.
- Юдин В.П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. / Ред.-сост. Ю.Г. Баранова. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 384 с.
- Sydyknazarov M.-A.* Uninterrupted History of Nationhood in Kazakhstan. Kazakh State on European and American Maps of XVI-XIX Centuries. Atlas. Brussels, 2021. 532 p.

**А. Д. Искандерова,
М. Н. Султанова**

**Айсүлу Джапбарбергеновна Искандерова, aysulu.iskander@gmail.com
Мунира Намазбаевна Султанова, muniras8512@gmail.com**
Самаркандский Институт археологии
Национального центра археологии АН РУз,
г. Самарканд, Узбекистан

Архитектурный декор средневекового Хорезма и его аналогии в архитектуре мавзолеев Южного Казахстана

Аннотация. В статье рассматривается декоративное оформление, прежде всего, культовых сооружений средневекового Хорезма IX–XIV вв. Анализируются прежние и новые находки с городищ Куня-Ургенч, Шахсенем, Миздахкан, Бограхан, которые сопоставляются, в частности, с декором мавзолеев Сыгнака (Южный Казахстан). В целом, архитектурный декор можно считать одним из самых показательных примеров возрождения декоративного искусства после монгольского нашествия. В это время складывается своя хорезмская школа мастеров, представленная в керамическом производстве целой индустрией, работающей на нужды архитектурно-отделочных работ. В статье представлен декор из резной обожженной глины, резные изразцы с частичной глазурью, поливные изразцы – бантики-перемычки и плитки, аналогии которым больше представлены в рассматриваемых регионах.

Ключевые слова: археология, архитектурный декор, средневековье, Хорезм, Южный Казахстан, резная глина, глазурь

**Айсүлу Жапбарбергенқызы Искандерова,
Мунира Намазбайқызы Султанова,**
ӨзР ҒА Ұлттық археология орталығының
Самарқанд Археология институты,
Самарқанд, Өзбекстан

Ортағасырлық Хорезмнің архитектуралық декорациясы және оның Оңтүстік Қазақстан кесенелерінің архитектурасындағы ұқсастығы

Аннотация. Мақалада алдымен IX–XIV ғғ. ортағасырлық Хорезмдегі діни ғимараттардың декоративтік әрлеуі қарастырылады. Куня-Ургенч, Шахсенем, Миздахкан, Бограхан қалаларынан табылған бұрынғы және жаңа бұйымдар талданады, олар атап айтқанда Сығанақ (Оңтүстік Қазақстан) кесенелерінің декорымен салыстырылады. Жалпы архитектуралық декор моңғол шапқыншылығынан кейінгі сәндік-қолданбалы өнердің жандануының ең елеулі үлгілерінің бірі деуге болады. Бұл кезде архитектуралық-әрлеу жұмыстары үшін қызмет еткен, қыш өнеркәсібінде толық индустрияны көрсететін өзіндік шеберлердің хорезмдік мектебі қалыптасты. Мақалада ұқсастықтары қарастырылып отырған аймақтарда көбірек ұсынылған күйдірілген саз балшықтан жасалынып кескінделген декор, ішінара, жылтыратылған қаптапалар – қыш плиткалар көрсетіледі.

Түйін сөздер: археология, архитектуралық декор, орта ғасыр, Хорезм, Оңтүстік Қазақстан, ойылған саз балшық, жылтыратылған

Aysulu Iskanderova,
Munira Sultanova,

Samarkand Institute of Archaeology
of the National Center of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Samarkand, Uzbekistan

Architectural Decoration of Medieval Khorezm and its Analogies in the Architecture of mausoleums of South Kazakhstan

Abstract. The article deals with the decoration of cultic buildings of medieval Khorezm in 9th–14th centuries first of all. Former and new finds from Kunya Urgench, Shakhselem, Mizdahkan, Bograkhan sites are analyzed, which are compared with the decoration of Sygnak (Southern Kazakhstan) mausoleums, in particular. In general, architectural decor can be considered one of the most illustrative examples of decorative arts revival after Mongol invasion. At that time Khorezm school of ceramists was developed, represented by an entire industry working for the needs of architectural and decorative works. The article presents the decor of carved fired clay, carved tiles with partial glaze, glazed tiles - “farfalle-lintels” and plinths, analogies of which are more represented in the regions under consideration.

Keywords: archaeology, architectural decor, Middle Ages, Khorezm, South Kazakhstan, carved clay, glaze

В художественной культуре Узбекистана зодчество народов древнего и средневекового Хорезма занимает особое место. Этому феномену посвящено большое количество научных исследований, чаще всего анализирующих архитектурный декор отдельных сооружений. В то же время археологические раскопки на городищах Миздахкан, Бограхан и Пульжай (Каракалпакстан) последнего десятилетия XX в. и начала XXI в. открывают новые образцы архитектурных изразцов. Однако эти материалы освещены недостаточно, видимо, в силу фрагментарности находок. Тем не менее, они очень важны, так как вносят вклад в реальное представление о своеобразном искусстве украшения культовых и гражданских сооружений Приаральского региона. Таким образом, объединение и систематизация всех этих материалов создает надежную основу для культурологического анализа в самом широком смысле.

Археологическая разведывательная работа С.П. Толстова, В.Н. Ягодина, М.М. Мамбетуллаева, Г.Х. Хожаниязова, М.-Ш. Қдырниязова, М.Т. Туребекова на памятниках средневекового Хорезма значительно обогатила фонды музеев находками архитектурного декора. В 60–70-е гг. XX в. археологически изучалась площадка у мавзолея Мазлумхан-Сулу. С 1986 г. ведутся исследования городища Миздахкан, где открыты многочисленные объекты городского жилища, ремесленного производства и сооружения общественного характера.

В Южном Казахстане заметное место принадлежит городищу Сыгнак – средневековому городу в среднем течении Сырдарьи. Сведения о его архитектурных сооружениях есть в источниках XIX в., когда началось изучение древностей Казахстана. Упоминания, краткие описания памятников («могил», кладбищ) встречаются в путевых заметках, воспоминаниях участников различных миссий, поездок, экспедиций, следовавших из Оренбурга в низовья Сырдарьи и Бухару [Лерх 1870; Кастанье 1911; Каллаур 2010]. В 1927 г. по поручению Академии истории материальной культуры исследование развалин городища Сыгнак и его окрестностей проводил А.Ю. Якубовский [Якубовский 1929: 123–159]. В 1947 г. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А.Н. Бернштама проводила работы по Сырдарье, включая Сыгнак [Бернштам 1949: 55–59, 86–87]. В начале 50-х гг. XX в. Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич зафиксировали разрушение остатков мавзолея Кок-Кесене, описанного А.Ю. Якубовским [Агеева, Пацевич 1958: 96–97]. В 2019 г. Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави (МКТУ) совместно с Международным институтом центральноазиатских

исследований (МИЦАИ) провел археологические раскопки четырех объектов на некрополе Сыгнак. Были полностью открыты четыре мавзолея, которые дали обширный материал в виде изразцов, керамики и представили сведения о погребальной обрядности населения городища. Наиболее древними элементами архитектурного декора являются вставки и плиты из резной глины; также представлены фрагменты с частичной глазурью, «бантиков»-перемычек с бирюзовой поливой, фрагменты плиток-плинтов.

Декор из резной обожженной глины

В фондах археологии Государственного музея истории и культуры Республики Каракалпакстан хранятся фрагменты архитектурного декора из мечети-медресе Халифа Реджеп (рис. 1, 1). Они были обнаружены при расчистке площадки с упавшим фасадом здания [Юсупов 1990: 166–177]. Памятник впервые был исследован А.Ю. Якубовским, назван неизвестным мавзолеем и датирован XIII–XIV вв. Также строительство мавзолея относили к XI в. [Юсупов 1990: 167, 177] или, по строительным материалам, – к XII–XIII вв. (Н.С. Гражданкина).

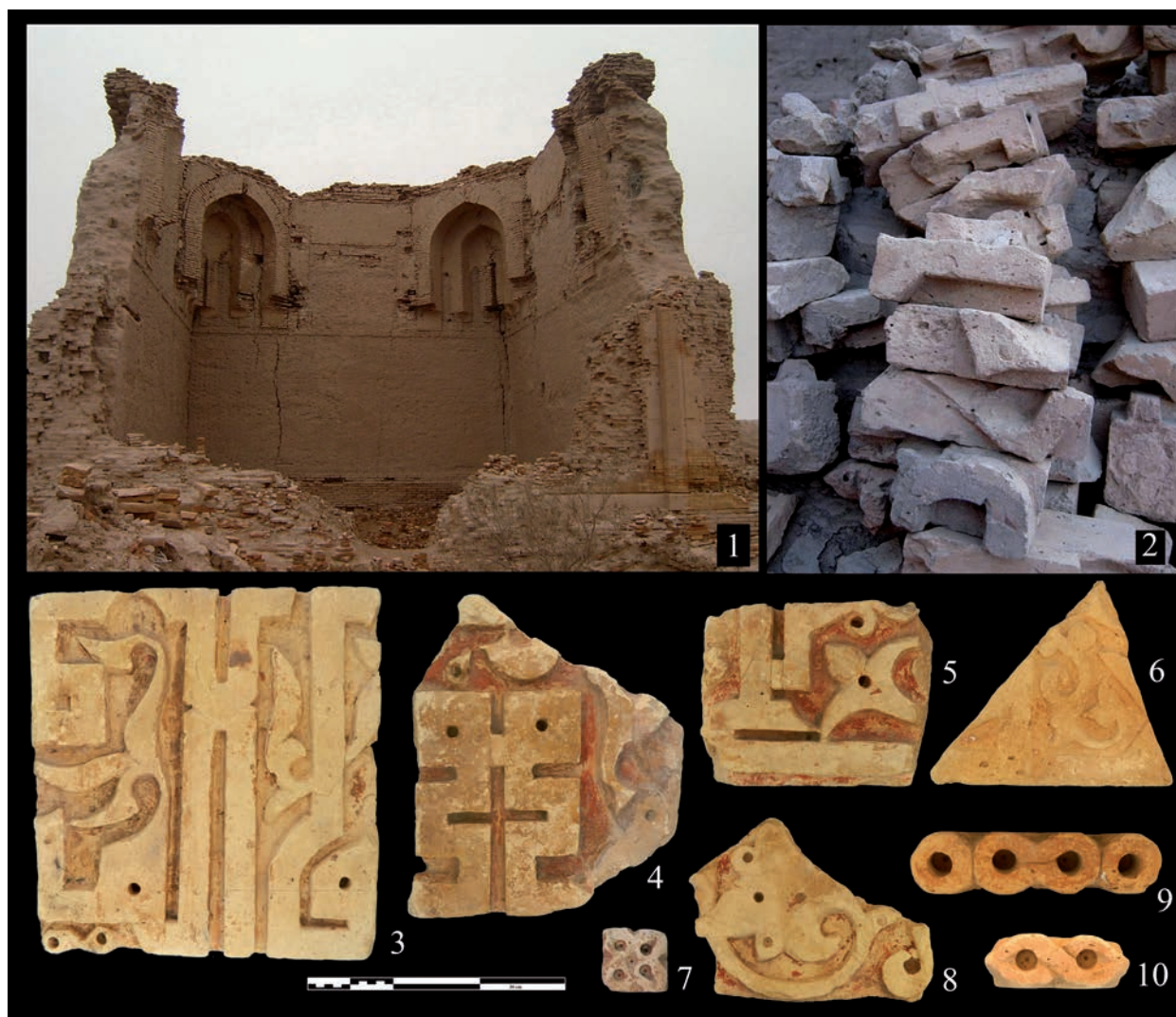

Рис. 1. Архитектурный декор мавзолея Халифа-Ережеп.
Фонд Государственного музея истории и культуры Республики Каракалпакстан

Изобразительные мотивы неполивных декоров мавзолея Халифа Реджеп разнообразны и представлены в различных вариантах (рис. 1, 3–10), не считая ктабы в резной поливной терракоте, покрытой монохромной бирюзовой глазурью (место хранения фрагментов ктабы неизвестно). Присутствуют укрупненные стилизованные буквы (геометрический и «цветущий» куфи) с растительным орнаментом в виде дву- и трилистников (рис. 1, 3–6, 8). Сохранились остатки букв «вав» (в конечной позиции) и начало следующего слова «ал-му...» (рис. 1, 3). Также на фрагменте достаточно точно идентифицируются буквы «мим» и «дал» (рис. 1, 4) (возможно, часть имени «Мухаммад») (Перевод Б. Бабаджанова). По палеографии эти надписи характерны для монументальных памятников домонгольской эпохи.

Судя по плоской четырехугольной форме, эти фрагменты изготовлялись отдельно и затем прикреплялись к стене. Глубокий фон плит окрашен красной краской, что подчеркивает орнаментальные мотивы панно. Также представлены «восьмеркообразные» фигуры (рис. 1, 9, 10) – наиболее распространенный орнаментальный мотив в Хорезме. Крупные образцы облицовочных плит с подобным орнаментом были найдены в Каваткалинском оазисе [Толстов, 1948а: 278] (рис. 2, 2). В более упрощенном виде подобный стиль оформления можно наблюдать на стене внутреннего интерьера известного мавзолея Кок-Кесене (рис. 2, 3) (совр. Кызылординская область Южного Казахстана). Здесь он похож на переплетенную цепь (Материалы не опубликованы). Время возведения мавзолея Кок-Кесене относят к XV в. [Якубовский 1929: 156].

К третьему варианту относятся детали декора, изображающие крупные листья дву-, три- и четырехлистников. В отличие от предыдущих вариантов, здесь основные фигуры подкрашены глубокими точками. Возможно, они подчеркивали места сгиба побегов и привлекали внимание к силуэту еще полностью не раскрывшихся бутонов (рис. 1, 5–6, 8).

В 1952 г. на городище Шахсенем (Туркменистан) сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедицией при раскопках мечети возле михрабной ниши, в завале, было найдено много обломков штучковой резьбы, когда-то украшавших нишу. Ствол полуколонны оформляло сложное переплетение двойных полос в сочетании с элементами растительного орнамента. Нишу обрамляло, видимо, три пояса надписей, выполненных шрифтом «процветшего куфи» [Рапопорт 1958: 419]. Растительные элементы представлены закручивающимися стеблями и цветочными розетками (рис. 3, 1–4), геометрический орнамент – «узлом счастья», переплетающимися рельефными лентами, создающими повторяющиеся ромбы (рис. 6, 3). Возведение здания мечети относят к концу XII в. [Рапопорт 1958: 419].

Археологическим отрядом Каракалпакского государственного университета проводились раскопки на цитадели городища Бограхан. Здесь был открыт «Мавзолей Бограхана» – мечеть с 10 базами колонн и минаретом. Судя по находкам, сооружение возвели в X–XI вв., а в XII в. была сделана пристройка [Туребеков, Алимбетов 2001: 160]. В завале стен были обнаружены фрагменты плит с арабской надписью и растительными узорами [Туребеков, Алимбетов 2001: 159; Алимбетов 2013: 138–142]. Плиты темно-желтоватого цвета (рис. 3, 8–11) содержат причудливые переплетения, завитки, изгибающиеся стебли с завитками и листьями, эпиграфическую надпись почерком «насхи». Несмотря на фрагментарность плиток, очевидно, что округлая вязь эпиграфики прекрасно смотрелась в резном орнаменте (рис. 3, 9–11). Рисунок (рис. 3, 8) усложняется зеркальным соединением двух стеблей, заканчивающимся мотивом замкнутых овалов, наполненных завитками растительного побега. Аналогичный мотив растительного орнамента можно видеть на резном штучке мавзолея султана Санджара XII в. в Мерве [Денике 1939: 45, рис. 29], а также на одной из плит мавзолея Безымянный (Сыгнак, Южный Казахстан).

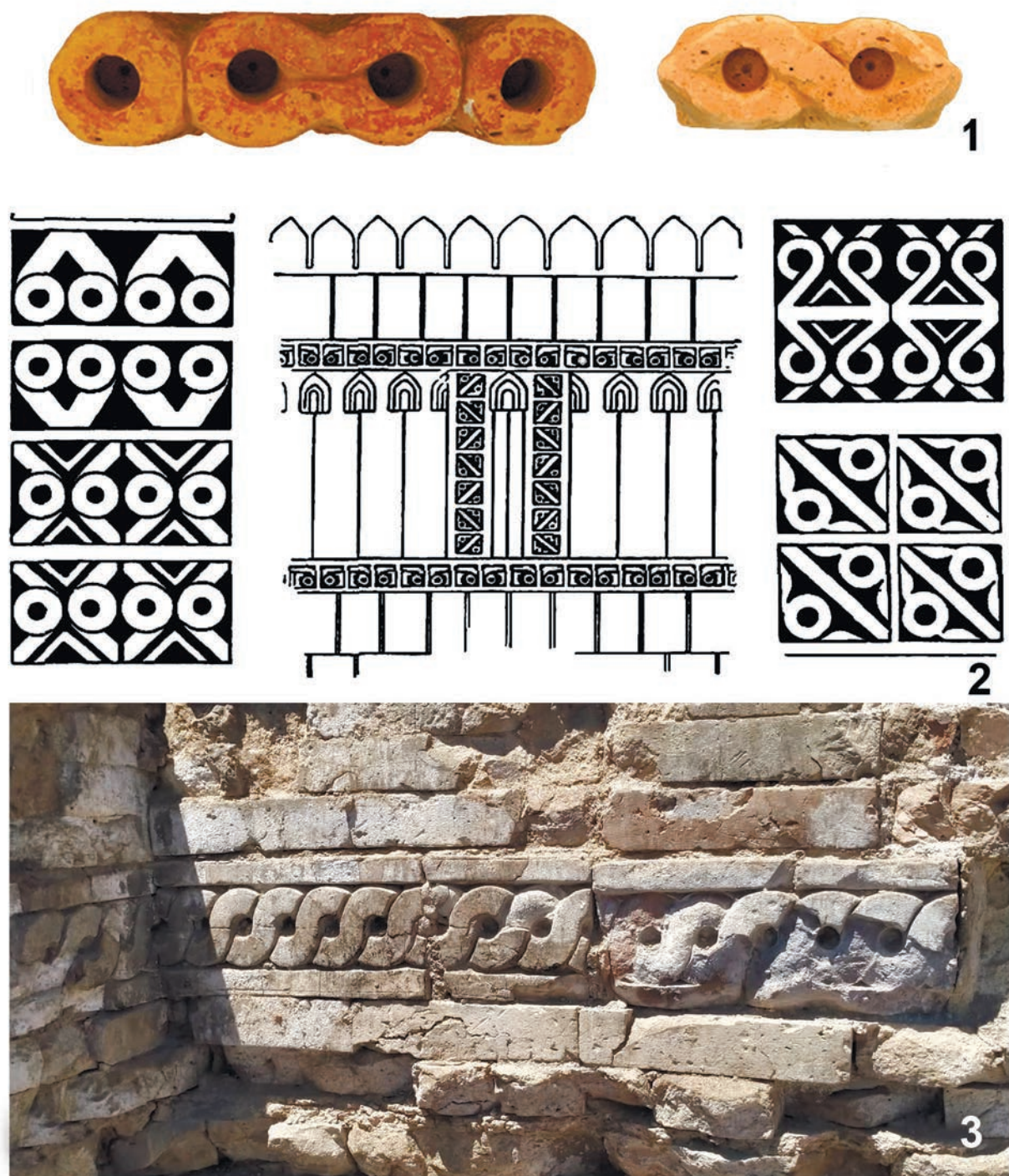

Рис. 2. Восьмиобразные фигуры: 1 – Халифа-Ережеп; 2 – Кават-кала, по: [Толстов 1948];
3 – Кок-кесене. Фото А. Ержанова

Рис. 3. Декор из резной обожженной глины: 1–4 – Шахсенем, хранение Государственного Эрмитажа; 5–7 – Миздахкан, фонд Государственного музея истории и культуры Республики Каракалпакстан; 8–11 – Бограхан, фонд археологии Каракалпакского государственного университета

На Безымянном мавзолее терракотовые плитки имели розоватые и желтые оттенки. Для резной и штампованной терракоты золотоордынского периода штампованные плитки отличались более мелким рельефом и применялись для украшения плоскостей стен, углов, карнизов, надгробий и т. п. [Федоров-Давыдов 1994: 152, 159–161]. На одной из плит мавзолея узор сочетает геометрические элементы с растительными: пары миндалевидных розеток повторяются на фоне густо «разросшегося» растительного орнамента (рис. 4, 1).

Среди изразцов из мавзолея Батыс-кесене (Сыгнак, Южный Казахстан) представлены интересные образцы терракотовых полуколонок (рис. 4, 12; 6, 4). Также на фрагменте из Шахсенема повторяющиеся рельефные квадраты переплетаются лентами, создавая решетчатый узор. По планировке и декору мавзолеей относят ко 2-й пол. XV в., но сохранившей традиции архитектуры XIV в. [Байпаков и др. 2014: 51, рис. 5, 4–7].

На Миздахкане фрагменты и целые необожженные и обожженные терракотовые плиты и вставки были найдены при раскопках «Юго-Западного», «Северного» и «Восточного I» кварталов, датированных XIII–XIV вв. Отмечена архитектурная вставка в виде сталактита-мукарнас. Этот «двухкрыльный» элемент украшен глубокой резьбой в виде побега, завершающегося двулистниками (рис. 3, 5; 6, 11), окаймленными двумя параллельными лентами (очевидно, это только часть общей и повторяющейся на всех элементах здания композиции). Судя по размеру и аналогиям, такие

Рис. 4. Архитектурный декор. Некрополь Сыгнака. 1–7 – Безымянный мавзолей, фото автора. Материалы Международной Узбекско-Казахской археологической экспедиции; 8–12 – Батыс-кесене, фото О. Кузнецовой. Материалы К.М. Байпакова

вставки украшали михрабную нишу мечети или интерьер дома богатого горожанина. Такого же рода декоративные сталактиты (правда, более крупного размера) с растительными орнаментами на отдельных блоках можно увидеть на остатках медресе Султана Текеша в Куня-Ургенче. Таким образом, стиль такого украшения сталактитов в арочных нишах отражал моду в архитектуре того времени, однако эта традицией пережила века. В качестве близкой аналогии, но с голубой поливой, можно привести фрагмент сталактита из мавзолея Батыс-Кесене в Сыгнаке (рис. 6, 12).

Второй крупный фрагмент, найденный в «Юго-восточном квартале» Миздахкана, представлен фрагментом четырехугольной плитки (рис. 3, б) – такими украшали плоскости стен. Судя по находкам из дома «Северного квартала», такие плитки из глины, из алебаstra часто оформляли входную часть богатого дома [Кдырниязов М.-Ш. 2005: рис. 49, 131]. Третью разновидность обожженной терракоты представляют плитки в виде дисков с глубоким резным орнаментом с надписями (рис. 3, 7). Орнамент достаточно сложен для восприятия: он как бы наложен на плитку в виде многолучевой звезды. Сходные мотивы, правда, в виде стилизованных букв, мы встречаем в мечети – медресе Халифа Реджепа.

Таким образом, на резных архитектурных деталях, найденных в «Юго-западном квартале» Миздахкана, присутствуют как геометрические, так и растительные мотивы. Подобные необожженные изделия известны на памятниках Южного Приаралья как в до-, так и в послемонгольское время [Федоров-Давыдов 1958; Манылов 1982: 116, рис. 8, 42–43; Алимбетов 2013: 138–142].

В целом, применение глины для изготовления архитектурных деталей восходит в Хорезме к первым векам до нашей эры. Еще шире декор из сырца в культовой и жилищной архитектуре оазиса применялся в раннем средневековье, о чем свидетельствуют находки из Тешик-калы и изображения на предметах торевтики Хорезма. На серебряном блюде из Аниково (Пермский край, Россия) фасад осаждаемого замка декорирован фигурными деталями. Они представлены сомкнутыми полуколоннами (гофрами), капителями в виде завитков, круглых розеток и семилучевых пальметок [Толстов 1948а: табл. 86]. Таким же сырцовым внешне эффектным декором украшена внешняя стена большой усадьбы Тешик-кала (VIII в.). Здесь отмечены массивные гофры, перспективные арочки, фриз. Последний состоит из крупных элементов: чередующихся пятилистников-пальметт и восьмилепестковых розеток [Толстов 1948б: 195–196].

Применение обожженной глиняной терракоты в основном относится уже к хорезмшахскому времени. Богатые резные композиции украшают мавзолеи Куня-Ургенча (Фахрад-дин Рази и Алп-Арслана) [Пилявский 1974: 20].

Резные изразцы с частичной глазурью

В коллекциях также встречаются фрагменты резных терракотовых плит из мавзолея Мазлумхан-Сулу, частично покрытых бирюзовой поливой. Они представляют собой фрагменты плоских плит и клиновидных по форме вставок в пояса сталактитов, которые обычно украшали арочные ниши или фризы зданий. Такое скромное оформление в виде «подкрашивания» бирюзовой поливой резной терракоты является переходным типом глазурованного архитектурного декора и появляется в конце эпохи Хорезмшахов. Резной орнамент глубок и в основном состоит из растительных побегов, трехлистников (рис. 5, 1–2, 4–6) и ромбовидных фигур (рис. 5, 3). Образцы этого орнамента были обнаружены в декоре михрабной ниши джума-мечети Миздахкана и фасадной части мечети-медресе Халифа Реджеп [Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш. 2014: 49–53].

Частичное покрытие бирюзовой поливой встречается также на штампованной керамике Хорезма и Золотой Орды. В целом, в послемонгольское время возрождение традиций было основано на прежних достижениях мастеров декоративного искусства.

Облицовка резной терракотой с частичной глазурью была обнаружена также на мавзолее Батыс-Кесене (Сыгнак). Рельефный орнамент на лицевой поверхности – растительный, геометрический

Рис. 5. Декор с частичной глазурью: 1–6 – Мазлумхан-сулу. Фонд Государственного музея истории и культуры Республики Каракалпакстан; 7–9 – Джумарт-Кассаб. Отдел археологии ККНИИГН ККОАНРУз

и эпиграфический – покрыт сверху непрозрачной голубой глазурью. Расположенные поясами орнаментальные композиции включает побеги с острыми листьями и бутоны полураскрывшихся цветов в контуре из рядов штриховидных полос (рис. 4, 8–9; 6, б), а также извивающиеся побеги и круги, украшенных горошинами (рис. 4, 9). Интересен орнамент в виде «узлов счастья» на фоне побегов с широкими листьями (рис. 4, 11) [Байпаков и др. 2014: 49–50].

Рис. 6. Сопоставление архитектурного декора мавзолеев средневекового Хорезма и Сыгнака

Поливные изразцы

Бантики-перемычки. Наибольшим количеством экземпляров в фондах музеев представлены поливные изразцы «бантики»-перемычки (рис. 6, 19). Орнамент выполнен штампом и покрыт бирюзовой поливой, представлен дву- или трилистниками, пальметтами. Растительный орнамент обрамлен широкой лентой. Размеры клиновидных «бантиков» 5×8,4×4,2×7,2 см. Покрытые бирюзовой поливой они использовались в оформлении общественных и культовых зданий. В архитектурной облицовке мавзолея Мазлумхан-Сулу насчитано 28 различных рисунков на «бантиках»-перемычках [Филимонов 1967: 71]. Основной элемент декора – растительный мотив – повторяется в различных вариантах, по материалам Мазлумхан-Сулу такой прием в оформлении точно датируется начиная с 30-х гг. XIV в. (рис. 6, 20, 21). Встречаются такие рисунки и во внутренней облицовке стен домашней молельни «Восточного квартала II» Миздахкана золотоордынской эпохи и на портале караван-сарая в Куня-Ургенче. Подобный способ облицовки без поливы известен в Средней Азии с XI–XII вв., например, в мечети Талхата-баба и караван-сарая Дая-хатын.

Кладка выполнялась следующим образом: каждые два кирпича, «ложком» один на другом, отделяются в горизонтальном направлении от другой пары кирпичей фигурной терракотовой вставкой-перемычкой, так называемой «бантиковой» разделкой [Лапиров-Скобло 1958: 535]. Эффект бесшовности, впечатление кладки «насухо» достигались хорезмскими мастерами путем наложения кирпичей в плотную, без раствора по фасаду (рис. 7). Кирпичи соединялись внутри кладки, для чего их делали клиновидными: грани были скошены и скреплялись ганчем [Лапиров-Скобло 1958: 539].

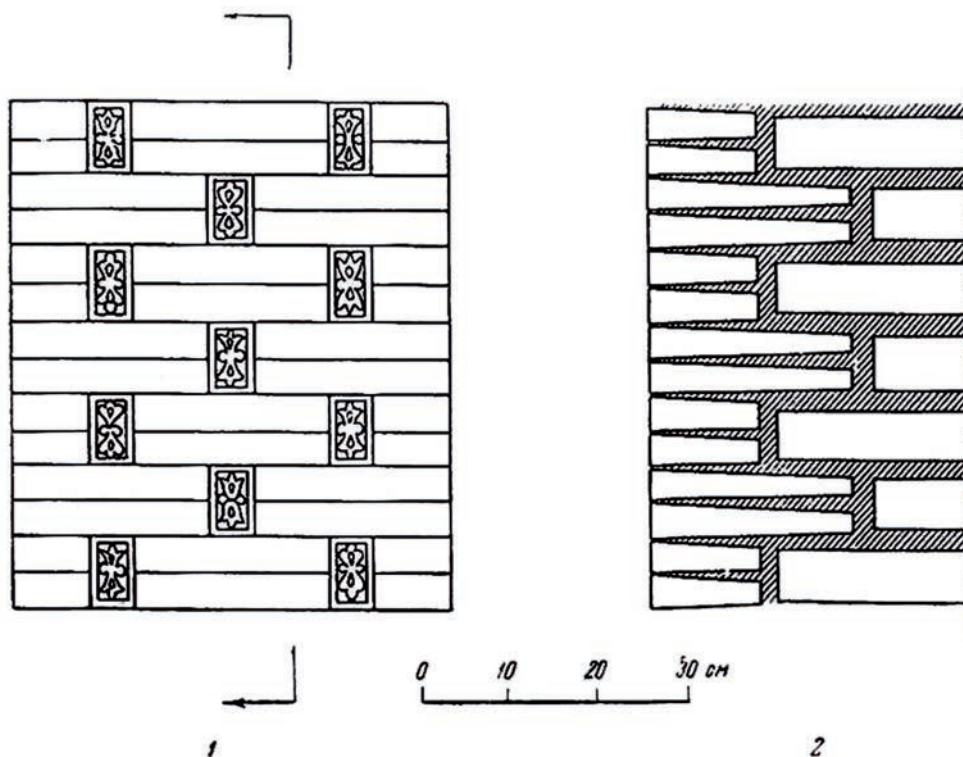

Рис. 7. Крепление облицовки к массиву стены: 1 – фасад; 2 – разрез. По: [Лапиров-Скобло 1958]

Один изразец-бантик, прикрепленный с одной стороны алебастровым раствором к двум горизонтально плотно прилегающим шлифованным кирпичам, происходит из находок раскопок мавзолея Кок-Кесене. Видимо, как перемычка между двумя кирпичами он использовался во внутреннем интерьере или же на фасаде портала мавзолея (прим. авт. – А.И.) (Материалы раскопок мавзолея, проводимые археологами Международного казахско-турецкого университета им. Ясави, не опубликованы; полная информация отсутствует). Растительный орнамент очень схож с орнаментом изразцов-бантиков с портала караван-сарая Таш-калы в Куны-Ургенче (рис. 6, 17).

Плиты. Среди изразцов находились несколько плиток, оформленных чередующимися полосами бирюзового и кобальтового цветов, разделенных черной линией (рис. 6, 11). Плитками оформлялись боковые поверхности надгробных сооружений – надгробья ступенчатой конструкции (типа «сагана»), выполненные из пористого розовато-белого цвета теста (*кашин*). Близкие аналоги плиток были найдены на бугре Джумарт Кассаба, в некрополе Миздахкана. Очень близкий пример датированного надгробья сохранился в мавзолее Саида Алауддина во Внутренней крепости (Ичан-кала) города Хивы (рис. 6, 12). Это надгробье, очевидно, поставлено сразу после смерти святого (судя по эпитафии 1310 года) [Iskanderova 2017: 181, abb. 7, 9; 184, abb. 10, 5]. Такие же фрагменты плиток-плитов были обнаружены при раскопках мавзолея Батыр-ата (Сыгнак) (рис. 6, 13). В юго-западной части мавзолея сохранился в хорошем состоянии склеп-сагана стрельчатого сечения (рис. 6, 14). Также в мавзолее, вероятно, находились другие надгробья, найденные при завалах мавзолея, декорированные глазурованными плитками.

Заключение. Таким образом, в ходе археологических раскопок городищ средневекового Хорезма и мавзолеев Южного Казахстана были выявлены элементы схожего архитектурного декора. Схожесть элементов и техника исполнения свидетельствует о высоком развитии и взаимовлиянии декоративного искусства на обширной территории севера Средней Азии, сложении своего стиля. Для него характерны филигранная резьба, тонкая и гармонично подобранная гамма цветов, высокий уровень выполнения деталей. Это указывает на высокий уровень запросов заказчиков, причем как в домонгольское время, так и в послемонгольский период. В целом, это служит еще одним доказательством значительного развития искусства в отмеченных областях региона.

В статье была использована лишь небольшая часть материалов, отражающих взаимосвязь архитектуры культовых и жилых сооружений средневекового Хорезма и Южного Казахстана. Дальнейшие исследования полнее раскроют отношения и взаимовлияние материальной и духовной культур народов Центральной Азии и их соседей.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е. П., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 3-215.
- Алимбетов А. Архитектурные детали декора с мавзолея городища Бограхан // История и археология Турана. 2013. № 1. С. 127-135.
- Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Воякин Д.А., Жолдасбаев С.Ж. Городище Сыгнак: мавзолеи // Известия НАН РК. 2014. Вып. 5. С. 45-51.
- Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. № 67. Вып. 2. С. 59-99.
- Гражданкина Н.С. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана // Архитектурное наследие Узбекистана: сб. статей / Отв. ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: АН УзССР, 1960. С. 38-59.
- Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л.: изд-во Всес. акад. архитектуры, 1939. 228 с.
- Калаур В.А. Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 году // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского

- кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авторы предисловия и составители Елеуов М., Бахтыбаев М. М. Туркестан: Туран, 2011. С. 204–211.
- Калаур В.А.* Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авторы предисловия и составители Елеуов М., Бахтыбаев М. М. Туркестан: Туран, 2011. С. 254–258.
- Кастанье И.А.* Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург, Типография Тургайского обл. правления, 1911. 129 с.
- Кдырниязов М.-Ш.* Культура Хорезма XIII–XIV вв.: дис. ... докт. ист. наук. Альбом. Самарканд, 2005.
- Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш.* Домашняя молельня в Миздахкане // Восхождение к вершинам археологии: м-лы Междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева (г. Алматы, 26–28 мая 2014 г.) / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014. С. 478-486.
- Лапиров-Скобло М.С.* Портал развалин караван-сарая на городище Таш-кала в Куня-Ургенче // ТХАЭЭ. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 529-542.
- Лерх П.Л.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870. С. 323-371.
- Манылов Ю.П.* Археологические исследования караван-сарая Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. I. Ташкент: Фан, 1982. С. 93-122.
- Пиляевский В.И.* Куня-Ургенч. Л., 1974. 70 с.
- Рапопорт Ю.А.* Раскопки городища Шах-сенем в 1952 г. // ТХАЭЭ. Т. II. 1958. С. 397-430.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948а. 352 с., 87 ил.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948б. 328 с.
- Туребеков М., Алимбетов А.* Раскопки городища Бограхан // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 г. / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2001. С. 158-160.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. Уни-та, 1994. 232 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки квартала XV–XVII вв. на городище Таш-кала // ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958. С. 505-528.
- Филимонов В.М.* Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан сулу // Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1967. С. 62-83.
- Юсупов К.* Уникальный памятник архитектуры средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент: Фан, 1990. С. 166-177.
- Якубовский А.Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. II. С. 123-159.
- Iskanderova A.* Dekorelemente und Epigraphik der Bauten und Grabmäler Choresmiens // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2017 (2020). Band 49. S. 173-190.

**С. С. Мұрғабаяев,
М. М. Бахтыбаев,
Л. Ж. Малдыбекова**

Сағынбай Серікбайұлы Мұрғабаяев,
sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz

Мэлс Маратұлы Бахтыбаев,
mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz

Ляззат Жұмағұлқызы Малдыбекова
lazzat.maldybekova@ayu.edu.kz

Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан қ., Қазақстан

2022 жылы Көккесенеде жүргізілген зерттеулердің нәтижелері

Аннотация. Мақалада Көккесенеде 2022 ж. жүргізілген археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижелері көрсетілген. Ескерткіш қазіргі Жаңақорған ауданы Қожамберді ауылының батысындағы ауыл қорымының ортасында, ортағасырлық Сығанақ қаласының 11 км оңтүстік-шығыста орналасқан. Қазба барысында құнды жәдігерлер табылды, оның ішінде бояулы және бояусыз (терракоталық) қаптама қыштары. Кесене құрылысының қашан салынғаны туралы болжамдар айтылады.

Түйін сөздер: Сығанақ, кесене, Көк кесене, архитектура ескерткіші, қаптама қыш, сағана

**Сағынбай Серікбаевич Мурғабаяев,
Мэлс Маратович Бахтыбаев,**

Ляззат Джумагуловна Малдыбекова,

Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави,
г. Туркестан, Казахстан

Мавзолей Кок-кесене: предварительные результаты исследований 2022 г.

Аннотация. В статье даны предварительные результаты полевых исследований, проведенных в 2022 г. на мавзолее Кок кесене. Памятник расположен в 11 км к юго-западу от средневекового городища Сыганак, на территории современного кладбища, на окраине села Кожамберды (Жанакурганский р-н, Кызылординская обл.). В ходе археологических работ на памятнике обнаружены уникальные находки, в том числе глазурованные и терракотовые облицовочные плитки; выявлена планировка сооружения; высказаны предположения о времени постройки мавзолея.

Ключевые слова: Сыганак, мавзолей, Кок кесене, памятник архитектуры, облицовочная плитка, склеп

**Sagynbay Murgabayev,
Mels Bakhtybayev,
Lazzat Maldybekova,**

Khoja Ahmed Yasawi International Kazakh-Turkish University,
Turkistan, Kazakhstan

Kok-kesene mausoleum: preliminary results of the 2022 study

Abstract. The article presents preliminary results of field research conducted in 2022 at the Kokkesene Mausoleum. The monument is located 11 km southwest of the medieval settlement of Syganak, on the territory

© 2022 Мұрғабаяев С.С., Бахтыбаев М.М., Малдыбекова Л.Ж.

*Жұмыс ҚР БҒМ Ғылым комитетінің нысаналы-бағдарламалық қаржыландыруы бойынша (2021–2023) ЖТН-і BR10965310 жобасы шеңберінде орындалды.

of the modern cemetery on the outskirts of the village of Kozhamberdy (Zhanakurgan district, Kyzylorda oblast). In the course of archaeological work on the monument, unique finds were discovered, including glazed and terracotta facing tiles; the layout of the building was revealed; assumptions were made about the time of construction of the mausoleum.

Keywords: Syganak, mausoleum, Kokkesene, architectural monument, facing tiles, crypt

Көккесененің зерттелу тарихы ХХ ғ. басында басталады. 1900 ж. сәуір айында В.А. Каллаур Көккесенеде арнайы болып, оны толық сипаттап жазды [Каллаур 1901: 98–101]. Оның пікірінше, бұл құрылыс – кесене. Онда ақсүйек әулетінен шыққан адамдар жерленген. Көккесене Сығанақтан 8 верст оңтүстікте, Төменарық станциясынан 5 верст солтүстік-батыста орналасқан. Кесене құрылысы биік, күйдірілген қыштан салынған. Сырты көк түсті қаптама қыштармен безендірілген. В.А. Каллаур кесененің бұзылуына уақыттың, сонымен бірге жергілікті тұрғындар кесене қыштарын бұзып алуы да себеп болып жатқанын алға тартты [Каллаур 1900: 12].

В.А. Каллаур кесенені зерттеу барысында күмбездің ішкі жағында арабша жазулардың барын анықтады, бір жазу 5–6 рет қайталанып жазылған. Осы сапарында, канцелярия қызметкері Жайлибаев жазулардың көшірмесін сызып алған.

Сығанақтық шырақшы молда Қош-Мұхаммет Тәтібаев кесененің ішкі жағын құлаған қыштар мен қоқыстан тазалаған соң, кесене құрылысының артқы жағынында «сағанасы» барын, оған түсетін арнайы ойықтың еденде орналасқанын жазды. Сағана үсті мазар ретінде қаланып, жалау орнатылған [Каллаур 1901: 98–101]. Сонымен қатар, В.А. Каллаур Көккесененің оңтүстік-батыс жағында орналасқан төбені жергілікті тұрғындар қазып, ол жерден шағын құрылыс қалдықтарының шыққанын және оның жобасы бойынша Көккесене құрылысына ұқсастығын атап өтті. В.А. Каллаурдың өтініші бойынша, аға акциз бақылаушысы А.Я. Уткин Көккесененің шығыс және оңтүстік-шығыс көріністерін суретке түсірді [Каллаур 1901: 98–101]. Өкініштісі, В.А. Каллаур кесененің бірде-бір өлшемін алмаған.

Ә.А. Диваев «Мавзолей Кок – Кесене» деген мақаласында Сығанаққа қарасты бұл орын туралы жазба деректерінде кездесетін мынандай бір аңызды келтіреді: «Ақкесене және Көккесене жерлерін осыдан 300 жыл бұрын қалмақтар биледі. Олардын өкілдері Уса мен Зиренг болды. Қалмақтар билеген бұл жерлер Сырдариядан және Қарықтыдан (Арал теңізі) төмен, “Сары үйшік” және “Үйшік” деп аталатын жерде орналасқан <...>. Кіші жүздің өкілі Тайлақ батыр және қырғыздың (қазақтың) Учакты (Ошақты) тайпасының Тас жүрек руынан шыққан Саңрық батырмен бірігіп қалмақтарды Ит ішпес, Алакөл мен Аңырақай шайқастарында қырған». Сонымен қатар, Ә.А. Диваев осы жерді қалмақтар билеген заманынан бұрынырақ Ақкесене және Көккесене деген ғимараттардың болғандығын, олардың қарауыл күзеттерінің тұратын жері екенін жазды [Диваев 1905: 40–41]. Ә.А. Диваев бұл ескерткіштердің аталуына да мән беріп, оларды Ақкесене, Көккесене деген жер атауымен байланыстырған.

В.А. Каллаурдың пікірінше Көккесене құрылысы «кесене» болса Ә.А. Диваев келтірген аңызда аталған Ошақты тайпасының Тас жүрек руы шынында Талас өзенінің төменгі ағысында мекендейтінін және Ақкесене мен Көккесене бекіністері осы жерде орналасқанын алға тартып, Ә.А. Диваевтың баяндамасында келтірілген аңызда Ақкесене мен Көккесене бекіністерін Сырдария өзенінің төменгі ағысына қателесіп жатқызуы мүмкін, себебі ол жерде мұндай құрылыстар туралы мәліметтер жоқ деп тұжырымдайды [Каллаур 1908: 32–33].

1909 ж. 23 наурыз күні өткен үйірме отырысында Ә.А. Диваев «О значении названия “Кок-Кесене”» атты баяндама жасап, онда, «Мавзолей Кок-Кесене» атты мақаладағы «Сары үйсін» мен «Үйсін» атаулары орнына «Сары үйшік» пен «Үйшік» болып қате жазылғанын атап, Перовск уезінің

тұрғындары Жүсіпбек Басығаринге және Сұлтан Ерғали Қасымовқа «Ақкесене» мен «Көккесене» терминдерін анықтап беруін өтініп хат жазғандығын атап өтті [Диваев 1909: 11].

Жүсіпбек Басығарин өз хатында, қырғыздар (қазақтар) арасында Қожамқұл деген адам болған. Аңыз бойынша Көккесенені жергілікті билеуші өз әйелінің мазары үстіне осы Қожамқұл салдырған дейді. Ж. Басығарин «кесене» термині «кошана» парсы сөзінен шыққан, оның мағынасы «ғимарат», ал «көк» - сөзі кесененің сырты көк түсті болғандықтан аталған «Көккесене», «Көкғимарат» мағынасына келеді деп жазады. Сонымен қатар, Ж. Басығарин араб сөзіндегі «кенісе» және парсы сөзіндегі «каліса» терминдеріне тоқталып, қазақтар осы сөзді «кесене» деп айтуы мүмкін, бірақ бұл сөз пұтқа табынушылардың шіркеуін білдіреді. Сондықтан, қазақтар оны «кесене» деп айтуы мүмкін емес деп пайымдайды [Диваев 1909: 12]. Ал, С.Е. Қасымов өз хатында - «Көккесене» термині өзбек тіліндегі «көк» және «кесе» мағынасына келеді деп жазады. Жоғарыда аталған мәліметтерді саралай отырып, Ә.А. Диваев, Ақкесене құрылысы сақталмаған. Оны Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан көне Жентпен баламалауға болады. Алайда, бұл пікір әлі де ғылыми зерттеуді қажет етеді деп, өз ойын білдіреді [Диваев 1909: 13].

Төменарық станциясынан солтүстік-шығыста орналасқан Көккесене құрылысын 1927 ж. Материалдық мәдениет тарихы академиясының қызметкері А.Ю. Якубовский зерттеп, бұл ескерткіштің қазіргі таңда құландысы ғана қалғандығын баяндады. А.Ю. Якубовский құрылыстың тек портал аркасының диаметрі 6,5 м, биіктігі 4,36 м болып келетін оңтүстік тірегінің сақталғандығын және жергілікті тұрғындардың айтуынша, Көккесене құрылысы 1914 ж. бұзылғанын, кесене құландысы төбе болып жатқандығын, оның айналдыра аумағы 110 қадам, биіктігі 3,1 м болып келген атап өтті [Якубовский 1929: 154].

Көккесене құландысын 2004 ж. ХҚТУ ТАЭ-сы (М. Елеуов) қайта зерттеп, оның географиялық координаттарын анықтады [Есеп 2005].

Ауыл тұрғындарының айтуынша бұл кесене маңы 1970-ші жылдардан бері ауыл қорымына айнала бастап, қазіргі күнге дейін сол мақсатта пайдаланылып келеді. Ол қорымның атауы да «Көк кесене қорымы» деп аталады. Бұл нысан ортағасырлық кезеңдерден бастап-ақ елді мекен немесе қаланың жерлеу орны, тіпті элиталық топты жерлеуге арналған пантеон болуы да ықтимал. Өйткені, соңғы кездегі ауыл тұрғындарының жерлеу орындарын қоспағанның өзінде, Көк кесенеге тиесілі төбеден бөлек бірнеше ірі кесене іздері бар екендігі анықталып отыр. Тіпті олардың бірінде ауыл тұрғындары мәйітті жерлеуге қабір қазу барысында топырақ астынан күйген кірпіштен салынаған ірі құрылыс ізіне тап болып, соңында оны қайта көміп тастаған. Сонымен қатар, Көккесененің солтүстік-батыс бөлігінде төбе болып жатқан екі құрылыс ізі анық көрініп жатыр.

Ал, енді тікелей Көккесенедегі 2022 ж. археологиялық зерттеу жұмыстарына тоқтала кетсек. Төбенің қазбаға дейінгі аумағы СШ–ОБ – 25 м, ал СБ–ОШ – 20 м (1-сур.). Алғашқыда жер бедері қос сатылы болып жатты, яғни негізгі жер деңгейінен арнайы алаң жасап барып, құрылысты сол алаңның үстінен көтерген болуы ықтимал деген ойға келдік. Арнайы алаң үстіндегі төбешіктің оңтүстік-батыс бөлігінің биіктігі жер деңгейінен 4 м шамасында, ал солтүстік-шығыс бөлігі әлдеқайда еңістеу болып келген. Алғашқыда қазбаны Каллаурдың берген сызбасын негізге ала отырып кесененің шаршы төртбұрышты болуы ықтимал деген оймен 15×15 м етіп шаршы пішінде салуды жоспарлаған болатынбыз. Оны ұзынынан екі секторға бөліп, шығыс бөлігіне қазба жүргізе бастадық. Қазба барысында оңтүстік-батыс бөліктен алғашқы күректен соң (0,3–0,35 м) күйген қыштан жасалған қаланды ізі анықтала бастады. Осы бөлікті аршу барысында сыртқы және ішкі бөліктерінің шекарасы белгісіз күйген қыштан қаланды ізі айқындала түсті. Қазба деңгейі 1,5 м тереңдеген кезде сыртқы қаландының жақсы сақталған бөлігі, кесененің шығыс бөлігін толық

аршыған уақытта биіктігі 1,2–1,35 м дейінгі толық сақталған құрылыс анықталды (2–3 сур.). Соған қарағанда, 1901 ж. В.А. Каллаур берген суреттің өзінде төменгі бөлік құланды мен топырақ астында жатқандығының күәсі болдық. Кесенені толық тазалау барысында оның оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа бағытталған ұзындығы 16 м, ені батыстағы порталды бөлігінде 10,58 м, орта тұсындағы негізгі бөлменің сыртқы ені 8,5 м, ал сағанаға арналған төрт бұрышты бөлменің ені 5,76 м екендігі анықталды. Кесененің оңтүстік-батысқа қараған порталды бөлігіндегі негізгі арканың ені 3,63 м, порталдың оң бөлігінің ені 3,45 м, сол бөлігінің ені 3,50 м. Арканың тереңдігі 3,12 м, ортасында негізгі есік 1,2 м биіктікте орналасқан. Бұл биіктіктегі есікке кіру үшін арнайы баспалдақ жасалған. Оның сақталған ұзындығы 2,3 м, ені 1,3 м.

Баспалдақ шикі кесектен қаланған, оған қолданылған кесектердің көлемдері кесенеге пайдаланылған күйген кесектің көлемдерімен бірдей: 25×25×5 см және 39×25×5 см. Соған қарағанда бір қалыптан шыққан, дегенмен баспалдаққа жоғарыдан ешқандай салмақ түспегендіктен күймеген шикі кесекті қолданған болуы ықтимал. Есіктің ені табалдырық жағында 1,3 м, орта тұсында ені 1 м дейін тарылған, яғни есіктің жоғарғы маңдайша бөлігі сүйірленіп біткен болуы мүмкін. Есік арқылы кесененің негізгі бөлмесі басталады. Негізгі бөлме табалдырықтан 0,3 м төмен деңгейге дейін топырақпен толтырылған. Бөлмені айналдыра табалдырық деңгейінде қабырғаның жоғарғы бөлігінен 12,5 см енді болып келген белдемше бар, яғни бөлме қабырғасы кесененің іргетасы ретіндегі қаланған төменгі бөлікке қарағанда жұқара бастағаны байқалады. Төменгі іргетас ретіндегі қаландының ені 1,63 м.

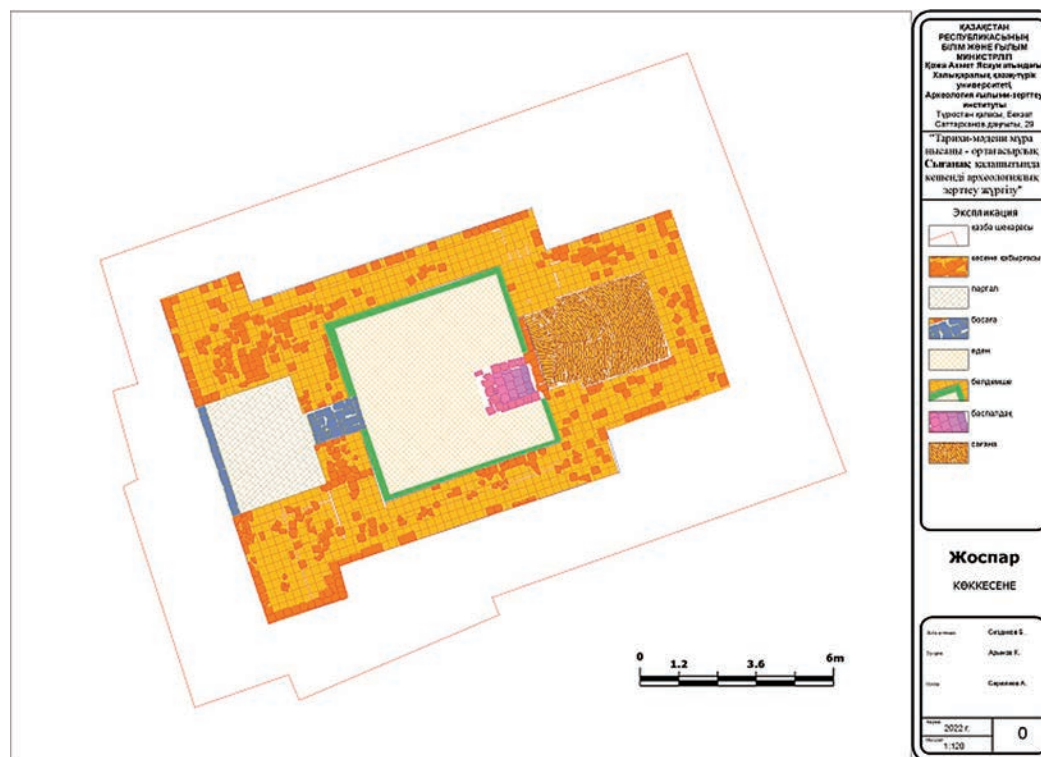
Бөлменің ішкі бөлігінің аумағы тік төртбұрышты болып келген, көлемдері 5,77×5,8 м. Бұл бөлменің оңтүстік-батыс кіре беріс бөлігі іргетас ретіндегі белдемшеден жоғары шамамен 1,2 м дейін сақталған. Осы бұрышта қабырға қаландысынан 14 см ойық қалдырып, ол жерге бөлме қабырғасын айналдыра есілген арқан типтес оюмен өрнектелген қыш қаптамамен көлденең белдемше жасалған бөлік сақталған

1-сур. Көккесене. Қазба дейінгі көрінісі

2-сур. Көккесене. Қазбадан кейінгі көрініс

3-сур. Көккесене. Жоба

(осындай оюлы белдемше дәл осы деңгейде сыртқы жағынан да бір бөлігі байқалған болатын). Сондай-ақ бұл көлденең оюлы белдемшеден 15 см жоғары екінші оюлы белдемше басталады. Бұл оюлар беткі бөлігі өте ұқыпты тегістеліп қиюластырылған, күйдірілген қаптама қыштардың бетіне қашап, ойып, шахматтық ретпен жапсырылған көлдір сырлы бояумен боялған плиткалар. Бұл плиткалар әдеттегі керамикадан емес, гипс тәріздес материалдан жасалған. Көлемдері 9×6,5 см, қалыңдығы орташа 2–2,1 см. Плиткалар жабыстырылған қаптама қыштардың беткі бөлігінде пышақ жүзі өтпестей, балшықсыз қиюластырылғандай әсер қалдырғандығымен, олардың артқы бөлігі арнайы сүйірленіп жасалып, гипспен біріктірілгендігін көреміз. Бөлменің солтүстік-шығыс бөлігінде келесі сағана бөлмесіне кіруге арналған, төмен қарай түсетін баспалдақ жасалған. Арнайы күйген қыштан қаланып жасалған баспалдақ ені 0,95 м, тереңдігі шамамен 1 м. Сағана есігінің ені 0,95 м, биіктігі 1 м (4-сур.). Есіктің маңдайшасы ретінде арнайы бүтін құмтас пайдаланылған. Есіктің аузы да осындай екі құмтас бөліктермен жабылып, сырты қыштармен толтырылып, топырақпен көмулі тұрған болатын. Бұл есікке түсетін баспалдақтың бар екендігі және аузы үлкен тастармен жабылғаны туралы В.А. Каллаурдың хабарламасында айтылған болатын.

Сағана бөлмесіне тоқтала кететін болсақ – орталық бөлменің солтүстік-шығыс бөлігі сағана бөлмесімен жалғасып кеткен. Оның ені 2,43 м, сағана керегесінен 3–4 қатар қышпен бөлініп қаланған. Сағана құрылысының үстінде адам жүруге тиым салынған. Сағана бөлмесінің ішкі аумағының ені 2,8 м, ұзындығы 3,95 м. Осы бөлменің ішінен 25×25×5 см пішінді кірпіштерден тігінен қалап, сүйір аркалы етіп сағана шатырын қалаған. Жалпы бұл сағана шатырының деңгейі орталық бөлменің еденінің деңгейімен шамалас және ешқандай бұзылмай сол күйінде сақталған

деп айтуға болады. Сағананың есігін ашып кіргенімізде оның ішіне тіпті ешқандай топырақтың түспегеніне куә болдық. Тек қана кезінде саз балшықпен сыланғандығын сылақ құландысынан байқауға болады. Сылақтың кейбір жерлерде сақталғаны да байқалады. Сағананың ішкі биіктігі 1,65 м. Сағана ішінде басы солтүстік-батысқа бағытталып жерленген үш ересек адамның қаңқасы мен солтүстік бұрышына жинап қойған үш адамның қаңқасы анықталды (бұл адам сүйектерінің барлығы генетикалық, антропологиялық, радиокарбондық зерттеуге берілді). Сағананың едені күйген кірпішпен жалпағынан бір қатар төселген. Еден есіктен 0,5 м тереңдікте жатыр.

4-сур. Сағана көрінісі

Қазба кезінде анықталған құрылыс ерекшеліктері мен заттай деректерге тоқтала кетсек. Құрылыста негізінен 25×25×5 см көлемдегі күйген қыштар қолданылған. Бір қызығы бірнеше бұрышты болып келген кесене құрылысының әрбір бұрышына 39×25×5 см көлемдегі қыштарды пайдаланған. Ол бұрыштардағы қаландының байланысы мен мықтылығына өте жақсы әсер ететіні белгілі. Сондай-ақ қазба барысында құландының әр бөлігінен 33×33×9 см болатын қыштар да анықталды. Қазіргі сақталған қаланды бөлікте оларды қолданбаған. Мүмкін бұл көлемді қыштар күмбез құрылысының бір бөлігінде пайдаланылған болуы мүмкін.

Көккесене құрылысында пайдаланған материалдардың тағы бір ерекшелігі – сырлы бояудың сан-алуан түрлі болуы және олар әдеттегідей күйдірілген саздан жасалған қышқа емес гипске жағылғандығы. Бояу түрінің сия көк, көгілдір, қызыл, сары, ақ түстері кездеседі. Сонымен қатар кесенені әрлендіру барысында негізінен мозаика, яғни бір тегістік бетіне әр түрлі сырланған бояудағы бөлшектерді қырқып, қиюластыру арқылы орындаған деталдарды пайдаланған. Сырлы бояуды гипске жағу себебі осыдан болар. Өйткені күйдірілген қышқа қарағанда гипс өңдеуге оңай материал екендігіне біз көз жеткізіп отырмыз. Қыш қаландысының бетіне бұл мозаиканы күйген қыштың үгітіндісін гипспен араластырып барып, жабыстырып отырғандығын байқадық. Қазба барысында анықталған кейбір құландылырдан осы әдіспен орындалған араб әліпбиінде әріптер тіркесін де көруге болады. Дегенмен олар толық біріктіруге келмейді. Бұл жазбаларға қарап кезінде Каллаурдың айтқан күмбез ішінде айналдыра жазылған арап әліпбиіндегі мәтіндер болуы ықтимал деген ойын растай түседі.

Кесененің келесі бір ерекшелігі – беті оюланған қаптама терракоталар. Бұл жерде бірнеше нұсқасын жолықтыруға болады. Осылардың ішінде бір қызықты нұсқаға тап болдық. Ол бір-бірімен қиюласатын қаптама терракоталардың арасындағы бүкіл қаптаманы құлатпай ұстап тұруға арнайы жасалған «шеге» ретінде пайдаланылған өрнекті қыш. Оның ерекшелігі басқа оюлы қаптамалардың қалыңдығы 11–9–7–56 см болса, бұл қаптаманың артқы бөлігі 20–22 см дейін жетеді және түп жағы шоқпар тәрізді домаланып бітеді. Оның бұлай болу себебі, оның артқы жағы негізгі құрылыс қабырғасына кіріп тұратын болған. Осыған ұқсас қыш қаптамалар

биылғы Сығанақ қаласының жанында қазылған № 6 және 7 кесенелерден де анықталып отыр. Жалпы құрылыс қыштарын қалаған кезде кәдімгі таза саз балшық пайдаланылған. Ал кесене құрылысының сыртқы қаптамалары мен ішкі бөліктерін әрлеу үшін кезінде арнайы үгітілген қыш қалдықтарынан жасалған шамот пен гипс пайдаланғандығын байқадық. Кесене құрылысына пайдаланылған арнайы дайын иленділердің көлемді қалдықтарын кесене қабырғасының төрт жағынан да анықтадық. Ол қалдықтардың үйіндісі қазіргі таңдағы қазба кесігінен де анық байқалып жатыр.

Бұл құрылысты салу барысында сырлы бояуды осы кесененің түбінде дайындаған тәрізді. Олай деуге кесененің шығыс бөлігінде үлкен температурада күйген шлак іздерінің көптеп табылуы. Сондай-ақ ол сырлы бояуды дайындауға қажетті негізгі минерал – селенит қалдықтары қазбаның барлық бөлігінен, күйдіру кезінде жарамсыз болып қалған боялған қалдықтар да жиі кездесіп отырады. Егер арнайы басқа жақта дайындалған болса жарамсыз қалдықтарды тасымалдаудың қажеттелігі де болмас еді.

Бұл жалпы 2022 ж. Көккесенеде атқарылған жұмыстар туралы алғашқы мәлімет. Кесене құрылысының қашан салынғаны туралы әзірше тек болжамдар ғана айтуға болады. Құрылымдық ерекшелігі жағынан Қышқаладағы 2021 ж. анықталған кесенемен (XIV–XV ғғ.) ұқсастық тауып отыр [Елеуов, Талеев және т. б. 2021]. Сондай-ақ кейбір алшақтау ұқсастықтарды Кердері-II [Байпаков 2012: 233], Әуликөл [Петров, Смағұлов 2018: 167–184] ескерткіштерінен кездестіреміз. Мерзімдік көрсеткіші жайлы толық мәліметті лабораториялық сараптамадан соң айтуға болады.

ӘДЕБИЕТ

- Байпаков К.М.* Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2012. 284 с.
- Диваев А.А.* Мавзолей Кок-Кесене (Историко-археологическая заметка) // ПТКЛА (1904–1905), X. Ташкент: типогр. штаба Туркестанского военного округа, 1905. С. 40-42.
- Диваев А.А.* О значении названия «Кок-Кесене» (Историко-археологическая заметка) // ПТКЛА (1907–1908), XIII. Ташкент: типо-литогр. В.М. Ильина, 1909. С. 11-13.
- Елеуов М., Талеев Д., Есен С., Молдахмет А., Сапатаев С., Ерсариев А., Нұрман Б., Қиясбек М.* «Ортағасырлық Қышқала (Баршынкент): Алтын Орда дәуіріндегі қалалық мәдениет контекстінде» тақырыбындағы жобаның есебі. Алматы: Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, 2021. 194 б.
- Каллаур В.А.* Мавзолей Кок-кесене в Перовского уезде // ПТКЛА (1900–1901), VI. Ташкент: типо-литогр. В.М. Ильина, 1901. С. 98-101. (прил. к прот. от 18.09.1901 г.).
- Каллаур В.А.* Древние города Саганакъ (Сунакъ), Ашнась или Эшнась (Асанась) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингисъ-ханом в 1219 году // ПТКЛА (1899–1900), V. Ташкент: типо-литогр. торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1900. С. 6-16. (прил. к прот. от 07.02.1900 г.).
- Каллаур В.А.* По поводу сообщений А.А. Диваева о древних сооружениях «Текъ-Турмасъ» и «Кок-Кесене» // ПТКЛА (1906–1907), XII. Ташкент: типо-литогр. В.М. Ильина, 1908. С. 32-34.
- Қызылорда облысының тарихи ескерткіштерінің жинағын баспаға даярлау (қорытынды) ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі. Түркістан, 2005. 115 б. // ХҚТУ АҒЗО архиві. Инв. № 5.
- Петров П.Н., Смағұлов Т.Н.* Нумизматические находки XIV века из некрополя у озера Аулиеколь // Stratum plus. 2018. № 6. С. 167-184.
- Якубовский А.Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения ГАИМК. Т.11. Л., 1929. С. 123-159.

Э. Ф. Гюль

Эльмира Фатхлбаяновна Гюль,
Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан,
Ташкент; egyul@yahoo.com

Искусство периода правления Шейбанидов: основные тенденции

Аннотация. Период правления Шейбанидов (1500–1601 гг.) до сих пор недостаточно оценен с точки зрения вклада династии в развитие культуры и искусства Мавераннахра. Между тем, продолжив ренессансные тенденции Темуридской эпохи, Шейбаниды придали им локальное своеобразие. В XVI в. происходит расцвет Бухарского и Самаркандского придворного культурного круга, формирование местных школ миниатюры; активно развиваются ремесла. Отличительная особенность культуры в целом – сохранение светского начала. На фоне ослабления связей по Великому Шелковому пути происходит налаживание новых коммуникаций, особенно с Россией и Индией.

Ключевые слова: Шейбаниды, архитектура, миниатюра, портрет, оружие, керамика, светская культура

Эльмира Фатхлбаянқызы Гүл,
Өзбекстан Республикасы ғылым академиясының Өнертану институты,
Ташкент, Өзбекстан

Шейбанидтер басқаруы кезеңінің өнері: негізгі бағыттары

Аннотация. Мавераннахр мәдениеті мен өнерінің дамуына династияның қосқан үлесі тұрғысынан Шейбанидтер (1500–1601) билеген кезең әлі де жеткілікті бағаланбай келеді. Сонымен қатар, Темуридтер дәуірінің қайта өрлеу тенденцияларын жалғастыра отырып, шейбанидтер оларға өзіндік жергілікті ерекшелік берді. XVI ғ. Бұхара және Самарқандтық сарайлық мәдени ортаның гүлденуі, жергілікті миниатюралық мектептердің қалыптасуы; қолөнер белсенді дамып келеді. Жалпы мәдениеттің айрықша белгісі зайырлылық бастамасының сақталуы болып табылады. Ұлы Жібек жолы бойындағы байланыстардың әлсіреуі фонында әсіресе Ресей және Үндістанмен жаңа байланыстар жолға қойылуда.

Түйін сөздер: Шейбанидтер, архитектура, миниатюра, портрет, қару, керамика, зайырлы мәдениет

Elmira Gyul,
Fine Arts Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Art of the Shaybanid Period: Main Trends

Abstract. The period of Sheibanid reign (1500–1601) is still insufficiently evaluated in terms of the dynasty's contribution to the development of culture and art of Transoxiana. Meanwhile, continuing the revival trends of the Temurid era, the Sheibanids gave them a local identity. In the 16th century there was a flourishing of the Bukhara and Samarkand court cultural background, the formation of local schools of miniature; crafts were actively developing. A distinctive feature of culture as a whole is the preservation of the secular principle. Against the background of the weakening of ties along the Great Silk Road, new communications are being established, especially with Russia and India.

Keywords: Sheibanids, architecture, miniature, portrait, weapons, ceramics, secular culture

В истории Узбекистана немало ярких периодов, ознаменованных расцветом культуры и искусства. Некоторые из них изучены довольно полно. Особого внимания удостоен период правления Амира Темура и Темуридов, ставший знаковым для современного Узбекистана. Эта эпоха справедливо рассматривается как самый впечатляющий этап в развитии государственности на территории страны. Некоторое время назад автор данного сообщения посвятил отдельную публикацию искусству эпохи Караханидов, первой тюркской династии, принявшей ислам. Культура Караханидов интересна синтезом исламских и степных традиций, она дает возможность говорить о вкладе тюрков в формирование искусства ислама. Вместе с тем, в художественной культуре средневекового периода существуют периоды, нуждающиеся в более пристальном внимании. Настоящая публикация посвящена искусству XVI в., когда власть в Мавераннахре принадлежала Шейбанидам (1500–1601).

Общее отношение к культурному фону XVI в. в узбекистанской науке немного противоречиво. С одной стороны, отмечалось, что в силу Великих географических открытий «Средняя Азия оказалась выключенной из сферы широких внешних общений <...>, культурные очаги сокращаются» [Пугаченкова, Ремпель 1965: 321]. Действительно, это было время, когда новое государство больше воевало с соседями, чем находилось в состоянии мира. С другой стороны, культурные процессы развивались весьма динамично: «в Самарканде, Ташкенте, Шахрухии и особенно столичной Бухаре в XVI в. концентрируются лучшие творческие кадры всей Средней Азии <...>, именно сюда устремляются из Герата мастера художественных профессий, музыки и литературного творчества» [Пугаченкова, Ремпель 1965: 321].

Интерес автора к этому периоду обусловлен в первую очередь тем, что Шейбаниды стали наследниками Темуридов. Как они распорядились этим наследством? В свое время римский поэт Гораций произнес знаменитую фразу: «Плененная Греция победила своего некультурного победителя». В некотором смысле мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией, когда армия степняков, ведомая их лидером Шейбани-ханом, свергает ослабевших Темуридов, но попадает под обаяние их высокоразвитой городской/придворной культуры. Любовь Шейбанидов ко всему, что прославило выдающуюся Темуридскую эпоху, была искренней. Несмотря на то, что новая династия представляла сторону завоевателя, она считала себя «наследницей» владений Темуридов, относилась к побежденным с уважением, перенимая их порядки и образ жизни.

Возможно, в сложившейся ситуации свою роль сыграла персона самого основателя династии Мухаммеда Шейбани-хана (1451–1510 гг.). Внук правителя и основателя государства кочевых узбеков Абулхайр-хана (1428–1468 гг.), чингизид, потомок по линии хана Шибана, третьего сына Джучи, Шейбани-хан, возглавивший племена даштикипчаков, не был обычным для того времени «степным рыцарем», «политическим бродягой-кочевником» [Джу-Юп Ли 2022]. Это был человек, получивший образование в Бухарском медресе, увлекавшийся каллиграфией и поэзией, писавший стихи на тюркском и персидском языках. Подчинив Самарканд (1500 г.) и Герат (1507 г.), он объявляет своей столицей Самарканд (1500–1533 гг.; затем 1540–1556 гг.). Позже функцию центра перехватывает Бухара (1533–1601 гг.). Новая власть поддерживает идеи просвещения, заложенные Улугбеком. Это обстоятельство особенно важно в том плане, что после гибели знаменитого «ученого на троне» (в 1449 г.) в городе, пережившем, как и весь регион, время междоусобиц и череду сменявших друг друга Темуридов, уже не было тех условий для развития науки, которые прославили его в первой половине XV в.

Покровительство ученым и людям искусства оказывали почти все представители династии Шейбанидов. Особенно заметными фигурами были Убайдулла-хан (1533–1539 гг. правления), с именем которого связано образование самого значительного придворного культурного круга в

Мавераннахре первой половины XVI столетия, и Абдулла-хан II (1557–1598 гг. правления), при котором Бухара достигла пика своего расцвета.

В XVI в. интенсивность международных контактов, очевидно, действительно снижается, но связи с рядом стран, наоборот, активны. Со второй половины века укрепляется торговля и культурный обмен с Россией и Индией. Шейбанидский и Бабуридский дворы устанавливают дипломатические отношения; из Индии экспортируются различные товары, прежде всего ткани, драгоценные камни, красители, парфюмерия; мастера Мавераннахра получают возможность работать при дворе наследников Бабура. Молодая среднеазиатская династия, воцарившись на индийских землях, придерживается вкусов своей исторической родины. В XVI в. Индия – активный реципиент среднеазиатских и иранских художественных традиций (архитектура и архитектурный декор, миниатюра, керамика, ковры). Что касается ответных индийских влияний, то они проявляются в большей степени в изображении индийцев в миниатюрной живописи Бухары и Самарканда, персонажей в типично индийской одежде как отражение знакомства жителей Мавераннахра с индийской культурой.

Архитектура

В свое время Темур, придя к власти, приступает к благоустройству своей столицы; памятники Темуридской архитектуры становятся ярким выражением величия эпохи. Аналогичная ситуация складывается в период правления Шейбанидов, для архитектуры которого тенденции Темуридской эпохи, выработанные в XV в., оставались определяющими. Эти тенденции проявлялись в стремлении к масштабности зданий, исключительной пышности их внешнего и внутреннего убранства. Прекрасным подтверждением тому служат памятники первой половины XVI в.: два самаркандских медресе Шейбани-хана (были известны как Олия, Хония или Медресеи хон и построены по принципу *кош* (парные), соединенные аркой; не сохранились), бухарские памятники: квартальная мечеть Балянд, мозаичные *михрабы* выстроенной еще в XV в. соборной мечети Калян, медресе Мири-Араб (при Убайдулла-хане), ханака ходжи Зайнуддина и проч. Возведение многочисленных медресе (известно, что Шейбани-хан лично участвовал в диспутах в «своем» медресе, а в годы правления Абдулла-хана II в Бухаре насчитывалось до 200 учебных заведений) наглядно свидетельствует о приоритетах династии.

О роскошном оформлении медресе Шейбани-хана источники писали, что «Есть на свете много медресе, но по красоте нет второго подобного этому» [Мукминова 1966: 22]. Поражал также интерьер мечети Балянд («Высокая») – многоцветием мозаичных панелей и тончайших кашинных мозаик *михрабной* ниши, сверкающей *кундальной* живописью на стенах, деревянным наборным потолком со звездчатой композицией. Эпиграфика почерком *сульс* и цветочно-растительный орнамент на *михрабной* нише, стенных панно по своей сложности и тонкости исполнения не уступает Темуридским образцам. Спиральные узоры столь же изысканы, как и в памятниках Самарканда XV в.

Во второй половине XVI в. в государстве особое внимание уделяли гражданскому строительству. Абдулла-хан II возводит в Бухаре *медресе* и *хонако*, сеть крытых рынков Тим Абдулла-хана, Токи Саррофон и Токи Заргарон, а также *караван-сарай*, *сардобы*-водохранилища, мосты. В эти годы стали востребованы тенденции рационализма, упрощения традиционных приемов декора и появления новых, менее трудоемких (резьба по ганчу типа *кырма* и *часпак*. Так, вместо наборной мозаики и расписной майолики широко используется так наз. «абдуллахановская» майолика, более простая в изготовлении, набранная из крупных прямоугольных плиток [Нильсен, Манакова 1974: 32]. И хотя она несколько уступает по чистоте и яркости цвета, ее узоры столь

же изысканы и сложны по своим построениям (медресе Гаукушан: спиральные композиции на тимпанах главного фасада; медресе Абдулла-хана: спиральные композиции на тимпанах над аркой в дворовой галерее).

Миниатюрная живопись

XVI в. стал временем формирования и расцвета мавераннахрской школы миниатюры. Основатель династии Шейбани-хан, как и другие просвещенные правители мусульманского Востока, уделял большое внимание содержанию своей *китабхоны*, функционировавшей при медресе [Мукминова 1966: 23], которая, как и любая придворная *китабхона*, была не просто библиотекой, но культурным центром, объединявшим лучшие творческие силы того времени. Личный интерес хана к искусству миниатюры зафиксирован благодаря запискам Бабур – будучи в Герате, «хан исправлял писания и рисунки Султан Али-и Мешхеда и художника Бехзада <...>» [Бабур 1992: 120–121]. Конечно, в этом свидетельстве Бабур есть определенная доля сарказма, но, тем не менее, оно говорит о многом. Бехзад при Шейбани-хане оставался руководителем Гератской *китабхане*, более того, его кисти принадлежит портрет этого правителя, который, впрочем, можно считать чуть ли не первым в истории исламского искусства живописным памфлетом.

Заказывая свой портрет (ок. 1507 г., музей Метрополитен, США), Шейбани-хан, подчинивший гератский престол, стремился подчеркнуть легитимность и преемственность власти. Он изображен одетым по «темуридской» моде, в окружении говорящих деталей. Кольцо лучника на большом пальце правой руки свидетельствует, что перед нами воин, но шарф/платок с полосками в левой говорит о принадлежности к интеллектуальному миру (такие носили судьи и ученые). Чернильницы, пеналы и книги вокруг еще в большей степени призваны подчеркнуть элитарность образа, его причастность к просвещенным кругам. Казалось, все безупречно, но за спиной портретируемого черная *мутака*, а красный ковер, занимающий почти половину композиции, создает иллюзию, что правитель сидит в море крови. Так Бехзад сумел объединить пожелания заказчика с собственным восприятием этого персонажа.

Существует еще один портрет предположительно Мухаммада Шейбани-хана, выполненный в Бухаре около 1550 г. (Британский музей). На обороте имеется надпись: «Татарский хан-падишах кыпчакской степи (Татар-хан падшах-и Дашт-и Кипчак)». Судя по той же позе и наличию того же платка (другие атрибуты отсутствуют), в отношении правителя сложился определенный изобразительный канон.

В связи с данными работами следует сказать также несколько слов об изобразительности в искусстве ислама, а также о важности портретного жанра. В свое время утверждалось, что «ислам резко ограничил развитие изобразительных искусств» [Бретаницкий 1988: 27], «в отдельные периоды в мусульманском искусстве почти совершенно отсутствовала скульптура и монументальная живопись с изображением живых существ» [Бретаницкий 1988:142]. Такие утверждения могли быть связаны с недостаточным знанием всего объема сохранившегося материала. Изобразительное искусство региона имело настолько давние и прочные традиции, что их невозможно было разрушить в одночасье одними предписаниями и запретами. По крайней мере, монументальная сюжетная живопись и книжная миниатюра (известные по дворцовой культуре многих династий) имели все возможности для развития, скульптуру сельджуков также можно рассматривать как золотой фонд мусульманского наследия. Как отмечал О. Большаков, «отказ от культовой живописи и скульптуры сам по себе еще не означал отказа от всякой живописи или запрещения ее» [Большаков 1969: 153]. Как результат, наряду с исламским искусством, непосредственно связанным с культом, в столичных городах Центральной Азии сохранялся светский

сегмент культуры, с присущей ему изобразительной традицией, корни которой восходили как к раннесредневековой настенной живописи, и, далее, к античным традициям (сюжетные росписи, изобразительные мотивы на изделиях прикладного искусства и т. п.), так и к традициям искусства степного мира. Сосуществование религиозного (исламского) и светского сегментов в искусстве отражает также известную толерантность и свободу мышления тюрков. Некоторые исследователи даже отмечают «изобразительную свободу “сынов Турана”», ставшую новой реальностью в исламском социуме [Настич 1990: 132].

Что касается портретного жанра, вопрос о его востребованности в мусульманском искусстве рассматривался специально. Исследователи видят в этом то местные основы для развития этого жанра, обусловленные, в том числе, влиянием суфизма [Наботов 2002: 8], то «знакомство художников Мавераннахра с европейским искусством через копии османских мастеров» [Ашрафи 1987: 109]. Суфии подчеркивали, что целью их подвижничества является духовное совершенствование, стремление к состоянию *инсон-и-камил* – совершенного человека [Исмаев 1986: 59]. В результате такого отношения к личности среди других жанров миниатюры заметную роль стал играть портрет [Рахимова 2021: 7]: «На взгляд просвещенных суфиев, каковыми считали себя и Султан Хусайн, и Алишер Навои, и Шейбани-хан, и, очевидно, сам Бехзад, создание миниатюр портретного характера могло быть одним из видов *тариката* – суфийского пути познания мира природы, каковой является Бог» [Горелик 1971: 111].

В силу условности искусства миниатюры любой портрет не был реалистическим в современном понимании этого значения и не создавался с позирующей натурой. Скорее, он передавал некий идеальный, этикетный, по выражению Г.А. Пугаченковой, образ, но несколько штрихов всегда делали изображение безошибочно узнаваемым.

Важнейшим достижением Шейбанидского периода стало формирование бухарской и самаркандской школ живописи, творчество выдающихся мастеров Махмуда Музаххиба (ученика Бехзада) и Мухаммада Мурада Самарканди.

Первый период развития бухарской миниатюры (в рамках традиций гератской школы) приходится на 1520–1530 гг., когда Убайдулла-хан собрал в Бухаре самых лучших художников и каллиграфов, но расцвет ее, как считается, связан с формированием нового бухарского стиля, основанного на местных традициях искусства (конец 1530–1540 гг.) [Ашрафи 1987: 238]. На ранних этапах изучения этой школы превалировало мнение, что «<...> ее происхождение и развитие связывалось с приездом гератских мастеров в Бухару в 1507 г. (они были вывезены Шейбаниханом) и после 1535 г., что отрицало самостоятельное развитие» [Ашрафи 1987: 238]. Однако в дальнейшем бухарская школа предстает в исследованиях историков искусства как «значительное своеобразное самостоятельное явление в развитии живописи XVI в. центральноазиатского региона, со своими творческими поисками и достижениями, выдающимися мастерами, многолетней эволюцией» [Ашрафи 1987: 238].

Обнаружение общих точек схода и расхождений между бухарской и гератской миниатюрой важно как в плане выявления преемственности художественной традиции, достигшей в Герате вершин развития, так и в плане выявления локальных черт миниатюры Мавераннахра. Если миниатюра Герата была выражением всеобщих тенденций, характеризующих изобразительное искусство народов исламских стран Переднего и Среднего Востока XV в., в том числе и его неотъемлемой части – государства Темуридов, то миниатюра Бухары – это проявление локальных черт, авторство которых принадлежит мастерам Мавераннахра. Однако и Герат, и Бухара в равной мере являются наследием культуры Узбекистана. Миниатюра Шахрухидии также отражает самобытные черты искусства – стремление к архаизирующему стилю, лаконизм формы, обращение к бытовым сюжетам.

С Самаркандом связан последний этап расцвета миниатюры на рубеже XVI–XVII в. Мухаммад Мурад Самарканди и Мухаммад Шариф работали несколько в иной манере и в противовес традициям бухарской живописи с ее статичностью и лаконичной выстроенностью разработали новые подходы, отличающиеся более свободным, динамичным рисунком, столь же динамичными композициями, накалом чувств и страстей. И если бухарская миниатюра находит свои параллели в настенной живописи Согда, то трактовка самаркандских сюжетов ближе по своему характеру восточно-туркестанской (уйгурской) живописи XIV в., т. е. преемственность тюркских этнических традиций здесь выражена более наглядно.

Главной определяющей чертой миниатюры Мавераннахра была ориентация на светскую тематику. Как писал Л. Ремпель, «вторая половина XVI в. сделала <...> решительный поворот к интересам светской знати. Они рисуют времяпровождение двора, подвиги, не возбуждающие “дух”, а скорее умиротворяющие его <...> Проявляются сцены, проникнутые европейским “маньеризмом”, переживавшие в XVII в.» [Ремпель 1984: 13]. В этом смысле привлекает внимание портрет Абдулла-хана II, изображенного в далекой от пафоса обстановке, нарезавшим дыню (ок. 1590 г.). Внизу имеется надпись: «Абдулла-хан Узбек».

Прикладное искусство

Оружие. Высокого уровня развития в рассматриваемый период достигает художественный металл, особенно изготовление дорогого оружия для правящей элиты, что подтверждается данными старорусских архивов [Пугаченкова, Ремпель 1965: 344]. Помимо архивных данных, источником по оружию знатных шейбанидских персон служит миниатюра. Так, лишь по одному парадному портрету шейбанидского бека («Воин-узбек», 1557–1564 гг., возможно, работа Шейха Мухаммада) можно фиксировать стандартный набор оружия, который включает в себя следующие предметы:

- кистень – крепится к мизинцу правой руки героя (изображен вертикально, внизу слева)
- контактное гибко-суставчатое холодное оружие, состоящее из ударного груза (металлической или каменной гири), соединённого гибким подвесом (цепью, ремнём или крепкой верёвкой) с рукоятью;
- кольцо лучника – на большом пальце правой руки, надевается при стрельбе из лука для защиты от повреждения тетивой;
- на матерчатом и кожаном поясах крепился *шамшир* – длинная узкая сабля с изгибом и рукоятью,
- три кинжала с прямым лезвием – это может быть *пешкавз*, *канжар* или кинжал типа *чилланум* (ранняя форма), который в то время был признаком высокого статуса (на поясе третий по счету, инкрустированный, с фигурной рукоятью);
- два корда: маленький для еды – *каламтарош* (висит в середине) и большой, выполняющий функции боевого ножа (первый слева);
- *саадак* – футляр для лука, возможно деревянный, с лаковой росписью (?) в отношении к скифским футлярам используется слово *горит*;
- колчан со стрелами.

Также мы видим на голове персонажа войлочный *тельпек* с эгретом/*жига*, крепящийся цепочкой, обувь на каблуке, чтобы было легче держаться в стременах, двуслойную одежду¹.

¹ Благодарю участников обсуждения данной миниатюры на моей странице в Фейсбук, указавших названия предметов вооружения. 20.09.2020. URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=898756923984295&set=pb.100015499869064.-2207520000.&type=3>

Нельзя не отметить щеголеватость персонажа, что также характеризует шейбанидов как людей светских, не чуждых моде и заботы о своем внешнем виде.

Известна еще одна работа, изображающая шейбанида в плену (миниатюра «Узбек в плену», лист из Персидского альбома, Герат, вероятно, около 1600 г., 378×241 мм, MS M. 386. 2), также интересная с точки зрения деталей вооружения.

Посудная керамика. Для понимания процессов, происходивших в керамике XVI в., необходимо вновь обратиться к эпохе Темуридов, с которой связан очередной период расцвета гончарного искусства. Видовая типология керамического производства, представленная посудой хозяйственного (*хумы, тогора*, кувшины, чайники, котлы) и столового (*пиалы, коса, ляганы*, тарелки) назначения, открытой и закрытой форм, была аналогичной как в Темуридское, так и в Шейбанидское время. Но связь между этими периодами ярче прослеживается по колориту и оформлению. Темуриды пережили сильное увлечение китайским фарфором, что отразилось в стремлении местных мастеров подражать великолепным и весьма дорогим творениям Китая эпохи Мин (1368–1644 гг.). Не обладавшие фарфоровой массой мавераннахрские гончары полностью переключаются на кашин – силикатный состав, близкий фаянсу, известный в местной практике еще с XII в. Кашин давал гораздо более тонкий и прочный черепок; покрытый белым ангобом, расписанный кобальтовой краской под блестящей прозрачной свинцовой глазурью, этот материал вполне напоминал китайский бело-голубой фарфор типа «кобальт». Копируя китайские рисунки и ставя клейма китайских художников, мастера XV в. создавали подделки, успешно реализующиеся даже на западных рынках. Так на посуде появляются типично китайские парковые сюжеты с лotosовыми прудами, рыбами и цаплями, сцены с летящими утками или фениксами, павлинами, цветущие пионы и проч. Рисунки на поверхности блюд размещались свободно, как на живописном полотне, для них характерно верное следование натуре, живописность и легкость мазка. Еще первые исследователи Темуридской керамики отмечали это торжество реализма: «Поливная посуда эпохи Тимура и Темуридов характеризуется более реалистически трактованным листовым и цветочным орнаментом», – писал В. Денике [Денике 1939: 59]. Как мы могли убедиться на примере миниатюры, этот реализм не был чужд мусульманской художественной традиции; он отталкивался не от природы, а от представлений об идеальном, предельно эстетизированном образе, достойном божьего творения. При всем натурализме форм в композициях доминирует линейное начало, выразительность силуэтов.

Впрочем, копирование и подражание китайскому фарфору сопровождалось и поисками собственного стиля оформления. Именно этот собственный стиль и можно видеть на посудной керамике периода Шейбанидов. В ней сохраняется узнаваемая, ставшая классической, бело-голубая гамма как стремление соответствовать блестящему веку расцвета империи. Но в декоре, наряду с реалистическими изображениями (блюдо с воробьем, Самарканд [Пугаченкова, Ремпель 1965: рис. 330]), отчетливы орнаментальные местные, даже афрасиабские (караханидского времени), решения. Таковы блюда с крупными звездчатыми розетками, вихревыми свастиками в окружении миндалевидных медальонов и проч. [Пугаченкова, Ремпель 1965: рис. 331–333].

Заключение

В XVII в., при Аштарханидах, начинается ожесточённая междоусобная борьба за власть в Бухаре и Хорезме. Культурная деятельность, особенно придворная, замирает. Общий спад в регионе был отчетлив в конце XVII – первой половине XVIII в., когда территория современного Узбекистана была охвачена тяжелым экономическим и политическим кризисом, ослаблением международных торгово-экономических связей и проч. На этом фоне еще ярче выделяется

значение XVI в., периода правления Шейбанидов, ознаменованного продолжением и дальнейшим развитием Темуридских ренессансных тенденций.

Главная особенность, характеризующая Шейбанидскую культуру, – сохранение светского начала. Оно проявляется в функционировании сотен медресе, которые были школами не только богословия, но и светских наук, в расцвете придворного интеллектуального круга, который привлекал к себе ученых, каллиграфов, художников, поэтов и музыкантов из разных регионов.

Исключительных высот достигают Бухарская и Самаркандская школы миниатюры. Уверенно сохраняются традиции изобразительности, что еще раз опровергает устоявшееся в советской гуманитарной науке мнение о запрете на изображения живых существ в искусстве исламского мира. «Ренессансные», условно говоря, тенденции особенно ярко проявились в расцвете портретного жанра.

Сложнее говорить о прикладном искусстве в силу немногочисленности сохранившихся образцов, однако все же возможно отметить высокий уровень художественного металла, архитектурной и посудной керамики.

Тесные связи Шейбанидов с Россией и Индией создавали ту атмосферу международного общения, которая необходима для поступательного развития любой локальной культуры. Время правления Шейбанидов было одним из наиболее ярких периодов в истории искусства Узбекистана.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашрафи М.М.* Бехзад и развитие бухарской школы миниатюры XVI в. Душанбе: Дониш, 1987. 239 с.
- Бабур Захир ад-дин Мухаммед.* Бабур-наме. Перевод М. Салье. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий, 1992. 312 с.
- Большаков О.* Ислам и изобразительное искусство // ТГЭ. Л.: Советский художник. 1969. С. 142-156.
- Бретаницкий Л.* Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. Избранные труды. М.: Советский художник, 1988. 256 с.
- Горелик М.В.* Портреты Бехзада. К вопросу о творческом методе // Искусство и археология Ирана: сб. докл. всесоюз. конф. 1969 г. М.: Наука, 1971. Сер.: К 2500-летию иранского государства / Гос. музей искусства народов Востока. С. 111–121.
- Денике Б.П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М., Л.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. 228 с.
- Джу-Юп Ли.* Политические бродяги степи и их влияние на современную Евразию. URL: <https://www.caa-network.org/archives/23220/politicheskie-brodyagi-stepi-i-ih-vliyanie-na-sovremennuyu-evraziyu-razgovor-o-qazaqliq-s-dzhu-yup-li> (дата обращения: 07.07.2022).
- Исмаилов Б.* Пантеистическая философская традиция в персидско-таджикской поэзии IX–XV вв. (анализ идейного содержания философской лирики). Душанбе: Дониш, 1986. 256 с.
- Мукминова Р.Г.* К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент: Наука, 1966. 235 с.
- Наботов З.* Проблема человека в накшбандизме: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Душанбе: Ин-т философии и права АН Республики Таджикистан, 2002. 46 с.
- Настич В.Н.* Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Сб. «Городская художественная культура Востока». М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1990. С. 129-149.
- Нильсен В.А., Мананова В.Н.* Архитектурный декор памятников Узбекистана. Л.: Стройиздат, 1974. 274 с.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965. 688 с.
- Рахимова З.* Камал ад-дин Бехзад: пристыдивший Мани. Ташкент: Zamon Info Press, 2021. 336 с.
- Ремпель Л.И.* Эпос в живописи Средней Азии // Из истории живописи Средней Азии. Традиции и новаторство / Науч. ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: изд-во лит. и искусства, 1984. С. 5-86.

П. Б. Лурье

Павел Борисович Лурье,
Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург, Россия;
pavlvslvria@gmail.com

К согдийской эпиграфике Средней Сырдарьи и Семиречья*

Аннотация. В заметке разбирается несколько малоизвестных кратких согдийских и тюрко-согдийских надписей с территории от Ташкента до Чуйской долины. Предлагаются их транслитерации, переводы (часто предварительные) и краткие комментарии. Показывается наличие христианской общины Сайрана.

Ключевые слова: эпиграфика, согдийский язык, тюрко-согдийский симбиоз, христианство, Средняя Сырдарья, Исфиджаб, Талас, Чуйская долина

Павел Борисович Лурье,
Мемлекеттік Эрмитаж, Санкт-Петербург қ., Ресей

Орталық Сырдария мен Жетісудың соғды эпиграфикасына

Аннотация. Жазбада Ташкенттен Шу алқабына дейінгі территориядағы қысқаша аз танымал бірнеше соғды және түркі-соғды жазулары талданады. Олардың транслитерациялары, аудармалары (көбінесе алдынала) және қысқаша түсініктемелері ұсынылады. Сайранның христиан қауымының болуы көрсетілген.

Түйін сөздер: эпиграфика, соғды тілі, түркі-соғды симбиозы, христиандық, Орталық Сырдария, Исфиджаб, Талас, Шу алқабы

Pavel Lurje,
State Hermitage Museum,
St Petersburg, Russia

Notes on Sogdian epigraphy of Middle Syr-darya and Semirechie

Abstract. The note deals with several little known brief Sogdian and Turko-Sogdian inscriptions from the territory stretching from Tashkent to the Chu valley. We propose their transliterations, translations (often preliminary ones) and brief commentaries. The existence of Christian community of Sayram is highlighted.

Keywords: Epigraphy, Sogdian language, Turko-Sogdian symbiosis, Christianity, Middle Syrdarya, Isfijāb, Talas, Chu valley

1. Этническая и языковая картина населения Семиречья, в том числе бассейна Арыси, является важной темой исследований историков, археологов, антропологов, представителей смежных дисциплин. Важную роль в ее изучении принадлежит языковедам. Впрочем, ограниченный объем данных и особенности природы письменных памятников усложняют их интерпретацию. В настоящей заметке мы рассматриваем четыре малоизвестные надписи, найденные на территории от Чача (Ташкентского оазиса) до нижнего течения р. Чу, и приводим новые попытки их чтения.

© 2022 Лурье П.Б.

*Данные тезисы частично основываются на первом анализе результатов эпиграфической поездки в долину Таласа, организованной Б.Э. Аманбаевой с участием автора, А.В. Кулиша и А. Джумабаева в июле 2022 г. Автор также благодарен Б. Гоибову за предоставление материалов, использованных в настоящих тезисах.

2. Судя по топонимическим данным, население Испиджаба в IX–XI в. имело несколько компонентов. Наиболее заметным является согдийский. Это многочисленные топонимы с исходом на –kaθ «город, селение»: *Arsubānīkaθ* – «город заведующего», согд. *ʿrspʿn*, *Bārūkaθ* – «город на берегу» (?), а также *Sāwγar* – «черная гора», *B/Fārāb* – «берег реки». Отмечены в это время и тюркские топонимы, такие как *Sutkand* – «молочный город», *Siγnāq*, возможно, персидский топоним *Kunjīdih* (так вместо *Kanjīda*) – «угловое селение». Ряд названий, впрочем, указывают на существование некоего более раннего языка: *Turār*, *Kadar*, *Sawrān* и др. Они, как будто, имеют восточноиранский облик, но отличаются от согдийского. Наиболее информативно тут название реки *Арысь*. Надо вспомнить, что само название области *Ispjāb* восходит к согдийскому *ʿspʿyt* – «белая вода», и Махмуд Кашгари именует его «Белым городом». *Арысь* – современное казахское произношение названия, звучавшего некогда как **Aruš*. Оно вполне надежно соответствует авестийскому *auruša*-, осетинскому *ors* – «белый» (отсюда и этноним *Аорсы*). Это соответствие, на которое уже обращали внимание специалисты из Казахстана, указывает на присутствие носителей диалектов, близких сарматским, в области Испиджаба.

3. В дополнение к очень ранним согдийским надписям из Куль-тобе (один и тот же текст сохранился на ряде кирпичей) [Sims-Williams 2022], мне известна одна надпись согдийским письмом из Испиджаба, с городища Каратобе – Сауран (СГ 2 Р1). Она начертана после обжига на венчике хума и фотография была опубликована Е. Смагуловым [Смагулов 2010: 302]. Рядом со знаком, который можно признать декоративной передачей равностороннего креста, расположено слово, читаемое как *clʿ(y)p[ʿ]* – очевидная передача сирийского *clpā* – «крест».

Рис. 1. Надпись на венчике хума из Саурана (по: [Смагулов 2011: 302])

Надпись указывает на присутствие христианской общины в Испиджабе, но мало что говорит о языке: это слово было заимствовано и в согдийский, и в древнеуйгурский и встречается в христианских текстах на обоих языках.

4. Трехстрочная вертикальная согдийская надпись на стенке кувшина найдена на памятнике Алтын-тепе в черте города Ташкента. Изображения были опубликованы Г.И. Богомолковым и А. Музакаевой, а чтение – вернее, две версии чтения с узбекским переводом и комментарием, а также качественными иллюстрациями Г. Бабаяровым, Б. Гоибовым и А. Кубатиным [Бобоёров и др. 2020: 85-88]. Предложу третью версию прочтения надписи. (1) *(m)γδʿbtw (RB)kww (β)γw*(2) *δʿmδʿrʿkw xwt[ʿw?]* (3) *(.k) p(rtmcy?) MLK[ʿ]* «(1) великому господину министров (?) (2) держащему мир царю (3) <...> первому правителю». Обращает на себя внимание тот факт, что большинство слов надписи заканчивается на букву *w*. Она часто выступает показателем аккузатива. Аккузатив (чаще графический, а с именами легкой основы и оканчивающимся на суффикс *-ʿk* и фонетически релевантный) постоянно присутствует в формулах адресования. Эти формулы, в свою очередь, являлись распро-

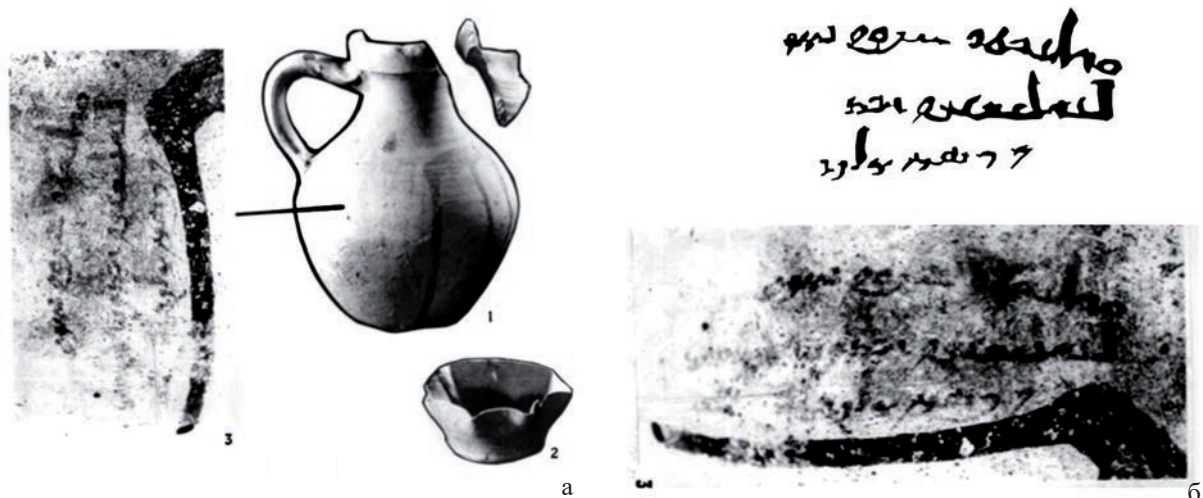

Рис. 2а, б. Надпись на кувшине с Алтин-тепе в Ташкенте (по: [Бобоёров и др. 2020: 86])

страненными писцовыми упражнениями, которые в значительном количестве найдены на остраках Пенджикента и других памятников. Перед нами – три модельные формулы адресования, в которых, вероятно, утрачен предлог *'t.* (*m)γδ'vtw*, если я правильно читаю это слово, является множественным числом от буддийского согдийского *түбву* – «министр», неконвенциональное заимствование

через западно-иранское посредство из **magupati*–«глава магов, мобед».

5. Пятистрочная надпись на камне из ущелья Куру-Бакайыр в левобережном Таласе была открыта Ч. Джумагуловым. В.А. Лившиц определил ее как согдийскую и дал чтение нескольких слов. Хорошая фотография надписи была рассмотрена мной в музее заповедника Манас Ордо в Таласе (сделана, видимо, К. Табалдиевым). Она позволяет прочесть еще несколько слов. Признаю, что чтение далеко от завершения. Первое слово, которое В.А. Лившиц читал как *rwyl'* (титул Бойла) [Джумагулов, Кляшторный 1983: 82], скорее походит на *prmyl'/pkmyl'*, более рискованное чтение *p(s)myl'* – «басмала» (ср. выражение «во имя бога» в согдийских надписях из Ладакха и из Ноокета, последнюю автор готовит к публикации). Далее идет

Рис. 3. Надпись из Куру-бакайыр. Экспозиция музея Манас Ордо. Фотография К. Табалдиева

согдийское *sm'n ny'm* – буквально «время неба», вероятно вариант для термина *sm'n rwc*, название 27 дня месяца согдийского календаря. Во второй строке идет имя, вероятно тюркское (*xw..m'δ'l*), сопровождаемый титулом 'lcy– элчи «гонiec», далее следует согдийское *kδy mδy tys* – «когда пришел сюда». Следующая строка начинается, как будто, словами *'stw(r)h srδy* – «в год овцы» (восьмой год животного цикла, В.А. Лившиц читал *mrtwmy* для согд. *mrtwxmy* – «человек»), в начале четвертой – число 300 или 310. Если надпись датирована по эре Йездигерда («Хосрова»), то это 931 или 941 г. н.э. Последняя, краткая пятая строка состоит из слова *nm'ch* – «поклон, намаз».

6. Там же, в музее Манас Ордо, имеется фотография надписи, найденной на городище Садовое в западной части Чуйской долины. Она прочерчена до обжига на венчике хума, начало отсутствует, как и, вероятно, конец. Надпись, как выяснилось, была недавно опубликована [Бобоёров и др. 2020: 59-63], но мое чтение несколько отличается:](. *xwt'wy MLK'y kδ'rt wrytkyn* – «(для) царя, правителя сделал Ури-тегин». Поверх надписи идет несколько знаков, едва ли букв. *kδ'rt* (предложенное ранее чтение: топоним *βδnkt*) – стяженный перфект от *'krtwδ'rt* – «сделал», он часто встречается

Рис. 4. Надпись на венчике хума из Садового. Экспозиция музея Манас Ордо. Фотография К. Табалдиева

в манихейских и христианских согдийских текстах. *Wrytkyn*, буквально «юный принц» – тюркское имя, похожие имена отмечены в согдийских зристианских текстах из Дуньхуана и Ладакха [Lurje 2011. No. 198, 1343], здесь – имя гончара или винодела. Примечательна последовательность рас-

крытого написания *xwt'w* – «царь» и его почти полного синонима, идеограммы *MLK'* (оба – в косвенном падеже), оно показывает, что *MLK'* не могло раскрываться как согдийское *xwt'w* (по крайней мере, в идиолекте УриТегина) и, более вероятно, соответствовало термину 'х'ш'б.

7. Приведенные выше надписи еще раз указывают на роль согдийского как письменного языка предисламского Семиречья. Наличие тюркских имен и титулов в надписях из Садового и Куру Бакайыр указывает, что согдийским, как письменным языком, активно пользовалась тюркская элита. Надпись из Саурана указывает на наличие несторианской общины.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобоёров Ф., Фойибов Б., Кубатин А. Ўрта Осиё битиклари–I. Суғдий ёзма ёдгорликлар. Тошкент: “Tafakkuravlodi”, 2020. 168 б.
- Джумагулов Ч.Д., Кляшторный С.Г. Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо // Советская тюркология. 1983. № 3. С. 78-82.
- Смагулов Е. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 436 с.: ил.
- Lurje P. Personal names in Sogdian texts (Iranisches Personen namen buch Band II: Mitteliranisches Personennamen Faszikel 8). Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010. No. 1340. 527 p.
- Sims-Williams N. The Proto-Sogdian Inscriptions of Kultobe: New Fragments and New Reconstructions // The History and Culture of Iran and Central Asia. From the Pre-Islamic to the Islamic Period / D.G. Tor, Minoru Inaba (ed). Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2022. P. 41-56.

**П. Н. Петров,
Ж. М. Белтенев**

Павел Николаевич Петров,
ppnsainkhan@rambler.ru;
Жасулан Мазулаевич Белтенев,
zhassbell@mail.ru
Центральный государственный музей РК,
г. Алматы, Казахстан

Третий Алматинский 2021 г. клад серебряных монет XIV в. Чагатаидского ханства

Аннотация. Вводится в научный оборот информация о находке клада чагатаидских монет XIV в. в г. Алматы в 2021 г. Клад находился в глиняном горшке и был обнаружен в ходе земляных строительных работ рабочими. Общий объем клада ~ 2500 серебряных монет. Горшок и несколько монет были переданы находчиком в фонды Центрального государственного музея РК в г. Алматы. Нам удалось изучить 660 экз. Клад разошелся по рукам. Его значимость для истории региона и, в первую очередь, для самого города Алматы сложно переоценить. Это третий клад монет Чагатаидского ханства, найденный на небольшой территории. Его находка фиксирует закономерность тезаврации денежных сокровищ в данном районе и свидетельствует о территориальном расположении города Алматы в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: г. Алматы, средневековый Алматы, XIV в., Чагатаидское ханство, клад, монеты, динары, дирхамы, монетный двор

**Павел Николаевич Петров,
Жасулан Мазулаулы Белтенев,**
ҚР Мемлекеттік орталық музейі, Алматы қ., Қазақстан

XIV ғасырдағы Шағатай хандығының үшінші 2021 жылғы Алматы күміс монеталары көмбесі

Аннотация. Алматыда 2021 ж. табылған XIV ғ. шағатай монеталарының көмбесі туралы ақпарат ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Қыш ыдыстың ішінде болған көмбе жұмысшылардың құрылыс жұмысы кезінде кездейсоқ табылды. Көмбенің жалпы көлемі ~ 2500-ға жуық күміс монеталар. Тапқандар қыш ыдыс пен бірнеше күміс монеталарды Алматыдағы ҚР Мемлекеттік орталық музейіне өткізген. Біз олардың 660 данасын зерттеп үлгердік. Көмбе қолдан-қолға өтіп кеткен. Оның Алматы қаласының өзінің және оны аумағының тарихы үшін маңызын қайта бағалау оңай емес. Бұл кішігірім аумақтан табылған Шағатай хандығының үшінші көмбесі. Оның олжасы осы ауданда ақша қазынасының жиналу заңдылығын бекітеді және XIII–XIV ғғ. Алматы қаласының территориялық орналасуын куәландырады.

Түйін сөздер: Алматы қ., ортағасырлық Алматы, XIV ғ., Шағатай хандығы, көмбе, монеталар, динарлар, дирнемдер, ақша сарайы

Pavel Petrov,
Zhasulan Beltenov,

Central State Museum of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Kazakhstan

The third treasury of silver coins of the 14th century of the Chaghatayid's Khanate was found in 2021 in Almaty

Abstract. Information about the discovery of a treasure of Chaghatayid's coins of the 14th century in Almaty in 2021 is being introduced into scientific circulation. The treasure was in a clay pot and was discovered during excavation work by workers. The total volume of the warehouse is ~ 2500 silver coins. The finder transferred the pot and several coins to the funds of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan in Almaty. We managed to study 660 copies. The treasure was sold out. Its significance for the history of the region and, first of all, for the city of Almaty itself is difficult to overestimate. This is the third hoard of coins of the Chaghatayid's Khanate found in a small area. The discovery of the treasure fixes the regularity of hiding monetary treasures in this area and testifies to the territorial location of the city of Almaty in the 13th–14th centuries.

Keywords: Almaty, medieval Almaty, 14th century, Chaghatayid's Khanate, treasure, coins, dinars, dirhams, mint

В 2021 г. в г. Алматы в ходе земляных работ по адресу ул. Исатай Тайманова, 222А – санаторий «Аль-Фараби» (бывшая территория колхоза «Горный Гигант») после погрузки грунта в машину самосвала в кузове водителем был замечен разбитый горшок и несколько белых монет. Внимательный осмотр грунта позволил обнаружить большое количество мелких и крупных монет, которые были собраны в найденный сосуд. Находчиком – Тилек Копаровичем Олжановым - фото двух монет были показаны сотрудникам ЦГМ РК П.Н. Петрову и Ж.М. Белтенову. Ими оказались серебряные: чагатаидский динар монетного двора *мадинат ар-риджал Термез* 734 г.х./1334 г. с именем Санджар хана б. Тармаширин хана и дирхам (1/6 динара) *Бухары* хана Кепека 724 г.х./1324 г. Стало очевидно, что это еще один клад чагатаидских монет XIV в. с территории г. Алматы. Общее количество монет в разбитом сосуде составляло 665 экз. Их удалось бегло осмотреть и записать некоторые важные для оценки состава клада и атрибуции монет. Вторая часть высыпавшихся из кувшина монет была подобрана одним из рабочих стройки и затем частью разошлась по рукам, а частью мелкими партиями реализовано через антикварный магазин в г. Алматы. Это и позволило нам отследить некоторое количество экземпляров клада из второй части. Приблизительная оценка объема всего клада составляла примерно 2500 экз.

Целью настоящего сообщения является введение в научный оборот сведений о находке третьего Алматинского 2021 г. клада серебряных монет XIV в. Чагатаидского ханства. Подробное описание клада и освещение особенностей его состава будет предпринято после детального изучения.

Репрезентативная выборка, которую удалось надежно зафиксировать (с фотографиями и метрологией) – 632 монеты. Кроме того, необходимо дополнительно учесть специальную выборку в 27 экз. джучидских дирхамов и 1 дирхам Великой Монгольской империи (бит в Кайальке). Итого изучено 660 экз. Поврежденный глиняный горшок (КП 28235) и несколько монет (КП 28242/1–7) из клада были переданы для коллекции ЦГМ РК (рис. 1). Керамический сосуд состоял из двух фрагментов, которые позволили полностью его реконструировать. Он имеет горшковидную форму, округлое тулово и короткую горловину. Венчик прямой, отогнут наружу, край горизонтально подрезан. Горшок ручной лепки – на неровной поверхности и на дисковидном донце в центре

Рис. 1. Керамический горшок, в котором была обнаружена часть клада: 1 – горшок с монетами (фото находчика); 2 – вид горшка до реконструкции; 3 – вид горшка после реконструкции гипсом

имеются следы от пальцев гончара. Тесто плотное коричневого цвета. Высота – 155 мм, широкая часть тулова – 145 мм, диаметры горловины и донца одинаковы – 120 мм, толщина стенок 8 мм. Сосуд датируется – X–XII вв.

Состав зафиксированных монет части клада по государствам следующий:

Чагатаидское ханство – 615 экз. (динаров – 192 экз., дирхамов – 423 экз.).

Хулагуидов государство – 2 экз.

Тебриз – 1 экз. Абу-Сайид (734 г.х.); о второй монете есть только достоверное известие о ее существовании.

Джучидов государство – 41 экз.

Хваризм – 32 экз. (младшая 733 г.х.); Сарай – 1 экз.; Сарай ал-Махруса – 1 экз.; МД не указан – 7 экз.

Великая Монгольская империя – 1 экз.

МД не указан [Кайалык] – 1 экз. (анонимный дирхам без года [~ 660-665 гг.х.]).

В комплексе отсутствуют дореформенные дирхамы выпусков конца XIII – первого десятилетия XIV в. Вероятнее всего, они умышленно были изъяты владельцем клада из его состава, поскольку хорошо известно, что их обращение не прекращалось вплоть до 770-х гг.х. (1368–1377 гг.). По крайней мере в многочисленных кладах XIV в., относящихся ко временам существования Чагатаидского ханства, они присутствуют. Относительно большое количество джучидских монет Хорезма объясняется тем, что деньгами этого МД Чагатаиды брались налоги со своего Хорезмийского улуса. Основную массу составляет чеканная продукция с названиями денежных производств: Отрар (только дирхамы!), Самарканд и Бухара. Также заметная доля принадлежит динарам Термеза. Для удобства анализа эмитентного состава монет исключительно Чагатаидского ханства сведем данные в таб. 1.

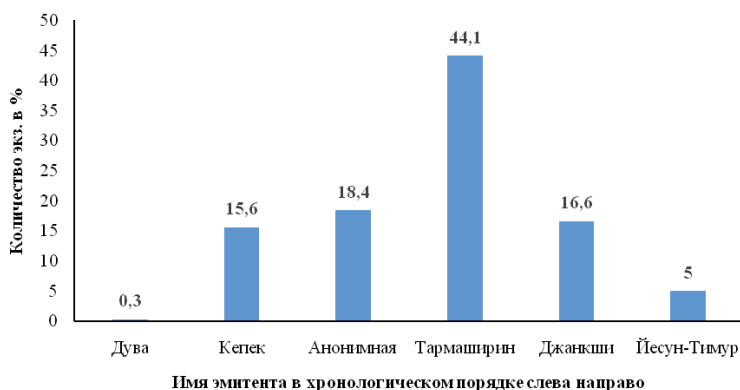
Таблица 1 – Состав изученной части 3-го Алматинского 2021 г. клада по эмитентам и монетным дворам, указанным на монетах (только монеты Чагатаидского ханства)

Эмитент	Годы выпуска, г.х.	Монетные дворы								Итого, шт.
		Отрар	Бухара	Самарканд	Термез	Алмалык	Бадахшан	Йанги Тараз	Хваризм	
Дува	706	-	-	-	-	-	-	-	2	2
Кепек	718–725	-	62	34	-	-	-	-	-	96
Анонимные	726–727	-	35	63	15	-	-	-	-	113
Анонимные [Тармаширин]	728–732	77	49	1	19	-	-	-	-	146
Санджар б. Тармаширин	732–735	-	17	38	8	-	-	2	-	65
Тармаширин	732–734	56	-	-	-	-	-	-	-	56
Дженкши	736–737	96	-	-	4	-	2	-	-	102
Йесун-Тимур	737–740	26	-	-	-	5	-	-	-	31
Итого:		255	163	136	46	5	2	2	2	611

Кроме перечисленных в табл. 1 монет для полного объема находок следует учесть еще 4 экз.: монетный двор (далее МД) не указан – 3 экз.; МД утрачен – 1 экз. Все эти экземпляры относятся к выпускам периода правления Тармаширин хана. Итак, к периоду правления Тармаширина относится 271 экз. – наибольшее количество монет. Тармаширин завершил реформирование монетного дела, начатое Кепек-ханом, превратив его из локальной операции, распространявшейся только на Бухару и Самарканд, в полноценную общегосударственную реформу. Младшая монета клада – динар Йесун-Тимура, Алмалык, 740 г.х./1339–1340 г. Не считая количества монет хана Дувы хорезмийской чеканки, наименьшее количество экземпляров (31 шт.) относится к выпускам Йесун-Тимур хана. Графически эта информация выглядит следующим образом (615 экз.=100%).

Время тезаврации комплекса terminus post quem – 740 г.х./1339–1340 гг. Следующий 741 г.х. был переломным в истории Чагатаидского ханства. В этом году оно разделилось на два независимых ханства. На севере (Отрар – Алмалык в Синьцзяне) власть оказалась в руках потомка

Гистограмма 1. Эмитентный состав изученной части клада

Угедеидов – Али-Султана. На юге (со столицей, видимо, в Термезе) ханом был провозглашен Чагатаид Мухаммад. Как проходил этот процесс? Где проходила граница между владениями этих Чингизидов – в письменных источниках сведений обнаружить пока не удалось. Возможно, что процесс разделения проходил не мирно. Анализ количества сокрытых кладов и из состава на территории Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, относящихся к этому периоду, может оказаться единственным свидетельством, отражающим характер развернувшихся событий после смерти Йесун-Тимура. Поэтому публикация подобных кладов особенно важна.

Находка исследуемого денежного сокровища является важнейшим аргументом для однозначного решения еще одного вопроса. Это третий клад периода существования Чагатаидского ханства, найденный на территории современного г. Алматы. Это крайне важный факт, превращающий «случайности» находок чагатаидских кладов на территории современного города в закономерность.

Первый клад на территории Алма-Аты был найден в 1958 г. В августе месяце этого года учениками школы № 52 А. Клещенко и С. Дробышевым в Алма-Атинский музей был сдан клад серебряных дирхамов (1386 экз.) конца XIII – первой трети XIV в., найденный при строительных работах на территории бывшего совхоза «Горный Гигант» на пересечении улиц В.П. Чкалова (ныне ул. Ахмедьярова) и М.И. Калинина (ныне – ул. Кабанбай батыра). Младшие монеты являются продукцией монетного производства Отрар и помечены 730 г.х./1330 г. В составе этого комплекса также присутствуют джучидские данги XIV в. преимущественно хорезмийских выпусков. Дирхамы клада хранятся в фондах ЦГМ РК (КП № 11063) и были подробно опубликован в каталоге [Восточные монеты ... 2013; 2014].

Второй клад обнаружили в 1979 г. на территории Алма-Атинского пограничного училища. Он состоял, по сведениям заявительницы, из 10–12 серебряных монет. Находка разошлась по рукам между офицерами училища. Два экземпляра из них были показаны В.Н. Настичу. Ими оказались дирхамы с тамгами Кайду и еще одной – трехногой разноплечной. Позднее стало ясно, что это дирхамы монетного двора *Алмату* [Настич 2000: 259; Петров, Камышев 2005; Петров 2012; 2021а; 2021б]. Здесь же хочется отметить, что никаких сомнений в существовании средневекового монетного двора *Алмату* на территории современного города Алматы в настоящее время быть не может по двум причинам. Во-первых, в настоящее время П.Н. Петрову известно уже более 20 монет этого денежного двора и с 17 из них удалось ознакомиться именно на территории города. Во-вторых, приписывание выпусков *Алмату* Синьцзянскому Алмалыку, которое иногда встречается даже у некоторых ученых, безосновательны не только потому, что наборы тамг на монетах не коррелируют между собой и типологически в эти годы в столице Чагатаидского улуса регулярно чеканились дирхамы совсем иного оформления, но и потому, что в том районе (в Синьцзяне) не найдено ни одной монеты *Алмату* (по возможности мониторинг находок ведется и по музейным, и по частным собраниям более 20 лет). В средневековом населенном пункте с работающим монетным двором допустить возможность отсутствия утрат населением местных дирхамов невозможно даже теоретически. Именно такое отсутствие наблюдается в Синьцзянском Алмалыке. То есть, монеты *Алмату* там просто никогда не выпускались. Да и название денежного производства *Алмату* по написанию умышленно взято отличным от топонима *Алмалыг*, несмотря на то, что смысл обоих слов одинаков.

И наконец, изучаемый нами, третий Алматинский клад 2021 г.

Кроме кладика-кошелька 1979 г., комплексы 1958 и 2021 гг. имеют солидные размеры и существенные различия: клад 1958 г. относится к категории длительного накопления, а сокровище

2021 г., скорее, характеризуется краткосрочным (возможно даже разовым) изъятием монет из обращения.

Стоит взглянуть на карту города Алматы, чтобы понять – насколько близко сделаны находки всех трех кладов (рис. 2). Случайность в данном случае исключается однозначно.

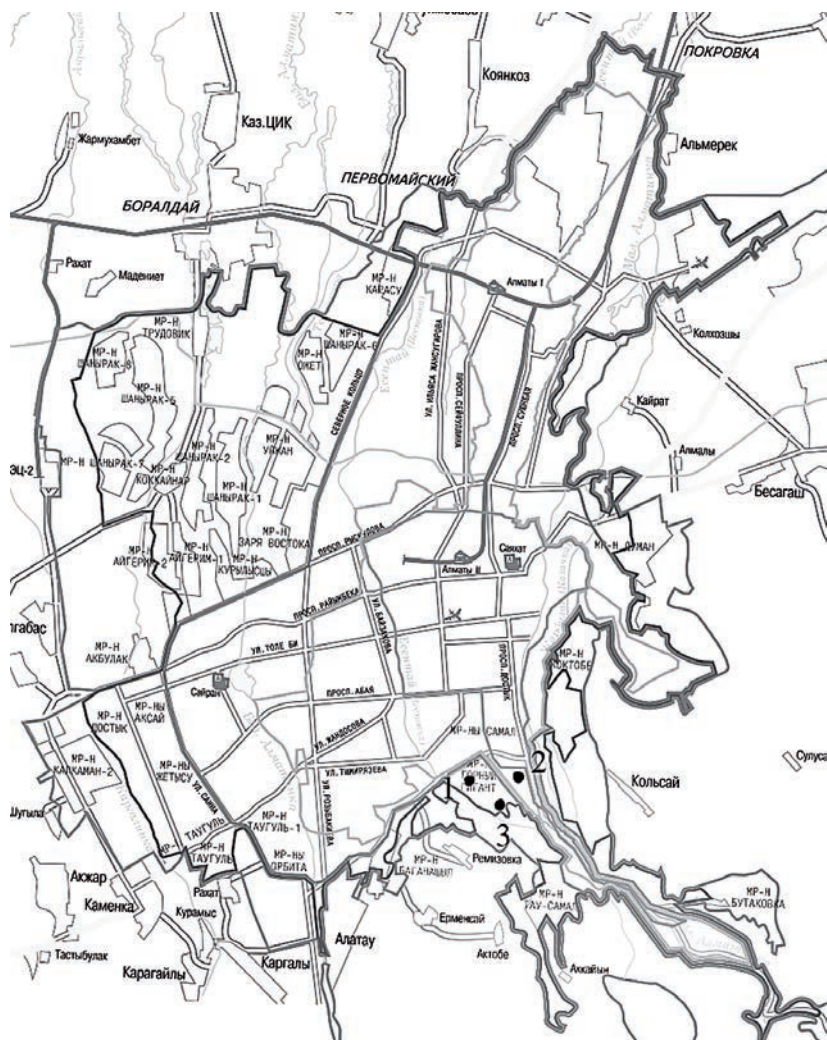

Рис. 2. Карта части г. Алматы с местами находок 1, 2 и 3 кладов монет Чагатаидского ханства

Практически это один «пятачок», который усеян кладами разных периодов с конца XIII – до середины XIV в. Территория бывшего пограничного училища – это археологический памятник, расположенный недалеко от Алматы-I, а территория бывшего колхоза «Горный Гигант» – памятник Алматы-I [Байпаков и др. 2005: 25]. Оба памятника, уничтоженные современной городской застройкой, датируются археологами IX–XIII вв. Клады указывают на ошибку как минимум младшей даты существования города – не XIII, а середина XIV в. Отметим особо, что мы вынуждены говорить о существовании урбанистического центра Алматы только до 740–741 гг.х./1339–1341 гг. условно. Причина в том, что на территории Восточного Казахстана после 741 г.х./1341 г. пока не найдено ни одной монеты Чагатаидского ханства. Были ли города этого региона (Илибальк, Алмату) разорены в 741 г.х. в период борьбы за власть Али-Султана, или они просто пришли в упадок в такой степени, что население перестало поль-

зоваться звонкой монетой ввиду прекращения функционирования «Шелкового пути» – пока нам неясно. В тоже время существование населенных пунктов на месте Алматы-I еще в X–XI вв. вполне объясняют использование керамического горшка этого времени в XIV в. для сокрытия клада.

С другой стороны, факт находки кладов говорит о том, что именно здесь размещался средневековый город Алматы конца XIII – первой половины XIV в. Возможно, городище Алматы-I с ближайшей округой – это остатки города, административно объединившего в конце XIII в. несколько соседних населенных пунктов?

Не исключено, что в ходе строительных работ в этом районе будут сделаны новые интереснейшие находки, в том числе и кладов сокровищ. Хотелось бы порекомендовать акимату г. Алматы поставить любые земляные работы на этой территории под археологический надзор. Иначе и дальше мы будем безвозвратно терять остатки своей средневековой истории также, как второй и третий уникальные по значению клады и многие другие значимые для понимания прошлого находки.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Изд. 2-е, доп. Алматы: [б./и.], 2005. 188 с.
- Восточные монеты из фондов Центрального государственного музея Республики Казахстан. Алматинский клад чагатаидских монет. Иллюстрированный научный каталог / Сост.: Петров П., Белтенев Ж., Алимбай Н. В 2-х кн. Алматы: ЦГМ РК, 2013. Т. 1, кн. 1. 320 с.
- Восточные монеты из фондов Центрального государственного музея Республики Казахстан. Алматинский клад чагатаидских монет. Иллюстрированный научный каталог / Сост.: Петров П., Белтенев Ж., Алимбай Н. Алматы: ЦГМ РК, 2014. Т. 1, кн. 2. 320 с.
- Настич В.Н.* Алматы – монетный двор XIII века // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II. Нижний Новгород: ИПР «Информэлектрон», 2000. С. 259-268.
- Петров П.Н.* Алматы XIII–XIV вв. по нумизматическим данным // Алматы. История тысячелетия. М-лы междунар. науч.-практ. конф. «Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст города Алматы» (г. Алматы, 17–18 ноября 2010 г.). Алматы: [б./и.], 2012. Вып. 3. С. 23-27.
- Петров П.Н.* Монетные дворы области Алмалык XIII в. // Вестник МИЦАИ. Смагуловский сборник. Специальный выпуск. 2021а. № 32. С. 113-124.
- Петров П.Н.* Новый год чеканки серебряных дирхамов на монетном дворе Алматы // II Иссыкские чтения. Сб. м-лов междунар. науч.-практ. онлайн-конф.: «Возникновение и развитие государственности степного пояса Евразии: предпосылки, этапы, последствия», посвящ. 30-летию независимости Республики Казахстан (г. Иссык, 22 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Г.Р. Мухтарова. Алматы: Қазақ университеті, 2021б. С. 178-181.
- Петров П.Н., Камышев А.М.* Алматы – монетный двор государства Чагатаидов // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2005. № 1. С. 161-164.

**А. И. Бугарчев,
П. Н. Петров,
Е. Ф. Шайхутдинова**

Алексей Игоревич Бугарчев,
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
г. Казань, Россия; abugar.61@rambler.ru
Павел Николаевич Петров,
Центральный государственный музей РК,
г. Алматы, Казахстан; ppnsainkhan@rambler.ru
Евгения Флюровна Шайхутдинова,
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
г. Казань, Россия; eugen.shaykhutdinova@gmail.com

Монеты Хаджи-Тархана XV в. из клада Караульная Гора (по материалам из фондов НМ РТ)*

Аннотация. Рассматривается группа серебряных монет из клада Караульная Гора в Татарстане, битых на монетном дворе Хаджи-Тархан в 1420-е гг. с именем Мухаммада. Изучение акче этого монетного двора важно для казахстанской нумизматики, поскольку эти монеты не являются редкими для Прикаспийских территорий Казахстана. Общее количество изучаемых акче составляет 32 экз. Сравнив метрологию хаджитарханских и болгарских монет Мухаммад хана из этого же клада, авторы пришли к выводу, что в 1420-х гг. в Булгарском вилайате функционировала как минимум бинаминальная по серебру монетная система. Булгарские монеты XV в. практически не выходят за территорию Булгарского вилайата. На сегодняшний день нам известно о 12 кладах, найденных в Татарстане и содержащих хаджитарханские монеты с именем Мухаммада. Установить номинальное соотношение болгарских и хаджитарханских выпусков предполагается в ходе дальнейших исследований.

Ключевые слова: нумизматика, клад, дирхам, акче, монетная система, Хаджи-Тархан, Булгар, Джучиды, Мухаммад, XV век

Алексей Игоревич Бугарчев,
ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты, Қазан қ., Ресей
Павел Николаевич Петров,
ҚР Мемлекеттік орталық музейі, Алматы қ., Қазақстан
Евгения Флюровна Шайхутдинова,
ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты, Қазан қ., Ресей

Қарауыл Тау көмбесінен алынған XV ғ. Қажы-Тархан монеталары (ТР ҰМ-і қорының материалдары бойынша)

Аннотация. Қажы-Тархан ақша сарайында 1420 жылдары Мұхаммед деген атпен соғылған Татарстандағы Қарауыл Тау көмбесінің монеталары тобы қарастырылады. Осы ақша сарайының ақшаларын зерттеу қазақстан нумизматикасы үшін өте маңызды, өйткені олар Қазақстанның Каспий бойы үшін сирек кездесетін монеталар емес. Зерттелініп отырған ақшалардың жалпы саны – 32. Аталмыш көмбеден алынған Мұхаммед ханның

© 2022 Бугарчев А.И., Петров П.Н., Шайхутдинова Е.Ф.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-09-00485 А «Химический состав сплавов чеканной продукции монетных дворов XV века в Поволжье как индикатор состояния золотоордынской монетной системы в регионе»

қажытарқандық және булгарлық монеталарының метрологиясын салыстыра келе авторлар 1420 жылдары Булгар уәлаятында кем дегенде биоминалды күміс монеталар жүйесі болғандығы жөнінде бір шешімге келді. XV ғ. Булгар уәлаяты территориясынан булгар монеталары сыртқа шыққан жоқ. Қазіргі таңда бізге Татарстанда табылған және Мұхаммед есімімен соғылған қажытарқандық монеталардан тұратын 12 көмбе белгілі. Булгарлық және қажытарқандық монеталардың номиналдық қатынастарын анықтау ары қарай жүргізілетін зерттеулерде жоспарлануда.

Түйін сөздер: нумизматика, көмбе, дирхам, акча, монеталар жүйесі, Қажы-Тарқан, Булгар, Жошы әулеті, Мұхаммед, XV ғ.

Alexey Bugarchev,

A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Pavel Petrov,

Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

Evgeniya Shaykhutdinova,

A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

**Coins of Hadji-Tarkhan of the 15th century from the Karaulnaya Gora treasure
(based on materials from the funds of the NM RT)**

Abstract. A group of silver coins from the Karaulnaya Gora treasure in Tatarstan, broken at the Hadji-Tarkhan mint in the 1420s with the name of Muhammad, is considered. The study of the akche of this mint is important for Kazakh numismatics, since these coins are not rare for the Caspian territories of Kazakhstan. The total number of studied akche is 32 copies. Comparing the metrology of Khaji-Tarkhan and Bulgar coins of Muhammad Khan from the same hoard, the authors came to the conclusion that in the 1420s, at least a binomial silver coin system functioned in the Bulgarian Vilayat. Bulgarian coins of the 15th century practically do not go beyond the territory of the Bulgarian Vilayat. To date, we know about 12 treasures found in Tatarstan that contained Khaji-Tarkhan coins with the name of Muhammad. It is expected to establish the nominal ratio of Bulgar and Hadji-Tarkhan issues in the course of further research.

Keywords: numismatics, treasure, dirham, akche, coin system, Hadji-Tarkhan, Bulgar, Jochids, Muhammad, 15th century

В 1957 г. около села Караульная Гора Октябрьского (ныне – Нурлатского) района Татарстана был найден большой клад серебряных монет. В нём насчитывалось 2859 акче, выпущенных в первой трети XV в. Клад поступил в Национальный музей РТ (г. Казань) и хранится в фондах под № 33845. Старшие монеты клада – это шесть булгарских акче с именем хана Шадибека периода 805–809/1402–1407 гг. К младшим монетам комплекса относится акче с именами эмитентов Мухаммад и Гийас ад-Дин 1430-х гг.

Клад по месторасположению монетных дворов можно разделить на три блока – средневожской (булгарской), нижевожской (южной) и московской чеканки. К первому блоку относятся экземпляры монетных дворов (далее – МД) Булгар, Орда и без указания МД – с трёхногной тамгой и с тамгой-трилистником. К южным отнесены дирхамы монетных производств: Сарай, Иль УйМуазам, Джидибик-Базари и Хаджи-Тархан. Кроме джучидских в кладах присутствуют монеты великого князя московского Василия Тёмного (1425–1462).

Целью данной работы является изучение акче МД Хаджи-Тархан с именем Мухаммада и введение этой части клада в научный оборот.

Первым исследователем комплекса из с. Караульная Гора был профессор КГУ А.Г. Мухамадиев [Мухамадиев 1983]. При изучении материала он атрибутировал монеты и классифицировал по эмитентам и типам, а также взвесил и разложил по конвертам каждый экземпляр. Но анализ, который провёл Азгар Гатауллович, касался только монет булгарского блока клада. Все хаджитарханские

монеты Мухаммада были разделены на четыре группы. С шифром I/x (где «х» – это порядковый номер дирхама) выявлено 17 монет; с шифром II/x – 10 монет, с шифром III/x – 9 монет. Ещё два дирхама указаны с шифром IV/x. Разделение по шифрам было проведено А.Г. Мухаммадиевым. На всех атрибутированных экземплярах на лицевой стороне помещены титул и имя эмитента: *Султан/Мухаммад хан/великий*. На оборотной стороне вариантов I и III место выпуска написано в три строки: *Чекан/Хаджи тар-/хан*. У варианта II – в 4 строки – *Чекан/ аджи тар-/ ан год/в 825*. У варианта IV также в 4 строки, но без года – *Чекан/Хаджи/тар-/хан*.

Для удобства изучения данного нумизматического материала была составлена таблица (табл. 1). Дело в том, что подавляющее большинство монет не имеет года выпуска, поэтому для уточнения атрибуции была использована работа Романа Юрьевича Савосты [Савоста 2016]. В квадратных скобках указаны годы, которыми данный экземпляр мог быть помечен. В таблице учтены все 38 серебряные монеты, которые А.Г. Мухаммадиев отнес к интересующим нас выпускам.

Таблица 1 – Монеты Хаджи-Тархана с именем Мухаммада из клада Караульная Гора по перечню А.Г. Мухаммадиева

№	Вес, г	Примечание
		Указан год (г.х.) и особенности монет
I/1	0,83	[822; 823; 825; 826]. О.с. стёрта
I/2	0,91	[822; 823; 826]. О.с. стёрта
I/3	0,96	[823]
I/4	0,78	[822; 823; 826]. О.с. стёрта
I/5	0,82	Л.с и О.с. не устанавливаются
I/6	0,84	[822, 830? 825? 826?]
I/7	0,84	[822; 830?]
I/8	0,84	Стерто, двойной удар
I/9	0,82	[822, 823]
I/10	0,85	[830?]
I/11	1,04	«Султан / Мухаммад...»/Чекан/...джи...». Вариант не устанавливается
I/12	0,87	[826]
I/13	0,91	[826; 830?]
I/14	0,78	[826]
I/15	0,90	[822, 826; 830?]
I/16	0,89	[822, 826; 830?]
I/17	0,78	[826]
II/1	0,93	[825]
II/2	0,87	Л.с и О.с. надписи фрагментарны
II/3	0,89	[8]25
II/4	0,87	[8]25
II/5	0,90	[8]25
II/6	0,92	[8]25
II/7	0,92	825, МД Иль Уй? Л.с. «Султан.../...хан/...» Имя стёрто.
II/8	0,87	825
II/9	0,88	[825]
II/10	0,90	[8]25

III/1	0,84	О.с. «зарб / Хаджи.../...» [826].
III/2	0,87	«Султан/Мухаммад хан/азам». О.с. стёрта.
III/3	0,89	[826]
III/4	0,90	[826]
III/5	0,89	О.с. «...ха.../хан...» [826]
III/6	0,85	Имя стёрто. «Чекан/Хаджи.../хан...»
III/7	0,89	[826]
III/8	0,82	Имя стёрто. О.с. «Чекан/Хаджи...»
III/9	0,81	[823]
IV/1	0,93	[822]
IV/2	0,89	«Султан/Мухаммад хан/азам». Вариант и год на о.с. не устанавливаются.

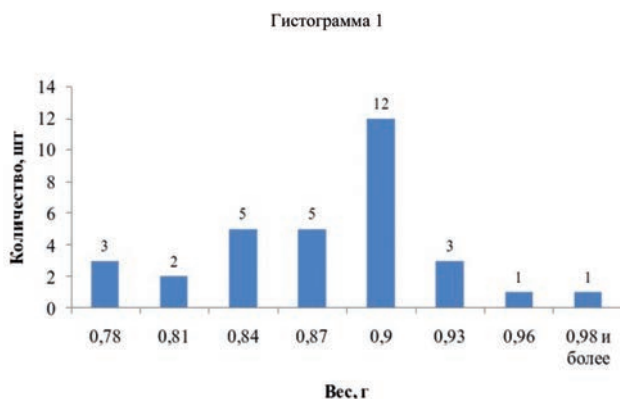
Л.с. «А» – лицевая сторона (титул и имя эмитента).

О.с. «Р» – оборотная сторона (название монетного двора).

Имя эмитента невозможно прочитать на следующих акче: I/5; I/8; II/2; II/7; III/6 и III/8 – итого 6 экз. В дальнейших расчётах они не учитываются. 17 экз. (53%) из оставшихся 32-х относятся к выпускам 825–826 гг.х. (1421–1423 гг. н.э.). Как минимум 6 экз. (~19%) к 822–823 гг.х. (1419–1421). Еще 7 экз. (~22%) не могут быть отнесены к тем или иным годам выпуска. И только ~6% монет могут оказаться чеканенными позднее 826 г.х.

Зависимость количества монет Хаджи-Тархана с именем Мухаммада из клада Караульная Гора от значения их веса.

Учтено 32 экз. Шаг 0,03 г.

Гистограмма 1

Таким образом, ~72% акче отчеканены в период 822–826/1419–1423 гг. Используя известные метрологические характеристики, построим весовую гистограмму.

Мода $0,90 \pm 0,02$ г, 12 экз. (37,5% от всех учтённых дирхамов). Сравним полученные результаты с метрологией обоих вариантов акче с именем Мухаммада болгарской чеканки из этого же клада:

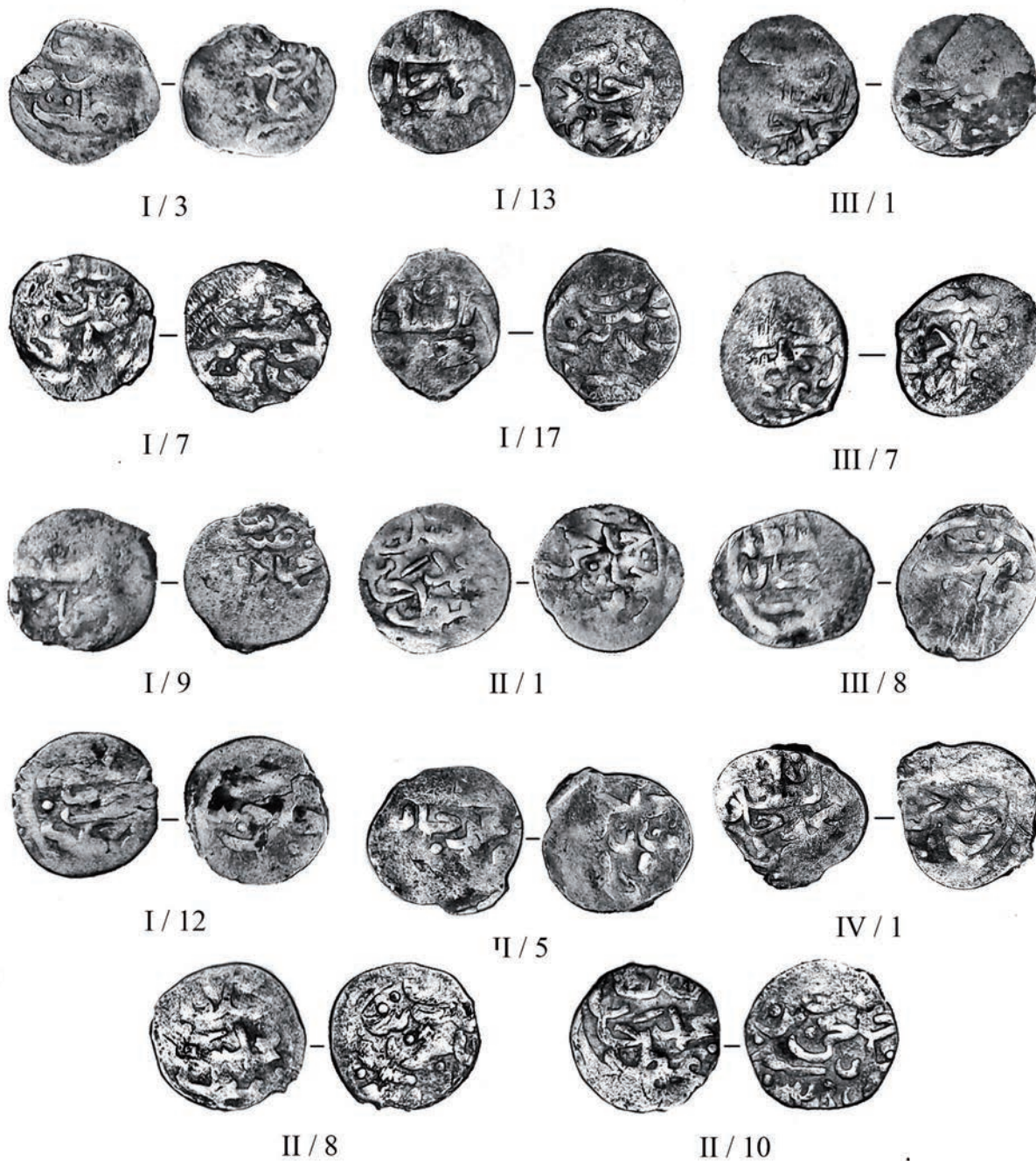
-Л.с. *Султан/ал-`азам/Мухаммад/хан*; О.с. «трёхногая» тамга – $0,56 \pm 0,02$ г (учтено 94 экз.);

-Л.с. *Мухаммад/хан/ал-`азам*; О.с. *чекан Булгара* – $0,54 \pm 0,02$ г (учтено 105 экз.).

Исходя из показаний метрологии ордынских монет южной и средневожской чеканки, можно говорить о том, что после

822/1419–1420 г. в Булгарском вилайате активно функционировала как минимум двухноминальная серебряная монетная система: акче, битые по весовой норме, близкой к 0,90 г и к 0,54–0,56 г.

Об участии продукции южных монетных дворов в денежном обращении Волго-Камья в первой половине XV в. писал Г.А. Фёдоров-Давыдов: «Продукция денежного двора в Хаджи-Тархане уходила в те районы, где денежное обращение было сохранено <...>. Так, большое количество монет южной весовой нормы обнаружено в кладах второй половины XV в. на территории

Акче Мухаммад хана, монетный двор Хаджи-Тарха из клада на Караульной Горе

Казанского ханства» [Фёдоров-Давыдов 2003]. В то же время болгарские монеты XV в. практически не выходят за территорию Булгарского вилайата. На сегодняшний день нам известно о 12 кладах, найденных в Татарстане и содержащих хаджитарханские монеты с именем Мухаммада. Пока мы не можем установить истинное соотношение по количеству серебра между монетами болгарской и хаджитарханской чеканки, поскольку для этого требуется провести сравнительный анализ на содержание серебра в монетных сплавах обеих групп. Но пока у нас нет данных по монетам Мухаммада в Хаджи-Тархане. Скорее всего, это соотношение не будет отражать истинные различия в их покупательной способности в Булгарском вилайате. Акче местной чеканки могут иметь принудительный «курс» обращения. Тем не менее, такое исследование поможет понять причины локальности обращения болгарской продукции монетного производства.

Кроме дирхамов Хаджи-Тархана, в кладе из Караульной Горы обнаружена продукция монетных производств Сарай, Иль УйМузам и Джидибик-Базари, изучение которых планируется продолжить в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

Мухаммадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.

Савоста Р.Ю. Монеты Хаджи-Тархана 813–831 годов хиджры. Серебряные и медные монеты Золотой Орды. Каталог. Николаев: Шамрай П.М., 2016. 116 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

А. А. Мусакаева

Альфия Адилевна Мусакаева,
Государственный музей истории Узбекистана АН РУз,
г. Ташкент, Узбекистан; musakaeva07021959@mail.ru

Гирьки из Чача

Аннотация. В статье рассмотрены весовые знаки, происходящие с городища Канка, Ташкентского оазиса и, вероятно, Казахстана. На сегодня это уникальные сведения по денежно-весовой системе Чача II/IV–IX/XII вв. Находки связаны с торговой деятельностью городского центра на городище Канка и неизвестного центра с территории Казахстана или Узбекистана. Несколько гирек относятся к византийским весовым знакам, они представлены четырехугольными бронзовыми экзагиями, а также восьми- и 12-тигранными гирьками, активно использовавшимися при совершении торговых операций. Выдвинуто предположение о присутствии римско-византийской весовой системы с вероятным использованием римских и византийских золотых монет. Что подтверждают находки византийских предметов с городища Канка и из Чача.

Ключевые слова: номисма, экзагии, гирька, Византия, Чач торговля, весовые знаки, денежно-весовая система, Чач

Альфия Адилевна Мусакаева,
ӨзР ҒА Өзбекстан тарихы мемлекеттік музейі, Ташкент қ., Өзбекстан

Чачтан алынған гирлер

Аннотация. Мақалада Ташкент оазисі Канка қаласынан және Қазақстаннан алынуы мүмкін салмақ белгілері қарастырылған. Бүгінгі таңда бұл II/IV–IX/XII ғғ. Чачтың ақша-салмақ жүйесі бойынша бірегей мәліметтер. Табылған заттар Канка қалашығындағы қалалық орталықтың және Қазақстан немесе Өзбекстан территориясындағы белгісіз орталықтың сауда қызметімен байланысты. Бірнеше гирлер византиялық салмақ белгілеріне жатады, олар төртбұрышты қола экзагия, сонымен қатар сауда қатынастарын жасауда белсенді қолданылатын сегіз және он екі тигранды гирлер болып келеді. Римдік және византиялық алтын монеталарды қолдану мүмкіндігіне байланысты рим-византиялық салмақ жүйесінің болуы туралы болжам жасалды. Мұны Канка қаласы мен Чачтан табылған византия заттары растайды.

Түйін сөздер: номисма, экзагия, гирлер, Византия, Чач саудасы, салмақ белгілер, ақша-салмақ жүйесі, Чач

Alfiya Musakaeva,
The State Museum of the History of Uzbekistan
of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Kettlebells from Chach

Abstract. The article considers the weight signs originating from the Kanka settlement (Tashkent oasis) and Kazakhstan. For today, this is unique information on the monetary and weight system of Chach 2nd/4th – 9th/12th centuries. The finds are connected with the trade activities of the city center on the Kanka settlement and an unknown center from the territory of Kazakhstan or Uzbekistan. Several kettlebells belong to the Byzantine weight

signs, they are represented by quadrangular bronze exagia, as well as octagonal and twelve-sided kettlebells, which were actively used in trading operations. An assumption has been made about the presence of a Roman-Byzantine weight system with the probable use of Roman and Byzantine gold coins. This is confirmed by the finds of Byzantine objects from the settlement of Kanka and from Chach.

Keywords: nomisma, exagia, kettlebell, Byzantium, trade, weight signs, monetary and weight system, Chach

Процессы урбанизации напрямую связаны с появлением денежного обращения и больше всего с возникновением и развитием денежно-весовых систем, расширением сфер торговли, ростом экономики. Поэтому изучение денежно-весовых систем древности и средневековья – одна из актуальных проблем в археологии и нумизматике Чача и Семиречья.

Однако весовая и монетная системы Чача остаются практически малоизученными. Без исследования денежно-весовых систем сопредельных стран, стран общего торгового пространства, понять и распознать денежно-весовые системы Чача невозможно. В тоже время возникновение и формирование древнейших денежно-весовых систем Лидии, Вавилонии, Греции, греческих колоний Малой Азии, Персии и империи Сасанидов, древнего Рима и Византии известно и хорошо изучено. В этой связи, привлечение данных по появлению и развитию уже известных древнейших весовых и денежных систем для изучения денежных систем Чача, рассмотрение их параллелей – один из способов разрешения проблемы. В этой связи такие исторические источники, как гири, сосуды из серебра и золота без надписей и с надписями, содержащими весовые данные, монеты, являются первостепенными, их изучение – главная задача в раскрытии проблем античной и раннесредневековой метрологии Чача.

Выделение основной единицы веса, на которой основана вся система веса и система денежного обращения Чача, – основная задача исследования. Изучение развития и изменения этой весовой и денежной единицы в хронологическом аспекте составляет основу, без которой невозможно понимание появления системы весов, а также появления, формирования и дальнейшего развития денежных отношений. Без разрешения этих вышеперечисленных задач, изучения весовых систем невозможно достоверно оценить и представить развитие денежных и товарно-денежных отношений, экономики и политической истории исследуемой области. Торговля и денежное обращение тесно связаны с размером тех единиц, которые здесь были применимы, их точные значения, система перехода из одних в другие очень важны и должны быть изучены.

Анализ вышеперечисленных исторических источников необходим для выявления основы денежно-весовой системы Чача. Выделение основной денежно-весовой единицы, на которой основана вся система веса и, соответственно, и денежная, монетная система, в частности. С помощью этой основной единицы веса необходимо вычислить как самую крупную весовую единицу, так и ее фракции вплоть до мельчайших единиц. Для древнейших монетных и весовых систем такие единицы известны – это драхма или сикл и солид. Если монетная и весовая системы были основаны на серебре, то таковой главной единицей исчисления весов и монетных фракций были сикл и драхма. Если денежно-весовые системы основаны на золоте, то такой единицей был сикл и солид. Выявление весовых единиц и денежных стандартов – одна из актуальных задач исследования.

Фиксация каждой находки гирек важная и необходимая задача. В последние годы с городища Канка были опубликованы три гирьки [Мусакаева 2020: 191–196]. Это практически все из известных на сегодня находки гирек в Чаче. В марте 2022 г. автором статьи была проведена экспертиза комплекта гирек, найденных на территории Узбекистана или Казахстана (пока это точно неизвестно). Комплект гирек насчитывает 21 экз. разных весов. Из этого комплекта на сегодня доступными для изучения стали пока что только две из них.

Приведем их описание:

№ 1. Из комплекта гирь

Многогранная –12-гранная гиря. Вес ее составил – 206.76 г. Бронза. На верхней площадке имеются глубоко врезанные линии (лучи), исходящие из центра, центральное изображение не ясно. Возможно, справа просматривается буква «Г», слева «I?» и левее знака «I?» маленький треугольничек. На нижней поверхности гири нанесены мелкие штампики в виде розеток. Розетка представляет собой круг, в центре которого углубленный кружочек и вокруг него шесть таких же кружков. Таких розеток – одна в центре и шесть по кругу. Кроме того, имеются мелкие круглые углубления, они образуют пояс по краю площадки и делят эту площадку на шесть секторов. Боковые грани гири подрезаны сверху и снизу по отношению к площадке. В центре каждой грани нанесен оттиск штампа в виде цветочной розетки. Розетка представляет собой круг, в центре которого углубленный кружочек и вокруг него шесть таких же кружков. Таких розеток – одна в центре и шесть по кругу (рис. 1, 4).

Аналогии этой гирьке можно видеть в материалах средневековой Сугдеи, где в единственном экземпляре представлена восьмиугольная бронзовая гирька, на лицевой стороне которой «помещен прорезной орнамент в виде ломаных линий», вес ее – 53.20 г. Номинал в 2 унции [Майко 2019: 165, рис. 2, 26]. Характер этих глубоких прорезей-линий Сугдейской гирьки очень похож на прорези гири № 1 из нашего комплекта, хотя и обе гири имеют разные весовые данные. Отличаются они еще и тем, что на Сугдейской гирьке не просматриваются никакие знаки.

№ 9. Из комплекта гирь

Гиря малая призматической формы в виде граненого бочоночка. Вес 4.31 г. Бронза. Верхняя поверхность, уплощенная через центр, проходит оттиск штампа в виде полосы с мелкими точками. Нижняя площадка также уплощенная и также орнаментирована. Боковая поверхность гирьки: посередине проходит горизонтально выделенное ребро. Ребро гирьки образовалось в результате неравномерно осуществленной подрезки ее боков под верхней и нижней площадками (рис. 1, 5).

Датировка гирек из комплекта

Датировка таких предметов, как гирьки, осложнена не только отсутствием информации о месте находки, об археологическом слое, обстоятельствах находки, но еще и тем, что гирьки могли использоваться длительное время – как до-, так и после реформ. Однако отсутствие в комплекте гирек гирь с обозначением номисмы в виде знака «N» свидетельствует о дате, близкой к XII в. По наблюдениям исследователей, «памятники с обозначением номисмы «N» <...> заканчиваются в XII столетии <...>» [Лихачев 1925: 522]. Для этого времени характерна либра, которая состоит из 84 солидов. Но наша гирька № 1 имеет 12 граней, на каждой розетка с шестью кружками (12×6=72). Так, возможно, это догалльский солид, но и Константиновским (4.55 г) его при пониженном весе в 4.31 г (4.3075 г) сложно назвать. Вероятно, это IX–XII вв. Гиря № 1 весом в 206.76 г содержит 48 номисм, что соответствует 8 унциям. Любопытно, что находящаяся в этом комплекте гирька № 9 имеет такой же вес номисмы – 4.31 г, как и вычисленная по гире № 1 номисма в 4.3075 г. Что подтверждает факт того, что эти гирьки из одного комплекта. Таким образом, обе они датируются IX–XII вв. Период IX–X вв. – время правления династии Саманидов. В это время отмечаются интенсивные торговые связи со Средней Азией, когда отсюда происходит большая утечка серебра в виде кладов саманидских монет. Этот факт подтверждают единичные клады Саманидских серебряных монет в Среднеазиатских музеях и большое количество их находок в странах Восточной и Западной Европы.

Эту датировку подтверждает гирька из комплекса средневековой Сугдеи [Майко 2019: 167; рис. 2]. Этот морской порт Судак–Сугдею характеризуют как один из пяти крупнейших средневековых

портов мира [Булгаков, Булгакова 2012: 309]. Не случайно порт этот назывался «Сугдеей», в основе слова наименование «Согд», тесные связи с которым, вероятно, и дали название порту. Находка комплекта гирек из Чача или Семиречья свидетельствует об активных торгово-экономических связях Сугдеи со средневековой Средней Азией.

Разницу в весах теоретического эталонного веса и реального оправдывают разными причинами. Все исследователи, которые так или иначе сталкивались с описанием и научным обоснованием весов гирек или монет, отмечали разницу, значительные отклонения от нормы – даже в 2,44 г. Так, свинцовый разновес из Сугдеи весом в 11.21 г отнесен к экзагиям в 3 номисмы [Майко 2019: 160]. Считают, что экзагий должен быть несколько легче монеты, полновесность которых он проверяет. Это оправдывает недостачу веса в сравнении с теоретическим эталоном. Кроме того, нельзя обойти вниманием тот факт, что фиксируют почти одновременное сосуществование нескольких стоп для чекана в золоте (Диоклетиановская система, система Константина Великого, система «галльского» солида) [Лихачев 1925: 525].

Другие находки, не менее важные для рассмотрения денежно-весовой системы Чача, были найдены на городище Канка (Ташкентский оазис древняя область Чач). В составе массы неочищенных предметов и монет, найденных на поверхности городища Канка и в его окрестностях (большей частью распаханных), был обнаружен предмет, имеющий необычную форму (рис. 1, 1). После его очистки на нижней круглой части предмета были обнаружены прорезы и крестообразный знак. Л.И. Чуистова, исследовавшая громадное количество весовых систем античного и средневекового Причерноморья, отмечает, что на гирях, как правило, весовые нормативы переданы условными знаками: черточками, прорезями, точками, кружками или буквами [Чуистова 1962: 56]. Количество прорезей и сегментов позволило предположить, что этот предмет представляет собой гирьку с обозначениями кратности ее веса. Несмотря на обилие монетных находок с этого городища, находки гирек единичны. Их изучение и фиксация каждой находки чрезвычайно важна и актуальна для изучения метрологии и денежного обращения Чача. Результаты анализа весовых значений, полученных при изучении гирек, раскрывают историю создания и функционирования весовых и денежно-весовых систем в исследуемом регионе. Приведем ее описание:

Гирька восьмигранная. Канка

Гирька имеет восьмигранную форму, от верха отходит круглое в сечении возвышение в форме цилиндрика с сужающимся верхом с уплощенной площадкой на самом вершине. Снизу от восьмигранного тулова отходит невысокий цилиндрический выступ с плоским круглым основанием, прорезанным двумя перекрещивающимися линиями, образующими четыре сегмента. В каждом сегменте имеется глубокая прорезь, расположенная на грани края сегмента. В целом, изображение воспринимается как крестик по типу несторианского с прочерченным внутри него крестообразным знаком. На этой нижней части гирьки имеются четыре радиально расположенные прорезы, крестообразный знак делит круг на четыре сегмента. Таким образом, получается, что всего обозначений кратности веса – 8. Учитывая восемь граней предмета и 4+4 нарезок и прорезей в нижней части, можно определить назначение предмета – как гирька с 8-микратным обозначением номинала.

Размеры восьмигранной гирьки:

Высота – 24,5 мм.

Толщина восьмигранника (снизу и сверху) – 18–18,3 мм.

Высота восьмигранной части – 12,7 мм.

Диаметр верхней части – 11,5 мм.

Диаметр нижней части – 13,5×13,8 мм.

Вес – 37,99 г.

Рис. 1. Гирьки: 1 – восьмигранная гирька. Канка; 2 – гиря византийская № 1. Канка; 3 – гиря византийская № 2. Канка; 4 – № 1. Из комплекта гирь; 5 – № 9. Из комплекта гирь

Для определения основного расчётного номинала этой гирьки поделим вес гирьки – 37,99 г на восемь частей и получим мискаль веса в 4,74875 г. Если рассматривать эту гирьку и относить ее к римско-византийской системе, то она близка к ранним 5-тиграммовым ауреусам до реформы Константина (до IV в.). А при делении веса гирьки на 4 части (37,99 г:4=9,4975 г) сикль веса в 9.4975 г – это 9.5 г.

Такой сикль был вычислен нами по серии серебряных подражаний тетрадрахмам Евтидема второго поколения (государь в тиаре) из Западного Согда для II–IV вв. График весов монет по типу тетрадрахм Евтидема дал две вершины в 9 г и 10 г, но монет в 10 г больше чем в два раза. Таким образом, метрологический анализ серебряных монет этой группы показал, что древнебухарские монеты весом в сикль имели весовой стандарт от 9 до 10 г с преобладанием монет в 10 г.

Сикль, вычисленный нами по восьмигранной гирьке с Канки, попадает в диапазон весов сиклей древнебухарского чекана Западного Согда II–IV/V вв. А мискаль может быть ранним до IV в. Возможно, эту гирьку можно было использовать как при проверке золотых монет доконстан-

тиновского времени, так и серебряных западно-согдийских подражательных чеканов II–IV/Vвв. Можно было также использовать ее при взвешивании золота по Диоклетиановой стопе или при взвешивании серебра по западно-согдийской денежно-весовой системе.

Известно, что в Риме и Византии для взвешивания использовали гирьки – экзагии. Наименование античных металлических экзагий – гирь разновесов – происходит от латинского «exagium» от «exigere» – проверять, юстировать. Они имели круглую и прямоугольную форму с надписями по обозначению веса. Считают, что самые распространенные экзагии соответствовали солиду, но имели неточный вес [Фенглер и др. 1982: 317]. Сами экзагии могли быть не только из металла, но и из стекла. В приведенной В.В. Гурулевой публикации 1904–1905 гг. о деятельности Русского археологического института в Константинополе сообщается о существовании экзагий римского фунта весом от 319 до 330 г [Гурулева 1999: 84; Отчеты о деятельности 1908: 318]. Такие гирьки-экзагии были найдены на городище Канка. Приведем их описание:

Гиря византийская № 1. На лицевой стороне гири в центре процарапаны латинские буквы «N» и «Г». Вокруг букв по кругу процарапан веночек из мелких штрихов, отходящих от предполагаемой линии круга в разные стороны, на отдельных участках венка штрихи перекрещиваются. В каждом из углов гирьки по три вдавленных точки, расположенных по одной схеме: сверху одна точка и две точки снизу. Вверху над буквами, но почти по центру поля, между знаками процарапан вертикальный штрих и чуть ниже него точка. Вокруг штриха процарапан едва заметный крестик по типу несторианского. Плохая сохранность не позволяет четко рассмотреть его очертания. Это равноконечный крест с широкими лопастями, с едва заметным расширением у внешнего края. Но ниже просматриваются две вертикально расположенные линии, которые могут передавать изображение продолжения нижней лопасти вертикально вниз до горизонтально прочерченного основания. Это основание завершает композицию знаков, передающих номинал – «N» и «Г» – три номисмы.

На оборотной стороне никаких знаков не просматривается, кроме трех насечек по ребру верхней грани гири. Обратная сторона изъедена коррозией больше, чем лицевая. От этого имеются глубокие раковины. Медно-бронзовый сплав желтого оттенка. Вес составляет – 14,088 г. Гиря имеет размеры 17,7×17,9 мм. Толщина 0,55 мм. ГМИУз; КП-4911. Место находки – городище Канка (рис. 1, 2).

Гиря византийская № 2. На обеих сторонах изображения отсутствуют, нет никаких насечек. Медно-бронзовый сплав желто-красного оттенка. **Вес – 6,922 г*** (*выделено автором). Гиря имеет размеры 16,7×15,5 мм. Толщина 0,35 мм. ГМИУз. КП-4911. Место находки – городище Канка (рис. 1, 3).

Считается, что знаки на гирьках, начинающиеся с буквы «Г», означают «унция», а второй знак передает количество этих унций (А – 1; В – 2; Г – 3; S – 6). Если знаки на гирьках начинаются с буквы «N», то весовой стандарт обозначается в номисмах, а второй знак передавал количество номисм [Успенский 1999: 99; Гурулева 1999: 85]. На гирьке № 1 с городища Канка присутствует изображение венка и двух знаков «N» и «Г». Знаки передают значение веса в три номисмы. Вокруг знаков изображен веночек из тонких штрихов. Подобные венки можно видеть на монетах Византии от начала V–VI в. На второй гирьке нет никаких обозначений. Вес обеих канкинских гирек дает номинал в 5 (5.5) номисм 14.088 г+6.922 г=21.01 г. Номинал в 5 номисм хорошо известен это веса от 20... – до 22... г.

Отчасти вопрос датировки может прояснить сам весовой стандарт гирек. Если в первых веках до н.э. – первых веках н.э. из либры чеканили 60 ауреусов, то при Константине вводится регулярный чекан золотого номинала – солида весом в 4.55 г и из либры чеканят уже 72 монеты. Этот вес константиновского солида близок весу номисмы, вычисленной нами по канкинской

гирьке в 4,696 г. Но вес номисмы по гирьке с Канки хотя и близок номисме Константина, все же отличается – он несколько тяжелее. Однако практически не только монеты, но и сами гири, тем более из металла, не дают абсолютно равные теоретическому эталону весовые стандарты, они отличаются весом в ½ грамма [Успенский 1999: 100] и даже почти в 2,44 г [Майко 2019: 160]. Гирька с городища Канка с весом номисмы в 4,696 г дает фунт весом в 328,72 г, если считать, что из этого фунта чеканили 70 солидов. Что укладывается в этот разброс весовых данных. Такая весовая разница объясняется неточностью весов и техническими причинами, практически нет находок гирек с точными эталонными весовыми показателями.

Обе гирьки не происходят из точно датированных археологических слоев, они подняты с поверхности городища. В этой связи, их можно предварительно датировать II/IV–V/VI вв. Косвенно эту дату подтверждают находки предметов византийского происхождения из Чача: с городища Канка – каменный и металлический крестики VII–VIII вв., медная монета императора Аркадия (правил с 395 – по 408 г.), золотые предметы и монета VI в. из селения Майский.

Так, весовой стандарт канкинских гирек дает вес в 14,088 г и в 6,922 г. Гиря весом в 14,088 г дает вес номисмы в 4,696 г. Вторая гиря весит почти 7 г и, вероятно, составляет половину от веса первой гири в 3 номисмы, т. е. вторая гиря составляет 1,5 номисмы. Вероятно, отсутствие на второй гире каких-либо цифровых обозначений, объясняется тем, что она использовалась в комплекте с первой гирей (табл. 1).

Таблица 1 – Весовые показатели гирек Чача

Гирька, происхождение	Вес	Номинал	Либра	Дата
Византия. Канка. Гиря № 1	Вес 14,088 г; Номисма 4,696 г	3 номисмы	328.72 г (70 N) при норме 327.60 г	II/IV–V/VI вв.
Византия. Канка. Гиря № 2	Вес 6, 922 г или 7 г; Номисма 4.615 г	1,5 номисмы	328.72 при нормe 327.60 г	II/IV–V/VI вв.
Восьмигранная гирька. Канка	37,99 г номисма в 4,74875 г	8 номисм	327.66 г (69 N) при норме 327.60 г	II–IV вв. до н.э. – IV в. н.э.
№ 1. Из комплекта гирь. Многогранная – 12-тигранная гиря.	206.76 гр. Номисма 4.3075 г	48 номисмили 8 унций	(76 N) при норме 327.60 г	IX–XII вв.
№ 9. Из комплекта гирь. Гиря малая призматической формы в виде граненого бочоночка.	4.31 г	номисма	(76 N) при норме 327.60 г	IX–XII вв.

Заключение

Иконографический анализ канкинских гирь, так же, как и их весовые показатели, свидетельствуют о связях Чача с Византией. Это, прежде всего, латинские знаки, а также венки, характерный для монет Рима и Византии античного, позднеантичного и начальных этапов раннесредневекового времени. Для Чача можно заключить, что в крупном городском центре периода античности и раннего средневековья для оценки веса золотых монет и изделий из золота применяли римско-византийскую денежно-весовую систему из расчёта 1 либра=327,60 г.

По *золотым* единицам можно предполагать, что расчёты могли производить на номисмы весом в 4,696 г.

3 номисмы – 14,088 г

1,5 номисмы – 6,922 г

1 номисма = 4,696 г

Находки византийских предметов на городище Канка и в самом Чаче свидетельствуют об интенсивных торгово-экономических, культурно-исторических связях Чача с Римом и Византией. С помощью восьмигранной гирьки во II–IV вв. весом в 37,99 г рассчитывали мискаль веса в 4,74875 г или сикль веса в 9,49 г. В IX–XII вв. в Чаче использовали при денежных операциях с драгоценными металлами и монетами мискаль весом в 4.31 г. Торгово-экономические связи Чача подтверждают находки аналогичных гирек в средневековой Сугдее – одним из крупнейших средневековых портов мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Булгаков В.В., Булгакова В.И. Портовый комплекс Сугдеи (по данным подводных исследований 2004–2005 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах: сб. статей, посвящ. 1800-летию города Судак / Отв. ред. В.В. Майко. Донецк: Донбасс, 2012. № 28. С. 285–310.
- Гурулева В.В. Византийские весовые знаки бывшего музея Русского археологического института в Константинополе // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. XVI. С. 82–98.
- Душенко А.А. Византийские разновесы из раскопок Мангупа // Материалы по археологии и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С. 255–268.
- Лихачев Н.П. Византийские эксагии // Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1925. VI серия. Т. 19. Вып. 12–15. С. 519–526.
- Майко В.В. Византийские разновесы из раскопок Сугдеи // Античная древность и средние века. 2019. Т. 47. С. 157–169.
- Мусакаева А.А. Новые находки из Чача и Согда // Археологические исследования в Узбекистане в 2018–2019 гг. Самарканд: [б./и.], 2020. № 12. С. 191–196.
- Отчеты о деятельности РАИК в 1904 и 1905 гг. / Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. 13. София: Державна печатница, 1908. 384 с.
- Успенский Ф.И. О бронзовых весовых знаках византийского происхождения, находящихся в коллекции // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Вып. XVI. С. 99–107.
- Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М.: Радио и связь, 1982. 328 с.
- Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Сб. статей / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Керчь: Крымиздат, 1962. Т. II. С. 7–235.

Н. И. Юдин

Никита Игоревич Юдин,
ГБУК РО «Азовский историко-археологический
и палеонтологический музей-заповедник»,
г. Азов, Россия; istoricus@mail.ru

Печати купцов из золотоордынского Азака

Аннотация. Статья представляет собой анализ пяти находок печатей купцов, найденных в ходе раскопок золотоордынского Азака, а также во время сборов подъемного материала на некоторых объектах его округа. В их числе – сердоликовая печать арабского купца с надписью, для которой предложено новое прочтение, печать капитана Крита, личная печать испанского купца Бартоломея де Пичинаса, вислая свинцовая печать венецианского дожа Андреа Контарини, а также анонимная печать китайского купца с навершием в виде фигуры животного, предположительно крупного кошачьего хищника (льва?). Как и в случае с арабской надписью на сердоликовой печати, для западноевропейских находок, содержащих текст, даны расшифровка и перевод надписей, пополнивших собой корпус эпиграфических источников для археологии Азака и Золотой Орды. Все описываемые печати являются важным свидетельством не только личного присутствия тех или иных купцов или должностных лиц в Азаке. Наряду с другими категориями находок, прежде всего керамикой, они дают дополнительное подтверждение факту функционирования торговых маршрутов, связывавших Азак с самыми отделенными центрами торговли Запада и Востока.

Ключевые слова: Азак, Золотая Орда, торговля, купечество, печать, арабский язык, Китай, Испания, Италия, средневековая археология

Никита Игоревич Юдин,
«Азов тарихи-археологиялық
және палеонтологиялық музей-қорығы» РО МБММ,
Азов қ., Ресей

Алтынордалық Азак көпестерінің мөрлері

Аннотация. Мақалада алтынордалық Азақта жүргізілген қазба жұмыстары барысында, сонымен қатар оның маңайындағы кейбір объектілерден жер бетінен жинап алынған саудагерлердің бес мөріне талдау берілген. Олардың ішінде жаңадан оқуға ұсынылған жазуы бар араб саудагерінің сердолик мөрі, капитан Крит мөрі, испандық көпес Бартоломео де Пичинастың жеке мөрі, венециандық доге Андреа Контаринидің қорғасын мөрі, сондай-ақ қытай саудагерінің бас жағында жануардың бейнесі, ірі жыртқыш (Арыстан?) болуы мүмкін анонимді мөрі бар. Араб жазуы бар сердолик мөр сияқты, мәтіні бар батысеуропалық олжалар үшін жазбалардың шифры мен аудармасы берілген, бұл Азак және Алтын Орда археологиясы үшін эпиграфикалық дереккөздері корпусын толықтырды. Барлық сипатталған мөрлер Азақта тек белгілі бір саудагерлердің немесе шенеуніктердің жеке болуының маңызды дәлелі болып табылады. Табылған заттардың басқа санаттарымен, ең алдымен керамикамен қатар, олар Азакты Батыс пен Шығыстың бөлек сауда орталықтарымен байланыстыратын сауда жолдарының жұмыс істеуіне қосымша дәлелдер береді.

Түйін сөздер: Азак, Алтын Орда, сауда, көпестер, мөр, араб тілі, Қытай, Испания, Италия, ортағасырлық археология

Nikita Iudin,

SBIC «Azov Historical, Archaeological and
Paleontological Museum-Reserve»,
Azov, Russia**Merchants' stamps from the Golden Horde city of Azak**

Abstract. The article is an analysis of five merchants seals finds from excavations of the Golden Horde city of Azak, as well as from gathering material at some sites in its vicinity. Among them are the carnelian seal of an Arab merchant with an inscription for which a new translation has been proposed, the seal of Captain Crete, the personal seal of the Spanish merchant Bartolomeo de Pitcinas, the hanging lead seal of the Venetian Doge Andrea Contarini, and the anonymous seal of a Chinese merchant with a pommel in the form of an animal, presumably a big feline predator (lion?). As in the case of the Arabic inscription on the carnelian seal, for the Western European finds containing the text, the deciphering and translation of the inscriptions are given. These inscriptions became an addition to the corpus of epigraphic sources for the archaeology of Azak and the Golden Horde. All the described seals are an important evidence not only of the personal presence of certain merchants or officials in Azak. Along with other categories of finds, primarily ceramics, they provide additional evidence for the functioning of trade routes that connected Azak with the most separated trade centers of the West and East.

Keywords: Azak, Golden Horde, trade, merchants, stamp, Arabic language, China, Spain, Italy, Venice, medieval archaeology

Торговля золотоордынских городов – достаточно актуальная тема, предоставляющая в руки исследователей массу проблем для изучения и значительный массив данных, на основе которых можно получить характеристику торговых связей. В частности, располагая информацией об определенных категориях находок, фиксируемых на территории памятника, мы составляем представление о направлении и дальности торговых маршрутов.

В археологии Азака особое место среди таких находок, относящихся к торговле, занимают личные печати купцов, заключавших сделки в городе или на территории различных объектов его округа. Потенциал печатей, как источника дополнительно исторической информации, огромен. Он становится еще более значимым, если на них сохраняются надписи, позволяющие опознать владельца. Уникальными являются пять печатей, в разное время найденных при раскопках Азака и сборах в его округе. Все они так или иначе отражены в научных публикациях, но без должного описания и без привлечения аналогий, а также без датировок. Предлагаемая работа была написана с целью исправить эти и другие недочеты, допущенные предыдущими исследователями.

Сердоликовая печать арабского купца (рис. 1, 1), найдена в ходе спасательных археологических раскопок 1991 г. в г. Азове, на участке по ул. Ленинградская, 66, отведенном под строительство заводского профилактория [Гудименко 1992: 31–32; Гудименко 1993: рис. 84–85]. В ходе обследования Ямы 8, входящей в Жилище 2, была найдена вставка из полупрозрачного сердолика насыщенного красного цвета. Поверхность и грани прямоугольной в плане вставки были тщательно отшлифованы. Размеры вставки – 1,7×1,4×0,4 см. Лицевая сторона плоская, отшлифованная, обратная – также отшлифована, с округлой покатою поверхностью. Форма подвески в сечении близка к трапециевидной.

На изделии вырезана надпись на арабском языке. Текст надписи, нанесенный зеркально, состоит из нескольких слов, разделенных на две строки, и занимает большую часть лицевой стороны вставки. В научном отчете, а также позднее И.В. Волковым, было предложено следующее прочтение – «Печать Омара-Абу-Хафра» [Гудименко 1993: 17].

Процитированный перевод нуждается в уточнении. Для этого приведем наш «вариант» надписи на арабском языке: *الساهى لى لعمر ابو حفص*. Дословный перевод фразы следует

Рис. 1. Находки печатей купцов из Азака и его округи: 1 – сердоликовая печать арабского купца с надписью «Заверено именем Омара Абу Хафса»; 2 – печать Бартоломея Де Пичинаса; 3 – печать капитана Крита Бертучи Контарини; 4 – печать венецианского дожа Анжреа Контарини; 5 – печать китайского купца

читать как «Правда (Верно) от имени Омара Абу Хафса», допустимо прочтение «Заверено именем Омара Абу Хафса».

Разница между переводом И.В. Волкова и вышеизложенным вариантом в пользу последнего объясняется следующими объективными причинами. Во-первых, при переводе недопустимо опускать какие-либо части переводимой фразы, это напрямую отразится на смысле прочитанного. Необходимо всегда придерживаться принципа максимально точного перевода, если не дословного, то близкого по смыслу. Перевод первой части фразы как «Заверено именем» не противоречит принципу сохранения смысла надписи, и добавляет новую информацию о средневековом делопроизводстве и торговле Азака, а также сообщает нам дополнительные нюансы о развитии арабского языка и тех его вариантов, которые бытовали на Нижнем Дону в XIV в.

Во-вторых, в предложенном ранее переводе, на наш взгляд, была допущена неточность при переводе имени собственного. Окончание последней части имени было ошибочно прочитано как Хафра, что выглядело бы как ه или ل . Читать окончание последнего слова, интерпретируя последнюю букву как ر (ра), неверно. Образец написания этой буквы виден на первой строке надписи, в имени Омар (عمر). Двумя буквами последнего слова надписи, очевидно, являются ف (фа) и ص (сад), в сочетании дающие فص . У буквы ص (сад) несколько изменена начальная часть начертания, но такое вполне допустимо, и в ряде разновидностей почерков даже является каноном. Получается, что перед нами не Омар Абу Хафра, а Омар (عمر) Абу (ابو) Хафс (حفص). Словом, наиболее удачно передающим значение арабского по происхождению имени Хафс, является «лев» [Гафуров 1987: 204].

Датировать данную находку следует временем в пределах 1-й пол., вероятно, 1-й четверти (?) XIV в. Косвенным основанием для такого вывода стала единственная монета 1315 г. [Гудименко 1992: 43], найденная в одном из комплексов внутри Печи 1, которая, также как и Яма 8 с найденной в ней печатью, относится к Жилищу 2. Кроме того, в Яме 8 найдены фрагменты поливных чаш ширванского производства. В Азаке подавляющее большинство находок азербайджанской (ширванской) керамики датируется серединой XIV в. [Юдин и др. 2022: 179].

Печать Бартоломея де Пичинаса (рис. 1, 2). Найдена в ходе археологических разведок, проводившихся на территории Азовского района Ростовской области. Обследования затрагивали поселения округа золотоордынского Азака, в их числе памятник под названием «поселение Калмыцкий бугор» [Юдин 2014: 122–123, рис. 8, 2]. Диаметр печати – 3,7 см. Внешняя сторона орнаментирована помещенным в центр изображением пятиконечной звезды, обрамленной надписью: BERTVOLUMEI DE PITCINAS. Очевидно, надпись является именем владельца – Бартоломей де Пичинас. Л. Климановым было предложено интерпретировать последнее слово как «Питеин» [Климанов 2016: 277–278]. Сложно согласиться с подобным переводом, т. к. на печати попросту не зафиксировано сочетание латинских букв, прочтение которых выглядело бы как «PITEIN». В доступных автору публикациях западных письменных источников соответствующей эпохи данного имени не встречено. Вторая часть надписи – DE PITCINAS указывает на город, из которого происходил владелец печати. В настоящее время населенный пункт с названием Пичинас находится на севере современной Испании. Отдельно следует отметить, что печать выполнена в манере, весьма распространенной среди изделий данного круга, происходящих с территории Западной Европы. В качестве примеров, наиболее близких по начертанию надписи, а также морфологически, назовем личную печать сэра Роберта Фитцуолтера, датируемую 1213/1219 г., из коллекции Британского музея под регистрационным номером 1841,0624.1 (рис. 2, 1). Другим примером аналогии может являться печать городского совета испанского города Куэльяр, датировка которой – 1284–1305 гг.

Рис. 2 Образцы западноевропейских и китайских печатей: 1 – личная печать сэра Роберта Фитцуолтера (Британский музей, Лондон, Англия); 2 – печать городского совета города Куэльяр (Национальный археологический музей, Мадрид, Испания); 3 – печать из окрашенного талькохлорита с вырезанной фигуркой пантеры (?) или собаки (?) (Музей Метрополитен, Нью-Йорк, США); 4 – печать из фарфора с навершием в виде кошачьего хищника (Музей Метрополитен, Нью-Йорк, США); 5 – печать из слоновой кости с навершием в виде льва (Национальный музей азиатского искусства, город Вашингтон, округ Колумбия, США)

Печать вместе особым механизмом, предназначавшимся для того, чтобы ее поставить, хранится в коллекции Национального археологического музея, в городе Мадрид, Испания (рис. 2, 2).

Печать Капитана Крита Бертучи Контарини (рис. 1, 3). Является случайной находкой, сделанной на территории одного из археологических памятников, расположенных между станицей Елизаветинской и хутором Колузаево Азовского района Ростовской области. В настоящий момент данная местность представляет собой территорию, не содержащую визуально определимых признаков, хотя в 3-й четверти XIX в. в ее пределах фиксировались признаки насыщенного культурного слоя. Х.И. Попов указывает на «много различных монет, глиняную посуду, тесаный камень и кирпичи древней формы» [Попов 1871: 171]. Вероятнее всего, находка происходит с одного из средневековых поселений, упоминаемых в трудах Иосафата Барбаро, когда речь идет о населенных пунктах дельты Дона, носивших название «пескьеры» (pescchiere) [Бочаров, Масловский 2021: 88]. Диаметр печати – 3,5 см, толщина около 0,5 см. Лицевая сторона орнаментирована изображением крылатого льва с флагом в лапах, чуть ниже – щит. Фигура животного, запечатленного в геральдической позе, обрамлена надписью, нанесенной между двумя поясами из точек, вытянутых вдоль края печати. Текст надписи – BERTUCII CONTARENO CAPIT. CRETE+S, что в переводе с латинского означает – «Бертучи Контарини Капитан Крита». Ввиду случайного характера находки, датировать данную печать хоть сколько-нибудь точно в пределах XIV в. не представляется возможным.

Печать дожа Андреа Контарини (рис. 1, 4). Несмотря на то, данная находка не является собственностью какого-либо из азовских купцов, мы посчитали необходимым включить информацию о ней в настоящую статью. Печать найдена на территории Азова в 1975 г., предположительно в районе Порохового погреба (ул. Лермонтова, 6) [Фомичев 2013: 207–208, рис. 1]. В настоящее время она хранится в фондах Азовского музея-заповедника (КП-20953 НЗ-2241). Размеры печати – диаметр 42 мм, толщина 40 мм. Изделие выполнено из свинца, сохранилось не полностью. Практически наполовину утрачено изображение и текст на лицевой части, где изображена сцена со святым Марком, передающим дождю (фигура справа) символы власти. Две человеческие фигуры обрамляет латинская надпись, поддающаяся восстановлению – «AND(REAS) (C)ONTARENO D(UX)». Обратная сторона сохранилась значительно лучше, большая часть ее поверхности занята надписью, так же на латинском языке – «(A)NDREAS (C)ONTARENO DEI. CRA(TIA). DVX (V)VENETIA(RUM)».

Будучи дожем, руководившим республикой в один из самых насыщенных для нее событийных периодов истории (1368–1382 гг.), Андреа Контарини принял целый ряд решений, напрямую отразившихся на торгово-экономической жизни венецианской фактории Тана. В их числе – распоряжение 1368 г. об укреплении венецианской фактории для обеспечения безопасности ее жителей, а также купцов с их товарами, решение о приобретении для нужд купцов пустующего участка на территории района генуэзцев. Одним из важнейших мероприятий, согласованных лично дожем, была отправка послов в Орду с целью пересмотра условий и размера налоговых выплат, перечисляемых в ханскую казну купцами, торгующими на подконтрольной татарам территории [Фомичев 2013: 214–216]. Подобные посольства не единожды предпринимались за время правления Андреа Контарини. Наиболее важным для торговли стало посольство 1369 г., итогом которого являлось снижение налогов до уровня, установленного в свое время для генуэзцев, т. е. до 3% от суммы, вырученной за проданные товары [Фомичев 2013: 222]. Поскольку досконально установить место, где была найдена печать дожа, не представляется возможным, ее точная датировка также затруднительна. Было высказано предположение, что она была найдена недалеко от местоположения Раскопа II 2012 г., заложенного на участке по адресу ул. Лермонтова, 6 [Бочаров, Масловский 2021: 83–84]. Известно, что на данном раскопе зафиксированы остатки усадьбы венецианского купца, датируемой XIV в. [Гончарова и др. 2014: 142, 145].

Печать китайского купца (рис. 1, 5). Размеры: основание в форме прямоугольного параллелепипеда с основанием 2×2 см, высотой 3,1 см. Высота изделия вместе с фигурным навершием – 4,8 см. Печать выполнена из свинца в форме прямоугольного параллелепипеда с навершием в виде фигуры животного, вероятнее всего, льва. Сохранность печати не дает возможность точно атрибутировать данное скульптурное изображение и подобрать близкие аналогии. Крупные кошачьи хищники – сюжет, часто встречающийся в декоре различных предметов, изготавливавшихся китайскими мастерами. В распоряжении автора не оказалось данных об аналогичных изделиях, датируемых тем же временем, что и азакская находка. Наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры печатей схожей морфологии, на которые помещены фигурки львов или тигров, датируются более поздним временем. В качестве примера приведем печать из окрашенного талькохлорита с вырезанной фигуркой пантеры (?) или собаки (?), оборачивающейся назад. Место хранения – музей Метрополитен, Нью-Йорк, США (рис. 2, 3). Датировка данной находки попадает во время правления династии Цин (1644–1911 гг.). Там же, под номером 79.2.491, в музее Метрополитен хранится фарфоровый аналог талькохлоритовой печати со стилистически близким скульптурным изображением (рис. 2, 4). И, наконец, еще одна аналогия более позднего времени – печать из слоновой кости с навершием в виде льва (?) из собрания Национального музея азиатского искусства (National Museum of Asian Art), город Вашингтон, округ Колумбия, США (рис. 2, 5). Несмотря на сложности с точной атрибуцией, подобная находка сама по себе – важное дополнение к характеристике торговли между Золотой Ордой и Китаем. Азак также являлся импортером китайской керамики, прежде всего селадона, также фарфора с полихромной росписью, сосудов типа «Цы-Чжоу», выступавших как в роли товара, так и тары для содержимого, торговавшегося на азакских рынках. Находки сосудов из селадона являются самыми многочисленными среди всех групп парадной керамики, фиксируемой в Азаке [Кравченко 2017: 540].

Подводя итоги проведенному разбору находок, необходимо отметить следующие моменты. Несмотря на то, что уточненный перевод арабской надписи на сердоликовой печати не дал новых сведений о происхождении ее владельца, а лишь только уточняет его прозвище, в арабском именуемое также لقب (لقب («лакаб»). Но зато в нашем распоряжении оказалось точное имя человека, посещавшего Азак более 600 лет назад, либо проживавшего на его территории.

Находки печатей Капитана Крита и Бартоломея де Пичинаса являются прямым указанием на пребывание купцов из Италии и Испании в дельте Дона, в свою очередь связанной с Азаком. Таким образом, они становятся археологическим подтверждением сведений письменных источников. Корабли и купцы с острова Крит, называвшегося также Кандия, нередко фигурируют в составленных в Азаке-Тане нотариальных актах, закреплявших сделки о поставке в Тану вина и экспорте оттуда осетрины и икры [Карпов 2021: 269]. Находка печати столь высокого должностного лица как капитан Крита, является уникальной. Наряду с находками тарной керамики критского производства [Масловский 2006: 435], она является дополнительным материальным свидетельством торгово-экономических связей Крита и Азака. Упомянутые ранее поселки-пескьеры являлись пунктами на пути заморских товаров в Азак, здесь же отгружался целый ряд товаров (рыба, икра, вино и т. д.) для последующего вывоза в Западную Европу и, в частности, в Италию и Испанию. Купцы из этих стран принимали участие в процессе вывоза донской рыбы, начиная со стадии заготовки, что также задокументировано письменными источниками [Масловский и др. 2021: 240].

Вислая печать Андреа Контарини также относится к разряду уникальных находок, для которой возможна хоть и приблизительная, но датировка, ведь нам известны годы правления дожа. Возможно, анализ комплекса находок, происходящих из раскопа, заложенного рядом с предполагаемым местонахождением печати, поможет прояснить ситуацию.

Печать китайского купца, судя по всему, является самой ранней находкой подобного типа в Золотой Орде и в Восточной Европе. Несмотря на затруднения с интерпретацией фигуры животного на ней и отсутствию опознаваемых надписей, она представляет интерес как важное свидетельство функционирования самого протяженного торгового маршрута, связывавшего Золотую Орду и Азак со средневековым Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Археологические свидетельства проживания итальянских купцов на территории золотоордынского Азака за пределами границ венецианской и генуэзской Таны // Причерноморье в средние века. СПб.: Алетейя, 2021. Вып. XI. С. 69-91
- Гафуров А.* Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. 220 с.
- Гончарова С.М., Гончаров М.Ю., Ермолаенко М.В., Масловский А.Н., Минаев А.П.* Археологические исследования в городе Азове в 2012 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2012 г.: сб. статей / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краевед. музей, 2014. Вып. 28. С. 142-162
- Гудименко И.В.* Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове и Азовском р-не II Азовского археологического отряда в 1991 году // Научный архив Азовского музея-заповедника. Азов, 1992 г. АКМ КВФ-11440/1 АА – 3652
- Гудименко И.В.* Итоги раскопок II азовского археологического отряда и отряда «Дельта» в 1991 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г.: сб. статей / Отв. ред. А.А. Горбенко, В.Е. Максименко. Азов: Азовский краевед. музей, 1993. Вып. 11. С. 12-19.
- Карпов С.П.* История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV в. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с.
- Климанов Л.Г.* Несколько сфрагистических памятников из Северного Причерноморья: находки последних лет // Сугдейский сборник: м-лы VI Судакской междунар. науч. конф. «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 19–22 сентября 2012 г.) / Отв. ред. Н.М. Куковальская. Киев: Видавель Олег Філюк, 2016. Вып. VI. С. 262-289.
- Кравченко С.А.* Парадная керамика из раскопок Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Т. 2. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. С. 539-561.
- Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.: сб. статей / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краевед. музей, 2006. Вып. 21. С. 309-473.
- Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И.* Сельская округа Азака по данным керамических и нумизматических находок. Взаимодействие города и сельского населения // ПА. 2021. № 2 (36). С. 231-247.
- Попов Х.И.* Сведения о древних памятниках, находящихся в земле Войска Донского // Труды I Археологического съезда в Москве. Т. I. М., 1871. С. 166-184.
- Фомичев Н.М.* Печать венецианского дожа Андреа Контарини из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2011 г.: сб. статей / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский краевед. музей, 2013. Вып. 27. С. 207-231.
- Юдин Н.И.* Археологические разведки на территории Азовского и Аксайского районов Ростовской области в 2012 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2012 г.: сб. статей / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский краевед. музей, 2014. Вып. 28. С. 111-130.
- Юдин Н.И., Масловский А.Н., Каземпур М.* Глазурованная чаша с персидскими стихами из Азака // ПА. 2022. № 2. С. 175-183.

Т. Н. Крупа

Татьяна Николаевна Крупа,
Павлодарский педагогический университет,
г. Павлодар, Казахстан;
tatiana.krupa@hotmail.com

Применение РЭМ при изучении технологии изготовления золотных нитей эпохи античности — средних веков*

Аннотация. Тщательное изучение древних текстильных технологий позволяет специалистам развеять многие мифы, сложившиеся в исторической науке из-за недостатка объективного материала. Это также позволяет лучше понять достижение древних цивилизаций, их повседневную жизнь, по-новому посмотреть на уже известные факты и найти новые, присущие той или другой поре истории человечества. Исследование текстильных технологий предусматривает не только рассмотрение прядильно-ткацких характеристик: структуры нити, переплетение основы и утка, плотности ткани, то есть – морфологический анализ образцов; но и анализ сырья, из которого была изготовленная ткань, выделение красителя и определение техники крашения. Учитывая специфику исследуемых объектов, часто это бывает возможным благодаря применению методов естественных наук: химического анализа, микроскопии, рентгенографии, и пр. В статье представлены предварительные результаты широких исследований технологических особенностей золотных нитей с применением растровой электронной микроскопии из раскопок памятников Украины, РФ, Узбекистана и Казахстана.

Ключевые слова: археология, золотные нити, археологический текстиль, растровая электронная микроскопия, Украина, Казахстан

Татьяна Николаевна Крупа,
Павлодар педагогикалық университеті,
Павлодар қ., Қазақстан

Антикалық кезең мен орта ғасырлардағы алтын жіптерді өндіру технологиясын зерттеуде РЭМ қолдану

Аннотация. Ежелгі тоқыма технологияларын мұқият зерттеу мамандарға объективті материалдың болмауына байланысты тарих ғылымында қалыптасқан көптеген мифтерді жоюға мүмкіндік береді. Сондай-ақ, бұл ежелгі өркениеттердің жетістігін, олардың күнделікті өмірін жақсы түсінуге, бұрыннан белгілі фактілерді жаңа көзқараспен қарауға және адамзат тарихына тән жаңа фактілерді табуға мүмкіндік береді. Тоқыма технологияларын зерттеу иіру-тоқу сипаттамаларын қарастыруды ғана емес: жіптің құрылымын, тоқу негіздерін, матаның тығыздығын, яғни үлгілерді морфологиялық талдауды қарастырады; және де мата жасалған шикізатты талдау, бояуды оқшаулау және бояу техникасын анықтау жүргізіледі. Зерттелетін объектілердің ерекшелігін ескере отырып, бұл көбінесе жаратылыстану ғылымдары әдістерін қолдану арқасында мүмкін болады: химиялық талдау, микроскопия, рентгенография және т.б. Мақалада Украина, Ресей Федерациясы, Өзбекстан және Қазақстан ескерткіштері қазбаларынан алынған растрлық электронды микроскопияны қолдана отырып алтын жіптердің технологиялық ерекшеліктерін кеңінен зерттеудің алдына нәтижелері келтірілген.

Түйін сөздер: археология, алтын жіптер, археологиялық тоқыма, растрлық электрондық микроскопия, Украина, Қазақстан

© 2022 Крупа Т.Н.

*Работа частично была выполнена в рамках финансирования проекта Фондом фундаментальных исследований Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (УДК 902+930.2+801, № госрегистрации 0109U000627), тема 13-09 «Исследование золотных нитей из археологического текстиля Украины». Руководителем проекта была Т. Н. Крупа (2009 год).

Tatiana Krupa,
Pavlodar Pedagogical University,
Pavlodar, Kazakhstan

The use of SEM in the study of the technology of manufacturing gold threads of antiquity — the Middle Ages

Abstract. A thorough study of ancient textile technologies allows specialists to dispel many myths that have developed in historical science due to the lack of objective material. It also makes it possible to better understand the achievements of ancient civilizations, their daily life, to look at already known facts in a new way and find new ones inherent in one or another time in the history of mankind. The study of textile technologies involves not only consideration of spinning and weaving characteristics: the structure of the thread, the weave of the warp and weft, the density of the fabric, that is, the morphological analysis of samples; but also the analysis of the raw materials from which the fabric was made, the selection of the dye and the determination of the dyeing technique. Taking into account the specifics of the objects under study, this is often possible due to the use of methods of natural sciences: chemical analysis, microscopy, radiography, etc. The article presents preliminary results of extensive studies of technological features of gold filaments using scanning electron microscopy from excavations of monuments in Ukraine, Russia, Uzbekistan and Kazakhstan.

Keywords: archaeology, golden threads, archaeological textiles, scanning electron microscopy, Ukraine, Kazakhstan

Тщательное изучение древних текстильных технологий позволяет лучше понять достижение древних цивилизаций, их повседневную жизнь, по-новому посмотреть на уже известные факты и найти новые, присущие той или другой поре истории человечества [Крупа 2003: 42–43]. Исследование текстильных технологий предусматривает не только рассмотрение прядильно-ткацких характеристик: структуры нити, переплетение основы и утка, плотности ткани, то есть – морфологический анализ образцов; но и анализ сырья, из которого была изготовленная ткань, выделение красителя и определение техники крашения. Учитывая специфику исследуемых объектов, часто это бывает возможным благодаря применению методов естественных наук: химического анализа, микроскопии, рентгенографии, и проч [Крупа 2000: 112–122; 2001а: 66; 2001б: 75–76; 2001в: 84–85; 2002: 144–149; 2003: 64–65; Кришталь Крупа 2006: 127–129].

Характерной особенностью исследований последних лет является комплексность методов, которые применяются. Особое место занимает как метод исследования растровая электронная микроскопия – применение сканирующего электронного микроскопа. В нашей практике за последние 20 лет был опыт работы со следующим аналогичным оборудованием:

- Jeol JSM 840¹;
- Tescan Vega 3 LMH²;
- JSM-6390 LV (JEOL, Япония)³ Работа любого растрового электронного микроскопа (далее – РЭМ) заключается в получении изображения при помощи детекторов вторичных и

¹ Данная работа проводилась совместно с **А.П. Криштальем**, кандидатом физико-математических наук, старшим научным сотрудником кафедры физических технологий физико-технического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина). Пользуясь случаем, хочу выразить огромную признательность **Александру Петровичу** за плодотворное сотрудничество в области исследования древних технологий.

² Данная работа проводилась совместно с **С.И. Петрушенко**, младшим научным сотрудником физического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина). Пользуясь случаем, хочу выразить огромную признательность **Сергею Ивановичу** за плодотворное сотрудничество в области исследования древних технологий.

³ РЭМ и РФМ в настоящее время проводится нами в Казахстане совместно с Восточно-Казахстанским государственным техническим университетом им. Д. Серикбаева. Пользуясь случаем, хочу выразить огромную признательность **Наталье Анатольевне Куленовой**, к.т.н, ас. профессору, руководителю Центра опережающего развития «Veritas» (ЦОР «Veritas») и **Айдару Беккадиловичу Садибекову**, научному сотруднику сектора спектрометрии и дифрактометрии ЦОР «Veritas» за плодотворное сотрудничество в области исследования древних технологий.

обратнорассеянных электронов, которые работали параллельно и формировали два отдельных изображения. Режим вторичных электронов является наиболее широко используемым при растровых электронно-микроскопических исследованиях. В этом режиме изображение создается *вторичными электронами*, имеющими низкую энергию (порядка нескольких электрон вольт), которая позволяет легко идентифицировать их на общем фоне. Особенности генерации этих электронов и геометрия элементов электронного микроскопа обеспечивает высокий морфологический контраст, т. е. позволяет исследовать морфологию образцов. При работе в режиме *обратнорассеянных электронов* для формирования изображения используются электроны, которые после взаимодействия с образцов изменили направление на фактически на противоположное. Их энергия оказывается сопоставимой с энергией основного пучка, а природа генерации обеспечивает z-контраст, т. е. позволяет качественно судить о распределении элементов в образце. Современные микроскопы позволяют использовать оба типа детекторов одновременно, что существенно расширяет их аналитические возможности.

РЭМ – мощный инструмент позволяющий наблюдать и исследовать поверхности материала. Основное отличие электронного микроскопа от оптического состоит в использовании электронного пучка вместо света и соответственно электромагнитных линз вместо оптических. Поскольку длина волны электронов используемая в электронных микроскопах составляет около 0.01 нм, то такие микроскопы обладают более высокими возможностями, глубиной резкости и позволяют получать большие увеличения по сравнению с оптическими микроскопами.

В РЭМ изображение формируется путем сканирования сфокусированного электронного пучка по поверхности. Процессы взаимодействия электронов с поверхностью образца включают образование вторичных, отраженных электронов, а также характеристического рентгеновского излучения и фотонов разных энергий. Эти сигналы используются для исследования характеристик образца, например состава или топографии поверхности.

Например, в грантовом нашем проекте был использован растровый электронный микроскоп Jeol JSM 840. Он позволяет получать увеличенное изображение поверхности образца с разрешением до 4нм во вторичных электронах и 10нм в отраженных электронах. Микроскоп соединен с персональным компьютером IBM PC, позволяющим с помощью оригинального программного обеспечения сохранять изображения в цифровом виде. В то время как детекторы различных электронов микроскопа (детектор вторичных электронов, детектор отраженных электронов) дают изображение поверхностной структуры и топологии образца, рентгеновский спектрометр дополнительно дает подробную информацию о химическом составе в этом измеряемом пятне образца или в этой локальной области образца.

Качественный анализ. Характеристическое рентгеновское излучение состоит из узких линий эмиссии, которые характерны для химических элементов, содержащихся в образце. Энергия этих линий почти не зависит от химического состояния возбужденных атомов, таким образом, *электронно-зондовый рентгеновский микроанализ (ЕСРМ)* является элементарно-чувствительным. В результирующем энергодисперсионном спектре характеристические рентгеновские пики соответствуют контролируемому пикам. Идентификация этих пиков дает информацию об элементах, присутствующих в образце.

Количественный анализ. Количественные данные по составу образца получают из разных интенсивностей пиков с помощью длительной математической обработки, часто упоминаемой как метод матричной коррекции ZAF, или методом, использующим калибровочные эталоны, PhiRhoZ. Тормозное рентгеновское излучение, формирующее непрерывный спектральный фон, используется как дополнительный источник информации при спектральном анализе методами автокалибровки (метод P/B-ZAF).

В последние годы элементный состав образцов нами определяется методом рентгенофлуоресцентного микроанализа (далее – РФМ) при помощи энергодисперсионной приставки “Bruker XFlash 5010”. Суть работы этого метода — аналогична выше описанной. За последние 20 лет системной работы с РЭМ нами было проведено изучение большого количества образцов золотных нитей текстиля, датирующегося от первых веков до н.э. – по Новое время. География изучения этих нитей: современные Украина, РФ, Казахстан, Узбекистан.

Важное место в этом списке исследований занимает изучение золотных нитей ближневосточного происхождения с территории Украины, РФ и Казахстана и датирующихся I в. до н.э. – V в. н.э. [Крупа 2007: 157–172; Крупа 2013: 217–224]. И хотя разброс датировок объектов довольно широк, технологически эти все нити — производные одного технологического цикла. Все они выполнены из высококачественного золота и имеют фактически идентичные линейно-угловые размеры. Эти же нити можно соотнести с т. н. сарматским горизонтом на территории РФ и Казахстана. Преемником этих нитей являются нити эпохи средневековья, выполненные как из золота, так и из серебра, серебро+золото или даже медь. Такие образцы мы связываем с комплексами древнерусского времени на территории Украины (раскопки Чернигова [Крупа 2011: 303–314]) и (в меньшей степени) с памятниками средневековых кочевников.

По нашему мнению, это связано с размежеванием существовавших тогда торговых путей. Полагаем, что золотные нити ближневосточного происхождения в древнерусском Чернигове можно связать с функционированием магистрального торгового пути «Из варяг в греки» по Днепру. А наличие таких нитей в памятниках кочевников (как видим на примере половецкого погребения Веселая могила, Харьковская обл., Украина) это вторичное использование текстиля [Крупа 2012: 299–314]. Видимо, такое произошло в результате получения кочевниками дорого текстиля в процессе военных походов.

Особняком стоит находка уникальной шелковой ткани на комплексе Аулиеколь (Павлодарская обл., Казахстан). Такого рода золотными нитями из высококачественного золота на этой ткани вышита арабская надпись. Текстиль сегодня хранится в фондах Национального музея Республики Казахстан в г. Нур-Султан.

Кардинально меняется картина использования текстиля с золотными нитями в эпоху Золотой Орды. К уже известным на всех просторах Евразии добавляется элитный текстиль китайского происхождения [Крупа 2008: 215–268; 2009: 294–308; 2010: 341–356; 2019а: 128–142; 2019б: 141–170; 2021: 239–274; Пилипенко и др., 2021: 255–265]. Такое его обилие, разумеется, мы связываем с функционированием широкой сети меридиальных торговых путей, системно связанных с основными магистральными сетями Великого Шелкового пути. Технологически для таких золотных нитей характерно использование органической подложки под металл.

Отметим, что во время эмира Тимура такого технологического рода золотная нить из серебра была применена для вышивки старого покрывала Х.А. Ясави [Крупа 2017: 12–18]. Именно эта технологическая особенность и позволила нам поставить вопрос датировки этого уникального памятника декоративно-прикладного искусства именно временем Тимура. Позже, с окончательным прекращением функционирования Великого Шелкового пути, исчезают и такие нити.

Сегодня нами обрабатываются результаты изучения новых образцов, датирующихся средними веками. Особо место среди них занимают пробы из покрывала с гроба эмира Тимура (Самарканд, Узбекистан). Мы надеемся на интересные и важные результаты для понимания жизни и быта блистательного двора в Самарканде. Говоря о РЭМ как методе изучения древних текстильных технологий, мы можем полностью быть уверенными в полученных результатах — метод отличается высокой точностью. А накопленная нами уникальная статистика дает возможность в будущем

проводить широкие технологические параллели, видеть развитие технологии или же ее угасание. Метод и полученная статистика способны быть важным доказательством и уточнении датировок артефактов, например, при изучении одежд казахской знати, находящихся сегодня в музеях Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- Кришталь А.П., Крупа Т.Н.* Применение растровой электронной микроскопии в исследовании золотной нити начала нашей эры из раскопок Херсонеса Таврического // Иресихона. Античный мир и его наследие / Под ред. Н.Н. Болгова. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Вып. 3. С. 127-129.
- Крупа Т.М.* Застосування методів природничих наук при дослідженні археологічного текстиля IV ст. до н.е. – IV в.н.е. (на прикладі матеріалів Криму) // Археологія. 2000. № 3. С. 112-122.
- Крупа Т.М.* Особливості хіміко-технологічних досліджень археологічного текстилю // Проблеми історії і археології України. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю незалежності України. 16-18 травня 2001 року / Отв. ред. В.Ф. Мещеряков. Харків: ООО «НТМТ», 2001а. С. 66.
- Крупа Т.Н.* Изучение костюма античного Херсонеса: проблемы и пути их решения // Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України (г. Київ, 19–22 листопада 2001 р.). Київ: Изд-во Інститута археології НАН України, 2001б. С. 75-76.
- Крупа Т.Н.* Исследование состава красителей археологических тканей второй половины VII в. до н.э. – IV в. н.э. // Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток. Тези доповідей Ш Міжнародної науково-практичної конференції (г. Київ, 22–24 травня 2001 р.). Київ, 2001в. С. 84-85.
- Крупа Т.Н.* Исследование археологического текстиля: первый опыт и перспективы (к проблеме создания Археометрической лаборатории при Музее археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина) культуры // Нові технології в археології / Отв. Ред. М.А. Филипчук. Київ-Львів: Изд-во Інститута археології НАН України, 2002. С. 144-149.
- Крупа Т.Н.* Предварительные исследования археологического текстиля I в. до н.э. – XIV в. н.э. // Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток. IV Міжнародна науково-практична конференція (г. Київ, 20–23 травня 2003 р.). Київ, 2003. С. 64-65.
- Крупа Т.Н.* Исследование археологического текстиля из раскопок позднескифского Усть-Альминского могильника // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т.Н. Высотской / Под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 157-172.
- Крупа Т.Н.* Исследование костюма золотоордынского времени из кургана 2 группы Токовских могил // Степи Європи в епоху середньовіччя / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2008. Вып. 6. С.215-268.
- Крупа Т.Н.* Текстиль из погребений могильника Мамай-Гора // Андрух С.И., Тоцев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Кн. IV. Запорожье: Запорожский национальный университет, 2009. С. 294-308.
- Крупа Т.Н.* Исследование образцов текстиля золотоордынского времени из могильников «Мамай-Гора» и «Мамай-Сурка» // Степи Європи в епоху середньовіччя / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2010. С. 341-356.
- Крупа Т.М.* Дослідження залишків текстилю давньоруського часу з розкопок Чернігова 2006-2009 рр. // О. Моця, А. Казаков. Давньоруський Чернігів. Київ: Стародавній світ, 2011. С. 303-314.
- Крупа Т.Н.* Парча половецкого времени из кургана «Веселая могила» на Харьковщине // Степи Європи в епоху середньовіччя / Под ред. А.В. Евглевского. Т. 10. Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2012. С. 299-314.
- Крупа Т.Н.* Исследования золотных нитей покрыва Ходжи Ахмета Ясави и вопрос его датировки // Кастеевские чтения — 2017. Культура и искусство в условиях модернизации сознания. К 100-летию Айши Галимбаевой: м-лы науч.-практ. конф. (Алматы, 20.10.2017) / Отв. Ред. Г. Шалабаева. Алматы, 2017. С. 12-18.

- Крупа Т.Н.* Комплекс древних тканей из раскопок Болган Ана в 2018 году: предварительные исследования // Сарыарқа және Алтын Орда: уақыт пен кеңістік. – Сарыарқа и Алтын Орда: время и пространство. – Saryarka and the Golden Horde: time and space. М-лы междунар. конф. «Сарыарқа и Алтын Орда: время и пространство» посвященной 750-летию основания Золотой Орды (Караганды, 23-25 октября 2019 г)/ Под ред. В. Сумера, Н. Кенжеахмета, Т. Смагулова, А. Касеналина, Т. Крупы, О. Канай, С. Есенова. Алматы, 2019б. С.141-170.
- Крупа Т.Н.* Текстиль Павлодарского Прииртышья золотоордынского времени // Uly Dala: tarih pen Mádeniet. Великая Степь: история и культура. The Great Steppe: history and culture. Т.5. Степная мода: костюм и текстиль. Каталог выставки/ Отв. ред. А. Онгарулы. Nur-Sultan, 2019а. С. 128-142.
- Крупа Т.Н.* К вопросу о реконструкции костюма из погребений мавзолеев Сыгнака (раскопки 2019 г.) // Воякин Д.А., Бахтыбаев М.М., Искандерова А.Д. Гавань Дешт–и–Кыпчака. Алматы; Самарканд: МИЦАИ, 2021 С. 239-274.
- Пилипенко С.А., Касеналин А.Е., Крупа Т.Н., Хасенова Б.М.* Проблемы и перспективы изучения бокк на территории Казахстана // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. Вып. XXVII. С. 255-265.
- Gleba M., Krupa T.* Ukraine // Textiles & Textile Production in Europe: From Prehistory to AD 400 // Ed. by Margarita Gleba and Ulla Mannering. Oxbow Book, 2012. P. 399-427.
- Krupa T.* Rechearch of Archaeologic Textiles in Ukraine // 1st Conference of the European Association for the Advancement of Archaeology by Experiment (EXAR) (Vienna, 2003). Vienna, 2003. P. 42-43.
- Krupa T.* Textiles of Chersonesos Taurian in the Roman period // Luxury and dress. Political power and appearance in the Roman empire and its provinces / Ed. C. Alfaro, G. Ortiz Garcám, J. Martínez García. València: Universitat de València, 2013. P. 217-224.

Т. Н. Крупа

Татьяна Николаевна Крупа,
Павлодарский педагогический университет,
г. Павлодар, Казахстан;
tatiana.krupa@hotmail.com

Археологический текстиль как исторический источник и некоторые особенности его сохранности

Аннотация. Вопрос сохранения и консервации археологической органики – один из актуальнейших вопросов мировой реставрационной практики. Особняком в этом большом направлении стоит археологический текстиль: материал – уникальный и раритетный не только по регулярности встречаемости в археологических комплексах, но, особенно, по степени информативности. Первой глубокой проблемой является проблема, которая начинается с момента начала археологических раскопок. Причина проста: несовершенство методик археологических раскопок и фиксации найденного материала, доставшихся в наследство от полевой археологии прошлого. Существующие методики консервации археологического текстиля – несовершенны, поэтому вынуждают специалистов постоянно искать новые, отвечающие требованиям работы с конкретным материалом. Критериями, по которым мы проводили свой выбор методики очистки – это щадящее взаимодействие с объектом работы и безвредность препарата для человека и окружающей среды. Почти на протяжении 20 лет в своей практике мы применяем свою авторскую методику очистки и пластификации текстиля, разработанную нами для очистки шелковой парчи XII в. из раскопок «Веселой могилы» на Харьковщине. Она основана на применении бытового препарата «L.O.C.» производства фирмы «AMWAY».

Ключевые слова: археология, археологический текстиль, археологическая консервация

Татьяна Николаевна Крупа,
Павлодар педагогикалық университеті,
Павлодар қ., Қазақстан

Археологиялық тоқыма тарихи дереккөзі ретінде және оны сақтаудың кейбір ерекшеліктері

Аннотация. Археологиялық органикалық заттарды сақтау және консервациялау мәселесі әлемдік реставрация тәжірибесінің өзекті мәселелерінің бірі болып табылады. Археологиялық тоқыма бұйымдары осы үлкен бағытта ерекшеленеді: археологиялық кешендерде үнемі кездесуі тұрғысынан ғана емес, әсіресе ақпараттық мазмұн дәрежесі бойынша бірегей және сирек кездесетін материал. Бірінші мәселе – археологиялық қазбалар басталған кезден басталатын мәселе. Оның себебі қарапайым: өткен кезеңнің далалық археологиясынан мұраға қалған археологиялық қазбалар мен табылған материалды бекіту әдістемелерінің жетік болмауы. Археологиялық тоқыма бұйымдарын консервациялаудың қолданыстағы әдістері жетілмеген, сондықтан мамандарды белгілі бір материалмен жұмыс істеу талаптарына сәйкес келетін жаңаларын үнемі іздеуге мәжбүр етеді. Біз тазалау әдісін таңдаған критерийлер жұмыс объектісімен өзара әрекеттесуі және препараттың адам мен қоршаған ортаға зияны жоқтығы болып табылады. 20 жылға жуық уақыт бойы біз өз тәжірибемізде тоқыма бұйымдарын тазалау мен пластификациялау үшін Харьковщинадағы “Веселой могилы” қазбасынан алынған XII ғ. жібекті парчаны тазалауға қолданған, өзіміз әзірлеген авторлық әдістемені қолданып келеміз. Ол тұрмыстық «L.O.C.» препаратын қолдануға негізделген. AMWAY фирмасының өнімі.

Түйін сөздер: археология, археологиялық тоқыма бұйымдары, археологиялық консервация

Tatiana Krupa

Pavlodar Pedagogical University,
Pavlodar, Kazakhstan**Archaeological textiles as a historical source and some features of its preservation**

Abstract. The issue of preservation and conservation of archaeological organics is one of the most urgent issues of the world restoration practice. Archaeological textiles stand apart in this big direction: the material is unique and rare not only in terms of the regularity of occurrence in archaeological complexes, but especially in terms of the degree of informativeness. The first deep problem is the problem that begins from the moment the archaeological excavations begin. The reason is simple: the imperfection of the methods of archaeological excavations and the fixation of the found material inherited from the field archaeology of the past. The existing methods of preservation of archaeological textiles are imperfect, therefore they force specialists to constantly look for new ones that meet the requirements of working with a specific material. The criteria by which we carried out our choice of cleaning methods were gentle interaction with the object of work and the harmlessness of the drug for humans and the environment. For almost 20 years in our practice we have been using our own author's method of cleaning and plasticizing textiles, developed by us for cleaning silk brocade of the 12th century from the excavations of the "Vesyolaya Grave" in the Kharkiv region. It is based on the use of the household drug "L.O.C." produced by the company "AMWAY".

Keywords: archaeology, archaeological textiles, archaeological conservation

Вопрос сохранения и консервации археологической органики – один из актуальнейших вопросов мировой реставрационной практики. Особняком в этом большом направлении стоит археологический текстиль: материал – уникальный и раритетный не только по регулярности встречаемости в археологических комплексах, но, особенно, по степени информативности.

Как справедливо отмечает О.В. Орфинская, мало найти текстиль, необходимо обеспечивать его сохранность на протяжении всей цепочки, от места находки, до передачи в реставрацию. Ибо, информация, которую можно получить в результате дальнейших исследований, обширна: это и сам текстиль, и костюм, и торговые связи, и уровень развития текстильных технологий в определенном обществе [Орфинская 2020: 121].

Тщательное изучение древних текстильных технологий позволяет специалистам развеять многие мифы, сложившиеся в исторической науке из-за недостатка объективного материала. Это также позволяет лучше понять достижение древних цивилизаций, их повседневную жизнь, по-новому посмотреть на уже известные факты и найти новые, присущие той или другой поре истории человечества [Крупа 2003: 42–43]. Именно все это заставляло и заставляет специалистов искать новые возможности для все более тщательного сохранения археологического текстиля.

Первой глубокой проблемой является проблема, которая начинается с момента начала археологических раскопок. Складывалась уникальная ситуация: есть погребальные комплексы, есть материал. Но использовать его, например, в целях реконструкции костюма – невозможно. Причина проста: несовершенство методик археологических раскопок и фиксации найденного материала, доставшихся в наследство от полевой археологии прошлого. Единственный, кто попробовал посмотреть на эту проблему постсоветской археологии глобально, – доктор исторических наук С.А. Яценко. Соединяя в себе знания историка костюма и археолога-практика, он разработал свою методику фиксации и описания остатков костюма в погребальных комплексах [Яценко 2006: 367–369].

Мы, опираясь на личный опыт археолога и исследователя костюма, вполне согласны с предложениями коллеги С.А. Яценко. Существует единственное наше замечание по этой методике

в отношении п. 14, где автор дает рекомендации по фиксации и описанию золотных нитей [Яценко 2006: 369]. Прежде всего, мы не согласны с тем, что кожаные изделия необходимо фотографировать только в распрямленном виде. Имея опыт работы (в качестве реставратора-исследователя), мы бы рекомендовали этот материал вырезать из раскопа монолитом с землей. Даже если кожа – сильно смята. По нашему мнению, археолог должен произвести ее фотофиксацию в том виде, в котором она находится в погребении на момент раскопок. Впрочем, это касается не только археологической кожи, но и текстиля, и иной археологической органики. Вырезав монолитом, объект необходимо передать в руки реставратора. Было бы хорошо, если бы в таких археологических исследованиях принимали участие штатные реставраторы.

Отметим, справедливости ради, что такие методы археологических исследований применяются в мире только самыми передовыми научными институциями. А в массовом аспекте все это давным-давно ставит вопрос о реформировании системы подготовки археологов как специалистов, которая на сегодняшний день фактически не учитывает выше изложенной проблемы сохранения археологической органики, требующих от последних освоения специальных навыков [Крупа 2000: 124].

Исследование текстильных технологий предусматривает не только рассмотрение прядильно-ткацких характеристик: структуры нити, переплетение основы и утка, плотности ткани, т. е. – морфологический анализ образцов; но и анализ сырья, из которого была изготовленная ткань, выделение красителя и определение техники крашения. Учитывая специфику исследуемых объектов, часто это бывает возможным благодаря применению методов естественных наук: химического анализа, микроскопии, рентгенографии, и проч [Крупа 2000: 112–122; 2001а: 66; 2001б: 75–76; 2001в: 84–85; 2002: 144–149; 2003: 64–65; Кришталь Крупа 2006: 127–129].

Характерной особенностью исследований последних лет является комплексность методов, которые применяются для одной группы памятников одного времени. По нашему мнению, для более эффективного применения метода исторической реконструкции при изучении органических остатков костюма уместно использовать не только разнообразные методы естественных наук для исследования археологического текстиля, например:

- микроскопию, включая электронную;
 - рентгенографию;
 - химико-технологические исследования, включающие как экспресс-анализы, так и различные методы аппаратных исследований;
 - фитолитный анализ;
 - споро-пыльцевой анализ,
- но и четко следовать, еще на стадии археологических раскопок, двум главным правилам:
- четко фиксировать археологический материал (позволим себе опять сделать тут оговорку и сослаться на освещение этой проблемы выше);
 - строго соблюдать принципы первичной полевой консервации имеющихся фрагментов.

Именно это позволит максимально использовать имеющуюся информацию. Особенно важно неукоснительно соблюдать два последних пункта: фиксация и консервация полевого материала, т. к. именно от этого зависит вся дальнейшая работа исследователя. Применение остальных – дает возможность не только более полно восстановить сам археологический костюм, но попутно изучить древние технологии или древнейшую флору и фауну [Крупа 2001: 75–76].

Особенно интересным направлением в русле различных исторических реконструкций является изучение текстильных красителей – направление, стоящее особняком и в исторической науке, и в реставрационной практике. С 1997 г. автором работы регулярно проводятся исследования древнего

археологического текстиля на предмет состава археологических красителей. Изучение сырьевой базы, используя статистическую корреляцию, велось одновременно по двум направлениям:

- изучался текстиль одного хронологического времени, но различной археологической принадлежности,
- изучался текстиль разной хронологической принадлежности с различных археологических памятников.

Это позволило нам проследить преемственность в технологиях, выделить технологические особенности, уяснить о локальности тех или иных технологий (например, приоритетное использование той или иной протравы). Подобный подход укрепил нашу мысль о том, что текстильные красильные технологии не зависят от этнической принадлежности создателей. Это, как правило, зависит от имеющегося на конкретной территории сырья. Технологии крашения также не зависят от эпохи – сложившиеся однажды по конкретным красителям, они продолжают существовать вплоть до настоящего времени [Крупа 2001г: 152–155; 2000а: 112–122; 2001а: 66; 2003: 64–65; 2001б: 75–76; 2002: 144–149; 2001в: 84–85; 2000б: 237; 2005: 118–121; 2006: 165–169; 2007: 157–172; 2009: 151–156; Gleba Krupa 2012].

В настоящее время, в изучении археологического текстиля важно сотрудничество археологов, историков и реставраторов. Связано это, по нашему мнению, с тем подходом к консервационно-реставрационным мероприятиям, который сложился в последние годы. По мнению А.И. Минжулина, одной из сложнейших проблем, которые стоят перед современной наукой, есть методология проведения археологических раскопок и дальнейшая судьба вещевого материала. Существует много споров и мыслей вокруг вопросов, как проводить раскопки памятников. В отдельности стоит вопрос реставрации, реконструкции и восстановления археологических комплексов. По мнению специалиста, решение этой сложной проблемы, прежде всего, должно проходить под знаком общей государственной программы. Механизм же решения этого многоуровневого вопроса строится на базе тесного сотрудничества археологов и реставраторов [Мінжулін 1999: 137–139]. Такое тесное сотрудничество, вне всякого сомнения, плодотворно не только для узкопрофильной археологии, но и для реставрации.

По мнению экспертов, понятие «научности» в реставрации памятников истории и культуры невозможно без определения цели современной реставрационной деятельности. Последняя, как известно, состоит в сохранении аутентичного памятника. Определение цели реставрационной деятельности предопределяют все нерешительности и споры, которые уже несколько десятилетий ведутся вокруг самого термина «реставрация». Последний означает «воспроизведение» или «восстановление» и не может быть применен к аутентичности: она может быть лишь сохраненная или выявлена. Утраченную аутентичность невозможно «восстановить». Вот почему в большинстве европейских стран вместо термина «реставрация» принятый более адекватный термин «консервация» (сохранение) [Цитович 1998: 171–173]. Имея опыт работы с археологической органикой, считаем, что особенно верный такой подход к археологическим остаткам, т. к. изначальным уровнем аутентичности можно считать тот вид археологического объекта, который сложился на момент археологического раскрытия.

Анализируя применение комплексных научных методов при изучении археологического текстиля, реставратор высшей категории Н.П. Сеницина отмечает, что археологический текстиль – один из наиболее хрупких и нестабильных материалов. Поэтому реставрация коллекций археологического текстиля – одна из самых сложных научных и практических проблем. По сравнению с предметами из металла, камня, стекла, текстильные изделия или фрагменты текстиля представляют собой лишь малую часть материалов, обнаруживаемых во время раскопок. Как

показывает опыт, археологов часто интересуют ткани, только если они имеют четко выраженную эстетическую ценность, тогда как иногда информация, полученная в результате изучения даже самого маленького фрагмента текстиля, может быть очень ценной, например, для того, кто интересуется уровнем развития текстильных технологий в определенный период [Синицина 2003: 144–145]. Дополняя мнение коллеги по этому поводу, отметим, что ситуация стала меняться по отношению к археологической органике (в первую очередь, интересующим нас остаткам костюма – ткани и коже) только в последние годы.

Тесное сотрудничество музееведов и экспериментаторов в области изучения археологического текстиля дает интереснейшие выводы. Кроме всестороннего изучения текстиля с помощью естественнонаучных методов, была проведена уникальная статистическая обработка, что, в свою очередь, позволяет накопить определенную базу данных по историко-археологическому текстилю, и в дальнейшем разрабатывать на ее основе различные исторические вопросы [Орфинская, Голиков 1999: 146–150].

В настоящее время нами проводится работа над созданием репозитория археологического текстиля Степного пояса Евразии как специфической базы данных, позволяющей соотносить находки археологического текстиля и полученные при изучении результаты. Существующие методики консервации археологического текстиля – несовершенны, поэтому вынуждают специалистов постоянно искать новые, отвечающие требованиям работы с конкретным материалом. Критериями, по которым мы проводили свой выбор методики очистки – это щадящее взаимодействие с объектом работы и безвредность препарата для человека и окружающей среды.

Почти на протяжении 20 лет в своей практике мы применяем свою авторскую методику очистки и пластификации текстиля, разработанную нами для очистки шелковой парчи XII в. из раскопок «Веселой могилы» на Харьковщине [Крупа 2005: 165–168]. Она основана на применении бытового препарата «L.O.C.» производства фирмы «AMWAY». Как известно, препараты этого производителя уже используются для работы с различными видами исторических объектов [Ляшенко 1999: 127–129]. Учитывая хорошую сохранность текстиля мы выбрали оптимальный процентный состав раствора «L.O.C.».

Как отмечают производители, препарат состоит из свежего кокосового масла с добавлением аминокислот. Наличие масляной основы, вне всякого сомнения, способствует пластификации органики. Особо необходимо сказать об аминокислотах. Аминокислотами называются органические кислоты, содержащие одну или несколько аминогрупп. Как известно, аминокислоты являются основным «строительным материалом» для синтеза специфических тканевых белков, ферментов, пептидных гормонов и других физиологически активных соединений. Аминокислоты широко используются в современной фармакологии. Аминокислоты – естественные составляющие любых белковых соединений, включая шелк (составляющий белок: фиброин, из группы склеропотеинов). Следовательно, полученный эффект первичной пластификации (так мы назвали восстановление частичной пластичности ткани в результате промывки) – это воздействие как кокосового масла, находящегося в составе препарата, так и, безусловно, аминокислот. Происходит это за счет хорошей гигроскопичности шелка.

Отметим, что производители утверждают, что их препарат – имеет бактерицидные свойства. Это было подтверждено и исследованиями Е.В. Астаховой [Астахова 2005: 10–11] при работе с образцами из «Веселой могилы». Учитывая необходимость стабилизации грибков при работе с археологической органикой (как хорошо известно, в имеющихся методиках для этого применяются тимол, нипагин и пр.) это обстоятельство является очень важным для дальнейшей сохранности текстиля.

Как свидетельствуют наблюдения за текстилем из кургана «Веселая могила» (Украина) в течении 15 лет, деструктивных процессов в текстиле не наблюдается [Крупа 2005: 165–168]. Стабильные результаты сохранности показывает и обработанный таким образом в 2010 г. археологический текстиль из раскопок Саурана (Казахстан), который хранится в настоящее время в Национальном музее Республики Казахстан (г. Нур-Султан) [Крупа 2021: 77–87].

ЛИТЕРАТУРА

- Астахова Е.В.* Микробиологическая экспертиза археологического текстиля XII в. из раскопок «Веселой могилы» (фонды Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В.Н. Каразина) // Тези доповідей V Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток». Киев, 2005. С. 10-11.
- Кришталь А.П., Крупа Т.Н.* Применение растровой электронной микроскопии в исследовании золотой нити начала нашей эры из раскопок Херсонеса Таврического // Ирсихона. Античный мир и его наследие/ Под ред. Н.Н. Болгова. Вып. 3. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. С. 127-129.
- Крупа Т.Н.* К вопросу об извлечении и первичной консервационной обработке археологического текстиля // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Под ред. С.Д. Крыжицкого. Киев, 2000. С. 124.
- Крупа Т.М.* Застосування методів природничих наук при дослідженні археологічного текстиля IV ст. до н.е. – IV в.н.е. (на прикладі матеріалів Криму) // Археологія. 2000а. № 3. С. 112-122.
- Крупа Т.Н.* Исследование текстиля и войлока из кургана второй половины 7 в. до н.э. Караванской группы // Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени Харьковской области (северодонецкий вариант). - Киев: Институт археологии НАН Украины, 2000б. С. 237.
- Крупа Т.М.* Дослідження тканин IV ст. до н.е. з розкопок некрополя Беш-Оба (Ак-кая. Курган 4. Поховання 2) // Музейні читання. Матеріали наукової конференції, грудень 2000 р. Киев, 2001г. С. 152-155.
- Крупа Т.М.* Особливості хіміко-технологічних досліджень археологічного текстилю // Проблеми історії і археології України. Матеріали міжнародної наукової конференції, посвященої 10-літтю незалежності України. 16-18 мая 2001 года / Отв. ред. В.Ф. Мещеряков. Харьков: ООО «НТМТ», 2001а. С. 66.
- Крупа Т.Н.* Изучение костюма античного Херсонеса: проблемы и пути их решения // Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України (г. Киев, 19–22 листопада 2001 р.). Киев: Изд-во Института археологии НАН Украины, 2001б. С. 75-76.
- Крупа Т.Н.* Исследование состава красителей археологических тканей второй половины VII в. до н.э. – IV в. н.э. // Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток. Тези доповідей Ш Міжнародної науково-практичної конференції (г. Киев, 22–24 травня 2001 р.). Киев, 2001в. С. 84-85.
- Крупа Т.Н.* Исследование археологического текстиля: первый опыт и перспективы (к проблеме создания Археометрической лаборатории при Музее археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина) культуры // Нові технології в археології / Отв. Ред. М.А. Филипчук. Київ-Львів: Изд-во Института археологии НАН Украины, 2002. С. 144-149.
- Крупа Т.Н.* Предварительные исследования археологического текстиля I в. до н.э. – XIV в. н.э. // Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток. IV Міжнародна науково-практична конференція (г. Киев, 20–23 травня 2003 р.). Киев, 2003. С. 64-65.
- Крупа Т.Н.* Археологический текстиль скифского времени Харьковщины // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія, археологія, краєзнавство. Харків; Курсор, 2005. Число 5. С. 118-121.
- Крупа Т.Н.* Методика консервации археологического текстиля ХП в. из раскопок «Веселой могилы» (фонды Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В.Н. Каразина) с применением препарата «L.O.C.» производства фирмы «AMWAY» // Тези доповідей V Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток». Киев, 2005. С. 165-168.

- Крупа Т.Н.* Изучение археологического текстиля скифского времени Харьковщины//Музейні читання (Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України - філіалу Національного музею історії України, 5 - 6 грудня 2005 р.). Киев, 2006. С. 165-169.
- Крупа Т. Н.* Исследование археологического текстиля из раскопок позднескифского Усть-Альминского могильника// Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской / Под ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 157-172.
- Крупа Т.Н.* Исследование археологической органики из скифского кургана Близнаец-2//Ромашко В.А., Скорий С.А. Близнаец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск.: Пороги, 2009. С. 151-156.
- Крупа Т.Н.* Консервация и исследование археологической органики (кожа и текстиль)// Смагуловский сборник. Специальный выпуск Вестника Института центральноазиатских исследований. 2021. Вып. 32. С. 77-88.
- Ляшенко М.М.* Пошуки нешкідливих для фарбового шару та здоров'я матеріалів, які використовуються у реставрації станкового, темперного та олійного живопису. «ZOOM», як новий розчинник у реставрації// Тези доповідей П Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток» (Київ, 26–28 травня 1999 р). Киев, 1999. С. 127-129.
- Мінжулін О.І.* Проблема дослідження археологічних комплексів // Тези доповідей П Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток» (Київ, 26–28 травня 1999 р). Киев, 1999. С.137-139.
- Орфинская О.В., Голиков В.П.* Комплексное экспериментальное исследование археологического текстиля XII – XIV вв. из раскопок на Водянском и Селитренном городищах на территории Золотой Орды//Тези доповідей П Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток» (Київ, 26–28 травня 1999 р). Киев, 1999. С. 146-150.
- Орфинская О.В.* От Египта до Китая: Методический подход к выявлению и сохранению особого объекта наследия – исторических текстильных технологий // Genesis: исторические исследования. 2020. № 4. С. 121-139.
- Синицина Н.П.* Приминение комплексных научных исследований в реставрации археологического текстиля (на примере археологического материала музеев Московского Кремля)//Проблеми збереження, консервації та реставрації музейних пам'яток: II Міжнародна науково-практична конференція. 20 – 23 травня 2003 р. Киев, 2003. С. 144-145.
- Цитович В.І.* До аналізу поняття «наукова реставрація»// Проблеми збереження, консервації та реставрації музейних пам'яток: П Міжнародна науково-практична конференція. 27–29 травня 1998 р. Киев, 1998. С. 171-173.
- Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
- Gleba M., Krupa T.* Ukraine// Textiles & Textile Production in Europe: From Prehistory to AD 400 // Ed. by Margarita Gleba and Ulla Mannering. Oxbow Book, 2012. P. 399-427.
- Krupa T.* Rechearch of Archaeologic Textiles in Ukraine // 1st Conference of the European Association for the Advancement of Archaeology by Experiment (EXAR) (Vienna, 2003). Vienna, 2003. P. 42-43.

Е. Г. Шалахов

Евгений Геннадьевич Шалахов,
Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева»,
г. Юрино, Россия; shalahof@yandex.ru

Вандализм на памятнике археологии (ситуация с Юринской стоянкой в Среднем Поволжье)

Аннотация. В статье исследуется вопрос о сохранении объектов археологического наследия в Волго-Ветлужском междуречье (западная часть Республики Марий Эл). Особое внимание автора уделено археологическим памятникам, открытым и исследованным Марийской археологической экспедицией. Есть ряд публикаций, посвященных рассмотрению негативного влияния на памятники археологии со стороны так называемых «чёрных археологов». Невежество обывателей и агрессивные действия хулиганов представляют не меньшую опасность для археологических объектов, ставших достопримечательностями. Показательна в этом отношении судьба Юринской стоянки эпохи ранней бронзы (чирковская культура), раскопанной в прошлом веке. В недавнем прошлом Юринская стоянка вызывала значительный интерес как эталонный памятник региональной археологии. В 2016 г. на Юринской стоянке был установлен информационный щит, который был поврежден неизвестными вандалами. Есть опасения, что подобные действия могут повториться на других объектах археологического наследия. В этой связи необходимо принять меры по предотвращению актов вандализма, направленных против сохранения памятников древности.

Ключевые слова: археологический памятник, вандализм, наследие, Юринская стоянка

Евгений Геннадьевич Шалахов,
Марий Эл республикасының «Шереметев Сарайы»
Мемлекеттік бюджеттік мәдениет мекемесі, Юрино қ., Ресей

Археология ескерткішіндегі вандализм (Орталық Волга бойындағы Юрин тұрағының жағдайы)

Аннотация. Мақалада Волга-Ветлуга өзенаралығындағы (Мари Эл Республикасының батыс бөлігі) археологиялық мұра объектілерін сақтау мәселесі зерттеледі. Мари археологиялық экспедициясы ашқан және зерттеген археологиялық ескерткіштерге автор ерекше назар аударды. Археологиялық ескерткіштерге «Қара археологтардың» теріс әсерін қарастыруға арналған бірқатар жарияланымдар бар. Тұрғындардың білмеуі және бұзақылардың агрессивті әрекеттері көрікті жерлерге айналған археологиялық орындар үшін аз қауіп төндірмейді. Бұл тұрғыда өткен ғасырда қазылған ерте қола дәуірінің (Чирков мәдениеті) Юрин тұрағының тағдыры көрсеткіш. Жақында Юрин тұрағы аймақтық археологияның эталондық ескерткіші ретінде үлкен қызығушылық тудырды. 2016 жылы Юрин тұрағында ақпараттық қалқан орнатылды, оны белгісіз вандалдар зақымдаған. Мұндай әрекеттер археологиялық мұраның басқа нысандарында қайталануы мүмкін деген қорқыныш бар. Осыған байланысты ежелгі ескерткіштерді сақтауға қарсы бағытталған вандализм актілерінің алдын алу шараларын қабылдау қажет.

Түйін сөздер: археологиялық ескерткіш, вандализм, мұра, Юрин тұрағы

Evgeny Shalakhov,
State Budgetary Institution of Culture
Republic of Mari El «Sheremetev Castle»,
Yurino, Russia;

**Vandalism on the monument of archaeology
(The situation with the Yurinsky site in the Middle Volga region)**

Abstract. The article examines the issue of the preservation of archaeological heritage sites in the Volga-Vetluzhsky interfluvium (the western part of the Republic of Mari El). The author pays special attention to the archaeological monuments discovered and explored by the Mari Archaeological Expedition. There are a number of publications devoted to the consideration of the negative impact on the monuments of archaeology by the so-called “black archaeologists”. The ignorance of the townsfolk and the aggressive actions of hooligans are no less dangerous for archaeological sites that have become landmarks. The fate of the Yurinsky site of the Early Bronze Age (Chirkovsky culture), excavated in the last century, is indicative in this regard. In the recent past, the Yurinsky site aroused considerable interest as a reference monument of regional archaeology. In 2016, an information board was installed at the Yurinsky site, which was damaged by unknown vandals. There are fears that similar actions may be repeated at other sites of archaeological heritage. In this regard, it is necessary to take measures to prevent acts of vandalism against the preservation of ancient monuments.

Keywords: archaeological monument, vandalism, heritage, Yurinsky site

Юг Волго-Ветлужского междуречья – уникальный археологический микрорайон с десятками информативных памятников первобытной археологии. Здесь В.В. Никитиным выделена майданская культура [Никитин 2021а: 86; 2021б: 126] и открыт редкий для Марийского Поволжья Юринский (Усть-Ветлужский) могильник сейминско-турбинского типа [Никитин, Кузьмин 2021: 90].

Большую и результативную работу по учету и проверке сохранности памятников археологии в конце прошлого столетия проделал НПЦ по охране и использованию памятников Министерства культуры. «Инвентаризация проводилась таким образом, что на каждый археологический памятник составлялся акт технического состояния, охранное обязательство, подписываемое Госорганом охраны памятников и пользователем земли. В документах отражались юридический адрес, местонахождение, площадь, состояние памятника и его зоны охраны на момент обследования» [Михеева 2000: 17].

Сотрудники НПЦ передали специалистам сельских советов все необходимые материалы для использования в охранных мероприятиях. Например, пакет документов на каждый из обследованных археологами памятников получила администрация Горношумецкого сельского совета (руководитель – Е.Г. Сидорова). Думаю, сотрудники НПЦ в конце 1990-х гг. рассчитывали, что муниципальные чиновники организуют встречи с населением местных деревень по вопросу бережного отношения к объектам археологического наследия, но, увы, эта работа не велась. Вскоре охранные документы по памятникам Горношумецкой округи, как и весь архив сельского совета, были уничтожены огнём. Пожар в здании сельского совета, случившийся в конце 2000 г., на первый взгляд, не мог сильно навредить археологическому наследию, однако стал тревожным фактом, касающимся будущей судьбы памятников древности Волго-Ветлужского междуречья.

В последнее время к числу незаслуженных бед (деятельность «чёрных археологов», разрушение древних сооружений во время войн и т. д.), обрушившихся на памятники археологии [Шнирельман 2020: 79–82], добавилась ещё одна – разгул обывательского вандализма. Превращение рекультивированных раскопов или вовсе не изученных стационарными раскопками памятников в стихийные свалки твёрдых бытовых отходов – достаточно распространённое зло [Никитина 2020: 3].

Гораздо хуже, когда местоположение памятника археологии известно всем местным жителям, но на его поверхности появляется импровизированный стол, скамейки и мангал, как в случае с Майданским IV поселением энеолитического времени [Шалахов 2012: 209].

Следующим поселенческим памятником, который пострадал от действий вандалов, стала Юринская стоянка средневожской чирковской археологической культуры [Никитин 2009: 229]. Стационарные раскопки стоянки были завершены в 2000 г. В текущем столетии коллекция находок с памятника полностью введена в научный оборот [Никитин, Соловьев 2003: 98–108; Шалахов 2013: 5; Шалахов 2017: 1153]. Решается вопрос о музеефикации первобытной стоянки [Шалахов 2021: 65–67].

Высокий статус охраняемого государством эталонного памятника археологии Юринская стоянка получила ещё в прошлом веке – вышло Постановление Совета министров Марийской АССР за № 459 от 30.07.1960 г.

Установленный летом 2016 г. информационный щит «Юринская стоянка» (макет разработан сотрудниками отдела археологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева) призван был маркировать этот статус.

Примечательно, что информационный щит на раскопанной площадке поселенческого объекта первобытной археологии (рис. 1) появился перед началом работы в Юрине межрегиональной научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации

Рис. 1. Информационный щит на Юринской стоянке. Август 2016 г. Фото Е.Г. Шалахова

археологического наследия» (13–16 августа 2016 г.). Конференция была посвящена 60-летию Марийской археологической экспедиции (МарАЭ). Участники мероприятия сделали памятное фото на фоне новой достопримечательности в парковой зоне Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева».

Несмотря на тот факт, что рекультивированные раскопы Юринской стоянки активно посещались местными жителями и туристами, до осени 2020 г. общее техническое состояние информационного щита было практически безукоризненным. Позже неизвестные лица повредили крепеж, державший щит на металлической стойке. Весной 2021 г., во время очередного посещения Юринской стоянки, автор статьи обнаружил информационный щит лежащим на земле среди бытового мусора и остатков современного кострища (рис. 2).

Через некоторое время (к июлю 2021 г.) бесследно исчезла металлическая стойка, к которой ранее крепился информационный щит на стоянке (рис. 3). Любопытно, что вскоре после этого Юрино посетила группа экспедиционеров из Козьмодемьянского музейного комплекса (руководитель группы КМК – В.Л. Шерстнев), подобравшая щит на периферии Юринской стоянки. Снимок группы Шерстнева со щитом был опубликован на «стене» блога КМК ВКонтакте в конце лета того же 2021 г.

Рис. 2. Акт вандализма на Юринской стоянке – сорванный информационный щит. Май 2021 г. Фото Е.Г. Шалахова

Зафиксированный мной акт вандализма на Юринской стоянке стал продолжением своего рода «традиции», укоренившейся в самом районном центре в новейшее время. В послереволюционном селе была разрушена крепостная стена Шереметевской усадьбы, а спустя восемь десятилетий (уже в постперестроечный период) варварски снесено здание бывшего валяльно-войлочного комбината, главный заводской корпус которого возведен из кирпича, полученного при сломе поместья.

Надо полагать, что в ситуации с поверженным информационным щитом на Юринской стоянке мы столкнулись отнюдь не с подростковым вандализмом. Проблема здесь другого плана и связана она, очевидно, с взрослыми людьми. По С. Козну, налицо 4-й тип вандализма – «вандализм как мщение» [Cohen 1973: 57–58]. Для него характерно разрушение в ответ на некую обиду или оскорбление. Кроме того, «объект разрушения может быть лишь косвенно или символически связан с первичным источником враждебности» [Терехина 2016: 141].

Рис. 3. Юринская стоянка. Современное состояние памятника археологии.
Июль 2021 г. Фото Е.Г. Шалахова

Не совсем понятны мотивы поступка «народных мстителей». Что это? Неужели попытка свести счёты с кем-то, кто летом 2016 г. устанавливал на Юринской стоянке информационный щит? К сожалению, пока никто не расследовал этого дела и не искал виновного или виновных. В Юрине есть специалист по охране памятников, но он вряд ли знает о печальном событии на стоянке. К тому же, в археологии этот человек не разбирается и ею практически не интересуется.

В процессе работы над статьей я обратился к упомянутому выше коллеге из Козьмодемьянского комплекса с просьбой предоставить некоторые фотоматериалы по памятникам археологии Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл. В.Л. Шерстнев в своем ответном письме вспомнил об акте вандализма, связанном с ещё одним эталонным памятником археологии – Пепкинским курганом абашевской культуры, изученным в 1960 г. казанским археологом А.Х. Халиковым [Никитин, Соловьев 1990: 162; Иванов 2016: 141]. По словам В.Л. Шерстнева, на реконструированной насыпи Пепкинского кургана ещё десять лет тому назад стоял деревянный антропоморфный идол, который был спилен и уничтожен из-за боязни, что ему будут поклоняться современные язычники. Виновный был найден и осужден.

Для меня ясно одно: необходим целый комплекс охранных мероприятий, направленных на обуздание вандализма. Например, определенный эффект могли бы дать такие меры, как установка видеонаблюдения возле объекта археологического наследия и огораживание территории памятника.

Подводя итог, отмечу важность фиксации каждого факта, связанного с действиями вандалов, чтобы в дальнейшем глубже изучить данную проблему и разработать стратегию антивандальной работы в каждом конкретном регионе Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов А.И.* А.Х. Халиков и изучение эпохи бронзы в Марийском Поволжье // ПА. 2016. № 3 (17). С. 139-148.
- Михеева А.И.* Основные проблемы и направления охраны археологического наследия Республики Марий Эл // Новые археологические открытия в Среднем Поволжье: Сборник статей / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2000. С. 16-18.
- Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: ОАО «МПИК», 2009. 416 с.
- Никитин В.В.* Культура двух эпох в Волго-Вятском междуречье. Феномен майданской культуры средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности. Часть 1 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021а. Т. 3. № 2 (10). С. 86-99.
- Никитин В.В.* Культура двух эпох в Волго-Вятском междуречье. Феномен майданской культуры средневожского варианта волосовской культурно-исторической общности. Часть 2 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021б. Т. 3. № 3 (11). С. 126-132.
- Никитин В.В., Кузьмин Е.П.* 65 лет Марийской археологической экспедиции: поиски и открытия продолжаются // Финно-угроведение. 2021. № 1 (62). С. 87-97.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Атлас археологических памятников Марийской ССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1990. 244 с.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Юринская стоянка (по раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань: Изд-во Поверенный, 2003. С. 98-108.
- Никитина Т.Б.* Красногорский могильник IX–XI вв. К истокам марийской культуры. Йошкар-Ола: Виста-Принт, 2020. 14 с.
- Терехина О.А.* Социальные характеристики лиц, склонных к вандализму // Инновационная наука. 2016. № 10-3. С. 139–143.
- Шалахов Е.Г.* Майданские и Сутырские энеолитические поселения: современное состояние и новые артефакты // Музей и культурное наследие в социокультурном пространстве регионов России и финно-угорского мира. М-лы Международной научно-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения Тимофея Евсеевича Евсеева. Йошкар-Ола: Виста-Принт, 2012. С. 207–211.
- Шалахов Е.Г.* Археология Шереметевской усадьбы в пос. Юрино Республики Марий Эл: комплекс находок 2000–2011 годов с Юринской стоянки эпохи бронзы // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1 (17). С. 5.
- Шалахов Е.Г.* Кремневый комплекс Юринской стоянки эпохи раннего металла в Марийском Поволжье: новые материалы // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. С. 1153.
- Шалахов Е.Г.* Юринская стоянка: к проблеме музеефикации памятника // Рогачевские чтения: музей, археология, история: М-лы Международной научно-практ. конф., приуроченной к 30-летию музея-заповедника «Костенки», Воронеж, 26–27 августа 2021 года / Департамент культуры Воронежской области, Государственный археологический музей-заповедник «Костенки». Воронеж: Полиграфический центр «Пресс-Бургер», 2021. С. 65-67.
- Шнирельман В.А.* Археология, культурное наследие, вандализм и вооруженные конфликты // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 79-88.
- Cohen S.* Destruction of property: Motives and meanings // Vandalism / Ed. by C. Ward. London: The Architectural Press, 1973. 346 p.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АлтГУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН КиргССР –	Академия наук Киргизской ССР. Фрунзе
АН РТ –	Академия наук Республики Татарстан. Казань
АН РУз. –	Академия наук Республики Узбекистан. Ташкент
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АН УзССР –	Академия наук Узбекской ССР. Ташкент
АО РГО –	Алтайское отделение Русского географического общества. Барнаул
АРТ –	Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад/Душанбе; Москва
БелГУ –	Белгородский государственный университет. Белгород
БНЦ СО РАН –	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ –	Вестник древней истории. Москва
ГАГУ –	Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск
ГАИМК –	Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград
ГРВЛ –	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва
ДонНУ –	Донецкий национальный университет. Донецк
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
ИАЭТ СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИАЭ –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР. Алма-Ата

ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИЭА РАН –	Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Москва
КазНУ –	Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Алматы
ККНИИГН ККОАНРУз –	Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения академии наук Республики Узбекистан. Нукус
ККО АН РУз. –	Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан
КРИПКиПРО –	Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. Кемерово
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР/ Российской академии наук. Москва
МарНИИЯЛИ –	Марийский Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МИЦАИ –	Международный Институт центральноазиатских исследований. Самарканд
МОН РК –	Министерство образования и науки Республики Казахстан
НАВ –	Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НАН РК –	Национальная Академия наук Республики Казахстан
НАН Украины –	Национальная Академия наук Украины
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИИ реставрации МКиТРФ –	Научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры и туризма Российской Федерации. Москва
НИЦИА «Бегазы- Тасмола»	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы
ПА –	Поволжская археология. Казань
ПИДО –	Проблемы истории докапиталистических обществ. Москва-Ленинград: ГАИМК
ПТКЛА –	Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РА –	Российская археология. Москва

СА –	Советская археология. Москва
САИПИ –	Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово
СамГУ –	Самаркандский государственный университет. Самарканд
СО РАН –	Сибирское отделение Российской академии наук. Новосибирск
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
ТСАЭ –	Труды Семиреченской археологической экспедиции. Москва, Ленинград
ТХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТомГУ –	Томский государственный университет. Томск
УрО РАН –	Уральское отделение Российской академии наук. Екатеринбург
ФГБОУ ВО –	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ХАЭЭ –	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ХҚТУ ТАЭ –	Халықарлық қазақ-түрік университетінің Тұран археологиялық экспедициясы
ЦГМ РК –	Центральный Государственный музей Республики Казахстан. Алматы
ЮФУ –	Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону
ICOMOS –	The International Council on Monuments and Sites. France
JAS –	Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ – CONTENT

Мустафаев Ш.М. (<i>Баку, Азербайджан</i>) Образ Ходжа Ахмеда Ясави в средневековой турецкой агиографической литературе	7
Карлыбаев М.А. (<i>Нукус, Каракалпакстан, Узбекистан</i>) К истории ислама в Хорезме и Южном Приаралье	13
Овчаров Н.Д. (<i>София, Болгария</i>), Станев М.Й. (<i>Варна, Болгария</i>) Ранний болгарский шаманизм	23
Рогожинский А.Е. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Современный этап изучения наскального искусства в Казахстане и Средней Азии	34
Каримова Г.Р. (<i>Душанбе, Таджикистан</i>) О служителях культа древнего оседлого и кочевого населения (по письменным и археологическим материалам)	53
Байтанаев Б.А., Горячев А.А. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Исследования археологического комплекса пещеры Туттыбулак-I в 2015–2022 гг.	67
Ситдииков А.Г., Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. (<i>Казань, Россия</i>) Международная археологическая школа и её роль в сохранении и использовании археологического наследия Евразии	88
Ержигитова А.А. (<i>Шымкент, Казахстан</i>), Бейсембаева Л.С. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Городище Сауран как потенциальный объект для включения в список Всемирного наследия ЮНЕСКО	95
Айтбаева А.Е. (<i>Алматы, Қазақстан</i>) А.Н. Бернштамның ғылыми экспедициялары	102
Аржанцева И.А. (<i>Москва, Россия</i>) Уральско-Устьюртский маршрут Хорезмской экспедиции 1950 года в архивных материалах (дневник Марка Орлова)	109
Водясов Е.В., Зайцева О.В. (<i>Усть-Каменогорск, Казахстан</i>) Горнорудная археология Большого Алтая: проблемы прошлого и перспективы будущего	124
Гонтарь М.И., Айтуреев А.М., Мирхашимов И.Х., Кубеков Т.А. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Построение внутренней структуры погребальных курганов на основе геофизических изысканий	129
Акулов А.Г. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) От Окунева до «небесных» тюрок: принцип мегарона в мемориальной архитектуре евразийских степей	139
Чернов М.А. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Мужской головной убор из могилы № 4 кургана Тилля-Тепе. Реконструкция	149
Алексеева В.Е. (<i>Барнаул, Россия</i>) История антропологического изучения раннесредневекового населения Горного Алтая	160

Кольченко В.А. (Бишкек, Кыргызстан), Тулуш Д.К., Ситдииков А.Г., Бездудный В.Г. (Казань, Россия)	Предварительные результаты исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021–2022 гг.	164
Жетібаев К.М., Сиздииков Б.С., Бахтыбаев М.М. (Түркістан, Қазақстан)	Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2021–2022 жылдары жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижелері	184
Аяган Б. (Нур-Султан, Қазақстан)	Город Сыгнак и округ Туркестана в период правления Шибанидов: материальная культура и архитектура	195
Искандерова А.Д., Султанова М.Н. (Самарканд, Узбекистан)	Архитектурный декор средневекового Хорезма и его аналогии в архитектуре мавзолеев Южного Казахстана	203
Мұрғабаяев С.С., Бахтыбаев М.М., Малдыбекова Л.Ж. (Түркістан, Қазақстан)	2022 жылы Көккесенеде жүргізілген зерттеулердің нәтижелері	216
Гюль Э.Ф. (Ташкент, Узбекистан)	Искусство периода правления Шейбанидов: основные тенденции	223
Лурье П.Б. (Санкт-Петербург, Россия)	К согдийской эпиграфике Средней Сырдарьи и Семиречья	231
Петров П.Н., Белтенев Ж.М. (Алматы, Қазақстан)	Третий Алматинский 2021 г. клад серебряных монет XIV в. Чагатайдского ханства	235
Бугарчев А.И. (Казань, Россия), Петров П.Н. (Алматы, Қазақстан), Шайхутдинова Е.Ф. (Казань, Россия)	Монеты Хаджи-Тархана XV в. из клада Караульная Гора (по материалам из фондов НМ РТ)	242
Мусакаева А.А. (Ташкент, Узбекистан)	Гирьки из Чача	248
Юдин Н.И. (Азов, Россия)	Печати купцов из золотоордынского Азака	256
Крупа Т.Н. (Павлодар, Қазақстан)	Применение РЭМ при изучении технологии изготовления золотных нитей эпохи античности — средних веков	264
Крупа Т.Н. (Павлодар, Қазақстан)	Археологический текстиль как исторический источник и некоторые особенности его сохранности	270
Шалахов Е.Г. (Юрино, Россия)	Вандализм на памятнике археологии (ситуация с Юринской стоянкой в Среднем Поволжье)	277
Қысқартулар тізімі – Список сокращений – List of Abbreviations		283

Ғылыми басылым

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы
V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық.
Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 5 том. 288 б.

Научное издание

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 5. 288 с.

Scientific edition

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022).
In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 5. 288 p.

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, А.Е. Айтбаева – қазақ тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау
Я.С. Шаяхметова – ағылшын тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова, А.Е. Айтбаева
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Aigerim Aitbayeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 15.08.2022 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 30,24. Calibri гарнитурасы. Таралымы 140 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 15.08.2022 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 30,24. Гарнитура Calibri. Тираж 140 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology.
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 15.08.2022. Format 84×108 1/16
Printed sheet 30,24. Calibri headset. Circulation 140 copies.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online